Дивер Джеффри

ПОД НАПРЯЖЕНИЕМ

Мэрисью Ручи, исключительному редактору.

Черт, здесь нет никаких правил. Мы пытаемся хоть как-то свести концы с концами.

Эдисон (о первой электрической цепи)

I

ЭЛЕКТРОМОНТЕР

Та часть человека, что ниже шеи, стоит не больше пары долларов, ценность же той части, что выше, ограничена лишь способностями его мозга.

Эдисон

1

Утренний дежурный в комплексе центра управления энергетической компанией «Алгонкин консолидейтед», занимающем обширную территорию в Нью-Йорке в районе Куинс на Ист-Ривер, нахмурился, увидев на экране своего компьютера красную мигающую надпись:

КРИТИЧЕСКИЙ СБОЙ.

В нижней части экрана застыло указание на точное время произошедшего: 11:20:20:003.

Дежурный поставил на стол бело-голубой картонный стаканчик с кофе, на котором были изображены древнегреческие атлеты, и резко выпрямился в скрипучем вращающемся кресле.

Каждый сотрудник центра управления энергетической компанией сидел перед собственным компьютером, напоминая авиадиспетчера. Огромное помещение центра было ярко освещено: главным объектом здесь являлся массивный плоский монитор, на котором отражался процесс передачи электроэнергии по единой энергосистеме, известной под названием «Северо-Восточное объединение» и поставлявшей электричество Нью-Йорку, Пенсильвании, Нью-Джерси и Коннектикуту. Стиль и архитектуру центра управления вполне можно было бы назвать современными, если бы речь шла о шестидесятых годах XX века.

Дежурный, прищурившись, взглянул на большой монитор, демонстрировавший, как «электрический сок» прибывает по сетям с производящих его по всей стране электростанций: с паровых турбин, реакторов и гидроэлектростанций на плотине у Ниагарского водопада. И в каком-то крошечном уголке этого хитросплетения тонких полосочек, обозначавших линии электропередачи, произошел сбой. На экране пульсировал красный кружок — серьезная авария.

— Что случилось? — спросил дежурный. Седой, подтянутый, едва начинавший полнеть, в белой рубашке с короткими рукавами, он тридцать лет проработал в электроэнергетике. Ситуация его насторожила, хотя ему было хорошо известно, что далеко не всегда, когда зажигаются аварийные лампочки-индикаторы, на самом деле происходит что-то серьезное.

— Кажется, у нас полное разъединение расцепителей. На МХ-12, — ответил молодой техник.

Мрачная, грязная, с неудокомплектованным штатом, 12-я подстанция «Алгонкин консолидейтед», расположенная в Гарлеме — МХ означало Манхэттен, — обслуживала довольно обширный район. На нее поступало 138 тысяч вольт, затем ток проходил через трансформаторы, которые снижали его уровень до десяти процентов от начального, распределяли и отправляли дальше.

На большом экране появилось еще несколько слов. Они светились красным под указанием времени и сообщением о критическом сбое.

МХ-12 работает в автономном режиме.

Дежурный набрал нужные команды на компьютере, вспоминая те времена, когда подобное можно было произвести только при помощи рации, телефона и специальных переключателей с изоляцией, источавших аромат машинных масел, перегретого металла и бакелита. На экране компьютера появился убористый текст. Дежурный начал его читать, тихо бормоча:

— Разъединение расцепителей? Но почему? Нагрузка нормальная…

Вновь на большом экране появляется надпись:

МХ-12 работает в автономном режиме. Перевод потока энергии с подстанций МХ-17, МХ-10, МХ-13, НДж-18.

— Перемаршрутизация нагрузки, — озвучил кто-то совершенно очевидную вещь.

В пригороде и в сельской местности линии электропередачи видны как на ладони — высоковольтные провода у вас над головой, высоченные опоры и провода, что идут к вам в дом. Когда что-то выходит из строя, не представляет особого труда установить источник проблемы и устранить ее. Во многих городах вроде Нью-Йорка электроэнергия передается по специальным кабелям, проложенным под землей. Из-за того что со временем изоляция изнашивается и приходит в негодность от воздействия грунтовых вод (что вызывает короткие замыкания и сбои в поставке электроэнергии потребителям), многие энергетические компании удваивают, а порой даже утраивают число резервных возможностей передачи электроэнергии. Когда на подстанции МХ-12 возник сбой, компьютер автоматически начал восполнять потребность получателей электроэнергии с помощью перемаршрутизации ее с других направлений.

— Прекращения работы оборудования нет, снижения напряжения для потребителей тоже нет, — заметил еще один техник.

Электроэнергия в сети подобна воде, поступающей в дом из одной главной трубы, а уже потом вытекающей из множества разных кранов. Когда один из них закрывается, давление в других возрастает. С электричеством происходит примерно то же самое, хотя ток течет гораздо быстрее воды — со скоростью около 700 миллионов миль в час. А так как Нью-Йорку требуется большое количество электроэнергии, на подстанциях, выполняющих дополнительную работу, резко возрастает напряжение — электрический эквивалент давления воды.

Но исходные характеристики системы свидетельствовали, что она должна была выдержать подобный скачок напряжения, поэтому индикаторы напряжения пока светились спокойным зеленым цветом.

Однако дежурного прежде всего беспокоил сам факт разъединения расцепителей в МХ-12. Типичной причиной подобного сбоя на подстанциях является либо короткое замыкание, либо необычно высокое потребление электроэнергии в пиковые периоды: утром и вечером — или в моменты резкого повышения температуры, когда повсюду включаются кондиционеры.

Но в тот приятный апрельский день в 11:20:20:003 не было ни одной из названных причин для сбоя.

— Направьте электромонтера в МХ-12. Возможно, повреждение кабеля. Или короткое замыкание в...

В то же мгновение замелькала красная лампочка. Критический сбой. НДж-18 работает в автономном режиме.

Отключилась еще одна подстанция, расположенная неподалеку от Парамуса в Нью-Джерси. Одна из тех, что приняли на себя нагрузку после отключения МХ-12.

У дежурного вырвалось что-то среднее между смешком и кашлем. Выражение его лица сделалось крайне озабоченным.

— Что, черт возьми, происходит? Нагрузка не выходит за допустимые пределы.

— Все сенсоры и индикаторы работают нормально, — заметил один из техников.

— Проблема с КИСД? — спросил дежурный. Империя «Алгонкин консолидейтед» контролировалась и управлялась сложной программой по контролю и сбору данных, которая хранилась на громадных компьютерах «Юникс». Легендарное отключение электроэнергии на северо-восточном побережье в 2003 году, самое крупное за всю историю Северной Америки, отчасти было вызвано серией ошибок в программном обеспечении. Современные системы не позволят подобной катастрофе повториться, но это не значит, что не может возникнуть какой-то другой сбой.

— Не знаю, — откликнулся кто-то из его помощников. — Но думаю, что другую причину найти трудно. Диагностические данные показывают — никаких проблем с линиями электропередачи и распределительными устройствами нет.

Дежурный внимательно всматривался в экран в ожидании следующего логического шага — информации о том, какие подстанции или станции примут на себя нагрузку отключенной НДж-18.

Однако никакой подобной информации не появлялось.

Три манхэттенские подстанции, 17-я, 10-я и 13-я, продолжали снабжать электроэнергией два городских района, которые в противном случае погрузились бы в полную темноту. Программа КИСД не выполняла своей основной функции: не подключала подстанции других районов с целью перераспределения нагрузки. И в результате объем электроэнергии, проходившей через упомянутые три станции, возрос до опасных пределов.

Дежурный нервно потер подбородок и, подождав еще несколько мгновений подключения какой-либо подстанции, но так ничего и не дождавшись, обратился к своему старшему помощнику:

— Подключите вручную доставку электроэнергии с К-14 на восточный участок обслуживания МХ-12.

— Слушаю, сэр.

Буквально через мгновение дежурный снова окликнул его, поторопив:

— Скорее!

— Гм. Я пытаюсь.

— Пытаешься? Что значит — пытаешься?

Задание подразумевало всего лишь нажатие нескольких кнопок.

— Распределительная аппаратура не реагирует.

— Невозможно!..

Дежурный быстро подошел к компьютеру помощника и собственноручно набрал несколько команд, в наборе которых не ошибся бы даже во сне.

Никакой реакции.

Индикаторы напряжения достигли края зеленой шкалы. Дальше начиналась желтая зона.

— Это серьезно, — пробормотал кто-то. — У нас действительно проблемы.

Дежурный подбежал к своему столу и буквально рухнул в кресло. Мюсли и стаканчик с греческими атлетами полетели на пол.

И тут последовал следующий удар. На экране, словно «яблочко» в мишени, начала пульсировать третья красная точка, и компьютер равнодушно сообщил:

КРИТИЧЕСКИЙ СБОЙ. МХ-17 работает в автономном режиме.

— Нет! Только не это!.. — прошептал кто-то.

И точно так же, как и раньше, ни одна из внешних подстанций не приняла на себя нагрузку по восполнению ненасытной потребности ньюйоркцев в электроэнергии.

Две остававшиеся подстанции выполняли работу пяти. Температура электропроводов на них быстро росла, а показатели напряжения на большом экране уже давно перешли в желтую зону. МХ-12 (в автономном режиме). НДж-18 (в автономном режиме). МХ-17 (в автономном режиме). Нагрузка с них перешла на МХ-10 и МХ-13.

— Увеличить доставку электроэнергии в эти районы! — скомандовал дежурный. — Делайте что угодно. Берите откуда хотите. Но выполняйте!

— У меня сорок тысяч через питающие линии из Бронкса, — сообщила сотрудница, сидевшая неподалеку.

Сорок тысяч вольт — нелегко будет передать их по питающей сети, рассчитанной не более чем на треть такой нагрузки.

Кто-то еще взял на себя перевод какого-то объема электроэнергии из Коннектикута.

Индикаторы показывали, что напряжение продолжало подниматься, но теперь немного медленнее.

Возможно, все-таки удастся взять ситуацию под контроль.

— Еще!..

И тут женщина, занимавшаяся перекачиванием энергии из Бронкса, произнесла срывающимся голосом:

— Подождите. Передача электроэнергии снизилась до двадцати тысяч. Я не знаю почему.

То же самое происходило по всему региону. Как только кому-то из сотрудников удавалось перенаправить чуть больше энергии, чтобы снизить нагрузку, объем ее передачи почти мгновенно снижался сам собой.

Вся эта непонятная драма разворачивалась с молниеносной скоростью: 700 миллионов миль в час...

И вот еще один красный кружок, словно еще одна пуля попала в мишень.

КРИТИЧЕСКИЙ СБОЙ.

МХ-13 в автономном режиме.

Чей-то шепот:

— Немыслимо! Такого просто не может быть!..

МХ-12 (в автономном режиме). НДж-18 (в автономном режиме). МХ-17 (в автономном режиме). МХ-13 (в автономном режиме). Нагрузка с них перешла на МХ-10.

Происходящее было похоже на то, как если бы из большого резервуара с водой кто-то попытался бы отводить воду через одну крошечную трубочку, примерно такую, как та, что пропускает холодную воду из дверцы холодильника. Напряжение на МХ-10, расположенной в стареньком здании на Западной Пятьдесят седьмой улице в районе Клинтон на Манхэттене, было в четыре-пять раз больше нормального — и продолжало расти. В любой момент произойдет разъединение автоматических выключателей, предотвращая тем самым взрыв или пожар, но большая часть города при этом погрузится в средневековую тьму.

— На севере ситуация, кажется, немного лучше. Попытайтесь получить немного энергии с севера. Из Массачусетса.

— Да, кое-что есть: пятьдесят, шестьдесят тысяч. Из Путнэма.

— Хорошо.

Вдруг раздался крик:

— Господи!..

Дежурный не понял, кто издал этот возглас. Все сидели на своих местах, наклонив головы, и словно зачарованные не сводили глаз с экранов компьютеров.

— Что? Что там такое? — злобно выкрикнул он. — Я не желаю слышать ваши вопли! Говорите, что случилось!

— Установки выключателей в Манхэттен-10! Посмотрите! Выключатели!..

О нет! Нет!..

Выключатели в МХ-10 были перепрограммированы. Теперь они позволят увеличить нагрузку в десять раз по сравнению с нормальной.

Если центру управления «Алгонкин» не удастся в ближайшее время снизить нагрузку напряжения на подстанцию, линии и распределительная аппаратура на ней начнут пропускать разрушительный по своей мощности объем электричества. Подстанция

взорвется. Но до того как это произойдет, ток пойдет по питающим линиям распределительной сети в находящиеся под землей трансформаторные будки через городские кварталы к югу от Линкольн-центра и по сетям в офисных зданиях и небоскребах. Некоторые предохранители смогут прервать поток, но старые трансформаторы и сервисные панели просто расплавятся, а ток потечет дальше, на своем пути вызывая пожары и вольтовы дуги, способные сжечь любого, кто окажется рядом с электроприбором или розеткой.

Впервые дежурному пришла в голову страшная мысль. Террористы. Это теракт.

— Свяжитесь с Антитеррористическим управлением и Нью-Йоркским управлением полиции. И переключите их на нормальные параметры, черт побери!

— Они не реагируют. Я не могу связаться с МХ-10.

— Как? Черт возьми! Почему?

— Я не...

— Там кто-нибудь есть? Господи, если там кто-то есть, им нужно немедленно дать команду уйти оттуда!

Как правило, на подстанциях людей не бывает, но иногда внутрь заходят работники, чтобы что-то исправить или произвести рутинный осмотр оборудования.

— Да, конечно...

Индикаторы уже находились в красной зоне.

— Сэр, нам сбросить нагрузку?

Стиснув зубы, дежурный раздумывал, как поступить. Аварийная разгрузка энергосистемы, известная также под названием «веерное отключение электроэнергии», в энергетике считается крайней мерой. Под «нагрузкой» в данном случае понимается объем энергии, используемой потребителями. Сброс нагрузки, производимый вручную, подразумевает отключение отдельных частей энергосистемы с целью предотвращения более серьезных аварий.

Сброс нагрузки рассматривается как последнее средство в стремлении сохранить работоспособность энергосистемы, и в густо населенных районах Манхэттена он, несомненно, будет иметь катастрофические последствия. Один лишь ущерб, нанесенный компьютерным сетям,

будет исчисляться десятками миллионов долларов, но вполне возможно, что при этом пострадают и даже погибнут люди. Звонки по 911 не будут доходить до Службы спасения. Машины «скорой помощи» и полиции застрянут в дорожных пробках, которые возникнут из-за того, что погаснут светофоры. Застынут, не дойдя до места назначения, лифты. Начнется паника. Во время внезапных отключений электроэнергии неизменно возникают случаи ограблений и мародерства даже среди бела дня.

Электричество делает людей более законопослушными.

— Сэр… — В голосе техника звучало отчаяние.

Дежурный не сводил глаз с поднимающегося индикатора напряжения. Он схватил телефонную трубку и позвонил своему начальнику, вице-президенту «Алгонкин».

— Херб, у нас проблемы.

Он кратко сообщил о случившемся.

— Как такое могло произойти?

— Мы не знаем. Я думаю, террористы.

— Господи!.. Ты связался с Антитеррористическим управлением?

— Да, только что. В основном мы пытаемся перевести энергию в пострадавшие районы. Но у нас ничего не получается.

Он не отрываясь смотрел, как индикаторы все дальше уходят в красную зону.

— Твои рекомендации? — спросил вице-президент.

— Выбор у нас небольшой. Необходимо разгрузить энергосистему.

— И большая часть города останется без света — по крайней мере на день!

— У нас нет других вариантов. При нынешнем потоке электроэнергии станция может просто взорваться, если мы не примем решительных мер.

Начальник на мгновение задумался.

— Через Манхэттен-10 проходит вторая линия передачи, верно?

Дежурный взглянул на схему. Высоковольтный кабель проходил через подстанцию и нес электроэнергию дальше на запад, в Нью-Джерси.

— Да, но он вне сети.

— А не могли бы вы все-таки использовать его для отведения электроэнергии?

— Вручную?.. Думаю, что да, но… но для этого мне нужно будет послать людей в МХ-10. И если мы не сможем удержать приток энергии, пока они там не закончат, она взорвется. И они все погибнут. Или получат страшные ожоги.

Молчание.

— Оставайся на связи. Я позвоню Йессен.

Имелась в виду исполнительный директор «Алгонкин консолидейтед». Среди подчиненных эта дама была более известна под прозвищем Всемогущая.

Минуты ожидания дежурный провел, пристально всматриваясь в своих помощников и глядя на экран, на мерцающие красные точки.

Критический сбой…

Наконец в телефонной трубке снова зазвучал голос начальника. Он откашлялся и, помедлив мгновение, произнес:

— Вам предлагается послать несколько человек на подстанцию, чтобы вручную подключиться к кабелю.

— Так сказала Йессен?

Снова пауза.

— Да.

— Я не могу никого туда послать, — прошептал дежурный. — Это будет убийством.

— В таком случае найдите добровольцев. Йессен просила меня передать, чтобы вы, поймите меня правильно, ни при каких обстоятельствах не производили веерного отключения.

2

Водитель автобуса «М70» подъезжал к остановке на Пятьдесят седьмой улице неподалеку от Десятой авеню. Он был в очень хорошем настроении. Водитель управлял новенькой моделью автобуса, который был снабжен специальным приспособлением, позволявшим немного опускаться к тротуару, чтобы помочь пассажирам войти. Кроме того, тут имелся пандус для инвалидов, суперсовременное рулевое управление и — что самое важное — невероятно удобное водительское сиденье.

А важность этого последнего факта способен оценить только тот, кто сам проводит на таких сиденьях по восемь часов в день.

Водителя не интересовали ни подземка, ни железная дорога на Лонг-Айленде, ни Метро-Норт. [1]Нет, он любил автобусы, несмотря на жуткие пробки на дорогах, на постоянное раздражение и враждебность автомобилистов. Он считал автобусы самым демократическим видом транспорта. В них ездят все, от адвокатов до безработных музыкантов и мальчишек-посыльных. Такси дорого, к тому же в них воняет. На метро далеко не всегда доедешь куда нужно. Конечно, можно пройтись пешком: ведь мы на Манхэттене, и что может быть лучше такой прогулки, если у вас есть на нее время, — но загвоздка в том, что его почти ни у кого нет. Кроме того, водитель просто очень любил своих пассажиров и получал огромное удовольствие от возможности кивнуть, улыбнуться, поприветствовать каждого, кто входил в его автобус. Ньюйоркцы вовсе не так враждебны, как принято считать. Просто иногда они слишком застенчивы, не уверены в себе, озабочены и чрезмерно осмотрительны.

Но частенько достаточно одной лишь улыбки, приветливого кивка, одного доброго слова — и они становятся вашими друзьями.

А ему всегда было радостно ощущать себя их другом.

Даже если эта дружба длилась всего шесть-семь остановок.

Ритуал приветствия позволял ему также обнаруживать ненормальных, пьяных, придурков, наркоманов и решать, стоит ли нажимать на тревожную кнопку.

Ведь ездил он по Манхэттену…

День стоял превосходный, ясный и прохладный. Апрель. Один из самых любимых его месяцев. Было около половины двенадцатого, и пассажиры переполнили автобус. Люди ехали в восточную часть города — пообедать или на какую-нибудь запланированную на перерыв личную встречу.

Водитель выруливал свой автобус посреди медленно движущегося транспорта к остановке, на которой его уже поджидало четверо или пятеро будущих пассажиров.

Подъезжая, он глянул поверх голов тех, кто ожидал его у тумбы с объявлениями, и обратил внимание на старое коричневое здание, располагавшееся прямо за остановкой. Постройка, возведенная, наверное, в самом начале XX века, с несколькими зарешеченными окнами, всегда темная внутри. Водитель никогда не видел, чтобы туда кто-то входил или выходил оттуда. Жутковатое местечко, чем-то напоминает тюрьму. У входа облупившаяся табличка, сделанная белой краской на синем фоне:

«АЛГОНКИН КОНСОЛИДЕЙТЕД»

ЭЛЕКТРОЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ КОМПАНИЯ

ПОДСТАНЦИЯ МХ-10

ЧАСТНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ

ОПАСНО. ВЫСОКОЕ НАПРЯЖЕНИЕ

ВХОД ВОСПРЕЩЕН

Водитель редко обращал внимание на это строение, но сегодня нечто необычное заставило его взглянуть в том направлении. Из окна на расстоянии около десяти футов над землей свисал кабель примерно полдюйма в диаметре. Он был почти полностью покрыт темной изоляцией, но на самом конце пластик или резину ободрали, обнажив серебристые металлические проводки, которые были присоединены к какому-то приспособлению, представлявшему собой плоский кусок меди. «Поди ж ты, — подумал водитель, — такой здоровый кусок кабеля — и так вот просто свисает из окна. Это, наверное, небезопасно?»

Он остановил автобус и нажал на кнопку открывания дверей. Включился механизм опускания, и здоровенный автобус словно присел перед тротуаром, а нижние металлические ступеньки оказались на расстоянии всего нескольких дюймов от земли.

Водитель повернул свое широкое румяное лицо к входной дверце, которая распахнулась с приятным гидравлическим шипением. Люди начали входить в автобус.

— Доброе утро, — радостно приветствовал их водитель.

Восьмидесятилетняя старушка, изо всех сил сжимая древнюю, как она сама, потрепанную хозяйственную сумку «Генри Бендель», кивнула ему в ответ и, опираясь на трость, проследовала в самый конец автобуса, не обратив ни малейшего внимания на свободные места в передней части, специально предназначенные для пожилых и инвалидов.

Ну и как можно не любить ньюйоркцев?

И тут водителю бросилось в глаза внезапное движение в зеркале заднего обзора. Яркая вспышка желтого цвета. Сзади подъезжал большой фургон. «Алгонкин консолидейтед». Из фургона вышли трое рабочих и остановились на тротуаре, что-то горячо обсуждая. В руках они держали чемоданчики с инструментами, а также толстые рукавицы и куртки. У них был весьма озабоченный вид, когда они тесной группой медленно направлялись к зданию, внимательно всматриваясь в него и продолжая на ходу что-то оживленно обсуждать. Один из рабочих мрачно покачал головой.

Затем водитель повернулся к последнему пассажиру, заходившему в автобус, молодому латиноамериканцу, стоявшему на тротуаре и сжимавшему в руке проездной билет. Он пристально всматривался в здание подстанции. Нахмурившись, водитель заметил, что латиноамериканец как будто принюхивается.

И тут он сам почувствовал резкий запах. Что-то горело. Запах был похож на тот, который возник однажды, когда в их стиральной машине произошло короткое замыкание и сгорела изоляция. Отвратительная вонь. Из дверей подстанции шел дымок.

Ах вот, значит, зачем приехали сюда работники «Алгонкин».

Да, им не позавидуешь. Водитель задавался вопросом, а не отключат ли электричество, а вместе с ним и светофоры. Тогда и у него возникнут проблемы. Поездка по маршруту, которая обычно занимает двадцать минут, растянется на часы. Как бы то ни было, ему лучше освободить место для пожарных. Водитель сделал жест в сторону последнего пассажира, поторапливая его.

— Эй, мистер, мне пора ехать. Давайте заходите...

Когда пассажир, все еще хмурясь и принюхиваясь, повернулся и зашел в автобус, водитель услышал, что из здания доносятся звуки, напоминающие хлопки. Резкие, очень похожие на выстрелы. И в то же мгновение вспышка света, сравнимая по яркости с дюжиной солнц, заполнила все пространство между автобусом и кабелем, свисавшим из окна.

Последний пассажир исчез в облаке белого пламени.

Водитель больше ничего не видел, кроме серых теней. От звука, напоминавшего одновременно оглушительный треск и орудийный выстрел, он оглох. Несмотря на пристегнутый ремень безопасности, его отбросило назад, на стекло перегородки, отделявшей водительское место от салона.

Как будто издалека до него доносились вопли пассажиров.

Последнее, что он увидел, были языки пламени.

Теряя сознание, водитель не переставал задаваться вопросом: что же случилось?

3

— Я должен сообщить вам: он выехал из аэропорта, и час назад его видели в центре Мехико.

— Нет, — произнес Линкольн Райм со вздохом, на мгновение прикрыв глаза. — Нет…

Амелия Сакс, сидевшая рядом с инвалидным креслом Райма, наклонилась к черной коробке спикерфона.

— Что случилось? — спросила она.

Амелия захватила рукой несколько прядей своих рыжих волос и скрутила их в хвост.

— К тому моменту, когда мы получили информацию о рейсе из Лондона, самолет уже приземлился. — Тембр женского голоса ласкал слух Райма. — Создается впечатление, что он спрятался в машине техобслуживания, а потом проскочил через служебный выход. Я покажу запись, сделанную отделом безопасности, которую мы получили от мексиканской полиции. У меня там есть связи. Подожди минутку.

Ее голос затих — теперь она беседовала со своим помощником, что-то объясняя ему по поводу видео.

Был полдень. Райм и Сакс сидели в большой гостиной, которую давно переделали в судмедэкспертную лабораторию, на первом этаже его дома на Сентрал-Парк-Вест. Дом представлял собой здание в викторианском псевдоготическом стиле, в котором, вполне вероятно — по крайней мере Райму хотелось так думать, — когда-то проживали какие-то странноватые викторианцы. Или крутые бизнесмены, изворотливые

политики, проходимцы высочайшего класса. Возможно, какой-нибудь неподкупный комиссар полиции. Когда-то Райм написал книгу по истории преступного мира Нью-Йорка и по использованным в ней источникам попытался проследить генеалогию своего дома, но так ничего и не нашел.

Женщина, беседовавшая с ними, находилась в значительно более современном здании — примерно, как прикинул Райм, в трех тысячах миль от них, в Монтеррее, в офисе Калифорнийского бюро расследований. Агент КБР Кэтрин Дэнс несколько лет назад работала с Раймом и Сакс над делом того самого человека, которого они сейчас пытались выследить. Его настоящее имя, как они предполагали, было Ричард Логан. Хотя для Линкольна Райма он оставался Часовщиком.

Это был профессиональный преступник, планировавший свои преступления с точностью и скрупулезностью, которые отличали также и его главное увлечение и страсть — изготовление часов. Райм несколько раз пересекался с Часовщиком. Сыщику удалось помешать совершению одного из его преступлений, но еще в одном случае он опоздал. И все же, оценивая свое противостояние с Часовщиком в целом, Линкольн Райм считал себя проигравшим, так как Часовщика до сих пор не удалось схватить.

Райм откинул голову и представил себе Логана. Ему приходилось видеть его воочию, причем довольно близко. Худощавый, темноволосый и по-мальчишески вихрастый, в глазах во время допроса — искреннее изумление: тогда Часовщик ничем не выдал своего намерения совершить массовое убийство. Его невероятное спокойствие казалось врожденным, и, возможно, именно оно больше всего пугало Райма. Ошибки и невнимательность возникают из-за эмоций, но вот как раз эмоциональность в Ричарде Логане полностью отсутствовала.

Его можно было нанимать для осуществления похищений, или для нелегального провоза оружия, или же для другого преступного поручения, которое требовало сложной и внимательной подготовки и тщательного выполнения, однако в основном Логана использовали для убийств — свидетелей, доносчиков, крупных фигур в политике и бизнесе. Недавно появились сведения, что он взял на себя поручение по устранению кого-то в Мексике. Райм позвонил Дэнс, у которой было много связей за южной границей. Несколько лет назад ее саму чуть было не убил один из сообщников Часовщика. Дэнс представляла Штаты в операции по его задержанию и экстрадиции. Работала она вместе со старшим следователем Федеральной полиции Мексики, молодым, но весьма преданным своему делу сотрудником Артуро Диасом.

В то утро они получили информацию, что Часовщик прибывает в Мехико. Дэнс позвонила Диасу, и тот собрал группу полицейских, чтобы перехватить Логана. Но, как выяснилось из последнего разговора с Кэтрин, они опоздали.

— Вы готовы для просмотра видео? — спросила Дэнс.

— Готовы. — Райм повел одним из немногих своих действующих пальцев — указательным на правой руке, — и электрическая инвалидная коляска подъехала ближе к экрану. Тело Райма было практически полностью парализовано, от ног до плеч.

На одном из нескольких имевшихся в лаборатории плоских мониторов возникло зернистое изображение ночного аэропорта. Мусор, пустые упаковки, банки и пакеты валялись на земле по обе стороны от изгороди, находившейся на переднем плане. На экране появился частный грузовой самолет. Когда он остановился, открылся задний люк, и оттуда выпрыгнул человек.

— Это он, — тихо произнесла Дэнс.

— Плохо видно, — отозвался Райм.

— Определенно Логан, — заверила его Дэнс. — Сейчас вы увидите. Кроме того, у нас имеются его отпечатки.

Человек потянулся и огляделся по сторонам. Перекинул через плечо сумку и, пригнувшись, побежал к ангару, за которым и скрылся. Через несколько минут появился рабочий с пакетом величиной в две коробки из-под обуви. Логан поздоровался с ним и обменял коробку на небольшой конверт. Рабочий огляделся и быстро удалился. Подъехал автомобиль технического обслуживания. Логан залез в него и прикрылся брезентом. Автомобиль уехал.

— А самолет? — спросил Райм.

— Полетел дальше — в Южную Америку чартерным рейсом. Пилот и его помощник утверждают, что им ничего не известно о безбилетном пассажире. Конечно, лгут. Но у нас нет права их допрашивать.

— А рабочий? — спросила Сакс.

— Его арестовали сотрудники федеральной полиции. Он оказался работником аэропорта с минимальной зарплатой. Рабочий заявляет, что какой-то неизвестный пообещал ему заплатить пару сотен американских долларов, если он доставит коробку. В конверте находились деньги. С него и сняли отпечатки.

— Что было в коробке? — спросил Райм.

— Он говорит, что не знает, но явно лжет. Я просмотрела его допрос на видео. Его допрашивали наши люди. Я хотела сама попытаться добыть у него информацию, но ушло бы слишком много времени на получение соответствующего разрешения.

Райм и Сакс обменялись взглядами. Упоминание Дэнс о попытке добыть информацию было не более чем проявлением скромности с ее стороны. Она была экспертом по кинесике [2]и одним из лучших специалистов в стране по ведению допросов. Однако бюрократически запутанные отношения между суверенными соседними государствами таковы, что сотрудник полиции из Калифорнии просто утонет в бумагах, прежде чем получит официальное разрешение на проведение в Мексике допроса преступника — несмотря на то что Управление по борьбе с наркотиками США уже давно имеет разрешение на ведение деятельности на территории Мексики.

— Где Логана засекли в Мехико? — спросил Райм.

— В деловом районе. Его вели до отеля, но, как оказалось, остановился он совсем не там. Люди Диаса считают, что Логан направлялся туда, чтобы встретиться с кем-то. К тому времени, когда они организовали наблюдение в гостинице, его уже там не было. Но теперь фотография Логана есть во всех правоохранительных учреждениях и гостиницах. — Дэнс добавила также, что расследование принял на себя начальник Диаса, крупная шишка в полиции. — Создается впечатление, что они воспринимают данное дело по-настоящему серьезно.

Да уж, создается впечатление, подумал Райм. Он чувствовал крайнее разочарование. Находиться практически у самой цели и при этом не иметь почти никакой возможности влиять на ход расследования... Линкольн засопел. Он вспомнил о своей последней встрече с Часовщиком. И тогда Логану удалось всех перехитрить. Он без особого труда убил человека, для устранения которого его наняли. А ведь на руках у Райма были все необходимые факты, с помощью которых можно было установить, что именно планирует преступник. Но Линкольн истолковал все неправильно.

— Кстати, — услышал он вопрос Амелии, обращенный к Кэтрин Дэнс, — как прошел твой романтический уик-энд?

Рано или поздно что-то подобное должно было случиться, подумал Райм. Мать двоих детей, она уже много лет как овдовела.

— Мы прекрасно провели время, — ответила Дэнс.

— И куда же вы ездили?

Райм никак не мог понять, почему это Амелия вдруг так заинтересовалась личной жизнью Дэнс. Она не обратила ни малейшего внимания на его нетерпеливый взгляд в ее сторону.

— В Санта-Барбару. Останавливались в замке Хёрста… Слушайте, я уже заждалась вашего приезда ко мне в гости. Дети ждут не дождутся, когда же вы наконец-то выполните свое обещание. Уэс в школе написал эссе о криминалистике и упомянул в нем о тебе, Линкольн. Его учительница когда-то жила в Нью-Йорке и много о тебе читала.

— Да, замечательная идея, — отозвался Райм, хотя сейчас думал только о Мехико.

Амелия улыбнулась, услышав нетерпение в его голосе, и намекнула Кэтрин, что им пора.

После завершения сеанса связи Амелия стерла капли пота со лба Райма — сам он его не ощущал, — и в течение некоторого времени они сидели молча, глядя в окно на парившего высоко в небе сапсана. Он спускался в гнездо, находившееся на третьем этаже дома Райма. Эти птицы не так уж редко селятся в крупных городах — здесь их ждет богатая добыча из жирных и вкусных голубей, — однако гнезда предпочитают вить гораздо выше третьего этажа, но по не совсем ясной причине вот уже несколько поколений сапсанов выбирали своим пристанищем особняк Райма. Ему нравилось их присутствие. Соколы — умные птицы, за ними приятно наблюдать, они необременительны и нетребовательны.

— Ну как, поймал его? — послышался мужской голос.

— Кого — его? — резко спросил Райм. — И что ты имеешь в виду под словом «поймал»?

— Я про Часовщика, — ответил Том Рестон, помощник Линкольна Райма.

— Нет! — буркнул Райм.

— Но ты же был в двух шагах от него? — настаивал подтянутый молодой человек в темных слаксах, желтой деловой рубашке и цветастом галстуке.

— О да, в двух шагах, — пробормотал Райм. — В двух шагах. Как точно ты выразился. В следующий раз, когда на тебя нападет горный лев, Том, как

ты себя будешь чувствовать, если пуля лесничего угодит где-нибудь в двух шагах ото льва?

— Разве горные львы не относятся к особо охраняемым видам? — ответил Том даже без тени иронии в голосе. Для уколов Райма он был совершенно неуязвим. Рестон работал на детектива уже много лет — дольше, чем в наше время существуют некоторые семьи. И помощник был закален этим совместным существованием не хуже какой-нибудь преданной супруги.

— Ха! Как смешно! Особо охраняемый вид!

Сакс подошла сзади к коляске Райма, взяла его за плечи и начала делать массаж. Амелия была довольно высокого роста и в гораздо лучшей форме, чем многие детективы ее возраста в нью-йоркской полиции, и хотя ее часто мучили артритные боли в коленях, руки оставались пока здоровыми и сильными.

На обоих была рабочая одежда: на Райме — черные тренировочные брюки и темно-зеленая трикотажная рубашка, она же сняла свою традиционную темно-синюю куртку и осталась в слаксах того же цвета и белой хлопчатобумажной блузке. Верхняя пуговица расстегнута, чтобы продемонстрировать жемчужное ожерелье. «Глок» на бедре, два магазина с патронами, каждый — в собственной кобуре вместе с тазером.

Райм чувствовал, как пульсируют ее пальцы. Ощущения сохранились выше той области, на которую несколько лет назад пришелся почти смертельный удар, вызвавший перелом позвоночника, — области четвертого шейного позвонка. Поначалу Райм собирался пойти на рискованную хирургическую операцию, но в конце концов избрал иной способ реабилитации. С помощью сложного, а порой и изматывающего комплекса физических упражнений и специальной терапии ему удалось частично восстановить функционирование пальцев рук. Кроме того, Райм полностью контролировал движение безымянного пальца на левой руке, который по непонятной причине остался не затронутым последствиями падения потолочной балки.

Ему было приятно чувствовать, как пальцы Амелии прикасаются к нему. Словно все те немногие ощущения, на которые было способно его тело, сразу же усиливались в несколько раз. Он бросил взгляд на свои совершенно безжизненные ноги и закрыл глаза.

Том окинул его внимательным взглядом:

— Ты в порядке, Линкольн?

— В порядке? С чего мне быть в порядке, когда негодяй, которого я выслеживаю уже много лет, ускользнул у нас из-под носа и теперь скрывается во втором по величине городе Западного полушария? А в остальном все просто изумительно.

— Я не об этом. Ты плохо выглядишь.

— В наблюдательности тебе не откажешь. Мне и в самом деле нужно лекарство.

— Лекарство?

— Да, виски. И сразу же станет лучше.

— Не станет.

— А почему бы нам не провести эксперимент? Вполне научный. В Декартовом духе. Рациональный. Кто сможет оспорить его объективность? Я опишу тебе свое самочувствие, затем выпью виски и сообщу, как оно изменится.

— Нет. Слишком рано, — скучным голосом произнес Том.

— Уже полдень.

— Без нескольких минут.

— К черту минуты!

Голос Райма звучал сердито, но массаж Сакс все больше его успокаивал. Несколько рыжих прядей выбились из ее хвоста и теперь щекотали его щеку. Он не отстранялся. Так как битву за виски Райм проиграл, он решил игнорировать Тома, однако парню удалось вернуть внимание Линкольна напоминанием:

— Пока ты беседовал по телефону, звонил Лон.

— Вот как? А почему ты мне не сказал?

— Ты же меня предупредил, чтобы тебя не беспокоили во время беседы с Кэтрин.

— Ну что ж, теперь говори.

— Он перезвонит. Что-то по поводу какого-то дела. Какой-то проблемы.

— В самом деле?

При этих словах мысли о Часовщике отошли немного в сторону. Райм обнаружил, что у его дурного расположения духа есть еще одна причина — скука. Он только что завершил анализ улик по одному сложному делу, имевшему отношение к мафии, и ему предстояло несколько недель практически полного бездействия. Поэтому мысль о возможном появлении новой работы мгновенно подняла Линкольну настроение. Если Сакс нужна была скорость, то Райм испытывал постоянную потребность в проблемах, вопросах, новой информации. Одна из главных жизненных сложностей, возникающих при подобной тяжелой инвалидности, о которой тем не менее редко кто упоминает, — отсутствие новизны. Одно и то же окружение, одни и те же люди, одна и та же деятельность... те же бесконечные банальности, те же пустые утешения и десятки раз повторяемые слова врачей.

После страшной травмы его жизнь спасло, в самом буквальном смысле слова — так как он тогда планировал самоубийство с помощью кого-либо из врачей, — постепенное возвращение к старой его страсти: использованию данных естественных наук в раскрытии преступлений.

Скука уходит бесследно, когда перед вами возникает тайна.

— Ты уверен, что тебе надо именно сейчас с ним говорить? — возразил Том. — Ты какой-то бледный сегодня.

— Давненько не бывал на пляже, знаешь ли.

— Ладно. Просто хотел еще раз предупредить. К тому же еще и Арлен Копески собирался зайти. Когда ты сможешь с ним встретиться?

Имя показалось Райму знакомым, но оставляло какой-то неопределенный тревожный привкус при воспоминании.

— Кто? — переспросил Райм.

— Человек из общества защиты прав инвалидов. По поводу памятного подарка, который тебе присудили.

— Сегодня? — В памяти Райма всплыло туманное воспоминание о каких-то телефонных звонках. Если речь не шла об интересном преступлении, Райм обращал мало внимания на шумы в окружающем мире.

— Ты сказал, что именно сегодня и что сам встретишься с ним.

— О да, мне, конечно, чертовски нужен памятный подарок! Что я буду с ним делать? Пресс-папье? Ты знаешь хоть одного человека, который пользовался бы пресс-папье? Ты сам когда-нибудь им пользовался?

— Линкольн, он вручается тебе, чтобы вдохновить молодых людей с инвалидностью.

— Когда я был молодым, никто меня не вдохновлял. И хуже я от этого не стал.

Что, конечно же, было не совсем верно — то, что касалось юности, — но Райма страшно раздражало все, что отвлекало его от настоящего дела, в особенности посетители.

— Каких-нибудь полчаса.

— Те самые полчаса, которых у меня нет.

— Слишком поздно. Он уже в Нью-Йорке.

Иногда последние аргументы Райма отступали перед его помощником.

— Ну ладно. Посмотрим.

— И Копески вовсе не собирается, придя сюда, греть здесь свои подметки словно какой-нибудь придворный в ожидании аудиенции у короля.

Райму понравилась метафора.

Но тут все мысли о памятных подарках, королях и придворных мгновенно улетучились, так как зазвонил телефон Райма, а на дисплее появился номер детектива Лона Селлитто. Для ответа Линкольн воспользовался действующим пальцем правой руки.

— Да, Лон.

— Линк, послушай, здесь у нас ситуация. — Голос звучал тревожно. Судя по звукам, пробивавшимся в микрофон, детектив куда-то довольно быстро ехал. — Ситуация, очень напоминающая теракт.

— Ситуация?.. Как-то ты слишком туманно выражаешься.

— Ну хорошо, буду конкретен. Кто-то отымел электроэнергетическую компанию, направил разряд в пять тысяч градусов на автобус с людьми и обесточил электрические сети в шести кварталах к югу от Линкольн-центра. Я достаточно конкретно говорю?

4

Вся группа прибыла из центра.

Представитель Агентства национальной безопасности — молодой офицер, но уже в высоком звании, наверное, родившийся и выросший где-то среди элитных клубов Коннектикута или Лонг-Айленда, хотя для Райма это было не более чем демографическим фактом и не обязательно свидетельствовало о наличии каких-то недостатков. Внешний лоск молодого человека и острый взгляд пронзительных глаз свидетельствовали о том, что он пока еще не совсем четко представляет свое место в правоохранительной иерархии, но нечто подобное можно было сказать почти обо всех сотрудниках этого самого Агентства национальной безопасности. Звали парня Гэри Ноубл.

Было здесь, конечно, представлено и ФБР — в образе Фреда Дельрея, спецагента, с которым Райм и Селлитто часто работали. Основатель ФБР Эдгар Гувер был бы крайне обескуражен, увидев чернокожего агента, но не только потому, что отдаленные предки Фреда явно не были уроженцами Новой Англии, а в большей степени по той причине, что агент был абсолютно лишен стиля Девятой улицы — места в Вашингтоне, где расположена штаб-квартира ФБР. Дельрей надевал белую рубашку и галстук только в тех случаях, когда этого требовали его секретные поручения, и относился к подобному костюму так же, как и к любому другому в его по необходимости обширном гардеробе. Сегодня же демонстрировался аутентичный стиль Дельрея: темно-зеленый костюм в клетку, розовая рубашка в духе какого-нибудь бесшабашного исполнительного директора с Уолл-стрит и оранжевый галстук, от которого у Райма сразу же зарябило в глазах.

Дельрея сопровождал его недавно назначенный начальник — агент, которому был подотчетен нью-йоркский офис ФБР, Такер Макдэниел. Он начинал свою карьеру в Вашингтоне, после чего выполнял различные поручения на Ближнем Востоке и в Южной Азии. Это был крепко сбитый смуглый мужчина с густой темной шевелюрой, но с ярко-голубыми глазами, всегда смотревшими так пристально и подозрительно, словно их владелец уличал вас во лжи.

Подобное выражение лица было профессиональным, сам Райм частенько им пользовался.

Нью-йоркскую полицию представлял тучный Лон Селлитто — в сером костюме и необычной для него зеленовато-голубой рубашке. Единственной пока не измятой деталью в его одежде оставался галстук в пятнах — по прихоти изготовителя, а вовсе не из-за неаккуратности владельца, — возможно, очередной подарок на день рождения от подружки по имени Рэйчел или от сына. Официальными помощниками детектива из отдела по расследованию особо опасных преступлений считались Амелия Сакс и Рон Пуласки, светловолосый моложавый офицер из патрульной службы. В ходе расследований Рон работал не

столько с Селлитто, своим шефом, сколько с Раймом и Сакс. Пуласки пришел в обычной темно-синей форме нью-йоркского полицейского.

Оба федерала, Макдэниел и Ноубл, кончено же, слышали о Райме, но никогда раньше не встречались с ним, и теперь начали демонстрировать многообразные формы удивления, сочувствия и неловкости при виде полностью парализованного консультанта по криминалистике, который тем не менее ловко лавировал по комнате в инвалидном кресле. Последствия новизны и некоторой нестандартности ситуации постепенно начали рассеиваться, как это происходит всегда за исключением случаев с чрезмерно угодливыми гостями. И вскоре внимание посетителей привлекло нечто еще более поразительное — роскошная гостиная, обшитая дубовыми панелями, заполненная таким суперсовременным оборудованием для проведения криминалистической экспертизы, которому могли бы позавидовать многие городские управления полиции.

Обменявшись приветствиями, Ноубл занял полагавшееся ему по чину центральное место.

— Мистер Райм...

— Линкольн, — поправил тот.

Райма жутко злило, когда кто-то начинал проявлять к нему подчеркнутое почтение. Он воспринимал обращение по фамилии как утонченный способ выразить свое сочувствие: «Бедняга, нам так жаль, что ты на весь остаток жизни прикован к инвалидному креслу, но не беспокойся, мы будем с тобой особенно вежливы».

Сакс уловила специфический тон, с которым детектив поправил федерала, и многозначительно повела глазами. Райм едва сдержал улыбку.

— Ну что ж, в таком случае, конечно, Линкольн. — Ноубл откашлялся. — Вот суть происшедшего. Что вам известно о сетях... об электрических сетях?

— Немногое, — откровенно признался Райм.

Он изучал электричество в колледже, но особого интереса к данному разделу физики не питал и знал только то, что электромагнетизм является одной из четырех фундаментальных сил в природе — наряду с гравитацией и со слабыми и сильными ядерными взаимодействиями. Но это чистая теория. На практическом же уровне интерес Райма к электричеству ограничивался необходимостью в обеспечении

электропитания сложного оборудования у него в лаборатории. Оно было чрезвычайно энергоемким, и Райму уже дважды приходилось менять здесь проводку, чтобы увеличить поступление электроэнергии.

Кроме того, Райм прекрасно сознавал, что его собственное существование и функционирование полностью зависит от электричества: вентилятор, который гнал кислород через его легкие сразу же после несчастного случая, а теперь батареи в инвалидном кресле, управляемом с помощью сенсорной панели и блока управления с речевым вводом. Ну и, конечно, компьютер.

Без электричества он вряд ли бы протянул долго.

— Суть в том, — продолжал Ноубл, — что некто проник на одну из подстанций электроэнергетической компании и вывел кабель из здания…

— Некто подразумевает единственное число? — уточнил Райм.

— Пока неизвестно.

— Значит, кабель снаружи. Так.

— …А затем проник в компьютер, управляющий сетями. Он перепрограммировал его таким образом, что тот начал направлять через названную подстанцию больший объем электричества, чем она могла выдержать.

Излагая факты, Ноубл вертел запонки, выполненные в форме каких-то животных.

— И поток электроэнергии буквально зашкалил, — вставил второй фэбээровец, Макдэниел. — Все это электричество стремилось уйти в землю. И в результате произошло то, что у них называется вольтовой дугой. Взрыв. Похожий на удар молнии.

Температура пять тысяч градусов…

— Мощность такова, что в результате возникает плазма. Состояние материи…

— …которое не является ни газообразным, ни жидким, ни твердым, — продолжил за агента Райм.

— Именно. Относительно небольшая вольтова дуга обладает взрывной мощностью в фунт в тротиловом эквиваленте, а в данном случае она была весьма значительная.

— И целью был автобус? — спросил Райм.

— Складывается впечатление, что да.

— Но у автобусов резиновые покрышки, — заметил Селлитто. — Во время грозы самое безопасное место — транспорт. Я что-то такое видел в каком-то шоу.

— Верно, — согласился Макдэниел. — Однако таинственный некто все тщательно продумал. Автобус был с опускающейся подножкой. Либо преступник рассчитывал на то, что ступенька коснется земли, либо на то, что кто-то из пассажиров будет одной ногой стоять на земле, а другой — в автобусе. И этого будет вполне достаточно для дуги.

Ноубл продолжал теребить крошечное серебряное млекопитающее у себя на манжете.

— Но время вышло. Или у него возникли какие-то проблемы с целью. Разряд ударил по столбу с объявлениями рядом с остановкой. В результате один пассажир погиб, несколько человек, находившихся неподалеку, были оглушены, еще несколько получили легкие ранения осколками стекла. Ну и начался пожар, конечно. Если бы разряд угодил в автобус, последствия были бы гораздо более серьезными. По крайней мере половина находившихся в нем наверняка погибли бы или получили ожоги третьей степени.

— Лон упомянул о веерном отключении, — заметил Райм.

К беседе вновь подключился Макдэниел.

— Он использовал компьютер для отключения четырех других подстанций в этом районе, чтобы вся электроэнергия поступала на одну-единственную подстанцию, расположенную на Пятьдесят седьмой улице. Как только возникла дуга, та подстанция также отключилась, но компания «Алгонкин» сумела снова подключить часть других подстанций. В настоящее время шесть кварталов в районе Клинтон обесточены. Разве вы не видели в новостях?

— Я редко смотрю новости, — ответил Райм.

— Водитель или кто-то еще что-нибудь видели? — спросила Сакс.

— Ничего существенного. Там находились несколько работников компании. Они получили указание от руководства «Алгонкин» пройти на подстанцию и как-то перенаправить энергетические потоки. Слава Богу, дуга возникла до того, как они туда вошли.

— Внутри никого не было? — спросил Фред Дельрей. Агент явно не страдал от избытка информации, и Райм понял, что у Макдэниела просто не было времени довести до сведения всех членов своей команды детали происшедшего.

— Нет. На подстанциях обычно находится только оборудование, и сотрудники компаний приходят туда лишь для рутинного осмотра и ремонта.

— Каким образом злоумышленнику удалось взломать программное обеспечение? — спросил Лон Селлитто, громко скрипя плетеным креслом.

— Сложно сказать, — ответил Гэри Ноубл. — В данный момент мы прорабатываем несколько возможных сценариев. Наши хакеры пытаются воссоздать последовательность действий террориста, но они не могут проникнуть внутрь программного обеспечения компании. Знаете, сценарий всегда один и тот же — плохие парни в техническом отношении постоянно опережают нас на один шаг.

— Кто-нибудь взял на себя ответственность? — спросил Рон Пуласки.

— Пока нет, — ответил Ноубл.

— Почему же в таком случае вы употребляете слово «терроризм»? — спросил Райм. — Мне кажется, мы просто имеем дело с очень удачным способом на какое-то время отключить системы безопасности и оповещения. Есть сообщения о каких-либо убийствах или ограблениях?

— Пока нет, — ответил Селлитто.

— У нас есть пара причин полагать, что это все-таки террористическая атака, — заметил Макдэниел. — Во-первых, наша новейшая программа по анализу неопределенных паттернов и профилей взаимодействия выдала такое заключение. И сразу же после случившегося я попросил своих людей пройтись по сигналам из Мэриленда. — Он сделал паузу, словно предупреждая, что никто не должен повторять то, что он собирается произнести. Райм понял, что федерал имеет в виду таинственный мир подпольных разведывательных организаций, которые в техническом смысле слова лишены какой-либо официальной юрисдикции на территории страны, но тем не менее активно работают, пролезая во все мыслимые и немыслимые дыры в поисках различных фактов антигосударственной деятельности. Министерство национальной безопасности — самое лучшее в мире учреждение по подслушиванию и выслеживанию — располагалось на территории штата Мэриленд. — И новая система «Сигинт» также выдала кое-что интересное.

«Сигинт». Сигнальный интеллект. Система, предназначенная для отслеживания и прослушки сотовых и спутниковых телефонов, читки электронной почты… Вполне логичный подход в случае, когда кто-то использует электричество для совершения нападения.

— Есть определенные указания на то, что в нашем районе действует новая террористическая группа, отсутствующая в наших картотеках.

— И кто же? — спросил Селлитто.

— Ее название начинается со слова «справедливость», в нем также присутствует предлог «для».

«Справедливость для…»

— И больше ничего? — спросила Сакс.

— Нет, больше ничего. Возможно, «Справедливость для Аллаха». «Справедливость для угнетенных». Для кого угодно. Мы не знаем точно.

— Но слова-то английские? — заметил Райм. — Не арабские. Не сомалийские и не индонезийские.

— Да, — согласился Макдэниел. — Однако мы пропускаем все доступные нам виды коммуникации через многоязычные и многодиалектные программы анализа.

— Вполне законным образом, — поспешно добавил Ноубл, — то, что попадает к нам вполне законным образом…

— Тем не менее большая часть их обмена информацией проходит в «облачной зоне», — заметил Макдэниел. Он не пояснил, что имел в виду под последним термином.

— Гм… Что вы имели в виду, сэр? — переспросил Рон Пуласки. Он опередил Райма, вопрос которого прозвучал бы гораздо менее тактично.

— «Облачная зона»? Это выражение возникло в компьютерном языке, в контексте последних тенденций, когда ваши данные и программы сохраняются на серверах в другом месте, а не на вашем собственном компьютере. Я писал аналитическое исследование на упомянутую тему и воспользовался указанным термином для обозначения новых коммуникационных протоколов. Негативные игроки для передачи информации не пользуются обычными сотовыми телефонами и электронной почтой. Интересующие нас люди для пересылки сообщений применяют новые технологии типа блогов, сетей «Твиттер», «Фейсбук», а также вводят особые коды в загружаемую музыку и видео.

И лично я думаю, что они располагают какими-то абсолютно новыми системами, новыми разновидностями модифицированных телефонов, рациями с альтернативной частотой.

«Облачная зона»… «Негативные игроки»…

— Почему вы уверены, что за данным нападением стоит «Справедливость для…»? — спросила Сакс.

— Нет, мы вовсе не уверены, — ответил Ноубл.

— Просто за последние несколько дней, — вмешался Макдэниел, — «Сигинт» привлек наше внимание к определенным денежным перемещениям, а также к движению персонала и высказыванию «Это должно быть нечто значительное». Поэтому, когда сегодня произошло нападение, мы подумали, что все как-то связано.

— И к тому же приближается День Земли, — заметил Ноубл.

Райм плохо представлял, что такое День Земли, и никаких мнений на сей счет у него также не было, кроме обычного отношения к любым праздникам и шумным мероприятиям: толпы народа, заполняющие улицы и отвлекающие силы нью-йоркской полиции от выполнения более серьезных заданий.

— Возможно, мы имеем дело с чем-то большим, чем простое совпадение, — продолжил свои рассуждения Ноубл. — Нападение на электрические сети накануне Дня Земли? Президента это заинтересовало.

— Президента? — переспросил Селлитто.

— Да. В данный момент он находится на международной встрече, посвященной проблеме возобновляемых источников энергии.

— Значит, экотерроризм? — задумчиво произнес Селлитто.

Явление в высшей степени экзотическое для Нью-Йорка.

— Возможно, «Справедливость для окружающей среды», — предложила свой вариант Сакс.

— Но есть и еще одно, — продолжил Макдэниел. — «Сигинт» отметил корреляцию «Справедливости для…» с именем Рахман. Фамилию, однако, установить не удалось. В наших списках наблюдения за людьми, возможно, причастными к исламистским террористическим

организациям, имеется восемь подозрительных Рахманов. Это может быть кто-то из них, но кто — неясно.

Ноубл оставил в покое медведей или ламантинов на своих запонках и принялся поигрывать с изысканной и дорогой ручкой.

— Мы предположили, что Рахман может являться членом «спящей ячейки», которая находится здесь уже много лет, возможно, с 11 сентября. Но ведет жизнь, далекую от исламских традиций. Связан с умеренными тенденциями и избегает арабских мечетей.

— Я вызвал Т-К группу из Квонтико, — добавил Макдэниел.

— Т-К? — раздраженно переспросил Райм.

— Технико-коммуникационную, для организации наблюдений. И специалистов по установке подслушивающих устройств, если в них возникнет необходимость. А также двух адвокатов. Кроме того, дополнительно вот-вот прибудут еще двести агентов.

Райм и Селлитто переглянулись. Исключительно многочисленные силы для единичного инцидента, который даже не является частью никакого другого, более крупного расследования. При этом все мобилизуется с немыслимой скоростью. Ведь атака случилась всего два часа назад.

От федерала не ускользнула их реакция.

— Мы убеждены, что терроризм меняет свое лицо. Поэтому и мы применяем новые подходы к борьбе с ним. Как, например, самолеты-«трутни» на Среднем Востоке и в Афганистане, пилоты которых находятся рядом с супермаркетом где-нибудь в Колорадо-Спрингс или Омахе.

«Облачная зона»...

— Т-К уже на месте, поэтому очень скоро мы запеленгуем новые сигналы. Однако нам нужны и традиционные подходы. — Он окинул взглядом лабораторию. («По-видимому, имеет в виду криминалистику», — подумал Райм.) После этого агент посмотрел на Дельрея. — И работа на улицах. Хотя Фред сообщил мне, что удача ему вовсе не сопутствовала.

Талант Дельрея как детектива уступал лишь его умению работать с носителями важной информации. После 11 сентября он сумел войти в доверие к большой группе членов местного исламского сообщества и сделать из них надежных информаторов. Кроме того, за прошедшие годы он изучил арабский, индонезийский и фарси. Дельрей регулярно сотрудничал с довольно внушительным по численности

антитеррористическим отделом нью-йоркской полиции. Однако ему пришлось подтвердить слова начальника.

— Ничего не слышал ни о «Справедливости для...», ни о Рахмане. Моим ребятам в Бруклине, Нью-Джерси, Куинсе и Мэриленде ничего об этом не известно.

— Но все ведь произошло только что, — напомнил Селлитто.

— Верно, — медленно произнес Макдэниел. — Нечто подобное, вне всякого сомнения, должно было тщательно планироваться, как вы думаете? В течение месяца?

— Думаю, что да. По меньшей мере, — ответил Ноубл.

— Видите, вот та самая чертова «облачная зона».

Райм выслушал критику Макдэниела в адрес Фреда Дельрея: «Польза от информаторов в том и заключается, чтобы заранее знать о возможности преступлений до их совершения».

— На этом и остановимся, Фред, — подвел итог Макдэниел. — Ты у нас прекрасный работник.

— Конечно, Такер.

Ноубл отложил ручку в сторону. Теперь он внимательно смотрел на часы.

— Итак, Агентство национальной безопасности свяжется с Вашингтоном, Госдепартаментом и с посольствами, если возникнет необходимость. Но полиция и ФБР будут работать с этим делом, как с любым другим. Линкольн, всем известен ваш опыт в криминалистике, поэтому мы надеемся, что вы тщательно проанализируете все имеющиеся следы преступника. В данный момент мы собираем группу криминалистов. Они будут на месте, на подстанции, через двадцать минут. В крайнем случае через полчаса.

— Да, конечно, мы поможем, — ответил Райм. — Но нам нужно обследовать все место преступления. От входа до выхода. И все остальные места, которые могут иметь хоть какую-то связь с происшедшим. И не только следы. Весь клубок нитей.

Он бросил взгляд на Селлитто. Тот решительно кивнул, что означало: я тебя полностью поддерживаю.

В последовавшие за этим неловкие мгновения все прекрасно осознали подтекст сказанного — кто на самом деле будет главным лицом во всем нынешнем дознании. Суть современной работы в полиции и сводится к этому принципу: кто ведет криминалистическую сторону дела, тот фактически и руководит всем следствием. Таковы практические последствия значительного прогресса в криминалистических технологиях, имевшего места за последние десять лет. С помощью рутинного осмотра места преступления и анализа найденных материалов криминалисты могут лучше, чем кто бы то ни было, понять суть преступления, выявить возможных подозреваемых и определить основные версии происшедшего.

Триумвират в составе Ноубла с Макдэниелом от ФБР и Селлитто — от нью-йоркской полиции будет принимать стратегические решения. Но если они согласятся считать Райма в качестве ключевой фигуры в криминалистической составляющей расследования, именно он и окажется главным следователем в данном деле. Что, несомненно, имеет смысл. Он занимался расследованием преступлений в Нью-Йорке дольше кого-либо из них, и, так как пока не имелось подозреваемых или каких-либо определенных версий совершившегося, основное поле деятельности по логике следовало предоставить именно криминалисту.

А главное заключалось в том, что Райму самому очень захотелось поучаствовать в расследовании этого дела. Основной причиной была скука...

Ну конечно, и определенная гордыня.

Поэтому он решил ограничиться самым лучшим аргументом — промолчал. Просто пристально посмотрел на агента Гэри Ноубла.

Макдэниел немного поерзал в кресле — его собственных криминалистов подвинут в сторону. Ноубл перевел взгляд на него и спросил:

— Что ты думаешь, Такер?

— Нам известна работа мистера Райма... работа Линкольна. У меня нет никаких возражений относительно проведения им криминалистической части расследования. Конечно, при условии постоянной координации действий с нами.

— Разумеется.

— Кто-то из наших людей должен входить в команду. И полученные сведения должны поступать к нам как можно скорее. — Он пристально взглянул в глаза Райма. — Самое важное — быстрота.

Тем самым он хочет сказать, подумал Райм, что не верит в то, что кто-либо в таком состоянии может делать что бы то ни было быстро. Селлитто недовольно зашевелился в своем кресле. Но в словах агента, по сути, не было ничего унизительного для Райма. Абсолютно законное напоминание, которое в подобных условиях сделал бы и сам Райм.

И потому он кратко ответил:

— Все понял.

— Отлично. Я поставлю своих людей в известность, и они смогут помогать вам по мере необходимости, — заверил агент.

— А теперь, что касается прессы, — вступил в разговор Ноубл. — В данный момент мы хотим немного стушевать террористический аспект. Пусть пока все воспринимается как несчастный случай. Однако в СМИ уже просочилась определенная информация по поводу того, что речь идет о чем-то более серьезном. Люди встревожены.

— Могу подтвердить, — кивнул Макдэниел. — В моем офисе производится отслеживание интернетного трафика. Резкий скачок в поиске таких слов и словосочетаний, как «смерть от электрического тока», «дуга», «веерное отключение». Число просмотров видео с вольтовой дугой на YouTube просто зашкаливает. Все до смерти напуганы. Вот двое парней работают с электрической панелью, и вдруг экран заполняет ослепительно яркая вспышка, один из ребят лежит, и половина его тела объята огнем.

— И многие боятся того, — добавил Ноубл, — что подобные вспышки могут произойти и в других местах, не только на подстанциях. Например, у них дома и в офисах.

— А они на самом деле могут? — спросила Сакс.

Макдэниел явно не успел хорошо подготовиться по всем вопросам, связанным с вольтовой дутой.

— Думаю, что да, — неуверенно ответил он, — но не знаю, насколько высоко должно быть при этом напряжение…

Он невольно перевел взгляд на розетку в стене.

— Мне кажется, нам пора браться за работу, — прервал их рассуждения Райм, бросив взгляд на Сакс.

Она сразу же направилась к двери.

— Рон, пойдем со мной.

Пуласки последовал за Амелией.

Дверь за ними закрылась, и до оставшихся в комнате вскоре донесся звук мотора ее машины.

— Теперь еще одно. Сценарий, который мы проверяем на наших компьютерах, — сказал Макдэниел, — сводится к тому, что преступник просто проводил испытания, проверял сети в качестве будущей цели более серьезного теракта. Попытка вышла крайне неуклюжей, в результате погиб только один человек. Мы ввели все эти данные в систему, и она нам выдала, что в следующий раз они могут попробовать нечто совершенно иное. Существует возможность, что мы имели дело с сингулярным явлением.

— С чем с чем? — переспросил Райм. Его страшно раздражал их язык.

— С сингулярным явлением, то есть с единичным. Наша программа анализа угроз по фактору неповторяемости оценила случившееся в пятьдесят пять процентов. Не самый худший коэффициент.

— А не яснее ли будет сказать, — заметил Райм, — что шанс, что кого-то где-нибудь в Нью-Йорке таким же способом убьет током, равен сорока пяти?.. И это может произойти прямо сейчас.

5

Подстанция MX-10 «Алгонкин консолидейтед» представляла собой миниатюрный средневековый замок в тихом районе к югу от Линкольн-центра. Построенная из грубого неровного известняка и в течение нескольких десятилетий принимавшая на себя всю нью-йоркскую грязь и копоть, она выглядела неряшливо и убого. Угловой камень почти стерся от времени, но на нем еще можно было прочитать «1928 г.».

Было без нескольких минут два, когда Амелия Сакс притормозила свой «форд-торино-кобра» красно-коричневого цвета у подстанции прямо за пострадавшим автобусом. Автомобиль привлек несколько любопытных и восхищенных взглядов находившихся там полицейских и пожарных. Она вышла из машины, сунула картонку с надписью «Полиция Нью-Йорка» под дворник на лобовом стекле и окинула взглядом место происшествия. За ней из машины вылез Рон Пуласки и с громким стуком захлопнул за собой дверцу.

Амелии сразу же бросились в глаза странные диспропорции в окружающем пейзаже. Современные здания — по меньшей мере в двадцать этажей — окружали подстанцию, которая по какой-то непонятной причине располагала диковинными готическими башенками. По каменной стене шли белые полосы — следы, оставленные многочисленными селившимися здесь голубями, которые стали уже понемногу возвращаться после первоначального переполоха, вызванного случившимся. На окнах со стеклами из желтоватого стекла стояли выкрашенные в черный цвет решетки.

Толстые металлические двери были открыты, внутри царила темнота.

Блея электронной сиреной, подъехал автомобиль отдела криминалистики нью-йоркской полиции. Машина остановилась, и из нее вышли трое сотрудников из Куинса. Сакс уже приходилось несколько раз работать с ними в ходе расследования ряда дел, и она кивком поприветствовала молодого латиноамериканца, женщину с монголоидными чертами и их руководителя — детектива Гретхен Залофф. Сакс кивнула детективу, та помахала ей в ответ и, бросив мрачный взгляд на подстанцию, проследовала к большому фургону, из которого ее подчиненные начали выгружать оборудование.

Сакс перевела взгляд на обочину улицы, отделенную желтой лентой, за которой собралось человек пятьдесят зевак. Автобус, который, по всей вероятности, и был объектом нападения, стоял перед входом на подстанцию, пустой и скособоченный. Правые шины спущены. Краска в передней части ободрана. Половина окон стали матовыми от серой сажи.

Подошла врач из медслужбы, крупная чернокожая женщина, и поздоровалась с Амелией. Сакс ответила:

— Привет.

Врачам, работающим в следственных органах, приходится видеть самые жуткие сцены. Но в данном случае даже она была потрясена.

— Детектив, вам нужно бы посмотреть самой.

Сакс проследовала за ней к карете «скорой помощи», где лежало тело погибшего, которое должны были перевезти в морг. Оно было накрыто темно-зеленым вощеным брезентом.

— Кажется, это был последний пассажир. Вначале мы думали, что нам удастся его спасти. Но… не получилось.

— Его убило током?

— Вам лучше самой посмотреть, — прошептала врач и подняла брезент.

Сакс застыла, почувствовав запах горелой кожи и волос, поднимавшийся от трупа. Она взглянула на жертву — латиноамериканец в деловом костюме, или, точнее, в том, что от него осталось. Спина и большая часть правой стороны тела представляли собой смесь из сгоревшей кожи и одежды. Ожоги второй и третьей степени, заключила Сакс. Но не это ее потрясло. По службе ей приходилось видеть массу самых тяжелых ожогов, случайных и преднамеренных. Жуткое зрелище являло тело погибшего после того, как медики срезали с него куски обгоревшей одежды. Перед Амелией предстали десятки ран, покрывавших всю его поверхность. Создавалось впечатление, что человек стал жертвой выстрела из ружья немыслимой мощности.

— Большая их часть, — заметила медик, — сквозные.

— В чем же причина?

— Не знаю. Никогда в жизни ничего подобного не видела.

Кроме того, Сакс бросилось в глаза и еще одно. Все раны были отчетливо видны.

— Нет крови.

— Что-то прижгло раны. Поэтому… — она внезапно перешла на шепот, — поэтому он оставался в сознании до самого конца.

У Сакс перехватило дыхание, когда она попыталась представить себе ту боль, которую пережил этот человек.

— Каким образом?.. — спросила она скорее сама у себя, чем у врача.

И тут же получила ответ.

— Амелия, — позвал ее Рон Пуласки.

Она повернулась к нему.

— Столб с объявлениями у автобусной остановки. Посмотри.

— О Господи! — пробормотала Сакс и подошла к самому краю пространства, обнесенного желтой лентой. На расстоянии шести футов над землей в металлическом столбе было пробито отверстие в пять дюймов шириной. Металл от взрыва расплавился словно пластик. Затем она сосредоточила внимание на окнах автобуса и грузовика, припаркованного рядом. Поначалу Амелия думала, что стекло сделалось

матовым из-за огня. Но нет, удар мелкими осколками — теми самыми, которые убили пассажира, — пришелся и по транспорту. Металлическая обшивка была вся во вмятинах и отверстиях.

— Посмотри, — прошептала она, указывая на обочину и фасад подстанции. В камне были видны многочисленные крошечные кратеры.

Сакс открыла пластиковый чемоданчик и вытащила оттуда синие латексные перчатки. Натянув их, она наклонилась и подняла небольшой металлический диск немного удлиненной формы, лежавший у основания столба. Он был настолько горячий, что даже перчатка начала плавиться.

Когда Амелия поняла, что́ у нее в руках, она внутренне содрогнулась.

— Что это? — спросил Пуласки.

— Из-за дуги расплавился столб.

Она оглянулась по сторонам и увидела десятки таких же осколков на земле, в боковине автобуса, в стенах зданий и в стоящих неподалеку машинах.

Именно они и убили молодого пассажира. Поток расплавленных металлических осколков, летящих по воздуху со скоростью тысяча футов в секунду.

Рон медленно выдохнул.

— Если в тебя попадет что-то подобное... и прожжет насквозь...

Сакс снова содрогнулась при мысли о перенесенной молодым человеком боли. И при мысли о том, какими страшными могли бы быть результаты взрыва. Эта часть улицы практически пуста. Но если бы подстанция располагалась ближе к центру Манхэттена, скорее всего погибли бы человек десять-пятнадцать прохожих.

Сакс подняла голову и поняла, что смотрит на оружие, которое использовал преступник: из одного из окон, выходивших на Пятьдесят седьмую улицу, свисал кусок толстого провода длиной около двух футов. Его покрывала изоляция черного цвета, но конец был свободен от нее, и к голому кабелю присоединена обгоревшая пластина. Она производила впечатление какого-то обычного приспособления и не вызывала ни малейших ассоциаций с тем жутким взрывом, который недавно здесь произошел.

Сакс и Пуласки присоединились к группе из двух десятков сотрудников органов безопасности, ФБР и нью-йоркской полиции, которые собрались в фургоне — на импровизированном командном посту ФБР. Некоторые из собравшихся были в бронежилетах; другие в рабочей форме криминалистов; кто-то — в обычных костюмах или в форме, соответствующей их чину. Шло распределение поручений. Прежде всего планировалось провести поиск свидетелей, проверить наличие дополнительных взрывных устройств и других ловушек — излюбленного метода террористов.

Какой-то мрачный худощавый мужчина лет пятидесяти стоял, скрестив руки на груди, и пристально смотрел на здание подстанции. На цепочке у него на шее висело удостоверение «Алгонкин консолидейтед». Это был главный представитель компании на месте происшествия. Он отвечал за здешний отрезок сетей. Сакс попросила его рассказать о том, что конкретно удалось выяснить компании относительно происшествия. Он подробно отчитался перед ней, а она все сведения занесла в блокнот.

— А камеры слежения?

— К сожалению, камер не было, — ответил сотрудник компании. — Нам подобное просто не пришло в голову. На дверях множество замков. И внутри, поверьте мне, нечего воровать. Кроме того, сам по себе ток — прекрасная замена сторожевому псу. И очень злому притом.

— Каким образом, по вашему мнению, преступник проник внутрь? — спросила Сакс.

— Когда мы прибыли сюда, дверь была заперта. На ней номерной замок.

— У кого есть коды от него?

— У всех сотрудников. Но он проник туда другим путем. В замках имеются чипы, которые отмечают все случаи их вскрытия. Эти замки не открывали уже два дня. А вот его — он указал на провод, свисавший из окна, — два дня назад там явно не было. Преступник проник внутрь каким-то другим способом.

Амелия повернулась к Пуласки.

— Когда закончишь здесь, проверь заднюю часть здания, окна и крышу. А есть ли какой-нибудь подземный вход? — спросила она у представителя компании.

— Мне ничего о нем не известно. Электрические провода проведены внутрь станции по специальным желобам, по которым человек пролезть

не может. Но конечно, здесь могут быть и какие-то другие туннели, о которых я ничего не знаю.

— В любом случае проверь, Рон.

После этого Сакс допросила водителя автобуса, которому оказали первую помощь по поводу многочисленных порезов стеклом и сотрясения мозга. У него отмечались также временные повреждения зрения и слуха, но он настоял на том, чтобы остаться и помочь полиции. Однако толку от него было не много. Водитель упомянул о том, что его удивил вид провода, свисающего из окна, — ничего подобного он раньше не видел. Он почувствовал запах дыма, услышал хлопки внутри здания. Затем жуткая вспышка.

— Так быстро, — прошептал водитель. — В жизни не видел ничего такого быстрого…

Его отбросило на стекло, он пришел в себя через десять минут.

Водитель замолчал и уставился на свой поломанный автобус; на лице у него отразились глубокое разочарование и печаль.

Вслед за этим Сакс обратилась к присутствующим агентам и полицейским и сказала, что ей вместе с Пуласки нужно осмотреть место происшествия. Она не знала, информированы ли они о разрешении на подобный осмотр, которое дал Такер Макдэниел. Среди высшего начальства в правоохранительных органах была распространена привычка с милой улыбкой раздавать вам всевозможные обещания и тут же после вашего ухода начисто забывать о них. Но, как выяснилось, агенты ФБР были в курсе договоренности. Некоторые были явно раздражены тем, что столь важную функцию передали полиции, другие же на первый взгляд не возражали и смотрели на Сакс с восхищением и любопытством — ведь она входила в группу, возглавляемую самим легендарным Линкольном Раймом.

Повернувшись к Пуласки, Амелия сказала:

— За работу, — и направилась к фургону с оборудованием, на ходу завязывая волосы.

Пуласки на мгновение задержался, бросив взгляд на сотню мелких кусочков металла, разбросанных по тротуару и засевших в стене здания, затем перевел взгляд на провод, свисающий из окна.

— А ток ведь отключили?

Сакс жестом пригласила его следовать за ней.

6

Человек в темно-синем поношенном рабочем комбинезоне «Алгонкин консолидейтед», в защитных очках и в бейсболке без каких-либо символов суетился перед эксплуатационной панелью в задней части спортивного клуба в районе Челси на Манхэттене.

Занимаясь своей обычной работой — установкой оборудования, подсоединением дополнительных проводов, обрезкой лишних, — он размышлял о том, что произошло сегодняшним утром. Все СМИ судачили об инциденте. Один человек погиб и несколько получили травмы, после того как вследствие перегрузки на одной из подстанций компании на Манхэттене возник страшнейший разряд, ударивший в столб рядом с остановкой и едва не попавший в автобус.

— Было похоже, знаете ли, на удар молнии, — сообщала одна из свидетельниц, пассажирка автобуса. — Она охватила всю обочину улицы. Я буквально ослепла. И звук… Я не могу его описать. Он напоминал громкое рычание, после чего последовал взрыв. Теперь я боюсь подходить к электрическим приборам. Я просто обезумела от страха. Наверное, любой, увидев что-то подобное, обезумел бы.

«Вы в этом не одиноки», — подумал электрик. Люди сознавали присутствие электричества — и относились к нему с ужасом и благоговением — на протяжении более пяти тысяч лет. Само слово «электричество» произошло от греческого слова, означавшего «янтарь» — затвердевшую древесную смолу, которую в древности использовали для получения статических зарядов с помощью трения. Эффект онемения, возникавший после соприкосновения с угрями и некоторыми другими видами рыб, водившимися в реках и морях у побережья Египта, Греции и Рима, был подробно описан задолго до начала христианской эры.

Рыбы появились в размышлениях электрика не случайно — он краем глаза заметил пятерых людей, лениво барахтавшихся в клубном бассейне. Три женщины и двое мужчин, все пенсионного возраста.

Одна рыба, которая его особенно восхищала, называлась «электрический скат». Некоторые называли его также «торпеда». Торпедой именуют и оружие, которым оснащены подводные лодки. Источником происхождения этого названия было латинское слово «torpor» — «окоченение, оцепенение». Скат располагает двумя батареями в теле, состоящими из сотен тысяч студенистых пластин. Они вырабатывают электричество, которое сложным хитросплетением нервных волокон, подобно проводам, переносится по всему телу. Вырабатываемый ток используется в защитных целях, но также и для

нападения во время охоты. Скаты обычно лежат в засаде и при приближении жертвы используют свой заряд, чтобы оглушить ее, а иногда чтобы сразу же и убить. Крупные скаты способны вырабатывать до двухсот вольт напряжения и выдавать больше ампер, чем электродрель.

Просто потрясающе...

Человек закончил работать с панелью и оценивающим взглядом окинул результаты своего труда. Подобно линейным обходчикам и опытным электрикам по всему миру он испытывал гордость за отлично сделанную работу. Человек понимал, что работа с электричеством не просто профессия, это самая настоящая наука и даже высокое искусство. Закрыв за собой дверь, он проследовал в дальнюю часть клуба, к мужской раздевалке, и там стал ждать, не видимый никем.

Подобно электрическому скату.

Здешний район — отдаленная часть Вест-Сайда — являлся в основном жилым. Сейчас, в середине дня, клуб был почти пуст, никто не бегал трусцой, не плавал, не играл в сквош, хотя стоит рабочему дню закончиться — и здание заполнится сотнями местных обитателей, желающих с помощью спортивных упражнений избавиться от напряжения рабочего дня.

Но ему не нужна была большая толпа. По крайней мере не сейчас. Всему свое время.

Люди подумают, что он просто рабочий, и даже не заметят его, поэтому человек обратил все свое внимание на противопожарную панель, снял крышку и стал осматривать внутренности — правда, без особого интереса. Думал же он об электрических скатах. Те из них, что живут в соленой воде, представляют собой параллельный контур и производят меньшее напряжение, так как морская вода — лучший проводник, чем пресная, и, чтобы убить жертву, можно не наносить по ней слишком сильный удар. Электрические скаты, обитающие в реках и озерах, с другой стороны, являются чем-то вроде последовательной цепи и производят более высокое напряжение, чтобы скомпенсировать низкую проводимость пресной воды.

Это было для него не только предметом восхищения, но в данный момент представляло вполне практический интерес — он тестировал проводимость воды и задавался вопросом, правильно ли сделал все подсчеты.

Ждать ему пришлось каких-нибудь минут десять, прежде чем он услышал звук шагов и увидел одного из пловцов, лысеющего мужчину лет шестидесяти. Тот вошел в душ.

Человек в комбинезоне украдкой взглянул на пловца, который повернул кран и встал под струю горячей воды, не подозревая, что за ним наблюдают.

Три минуты, пять... Намыливается, смывает пену.

Человека в комбинезоне охватывает нетерпение, он понимает, что рискует, хватает пульт, чувствует, как напрягаются плечевые мышцы.

*Torpor.*Он беззвучно рассмеялся. И расслабился.

Наконец член клуба вышел из душевой и стал растираться полотенцем. Натянул на себя халат, на ноги нацепил тапочки. После чего проследовал к двери в раздевалку и взялся за ручку.

Человек в комбинезоне нажал на пульте одновременно две кнопки.

У пожилого мужчины перехватило дыхание, и он застыл на месте.

Затем отступил и озадаченно уставился на ручку. Взглянул на свои пальцы и снова быстро коснулся ручки.

Глупо, конечно. Никогда нельзя опередить электричество.

Но на сей раз шока не было, и пожилой член клуба остановился в размышлении над тем, с чем же он столкнулся — с острым заусенцем на металлической ручке или с приступом артрита в пальцевых суставах.

На самом деле он испытал на себе удар тока всего в несколько миллиампер. Человек в комбинезоне не собирался здесь никого убивать. Он просто проводил эксперимент, преследуя две цели: во-первых, проверить, будет ли работать придуманный им пульт управления на таком расстоянии, проникая через бетон и сталь — он работал, и работал превосходно, — а во-вторых, установить, как в точности влияет вода на проводимость. Об этом много говорят и пишут инженеры по технике безопасности, но никто никогда по-настоящему не охарактеризовал данную величину в конкретных цифрах с практической точки зрения. Под практической точкой зрения он понимал точную оценку силы тока, необходимой для того, чтобы довести человека во влажной кожаной обуви до состояния мерцательной аритмии и смерти.

Ответ был: очень небольшая.

Превосходно.

Человек в комбинезоне спустился вниз по лестнице и вышел в заднюю дверь.

Он вновь подумал о рыбах и электричестве. Но на сей раз не о его производстве, а об установлении наличия. Ну, к примеру, у акул. Они обладают в буквальном смысле слова шестым чувством — потрясающей способностью ощущать биоэлектрическую активность в теле своей жертвы на расстоянии нескольких миль — задолго до того, как она появится в поле зрения хищника...

Человек глянул на часы и подумал, что следствие на подстанции, по-видимому, в полном разгаре. К несчастью для ведущих его, человеческие существа не обладают шестым акульим чувством. И конечно же, к несчастью для большинства других обитателей обреченного города под названием Нью-Йорк.

7

На Сакс и Пуласки были голубые спортивные комбинезоны фирмы «Тайвек», маски, сапоги и защитные очки. И, по настоянию Райма, они всегда обматывали ноги резиновой лентой, чтобы было легче отличить их собственные следы от чужих. Надев пояс, к которому были прикреплены рация и видеопередатчик — ну и, конечно, оружие, — Амелия перешагнула через желтую ленту, отчего сразу же почувствовала резкую артритную боль в суставах. В сырые дни, или после осмотра сложного места происшествия, или во время преследования преступника колени и бедра болели у нее до такой степени, что она готова была втайне позавидовать параличу Линкольна Райма. Сакс, конечно, никогда не высказывала подобных безумных мыслей вслух и даже не позволяла им задержаться более чем на мгновение в голове, но они время от времени появлялись сами собой. Во всех человеческих состояниях есть свои преимущества.

Амелия на мгновение задержалась на тротуаре внутри огороженного периметра. Когда Райм руководил отделом криминалистики в нью-йоркской полиции, он настаивал, чтобы его подчиненные проводили осмотр места происшествия в одиночку, если оно, конечно, было не слишком велико. Линкольн исходил из того, что человек, как правило, склонен проявлять меньшую тщательность, если обследованием территории занимается не он один, так как прекрасно понимает: другие все равно найдут то, что он пропустит. Еще одна проблема заключалась в том, что не только преступники оставляли следы, но и после экспертов-криминалистов при всех их защитных костюмах и способах предосторожности они тоже оставались. А подобное

загрязнение материалов по делу могло все испортить. И чем больше людей принимало участие в поиске, тем выше была вероятность ошибки.

Сакс заглянула в черный зияющий провал двери, из которого все еще выходил дым, и невольно вспомнила об оружии на бедре. Оно ведь металлическое.

Электричество отключено...

«Ну давай иди, — приказала она себе. — Чем быстрее после совершения преступления ты осмотришь место происшествия, тем выше будет качество собранного материала. Капли пота, в которых можно отыскать бесценные ДНК, очень быстро испаряются. Важные кусочки волокон и волосы уносит ветер и, наоборот, приносит много ненужного мусора, мешающего и способного ввести в заблуждение».

Сакс сунула наушник в ухо под капюшон, приладила другой под подбородком, затем включила передатчик и услышала в наушнике голос Райма:

— ...ты уже на месте, Сакс? Все в порядке? Ты меня слышишь? Что это такое?

Он видел примерно то же самое, что и она, с помощью небольшой видеокамеры высокого разрешения, укрепленной у Амелии на голове на специальной повязке. Она поняла, что инстинктивно перевела взгляд на дыру, прожженную в столбе. Сакс подробно объяснила, что произошло, рассказала о дуге, о каплях расплавившегося металла.

Какое-то мгновение Райм молчал, потом медленно произнес:

— Серьезное оружие... Ну что ж, начинай осмотр.

Существует несколько способов проведения подобного осмотра. Один из самых популярных состоит в том, чтобы начать с наиболее отдаленной от центра точки и продвигаться к центру все более сужающимися концентрическими кругами.

Но Линкольн Райм предпочитал другой способ. Иногда в беседах с учениками он сравнивал свой излюбленный способ с выкашиванием лужайки. «Представьте, — говорил детектив, — что вы косите траву, но только делаете это дважды. Вы проходите по прямой вдоль одной стороны места происшествия, затем разворачиваетесь, делаете шаг влево или вправо и возвращаетесь в том же направлении, в котором только что шли. Закончив, вы начинаете движение перпендикулярно направлению, по которому двигались первоначально, и здесь повторяете ту же схему».

Райм настаивал на том, что некоторым представлялось излишним, так как в его понимании первичный осмотр места происшествия был самым важным. Дальнейшие осмотры, как правило, бывали уже практически бессмысленны.

Работа криминалиста в чем-то сродни охоте падальщика. Цель очень проста: найти что-нибудь — все, что угодно, — что оставил преступник, а что-то всегда обязательно от него остается. Французский криминалист Эдмон Локар сто лет назад заметил, что в случае совершения преступления происходит обмен неким физическим материалом между преступником и местом преступления или жертвой. Порой то, что оставил преступник, очень трудно, а иногда и невозможно увидеть, но оно всегда есть: чтобы его отыскать, надо просто знать, как и где искать, и быть при этом достаточно терпеливым и усердным.

И вот Амелия Сакс приступила к осмотру, начав с орудия преступления — со свисающего провода.

— Создается впечатление, что преступник…

— Или преступники, — поправил ее Райм. — Если за всем случившимся действительно стоит «Справедливость для…», тогда причастных к делу может быть довольно много.

— Не спорю.

Линкольн всегда стремился к тому, чтобы Амелия не сделала ошибки номер один, которую так часто совершают криминалисты, — не попала бы в зависимость от заранее сложившихся предположений и умозаключений. Наличие трупа, крови и пистолета заставляет предположить, что жертву застрелили. Но если вы позволите этому предположению сделаться уверенностью, то почти наверняка не обратите внимания на нож, которым на самом деле и была убита жертва.

— Итак, преступник — или преступники — выбросил провод изнутри, — продолжала Сакс. — Тем не менее мне представляется, что ему или им необходимо было побывать и на улице, чтобы оценить расстояние и измерить угол.

— Ты хочешь сказать, нацелить его на автобус?

— Именно.

— Хорошо, продолжай осмотр на улице.

Она окинула внимательным взглядом почву под ногами.

— Окурки сигарет, пробки от пивных бутылок. Однако рядом с дверью и окном, из которого болтается провод, ничего.

— Не отвлекайся на них. Он же явно не курил и не пил, делая свою работу. Преступник слишком умен, если учитывать то, как он все проделал. Но должны остаться следы на том месте, где он стоял. Поблизости от здания.

— Здесь выступ, видишь? — Амелия смотрела на невысокий бортик на высоте трех футов над землей. Верхняя его часть была усеяна шипами, чтобы ни голубям, ни людям не вздумалось там усесться, но им при желании можно было воспользоваться как ступенькой, если нужно было что-то достать в окне. — На выступе есть следы. Недостаточно для электростатики.

— Давай посмотрим.

Амелия наклонилась. Она и Райм посредством видеокамеры смотрели на некие следы, которые могли быть отпечатками обуви, рядом со зданием.

— Ты не можешь снять отпечаток?

— Нет. Недостаточно отчетливо. Но по виду следы скорее всего мужские. Широкие квадратные носки… вот, пожалуй, и все. Однако можно сделать вывод, что, даже если действовали несколько преступников, ловушку устраивал один — тот, кто оставил эти следы.

Амелия обследовала тротуар дальше, но не нашла там ничего заслуживающего внимания.

— Сними след, Сакс, а затем осмотри внутреннюю часть подстанции.

По ее просьбе двое сотрудников из Куинса установили мощные галогенные лампы и направили их свет внутрь помещения. Сакс сделала несколько снимков, сняла отпечатки с тротуара и с выступа на здании.

— И не забудь… — начал Райм.

— Подслой, — закончила за него Амелия.

— Всегда меня опережаешь, Сакс.

Не совсем так, подумала она, ведь он был ее учителем на протяжении многих лет, и если бы Амелия не научилась его методам обследования места происшествия, из нее вряд ли бы получился толковый криминалист.

Сакс вышла за пределы периметра и сняла вторые контрольные образцы для сравнения с первыми. Любые различия между тем, что собрано на определенном расстоянии от места преступления, и тем, что обнаружено там, где предположительно находился некто, могут дать очень важную информацию относительно его самого или же его окружения.

Конечно, могут и ничего не дать... но такова уж природа работы криминалиста. Ни в чем нельзя быть уверенным, но ты просто делаешь то, что можешь, и то, что от тебя требуется.

Сакс передала собранные материалы помощникам и помахала рукой представителю компании «Алгонкин».

Он поспешил к ней с тем же торжественно-мрачным выражением лица.

— Слушаю вас, детектив.

— Теперь мне нужно осмотреть здание подстанции внутри. Вы не можете поточнее объяснить, что я должна искать? Каким образом преступник мог закрепить провод? Мне необходимо найти место, где он стоял, и то, чего касался.

— Давайте я лучше найду кого-нибудь, кто занимается здесь регулярным ремонтом. — Представитель компании окинул взглядом своих рабочих и подозвал человека в желтой каске и в темно-синем комбинезоне с фирменным знаком «Алгонкин консолидейтед». Рабочий потушил сигарету и подошел к ним. Менеджер представил его Амелии и объяснил, чего она от него хочет.

— Да, конечно, мэм, — отозвался рабочий и со здания подстанции перевел взгляд на ее грудь, несмотря на то, что она скрывалась под просторным спортивным костюмом «Тайвек». Амелия подумала, что следовало бы ответить ему пристальным взглядом в сторону его большого пивного живота, но потом решила, что не стоит. Собаки мочатся, как известно, под каждым столбом — их от этого не отучишь.

— Я смогу найти то место, где преступник прикрепил провод к источнику тока? — спросила Сакс.

— Да все там будет видно, — ответил рабочий. — Думаю, что он подсоединил конец к выключателям. Они на главном этаже. Справа от входа.

— Спроси его, действовала ли линия, когда преступник присоединял провод, — подсказал Амелии Райм. — По его ответу мы поймем, насколько квалифицирован был злоумышленник.

Сакс спросила рабочего об этом.

— Конечно. Он подключался к действующей линии.

Амелия была потрясена.

— Но как он мог сделать такое?

— На нем был защитный костюм. Ну и, конечно, он предварительно удостоверился в надежности изоляции.

— У меня к нему есть еще один вопрос, — услышала Амелия голос Райма. — Спроси у него, как ему удается хорошо выполнять свою работу, если он так много внимания уделяет женским грудям.

Сакс с трудом подавила улыбку.

Но пока она шла ко входу в подстанцию среди рассыпанных по тротуару застывших капель расплавленного металла, желание улыбаться у нее полностью пропало. Амелия остановилась и повернулась к представителю компании.

— Хочу еще раз услышать подтверждение. Электричество отключено, верно? — Она кивнула в сторону подстанции. — Там все обесточено?

— О, ну конечно! — ответил менеджер, но тут же добавил: — Кроме батарей.

— Батарей? — Она остановилась и обернулась к нему.

— Батарей, на которых работают выключатели сети, — пояснил представитель компании. — Но они не входят в энергосистему и не будут соединены с проводом.

— Хорошо. А могут эти батареи представлять какую-то опасность?

У Амелии перед глазами стояло тело несчастного пассажира, усыпанное бесчисленными крошечными ранами.

— Конечно, могут. — Представитель компании отвечал таким тоном, каким отвечают детям на их наивные вопросы. — Не волнуйтесь, на терминалах надежная изоляция.

Сакс повернулась и направилась к подстанции.

— Я вхожу внутрь, Райм.

Амелия сразу же обратила внимание на то, что по какой-то причине от света мощных прожекторов внутренность подстанции выглядела еще более зловещей, чем если бы она была вообще не освещена.

Врата ада, подумала она.

— У меня голова начинает кружиться, Сакс. Что ты там делаешь?

Что она делала? Амелия колебалась, не решаясь пройти дальше, стоя на пороге и вглядываясь в разверстую пасть открытой двери. Она почувствовала — хотя Райм, конечно, этого заметить не мог, — что нервно потирает пальцы. Иногда Сакс растирала их до крови, сдирая кожу. Но сейчас ее дурная привычка могла привести к тому, что она повредит поверхность латексной перчатки и оставит на месте происшествия собственные следы. Амелия потрясла руками и ответила:

— Просто осматриваюсь.

Впрочем, они слишком хорошо знали друг друга, чтобы она могла обмануть Райма, поэтому он сразу же спросил:

— Что-нибудь не так?

Сакс сделала глубокий вдох и ответила:

— Немного жутковато, должна признаться. Эта вольтова дуга и все такое… И то, как погиб парень из автобуса. В общем, страшно.

— Хочешь передохнуть? Пригласи кого-нибудь из экспертов из «Алгонкин». Они помогут тебе пройти.

По его голосу и тону Сакс поняла, что Райм не хочет, чтобы она последовала его совету. Именно за такие проявления характера Амелия и любила Линкольна: отсутствием какого-либо снисхождения и поблажек он демонстрировал реальное уважение к ней. Дома, за столом, в кровати, они всегда были одним целым. Здесь же их роли были очень четко распределены: он криминалист-аналитик, она криминалист, собирающий улики.

Амелия вспомнила свою личную мантру, которую когда-то услышала от отца: «Пока ты идешь вперед, тебя никто не сможет победить».

Значит, вперед…

— Нет, со мной все в порядке.

И Амелия Сакс вошла в ад.

8

— Тебе все хорошо видно?

— Да, — ответил Райм.

Сакс включила галогенную лампу, прикрепленную у нее на голове. Небольшого размера, но очень мощная, она пронизала сумрачное пространство резким лучом света. Но даже при ее свете вокруг оставалось много темных углов, напоминающих пещеры. Подстанция снаружи казалась гораздо меньше, ниже и уже, чем на самом деле, из-за высоких зданий, со всех сторон окружавших ее.

Глаза у Амелии жгло, а в носу щекотало от остатков дыма. Райм настаивал, чтобы проводящий осмотр места происшествия обязательно нюхал воздух: запахи многое могут сообщить о преступнике и характере преступления, — однако здесь аромат был довольно однообразен: горелая резина с маслянисто-металлическим привкусом, напоминающая запах автомобильных моторов. У нее в голове пронеслись воспоминания о том, как они с отцом проводили воскресные дни, до невыносимой боли в спине горбясь над открытым капотом «шевроле» или «доджа», пытаясь вернуть к жизни механические нервы и сосуды автомобилей. И совсем недавние воспоминания: она и Пэмми, девочка-подросток, ставшая почти племянницей для Амелии, ремонтируют «торино-кобру», а маленькая собачонка Пэмми по кличке Джексон терпеливо ждет на верстаке завершения их «хирургической операции».

Повернув голову, чтобы осветить затененные углы, Сакс заметила шкафы для инструментов: одни были бежевого и серого цветов, довольно новые на вид, другие, оставшиеся здесь с предыдущего столетия, — темно-зеленые, с прикрепленными к ним металлическими пластинками с названием фирмы-производителя и места выпуска. На отдельных не имелось почтового кода, что свидетельствовало об их солидном возрасте.

Основной этаж подстанции был круглым и нависал над открытым подвальным этажом, располагавшимся двадцатью футами ниже. Его можно было разглядеть, наклонившись над ограждением. На основном этаже пол бетонный, но некоторые платформы и ступеньки лестницы — металлические.

Металлические...

Главное, что было известно Сакс об электричестве, — это то, что металл является хорошим проводником тока.

Она отыскала провод, свисавший из окна и прикрепленный к той части оборудования, о которой ей говорил рабочий. Амелия сразу же поняла, где должен был находиться преступник, чтобы прикрепить провод. И начала осмотр именно оттуда.

— Что там такое на полу? — услышала она голос Райма. — Блестит вроде...

— Похоже на грязь или масло, — ответила Амелия, понизив голос. — Возможно, что-то из оборудования, поврежденного огнем. А может быть, здесь имела место еще одна вольтова дуга.

Она обратила внимание на целый десяток выжженных кругов, которые, по всей вероятности, возникли там, где вспышка задела стены и стоящее поодаль оборудование.

— Хорошо.

— Что?

— Его следы будут отчетливо видны.

Абсолютно верно. Но, глядя на то, что поначалу показалось ей грязью на полу, Сакс подумала, а не является ли масло, так же как металл и вода, хорошим проводником тока?

И где чертовы батареи?

Она и в самом деле нашла очень четкие следы рядом с окном, в котором преступник пробил дыру, чтобы пропустить сквозь нее свой смертоносный провод, и рядом с которым присоединил его к проводам компании «Алгонкин».

— А не могли эти следы оставить рабочие, когда пришли сюда после случившегося? — спросила Сакс.

— Нам придется все выяснить.

Ей самой или Рону Пуласки предстоит снять отпечатки обуви рабочих, чтобы сравнить их со следами у окна и тем самым исключить совпадение. Однако, в конце концов, преступником мог быть как раз кто-то из рабочих. Даже если преступление было спланировано «Справедливостью для...», организация вполне могла использовать кого-то из сотрудников компании для исполнения теракта.

Тем не менее, фотографируя следы, Амелия заметила:

— И все-таки я думаю, что они принадлежат преступнику, Райм. Следы одинаковые, а отпечаток носка сходен с отпечатком на выступе.

— Великолепно! — отозвался Райм.

Сакс сняла электростатический отпечаток следов, а после этого осмотрела провод, который был тоньше, чем она предполагала, — всего полдюйма в диаметре. Он был покрыт черной изоляцией и составлен из серебристых проводков, сплетенных вместе. Ее удивило, что он не медный. В общей сложности он протянулся на пятнадцать футов. К основной линии компании провод был присоединен с помощью двух латунных или медных болтов с отверстиями в три четверти дюйма в каждом.

— Значит, вот оно, наше оружие? — спросил Райм.

— Ну да, оно.

— Тяжелое?

Амелия взвесила его на руке, взяв за резиновую изоляцию.

— Нет, это алюминий.

Удивительно, что нечто столь незначительное по виду и величине способно было вызвать такие разрушительные последствия. Глядя на провод, Сакс прикидывала, что из инструментов может понадобиться, чтобы его отсоединить. Амелия вышла наружу, чтобы взять сумку из машины. Ее собственный набор инструментов, которым она пользовалась для ремонта машины и по дому, был ей более знаком, чем то, что находилось в фургоне полиции. Собственные инструменты были для нее все равно что старые друзья.

— Ну как идут дела? — спросил Пуласки.

— Идут, — пробормотала Амелия. — Ты установил, как он пробрался внутрь?

— Я осмотрел крышу. Маловероятно. Что бы там ни говорили люди из компании, думаю, он прошел под землей. Я собираюсь осмотреть люки и подвал. Явных проходов здесь нет, но это и хорошо. Он, наверное, считал себя большим хитрецом. Если повезет, мы найдем что-то интересное.

Райм постоянно напоминал своим подчиненным, что одно преступление всегда имеет несколько мест, с ним связанных. Да, конечно, есть только одно место, где преступление было совершено. Но ведь к нему должны быть пути доступа, по которым преступник пришел туда и ушел оттуда, и

они могут быть абсолютно разными. И тех и других может быть много, если преступников было несколько. Кроме того, могут существовать точки встреч. Нельзя исключать и наличие какого-нибудь мотеля, в котором после совершения преступления злоумышленники собираются, чтобы отметить успех и разделить добычу. И в девяти случаях из десяти именно в подобных местах — вторичных и третичных по своему формальному значению — преступники забывают надеть перчатки и замести за собой следы. Порой там они оставляют даже свои имена и адреса.

Через микрофон Сакс Райм услышал слова Пуласки и сказал:

— Хорошо работаешь, Новичок. Только забудь слово «повезет».

— Слушаю, сэр.

— И самодовольные улыбочки тоже. Я все заметил.

Лицо Пуласки вытянулось. Он совсем забыл, что Райм использует Амелию Сакс в качестве своих глаз, ушей и ног. Молодой человек повернулся и отправился продолжать поиск пути проникновения преступника на подстанцию.

Вернувшись обратно с инструментами, Сакс протерла их специальными адгезивными салфетками, чтобы удалить все, что могло способствовать загрязнению, после чего подошла к выключателям — к тому месту, где провод присоединялся болтами. Она уже протянула руку к металлической части провода, но инстинктивно остановилась, прежде чем коснулась его. Амелия пристально всматривалась в голый металл, сверкавший под лучом света, исходившим из лампы у нее на шлеме.

— Сакс?.. — Это был голос Райма. Она невольно вздрогнула, но ничего не ответила. Перед ее мысленным взором встала дыра в столбе, смертоносные кусочки расплавленной стали, дыры в теле погибшего молодого человека.

Электричество отключено.

Но что, если вот сейчас она коснется металла, а кому-нибудь на расстоянии двух или трех миль отсюда, в уютном маленьком зале в центре управления, придет в голову включить его? Нажать кнопку, забыв о том, что в данный момент идет расследование?

И где, черт возьми, проклятые батареи?..

— Нам нужен материал, — настойчиво сказал Райм.

— Да, конечно. — Амелия натянула нейлоновый чехол на конец своего гаечного ключа, чтобы ничего с инструментов не попало на здешние болты и гайки и не загрязнило следы, оставленные преступником. Она наклонилась вперед и после секундного колебания приставила гаечный ключ к первому болту. Приложив определенное усилие, Амелия высвободила его. Сакс работала максимально быстро, ожидая в любое мгновение сильнейшего удара тока, хотя при таком напряжении она вряд ли вообще что-то почувствовала бы перед смертью.

Мгновение спустя Амелия открутила и второй болт, высвободив провод. Сакс свернула его и запечатала в пластик. Болты и гайки отправились в пакет с вещественными доказательствами. Она вынесла и то и другое на улицу, чтобы Пуласки или кто-нибудь из помощников все забрал, и снова вернулась внутрь.

Взглянув на пол, Амелия обнаружила еще несколько следов, которые были похожи на те, которые, по ее мнению, оставил преступник, и задумчиво наклонила голову.

— У меня от таких поворотов начнется головокружение, Сакс.

— Что это такое? — спросила она вслух, обращаясь то ли к самой себе, то ли к Райму.

— Ты что-то услышала?

— Да, а ты нет?

— Если бы я услышал, то не спрашивал бы тебя.

До Сакс доносилось нечто напоминающее постукивание. Она прошла к центру подстанции и заглянула за перила вниз, в темную пустоту.

Наверное, показалось?..

Нет, снова этот звук.

— Теперь и я слышу, — подтвердил Райм.

— Он идет откуда-то снизу, из подвала.

Постоянные механические удары. Вряд ли такой звук будет издавать человек.

«Неужели бомба с часовым механизмом?» — с ужасом подумала Амелия. И вновь мысль о ловушке. Преступник чрезвычайно хитер. Он ведь прекрасно знал, что криминалисты приложат все усилия, чтобы самым

тщательным образом осмотреть подстанцию. И ему захотелось их остановить. Она поделилась своими соображениями с Раймом.

— Но если уж он задумал поставить ловушку, почему не устроил ее рядом с проводом? — ответил Линкольн.

Они одновременно пришли к одному и тому же выводу, но Райм озвучил его первым:

— Потому что то, что находится в подвале, представляет для него гораздо большую опасность. И если электричество отключено, откуда берется шум?

— Звук идет не с секундным интервалом, Райм. Значит, это не часовой механизм.

Она вглядывалась в темноту за перилами, стараясь не касаться металла.

— Темно. Я ничего не вижу, — сказал Линкольн.

— Я все-таки выясню, — отозвалась Сакс и начала спускаться по спиральной лестнице.

По металлической лестнице.

Десять шагов, пятнадцать, двадцать. Случайные лучи света от прожекторов освещали некоторые участки стен, но только поверху. Ниже все было темно и мрачно, и темнота еще более усиливалась из-за остатков дыма. Амелия дышала часто и тяжело, стараясь не поперхнуться. Когда она дошла почти до самого низа, расположенного на расстоянии примерно двух полных этажей от основного помещения подстанции, то уже практически ничего не видела. Свет шахтерской лампы отражался в ее глазах, но эта лампочка была единственным освещением, которым она располагала. Амелия водила головой из стороны в сторону, высвечивая лампой множество каких-то ящиков, механизмов, проводов и панелей, покрывавших стены.

Она застыла, потом дотронулась до пистолета на бедре. И сошла с последней ступеньки лестницы.

У нее перехватило дыхание от сильной дрожи, пробежавшей по всему телу.

— Сакс! Что такое?

Она совсем забыла о том, что пол в подвале покрыт двухфутовым слоем мерзкой ледяной воды. Из-за дыма ее просто не было видно.

— Вода, Райм. Я не ожидала. И посмотри.

Она сфокусировала свет на точке на высоте десяти футов у нее над головой — на трубе, которая дала течь.

Вот оттуда-то и исходил шум. Не постукивание, а звук падающих капель. Сама мысль о воде на электрической подстанции казалась настолько невероятной и настолько опасной, что Амелии просто в голову не могло прийти, что источником звука являются капли воды.

— Из-за взрыва?

— Нет. Он просверлил дыру, Райм. Я ее вижу. Даже две дыры. Вода течет и по стене тоже.

Сакс подумала: наверное, вода такой же хороший проводник тока, как и металл?..

Она стояла чуть ли не по колени в ней рядом со сплетением проводов, десятком переключателей и табличкой: «Опасно: напряжение 138 тысяч вольт».

Голос Райма вывел ее из оцепенения:

— Он затопил подвал, чтобы уничтожить улики.

— Да, наверное.

— Сакс, а что это такое? Не могу толком разглядеть. Вот та коробка. Большая. Посмотри направо… Да-да, вон там. Что это?

А, наконец-то.

— Батарея, Райм. Запасная батарея.

— Она заряжена?

— Говорят, что да. Но я не…

Амелия подошла поближе. Стрелка на батарее показывала, что она действительно заряжена. Более того, создавалось впечатление, что на ней был избыточный заряд. Стрелка зашкаливала за сотню. Она вдруг вспомнила то, о чем говорили рабочие компании: не стоит беспокоиться — на ней хорошая изоляция.

Но никакой изоляции тут не было. Амелия прекрасно знала, как выглядит изоляция на таких батареях; на здешней же ничего подобного

не имелось. Два металлических блока, соединенные с толстыми проводами, были свободны от всякой изоляции.

— Уровень воды поднимается. Через несколько минут она будет рядом с терминалами.

— Напряжения достаточно, чтобы вызвать очередную дугу?

— Не знаю, Райм.

— Должно быть, да, — прошептал он. — Преступник использует вольтову дугу, чтобы уничтожить следы, которые могут привести нас к нему. Что-то такое, что он не мог забрать с собой или уничтожить на месте. Ты можешь перекрыть воду?

Амелия быстро оглянулась по сторонам.

— Нет, никаких кранов не видно… Минутку.

Сакс продолжала оглядывать подвал.

— Ума не приложу, что он хотел тут уничтожить.

И в это мгновение она кое-что заметила — прямо за батареей на высоте четырех футов над землей располагалась дверца. Совсем небольшая — квадрат со стороной дюймов восемнадцать.

— Вот оно, Райм. Вот как он сюда проник.

— Должно быть, канализационный люк или туннель с коммуникациями на противоположной стороне. Но оставь пока. Пуласки все равно найдет его с улицы. Выходи оттуда.

— Нет, Райм, взгляни на дверцу, она ведь очень узкая. Ему пришлось протискиваться в нее. Там должны были остаться очень четкие следы: волокна одежды, волосы, возможно, ДНК. По какой другой причине он так хочет здесь все уничтожить?

Райм колебался. Он понимал, что Сакс права, но боялся, что она станет жертвой очередной вольтовой дуги.

Продвигаясь к ферме, Амелия загребала воду ногами, отчего возникали небольшие волны, которые почти касались батареи.

Она застыла.

— Сакс!

— Ш-ш-ш…

Ей нужно сосредоточиться. Если она будет продвигаться всего на несколько дюймов за один шаг, то не поднимет таких высоких волн. При этом Сакс понимала, что минуты через две вода дойдет до батареи.

С помощью плоской отвертки она начала снимать крышку, удерживавшую дверцу.

Вода уже почти достигла батареи. Всякий раз, когда Амелия делала какое-то движение, откручивая присохшие болты, поднимались волны мутной воды, которые подскакивали почти до самых контактов.

Напряжение в батарее было, конечно же, меньше ста тысяч вольт, вызвавших дугу на улице, но здесь преступнику, по-видимому, и не нужны такие большие разрушения. Ему необходимо было устроить достаточно сильный взрыв, чтобы уничтожить все те улики, которые он мог здесь оставить.

Ей нужна эта чертова дверь!..

— Сакс?.. — прошептал Райм.

Амелия не обратила на него внимания. Она даже забыла о сквозных дырах в теле жертвы, о расплавленных каплях металла…

Наконец вылетел последний болт. Старая засохшая краска продолжала удерживать дверцу. Сакс сунула отвертку в щель и с силой надавила. Металлическая дверца с хрустом отвалилась. Она оказалась тяжелее, чем казалось, и Амелия чуть не уронила ее. Но ей удалось удержаться на месте и не поднять цунами до батареи.

В отверстие Сакс увидела узкий туннель для коммуникаций, по которому преступник и пролез на подстанцию.

— В туннель, скорее! — прошептал Райм. — Там ты будешь в безопасности. Скорее!

— Я попытаюсь.

Однако дверца не проходила в отверстие из-за того, что к ней была прикреплена рама.

— Не могу, — сказала Амелия и пояснила, в чем проблема. — Я поднимусь по лестнице.

— Нет, Сакс. Бросай дверцу. И выбирайся по туннелю.

— Но дверца — такая хорошая улика.

Прижимая ее к себе, она стала пробираться к лестнице, время от времени оглядываясь на батарею. Двигалась Амелия до ужаса медленно, но даже при таком медленном движении волны поднимались и почти касались края батарей.

— Что происходит, Сакс?

— Я уже почти у лестницы, — прошептала она так, словно боялась, что слишком громкий голос вызовет еще большее волнение воды.

Однако Амелия находилась еще примерно на полпути к лестнице, когда вода едва заметным прибоем достигла вначале первой, а затем и второй батареи.

Но никакой дуги.

Вообще ничего.

Плечи Сакс опустились, сердце учащенно забилось.

— Это фальшивка, Райм. Нечего беспоко...

И тут белая вспышка, сопровождавшаяся оглушительным треском, ослепила Амелию Сакс, и ее отбросило назад, под потоки грязной и мутной воды.

9

— Том!..

Ассистент бросился в комнату к Райму.

— Что случилось? С тобой все в порядке?

— Дело не во мне, — рявкнул Райм в ответ. С широко открытыми от ужаса глазами он кивнул на пустой экран: — Амелия. Она была на месте преступления. Батарея... еще одна вольтова дуга. Все аудио- и видеопередатчики отключились. Вызови Пуласки! Вызови кого-нибудь!..

Том озабоченно прищурился, но он уже достаточно давно занимался уходом за больными и прекрасно знал: какова бы ни была проблема, необходимо продолжать хладнокровно выполнять свои обязанности. Том спокойно снял трубку городского телефона, взглянул на список номеров сбоку и нажал кнопку быстрого набора.

Паника не концентрируется в животе, она не спускается вниз по спине, как электричество в проводе, находящемся под напряжением. Паника сразу охватывает и сотрясает все тело и душу в каждой их точке, даже если ваше тело полностью парализовано. Райм злился прежде всего на самого себя. Ему следовало приказать Сакс уходить в то же мгновение, как только они увидели батарею и подъем воды. Но он настолько привык сосредоточиваться на расследовании, на цели, на поиске всех этих крошечных волокон одежды, кусочков краски — чего угодно, что приближало к установлению личности преступника, — что забыл о другом, не менее важном обстоятельстве — о том, что ставит на карту человеческие жизни.

Взять, к примеру, его собственную травму. Райм служил в нью-йоркской полиции в звании капитана, возглавлял отдел криминалистики; в тот день он сам проводил обследование места преступления, наклонился, чтобы взять какие-то волокна с трупа, когда сверху на него свалилась громадная балка и навсегда изменила его жизнь.

И то же самое отношение к работе, которое ему удалось привить и Амелии Сакс, могло в данном случае привести к еще худшим последствиям — она могла погибнуть.

Тому удалось дозвониться.

— С кем? — крикнул Райм. — С кем ты говоришь? С ней все в порядке?..

Том поднял руку.

— Что это значит? Что ты хочешь сказать?

Райм почувствовал, как по лбу у него бежит струйка пота, как участилось дыхание, а сердце бешено заколотилось, но чувствовал он его биение не грудью, а шеей и челюстью.

— Я говорю с Роном, — ответил Том. — Он на подстанции.

— Я знаю, где он, черт подери. Что у них там происходит?

— Произошел... инцидент. Так они говорят.

Инцидент...

— А где Амелия?

— Ищут. Внутри находятся несколько человек. Они слышали взрыв.

— Я знаю, что был взрыв. Я, черт подери, его видел!

Помощник перевел взгляд на Райма.

— Как ты... как ты себя чувствуешь?

— Да брось ты задавать идиотские вопросы! Что у них там происходит?

Том внимательно рассматривал лицо Райма.

— Ты жутко красный.

— Со мной все в порядке, — спокойно ответил криминалист, только чтобы заставить молодого человека сосредоточиться на информации, которую тот получал из телефонного разговора. — Клянусь!

Том наклонил голову и, к ужасу Райма, застыл. Его плечи немного поднялись.

Нет, только не это...

— Да, хорошо, — произнес Том в трубку.

— Что — хорошо? — рявкнул криминалист.

Том не обратил внимания на слова Райма.

— Точную информацию, пожалуйста.

И, зажав трубку между шеей и плечом, Том начал что-то набирать на основном компьютере лаборатории.

Экран снова ожил.

Райм был буквально вне себя, когда увидел на экране промокшую до нитки, но по виду совершенно невредимую Амелию Сакс. Пряди рыжих волос прилипли к ее лицу, словно водоросли у аквалангистки.

— Извини, Райм, уронила главную камеру, когда упала под воду. — Она громко откашлялась, вытерла лоб и с нескрываемым отвращением взглянула на свои пальцы.

Паника мгновенно сменилась облегчением, хотя злость — на самого себя — у Райма осталась.

Сакс оглядывалась куда-то назад, в глазах ее застыл еще не до конца прошедший испуг.

— Я сижу за ноутбуком одного из рабочих компании. В нем есть веб-камера. Ты меня хорошо видишь?

— Да-да. С тобой все в порядке?

— Просто наглоталась мерзкой грязной воды. А в остальном — в порядке.

— Но что произошло? Вольтова дуга?..

— Нет, не было никакой дуги. В батареях недостаточно мощности для этого. Парень из компании сказал мне, что напряжения там маловато… Преступник попытался сделать бомбу. С батареями такое возможно. Запечатываешь отверстия и превышаешь нагрузку на батарею. В результате выделяется газообразный водород. Когда вода дошла до батарей, возникло короткое замыкание, и от искры водород вспыхнул. Вот что произошло.

— Тебя осмотрели врачи?

— Нет, особой нужды нет. Взрыв был довольно громкий, но не такой уж сильный. Меня немножко побило кусками пластика из обшивки. Даже синяков не осталось. С ног, правда, сшибло, но дверцу я держала над головой. Не думаю, что она слишком загрязнена.

— Хорошо, Аме… — Райм замолчал, не договорив до конца ее имя. Несколько лет назад между ними возникла молчаливая договоренность, основанная на какой-то примете — в общении никогда не называть друг друга по имени. И сейчас он чуть было не нарушил их давний договор. — Хорошо. Значит, так он и проник внутрь.

— Скорее всего.

И тут он заметил, что Том идет к стене. Помощник взял тонометр и надел манжету Райму на руку.

— Не надо…

— Тише! — крикнул Том. — Ты весь красный и вспотел.

— Всего лишь потому, что у нас на месте преступления произошел этот долбаный инцидент.

— У тебя болит голова?

У Райма на самом деле болела голова, но он ответил:

— Нет.

— Не лги.

— Немного. Не имеет значения.

Том приложил стетоскоп к руке Райма.

— Извини, Амелия. Мне нужно тридцать секунд, чтобы его успокоить.

— Да, конечно.

Райм было запротестовал, но потом понял: чем быстрее Том измерит ему давление, тем быстрее он сможет снова вернуться к работе.

Ничего не чувствуя, Линкольн наблюдал, как надувается манжета, а Том прислушивается, как воздух выходит из сфигмоманометра.

Резким движением молодой человек снял манжету.

— Давление высокое. Необходимо не дать ему подняться еще выше. Нужно принять кое-какие меры.

Вежливый эвфемизм для того, что Райм со свойственной ему прямотой называл нарядом по очистке от дерьма.

— Что там у вас происходит? — спросила Сакс. — У вас все в порядке?

— В порядке. — Райм изо всех сил старался, чтобы голос не выдал его чувств. И скрыть тот неоспоримый факт, что он вдруг ощутил себя страшно уязвимым, хотя и не мог понять, из-за чего возникло это ощущение — из-за того ли, что произошло с Амелией, или из-за его собственного резко ухудшившегося физического состояния.

Кроме того, Линкольну было стыдно за свой промах.

— У него резко подскочило давление, — пояснил Том. — Ему нужно немного передохнуть и отключить телефон.

— Мы принесем все собранные улики. Райм, возвращайся на связь через полчаса.

Рестон уже начал отключать связь, когда детективу что-то ударило в голову — правда, в интеллектуальном, а не в физическом смысле.

— Подожди! — рявкнул он, обращаясь к обоим, к Тому и Сакс.

— Линкольн!.. — запротестовал его помощник.

— Пожалуйста, Том. Всего две минуты. Это очень важно.

Том, у которого внезапная вежливость Райма всегда вызывала подозрения, нехотя кивнул.

— Рон искал место, через которое преступник проник в туннель, так?

— Да.

— Он не очень далеко?

Нечеткий расплывающийся образ Сакс на экране огляделся по сторонам.

— Да.

— Пусть подойдет к камере.

Райм услышал, что Сакс зовет молодого человека. Мгновение спустя тот уже сидел в кресле и смотрел из монитора на Линкольна.

— Слушаю, сэр.

— Ты нашел, каким образом он проник в туннель за подстанцией?

— Да.

— Где?

— В переулке дальше по улице есть канализационный люк компании «Алгонкин» для доступа к паровым трубам. Оттуда нет прохода на саму подстанцию, но внутри на расстоянии примерно двадцати-тридцати футов я обнаружил решетку. Кто-то прорезал в ней дыру, достаточно большую, чтобы можно было пролезть. Ее уже заделали, но следы от отверстия остались.

— Отверстие проделали недавно?

— Да.

— Ты сделал такое заключение из-за отсутствия ржавчины на стыках?

— Да. Проход ведет к этому туннелю. Довольно старый. Возможно, использовался когда-то для доставки угля. И именно он и шел до той дверцы, которую сняла Амелия. Я находился в самом конце туннеля и видел свет, когда она сняла дверцу. А потом услышал грохот от взрыва батареи, крик Амелии и сразу же бросился к ней по туннелю.

Тон Райма резко изменился:

— Спасибо, Пуласки.

Неловкий момент. Райм настолько редко делал комплименты, что получавшие их люди не всегда знали, как вести себя в подобных случаях.

— Я постарался не слишком загрязнить место происшествия.

— Если речь идет о спасении человеческой жизни, об этом можно не думать. Запомнил?

— Да, конечно.

— Ты прошел место происшествия у канализационного люка, — продолжил главный криминалист. — И видел то место, где он прорезал отверстие в ограждении? И туннель?

— Да, сэр.

— И что-нибудь тебе бросилось в глаза?

— Только следы. Я их снял.

— Посмотрим, о чем они нам расскажут.

Том не терпящим возражений тоном прошептал на ухо Райму:

— Линкольн!..

— Еще одну минутку. Теперь ты должен еще кое в чем мне помочь, Новичок. Видишь вон тот ресторан или кафе на противоположной от подстанции стороне улицы?

Парень посмотрел направо.

— Я понял... Послушайте, а откуда вы узнали, что там есть кафе?

— О, конечно же, во время одной из своих послеобеденных прогулок, — ответил Райм, усмехнувшись.

— Но... — Молодой человек пришел в явное замешательство.

— Я знал, что там должно быть что-то в этом роде. Преступнику необходимо было откуда-то наблюдать за подстанцией. Он не мог следить за ней из гостиничного номера, так как ему пришлось бы зарегистрироваться, или из здания офиса, так как подобное вызвало бы

подозрения. Он должен был найти какое-то место, откуда мог спокойно созерцать свой объект.

— О, я понял. Вы имеете в виду его психологию. Ему доставляет удовольствие наблюдать за взрывами.

Время комплиментов прошло.

— Господи, Новичок, это уже анализ личностного профиля преступника. А тебе ведь прекрасно известно мое отношение к подобным вещам.

— Гм... Да, оно у вас не очень хорошее, Линкольн.

Райм заметил, что Амелия, стоявшая за спиной у Рона, улыбается.

— Ему нужно было увидеть, как работает устройство. Он создал нечто уникальное. Его оружие — вольтова дуга — трудно испытывать обычными способами. Ему необходимо было подстроиться под напряжение, узнать о выключателях. Преступник должен был удостовериться, что все произойдет в нужный момент — именно когда автобус окажется на остановке. Он начал манипуляции с компьютерами компании в одиннадцать двадцать, а через десять минут все уже было кончено. Так что иди и побеседуй с владельцем ресторана...

— Кафе.

— ...да, кафе, и узнай у него, был ли кто-нибудь там и сидел ли у окна за какое-то время до взрыва. Он должен был уйти сразу же после взрыва, до приезда полиции и пожарных. Да, и узнай, есть ли у них широкополосный Интернет и кто является провайдером.

Райм увидел, как Том, надевший резиновые перчатки, нетерпеливо жестикулирует.

Наряд по очистке от дерьма...

— Да, конечно, Линкольн.

— И тогда...

— Закрыть кафе и тщательно осмотреть место, где он сидел.

— Совершенно верно, Новичок. После чего немедленно возвращайтесь сюда. Оба.

Нажатием на кнопку одним из своих действующих пальцев Райм прервал разговор.

«Облачная зона», — думал Фред Дельрей, вспоминая, как особый агент Такер Макдэниел, только что пришедший на работу в нью-йоркский офис ФБР, собрал своих подчиненных и прочел им лекцию примерно на ту же тему, на которую он говорил несколько часов назад в доме Райма. О новых методах коммуникации, которые используют преступники, и о том, как ускорение научного прогресса облегчает жизнь им и усложняет нам.

«Облачная зона...»

Дельрей, конечно же, прекрасно понимал, что имелось в виду под этими словами. В наше время невозможно работать в правоохранительных органах и ничего не знать о хай-тековских подходах Макдэниела к розыску и поимке преступников, что вовсе не означало, что подобные подходы Дельрею нравились. Нет, ни в малейшей степени. И прежде всего из-за смысла пресловутой фразы. Она стала для него символом фундаментальных и, возможно, катастрофических изменений в жизни практически каждого человека.

Изменений и в его жизни тоже.

По дороге в центр на метро в тот ясный солнечный полдень Дельрей думал о своем отце, профессоре колледжа Мэримаунт-Манхэттен, авторе нескольких книг об афроамериканских философах и культурологах. Он пришел в академические круги в тридцать лет и остался там навсегда. И умер за тем столом, который называл своим домом на протяжении нескольких десятилетий. Он упал на корректуру статей того самого журнала, который основал во времена, когда гибель Мартина Лютера Кинга была еще свежа в памяти людей.

За время жизни его отца политика изменилась самым кардинальным образом — падение коммунистической системы, уход в прошлое расовой сегрегации, всплеск терроризма. Компьютеры заменили печатные машинки и библиотеки. В автомобилях появились подушки безопасности. Количество телевизионных каналов увеличилось с четырех до нескольких сотен. Но суть человеческой жизни практически не изменилась. Дельрей-старший процветал в закрытом академическом мирке, занимаясь своей любимой философией, и как же ему хотелось, чтобы сын пошел по его стопам и тоже занялся исследованиями природы человеческого бытия. Как он пытался привить своему сыну любовь к делу своей жизни!..

И в определенной степени ему это удалось. Талантливый, наделенный острым проницательным умом, юный Фред с восторгом изучал все

инкарнации человеческого: метафизику, психологию, богословие, эпистемологию, этику, политическую теорию. Ему нравились все гуманитарные области. Но Фреду потребовался всего лишь один месяц после окончания колледжа, чтобы понять: он сойдет с ума, если не сумеет применить свои таланты на практике.

Он принадлежал к тем, кто, приняв решение, никогда не отступает и ищет самые сложные и самые активные способы практического применения философии.

В результате Фред пришел на работу в ФБР.

Изменения…

Отец смирился с отступничеством сына, и они частенько пили кофе и подолгу прогуливались по Проспект-парку. Во время прогулок они пришли к пониманию того, что, несмотря на различия в характерах их работы и научных методах, взгляд на мир у них был одинаковый.

Человеческая природа, которую изучал и описывал отец и которую на опыте познавал сын в не совсем академичной роли секретного агента. Безграничное любопытство Фреда и его постижение сущности жизни сделали для него понятными мысли и чувства рядового человека. В отличие от большинства секретных агентов с их довольно ограниченным репертуаром ролей и способов их воплощения Дельрей в самом прямом смысле мог превращаться почти в любого человека.

Однажды, когда Фред, переодевшись в бездомного попрошайку с нью-йоркских улиц, сидел неподалеку от здания ФБР, мимо проходил его начальник и бросил в подставленный стакан монетку, ни на мгновение не заподозрив, что перед ним один из его подчиненных, Фред Дельрей.

Один из лучших комплиментов, которые когда-либо Дельрей получал.

Настоящий хамелеон в человеческом обличье. На одной неделе — наркоман в поисках амфетамина; на следующей — южноафриканский дипломат, желающий продать ядерные секреты, а на третьей — уже лейтенант сомалийского имама, повсюду распространяющий ненависть к Америке и подборки цитат из Корана.

Он располагал десятками различных костюмов, приобретенных или наспех скроенных им самим. Теперь они заполняли подвал особняка, купленного Фредом и Сереной несколько лет назад в Бруклине. Он быстро продвигался по карьерной лестнице, что было совершенно естественно для человека с его напором, уровнем подготовки и

абсолютным отсутствием стремления делать подножки коллегам. В настоящее время Дельрей в основном руководил действиями других секретных агентов ФБР, а также обрабатывал информацию, получаемую от массы гражданских осведомителей, хотя порой ему приходилось и самому подключаться к практическому выполнению операции. Практическая работа ему очень нравилась.

Но затем что-то изменилось.

«Облачная зона...»

Дельрей не отрицал, что как хорошие, так и плохие парни в последнее время стали значительно хитрее и подкованнее в техническом отношении. Суть перехода была очевидна: «Хьюминт» — передача разведывательной информации от одного человека к другому — уступала место «Сигинт».

Однако именно это и не устраивало Дельрея. В юности Серена хотела стать исполнительницей песенок о несчастной любви. Она прекрасно танцевала все, что угодно, от балета до джаза и современных танцев, но вот с пением у нее как-то не ладилось. У Дельрея была точно такая же ситуация с новыми технологиями обработки информации.

Он продолжал работать со своими информаторами, принимал участие в оперативной работе и получал неплохие результаты. Но с Макдэниелом и его «Т-и-К группой» — о, извини, Такер, с твоей технически-коммуникационной группой — Дельрей чувствовал себя устаревшим. Макдэниел был опытным, проницательным и упорным работником, чувствовавшим себя в условиях конкуренции как рыба в воде. При необходимости он встал бы на защиту своих людей даже против самого президента. И его методы очень хорошо работали. В прошлом месяце люди Макдэниела сумели получить важные данные из зашифрованных звонков по спутниковому телефону и благодаря этому обнаружить фундаменталистскую группировку неподалеку от Милуоки.

Дельрею и другим агентам старшего поколения как бы давали понять: ваше время прошло.

Он все еще сильно переживал из-за бестактности — скорее всего ненамеренной, — произнесенной Макдэниелом в его адрес на встрече в лаборатории у Райма: «Продолжай заниматься своим делом, Фред. Оно у тебя хорошо получается...» Что означало: «Я вовсе и не жду, что ты сможешь отыскать нечто важное по делу о „Справедливости для...“ или Рахмане».

Возможно, Макдэниел имел полное право критиковать его. Ведь у Дельрея была превосходная сеть секретных сотрудников для отслеживания террористической и подрывной деятельности. Он регулярно с ними встречался и добивался от них эффективной работы, при этом утешал напуганных, раздавал «клинекс» виноватым, чтобы они вытерли заплаканные глаза, деньги — тем, кто доносами зарабатывал на жизнь, и ощутимые подзатыльники тем, кто, как говаривала бабушка Дельрея, начинал не по одежке протягивать ножки.

Однако во всей той информации, которую удалось собрать Дельрею о замыслах террористов, даже о самых незначительных, не было ничего о рахмановской «Справедливости для...» или проклятой дуге. В данном случае люди Макдэниела обнаружили угрозу, не отходя от своих компьютеров. Как беспилотные бомбардировщики на Среднем Востоке или в Афганистане, когда управляющие ими пилоты находятся где-нибудь неподалеку от супермаркета в Колорадо-Спрингс или Омахе...

Примерно в то же время, когда появился молодой Макдэниел, у Дельрея возникла еще одна неприятная мысль: а может быть, он действительно уже далеко не так профессионален, как когда-то?..

Но ведь Рахман мог быть где-то под самым носом у Дельрея. Члены группировки «Справедливость для...» могли изучать электротехнику где-нибудь в Бруклине или в Нью-Джерси точно так же, как в свое время те, кто совершил теракт одиннадцатого сентября, изучали летное дело.

И еще одно — последнее время, надо признать, Дельрей стал каким-то рассеянным. Причина коренилась в его «другой жизни» — так он ее называл, — его жизни с Сереной, которую Фред старался не подпускать к своей работе, примерно так же как огонь стараются держать вдали от бензина. Теперь же она сделалась во много раз важнее — Фред Дельрей стал отцом. У них с Сереной год назад родился мальчик. Они обсуждали все вопросы, связанные с переменами в их семейном статусе, еще до рождения ребенка, и Серена решительно заявила, что это никак не должно отразиться на работе Фреда, он ни в коем случае не должен ее менять. Даже если она и подразумевала в дальнейшем участие в смертельно опасных операциях. Серена понимала, что работа имеет для него такое же огромное личностное значение, как для нее танцы. И возможно, в конечном итоге переход на чисто бюрократическую должность в психологическом отношении мог оказаться для него гораздо более опасным.

А вдруг роль отца влияла на выполнение им его профессиональных обязанностей? Дельрей постоянно с нетерпением ждал момента, когда он поведет Престона в парк или в магазин, будет его кормить или читать

ему. (Серена частенько заходила в детскую и, смеясь, легким движением вынимала из рук Дельрея экзистенциалистское творение Кьеркегора «Страх и трепет», заменяя его старой доброй детской книжкой «Доброй ночи, луна». Дельрей не понимал, что даже в таком раннем возрасте слова имеют значение.)

Поезд метро остановился на «Гринвич-Виллидж», и пассажиры начали заполнять вагон.

Инстинкт оперативника мгновенно отметил четверых вошедших: двоих классических карманников; парня, у которого с собой был нож или опасная открывашка, и молодого потного бизнесмена, с такой силой прижимавшего руку к карману, что если бы там была банка с кока-колой, он наверняка бы ее раздавил.

Улицы… Как же Фред Дельрей любил работу на улицах.

Но эти четверо не имели никакого отношения к его работе, и он быстро о них забыл, вновь вернувшись к болезненной для него теме. «Ну да, Фред, — говорил он себе, — ты облажался: упустил Рахмана и „Справедливость для…“. Однако жертвы и разрушения в целом незначительные». Макдэниел был снисходителен и пока не собирался делать из Дельрея козла отпущения. Пока… А ведь кто-нибудь другой на его месте так бы и поступил, совершенно не задумываясь.

И все же у Фреда был шанс найти какую-нибудь нить, которая бы вывела его на этого негодяя, и предотвратить очередное жуткое преступление. Дельрей еще мог искупить свою вину.

На следующей станции он вышел и направился в восточном направлении. Через какое-то время Фред добрался до района латиноамериканских винных погребков, больших многоквартирных домов, старых темных клубов, дурно пахнущих закусочных, объявлений о вызове такси на испанском, арабском и фарси. И ни одного куда-то спешащего с озабоченным видом бизнесмена, как в Вест-Виллидж. Здесь вообще никто никуда не спешил: большинство — в основном мужчины — просто сидели на расшатанных стульях или на порогах домов; молодежь — худая и стройная, пожилые — с большими выпирающими животами. И все они внимательно наблюдали за прохожими.

Именно в таких районах и проходила наиболее серьезная работа Фреда. По сути, это и был его офис.

Он подошел к окну кофейни и заглянул внутрь, но рассмотреть там что-нибудь было очень трудно — стекло не мыли уже несколько месяцев.

Ах, слава Богу, на месте. Дельрей увидел там человека, который мог стать либо его спасением, либо причиной окончательного падения.

В общем, его последним шансом.

Привычным жестом убедившись в том, что кобура пистолета находится на положенном ей месте, он открыл дверь и вошел внутрь.

11

— Ну как ты себя чувствуешь? — спросила Сакс, входя в лабораторию.

— Нормально, — сухо ответил Райм. — Где собранные материалы?

Говорил он без пауз.

— Рон с помощниками сейчас принесет. Я сама вела «кобру».

Подразумевается, подумал Райм, что она ехала на предельной скорости.

— А как ты? — спросил Том.

— Вся вымокла.

Что сразу же бросалось в глаза. Волосы уже начали высыхать, но одежда промокла насквозь. В остальном Амелия чувствовала себя отлично. Уже раньше стало понятно, что особых причин для беспокойства за нее не имелось. В первые мгновения после взрыва Райм был, конечно, потрясен, но, убедившись, что Амелия не пострадала, думал только о собранных вещественных доказательствах.

Ведь детектив прекрасно понимал: сорок пять шансов из ста за то, что в ближайшее время кто-то еще в Нью-Йорке может погибнуть от удара током. И уже очень скоро.

— Ну так где?..

— Что случилось? — спросила Сакс у Тома, покосившись при этом на Райма.

— Я же сказал, что со мной все нормально.

— Я с ним разговариваю. — Амелия тоже понемногу начинала выходить из себя.

— Подскочило давление. Довольно резко.

— Но теперь оно не очень высокое, Том, так? — резким тоном произнес Линкольн Райм. — Оно абсолютно нормальное. Это все равно как сообщить, что когда-то русские разместили свои ракеты на Кубе. Да, какое-то время мир жил в состоянии предельного напряжения. Однако на месте Майами не появился радиоактивный кратер — значит, проблема как-то разрешилась. Немедленно вызови Пуласки. Вызови людей из Куинса. Мне нужны ваши материалы.

Помощник не обратил на его слова ни малейшего внимания и ответил Сакс:

— Лекарства не понадобились, но я внимательно слежу за его состоянием.

Она еще раз пристальным взглядом окинула Райма, после чего сказала, что ей нужно подняться наверх переодеться.

— Что-нибудь случилось? — спросил Лон Селлитто, за несколько минут до того приехавший из центра. — Ты неважно себя чувствуешь, Линк?

— Всемогущий Боже! — выпалил Райм. — Что, здесь все оглохли? Никто меня не слушает? — Он перевел взгляд на дверь. — А, наконец-то. Черт, Пуласки, хоть от тебя можно добиться какого-то толку. Что ты привез?

Молодой полицейский, уже успевший переодеться в свою обычную форму, вкатил в комнату коробки для молока, которые криминалисты часто используют для транспортировки вещественных доказательств.

Мгновение спустя два техника из Центрального отдела криминалистики в Куинсе внесли громоздкий предмет, завернутый в пластик. Провод. Самое странное орудие преступления, которое когда-либо приходилось видеть Райму. И одно из самых опасных. За проводом последовала дверца из подвала подстанции, также завернутая в пластик.

— Пуласки? А кафе?..

— Вы были совершенно правы. У меня кое-что есть, сэр.

Приподнятая бровь Райма свидетельствовала, что обращение «сэр» было излишним. Криминалист был отставным капитаном нью-йоркской полиции и имел не большее право на подобное обращение, чем любой человек с улицы. И ему хотелось добиться того, чтобы Пуласки наконец-то преодолел свою постоянную неуверенность в себе. Отчасти она объяснялась молодостью, но не только. В ходе первого дела, над которым они работали вместе, начинающий полицейский получил серьезную травму головы. Из-за нее ему чуть было не пришлось уйти из

полиции, но все-таки он остался, несмотря на последствия травмы — иногда появлявшиеся приступы спутанности сознания и потери ориентации в пространстве. (Его решимость не уходить из полиции во многом была результатом такого же решения, когда-то принятого Раймом.)

Чтобы сделать из Пуласки высококлассного криминалиста, необходимо было сформировать в нем жесткое и устойчивое эго. Можно обладать всеми знаниями и умениями на свете, но без настоящей силы характера они окажутся совершенно бесполезными. Райм хотел добиться того, чтобы молодой полицейский занял подобающее его способностям место в иерархии нью-йоркской криминалистики. И он знал, что это вполне достижимо. У Райма была мечта: дожить до того времени, когда Пуласки и Сакс возглавят подразделение криминалистики, став, таким образом, его достойными наследниками.

Райм поблагодарил техников, которые удалились с почтительными поклонами и выражением лиц, свидетельствовавшим об огромном интересе к оборудованию его лаборатории. Не многие сотрудники управления получали возможность лично навестить здесь великого криминалиста. Райм занимал особое место в иерархии нью-йоркской полиции. Недавно в ней произошел довольно значительный переворот, и бывший глава отдела криминалистики отправился в округ Майами-Дейд. В настоящее время до назначения постоянного главы отдела несколько старших детективов руководили проведением операций. Ходили даже разговоры о возвращении Райма в штат.

Когда нынешний исполняющий обязанности руководителя отдела упомянул о такой возможности, Райм ответил, что у него могут возникнуть проблемы со стандартным тестом профессиональной пригодности, применяемым в нью-йоркской полиции. Экзамен по физической подготовке требовал от кандидатов выполнения определенных нормативов: пробег к барьеру шесть футов высотой и перепрыгивание через него, моделирование обезвреживания преступника, бег вверх по лестнице, протаскивание манекена весом шестьдесят фунтов на определенное расстояние, нажатие на спусковой крючок оружия шестнадцать раз доминантной рукой и пятнадцать раз — другой.

Райм отказался, объяснив свое решение тем, что никогда не пройдет тест, однако выразил благодарность за проявленный к нему интерес.

Сверху спустилась Сакс. На ней был легкий голубой свитер, заправленный в джинсы. Она вымыла голову и завязала волосы в хвост.

В это мгновение в дверь позвонили, и Том проводил к Райму еще одного посетителя: худощавого и с виду очень скромного человека средних лет, похожего на бухгалтера или торговца обувью, его звали Мел Купер. По мнению Райма, он был одним из лучших экспертов-криминалистов в стране. Купер обладал несколькими дипломами: по математике, физике, органической химии. Кроме того, Мел являлся весьма крупной фигурой в Международной ассоциации специалистов по идентификации и в Международной ассоциации экспертизы крови. И неудивительно, что он принадлежал к числу тех, к чьей помощи постоянно обращались нью-йоркские полицейские. Именно Райм много лет назад перетянул на работу в полицию этого талантливого специалиста, и теперь, если Райму и Селлитто требовалась его помощь при расследовании какого-либо очередного дела, Купер бросал все свои дела и спешил на помощь.

— Мел, я очень рад, что у тебя нашлось время.

— Гм. Нашлось время... А не ты ли позвонил моему лейтенанту и обрушился на него с самыми страшными угрозами, если он не снимет меня с дела Хановера-Стернза и не передаст в твое распоряжение?

— Я сделал это ради твоего же блага, Мел. Твои грандиозные таланты растрачивались на примитивнейшее дело о незаконных операциях с ценными бумагами.

— И, откровенно говоря, я благодарен тебе за такую передышку.

Купер кивком поприветствовал всех присутствующих, поправил на носу гаррипоттеровские очки и своей бесшумной походкой направился к исследовательскому столу. Хотя, если судить по внешности, он был совсем не атлетического сложения, а от спорта дальше был, наверное, только сам Линкольн, но тем не менее Мел Купер двигался с грацией настоящего футболиста, и Райм вспомнил, что когда-то Мел брал первые призы на конкурсах бальных танцев.

— Давайте послушаем подробности, — сказал Райм, повернувшись к Сакс.

Она перелистала свои заметки и изложила все, что сообщил ей представитель энергетической компании.

— «Алгонкин консолидейтед» обеспечивает электроэнергией большую часть данной территории: Пенсильванию, Нью-Йорк, Коннектикут. Нью-Джерси.

— Это трубы, что дымят на Ист-Ривер?

— Именно они, — ответила Сакс Куперу. — Там расположен их центральный офис и там же находится станция, производящая электроэнергию. Представитель компании сказал, что преступник мог проникнуть на подстанцию в любое время в течение последних тридцати шести часов и оставить там провод. На подстанциях, как правило, никого не бывает. В начале двенадцатого ночи он — или они — сумел проникнуть в компьютерную сеть компании и начал отключать одну за другой подстанции в данном районе, переводя всю электроэнергию на подстанцию на Пятьдесят седьмой улице. Когда напряжение достигает определенного уровня, цепь замыкается. Процесс невозможно остановить. Ток либо переходит на другой провод, либо во что-то такое, что имеет заземление. Автоматические выключатели на подстанции должны были отключить ее, но преступник перепрограммировал их таким образом, чтобы они смогли принять десятикратную нагрузку. И вот сюда, — она коснулась пакета с проводом, — пошел весь ток. Взрыв был неизбежен. Как в случае с плотиной, давление воды на которую внезапно возросло в несколько сотен раз. А вот как работает энергосистема в Нью-Йорке. Один из рабочих начертил эту схему для меня. Благодаря ей многое становится понятным.

Сакс вынула лист бумаги с чертежом, подошла к доске и темно-синим маркером перенесла на нее схему.

Энергоблок, или источник питания (345 000 вольт)

(по проводам высокого напряжения).

Передающая подстанция (снижает напряжете с 345 000 вольт до 138 000 вольт)

(через местные передающие линии).

Местная подстанция (снижает напряжение со 138 000 вольт до 13 800 вольт)

(через питающие линии распределительной сети).

1. Сети с несколькими трансформаторами в крупных коммерческих зданиях (снижают напряжение со 13 800 вольт до 120/208 вольт).

2. Уличные трансформаторы (снижают напряжение со 13 800 вольт до 120/208 вольт)

(через входящие обслуживающие линии).

Жилые дома и офисы (120/208 вольт).

Закончив со схемой, Сакс продолжила:

— MX-10, подстанция на Пятьдесят седьмой улице. В нее входит высоковольтная линия. Он мог подсоединить провод в любом месте на линию электропередачи, но это не так просто, ведь напряжение там довольно высокое. Поэтому он выбрал место выхода из подстанции, где напряжение составляет всего лишь 13 800 вольт.

Селлитто присвистнул и пробормотал:

— Всего лишь!

— Установив провод, он перепрограммировал автоматические выключатели — и подстанцию буквально затопило электроэнергией.

— И произошел взрыв, — подвел итог Райм.

Амелия взяла мешочек с кусочками металла в форме слез.

— И произошел взрыв, — повторила она слова Райма. — Вот. Они валялись там повсюду. Как шрапнель.

— Что это такое? — спросил Селлитто.

— Расплавленные частицы металла от столба рядом с остановкой автобуса. Они разлетелись во все стороны, оставляя выбоины в асфальте и пробивая обшивку автомобилей. Жертва обгорела, но смерть наступила не поэтому. — Райм заметил, что Амелия вдруг понизила голос. — На него пришелся удар множества металлических осколков. Ему прижгло раны. — Она поморщилась. — Из-за чего он некоторое время оставался в сознании. Взгляните.

Сакс кивнула Пуласки.

Он вставил флэшку в ближайший компьютер и создал новый файл по делу. Через мгновение на экране больших мониторов, расставленных в лаборатории, появились фотографии. За многие годы работы в криминалистике Райм приобрел иммунитет к самым жутким сценам, но то, что увидел на экране, потрясло даже его. Тело юноши было буквально изрешечено мелкими металлическими осколками. Крови практически не было из-за температуры, до которой нагрелся металл. Предполагал ли преступник, каков будет результат его действий? Рассчитывал ли на это жуткое прижигание ран, из-за чего жертва будет достаточно долго оставаться в сознании, чтобы ощутить невероятную боль? Входило ли нечто подобное в его планы? Теперь Райм понял причину мрачного настроения Сакс.

— Господи! — пробормотал великий криминалист. — Кто он такой? — спросил Райм, имея в виду жертву.

— Имя — Луис Мартин. Помощник менеджера в музыкальном магазине. Двадцать восемь лет. Не привлекался.

— Никаких связей с «Алгонкин»?.. Какая-нибудь причина, по которой кто-то мог хотеть его гибели?

— Никаких, — ответила Сакс.

— Ошибка со временем и местом, — прокомментировал Селлитто.

— Рон. — Райм посмотрел на Пуласки. — А кафе? Что ты там нашел?

— Примерно в десять сорок пять туда заходил человек в темно-синем комбинезоне. С ним был ноутбук. Он выходил в Интернет.

— Синий комбинезон? — спросил Селлитто. — С какой-нибудь эмблемой?

— Никто ничего не заметил. Но у рабочих компании «Алгонкин» форма точно такого же цвета.

— А еще какие-нибудь подробности? — настаивал Селлитто.

— Скорее всего белый, за сорок, в очках, бейсболка темного цвета. Хотя пара свидетелей не заметила ни очков, ни бейсболки. О цвете волос тоже говорят самое разное: кто говорит, что волосы светлые, кто утверждает, что они рыжие, а кто — темные.

— Свидетели, — презрительно произнес Райм.

Пусть преступник, обнаженный до пояса, на глазах у десяти свидетелей пристрелит человека. Каждый из названных десяти будет клятвенно заверять, что на убийце была майка, и, конечно, эта майка будет десяти разных цветов. За последние несколько лет скептицизм Райма относительно ценности свидетельских показаний несколько смягчился благодаря умению Сакс вести допрос и благодаря Кэтрин Дэнс, сумевшей убедить его в том, что кинесика способна давать достаточно надежные и научно обоснованные факты относительно человеческой психологии и поведения. Однако полностью от своего скептицизма он так и не смог отделаться.

— И что же случилось с этим парнем в комбинезоне потом? — спросил Линкольн.

— Никто точно не знает. Возникла общая суматоха. Послышался страшный грохот, все вокруг осветилось вспышкой, посетители выбежали из кафе на улицу. После того его больше никто не видел.

— Он забрал свой кофе с собой? — спросил Райм.

Криминалист питал определенную склонность к чашкам, стаканам, рюмкам и подобной посуде. Для него они были самыми настоящими удостоверениями личности с ДНК, отпечатками пальцев и множеством других возможных следов, оставляемых на них благодаря липким свойствам молока, сахара и других напитков и добавок.

— Боюсь, что да, — подтвердил Пуласки.

— Черт!.. Но ты что-нибудь нашел на столе?

— Вот это. — И Пуласки достал из молочной коробки пластиковый пакет.

— Он пустой. — Селлитто прищурился и всей пятерней провел по своему внушительному животу, то ли решив почесать его, то ли чтобы еще раз убедиться, что очередная рекомендованная ему диета не работает.

Но Райм взглянул на пакет и улыбнулся.

— Молодец, Новичок!

— Молодец? — пробормотал лейтенант. — Но там же ничего нет.

— Моя любимая разновидность вещественных доказательств, Лон. Невидимые. Мы займемся ими потом. А сейчас меня интересуют хакеры, — задумчиво произнес Райм. — Пуласки, а как насчет беспроводного Интернета в кафе? Я почему-то практически уверен, что его там нет.

— Верно. А как ты узнал?

— Он не мог рисковать, рассчитывая на то, что найдет там Интернет. Скорее всего он вошел в Сеть через мобильник. Однако нам необходимо узнать, каким образом ему удалось проникнуть в сеть компании «Алгонкин». Лон, найди кого-нибудь из отдела преступлений в сфере информации. И пусть они свяжутся с отделом защиты информации компании «Алгонкин». Узнай, свободен ли сейчас Родни.

Отделение преступлений в сфере информации нью-йоркской полиции представляло собой элитное подразделение, в которое входило тридцать сотрудников — детективы плюс обслуживающий персонал. Райму иногда случалось работать с одним из них — детективом Родни Шарнеком.

Линкольн считал его молодым человеком, но на самом деле не знал, сколько ему лет, так как тот отличался мальчишеским поведением, небрежным стилем одежды, спутанными волосами настоящего хакера — призвание и имидж, которые делают из человека вечного юношу.

Селлитто позвонил по сотовому и после короткого разговора сообщил, что Шарнек немедленно свяжется с группой защиты информации «Алгонкин» и прояснит вопрос о проникновении в их сеть.

Купер с благоговением взирал на провод.

— Значит, вот в чем дело, — сказал он. Затем, подняв еще один мешочек, в котором находились расплющенные металлические диски, добавил: — На счастье, никто не проходил мимо. Если бы нечто подобное случилось на Пятой авеню, погибло бы десятка два прохожих.

Пропустив мимо ушей совершенно излишнее замечание Мела, Райм сосредоточил свое внимание на Сакс: она не могла отвести взгляда от крошечных металлических дисков. Голосом несколько более резким, чем было необходимо, чтобы отвлечь ее от шрапнели, он произнес:

— Итак, друзья, давайте приниматься за работу.

12

Пройдя в кабинку, Фред Дельрей оказался рядом с мужчиной, который мог быть как рано состарившимся тридцатилетним, так и хорошо сохранившимся пятидесятилетним. На нем была спортивная куртка не по размеру, по виду либо приобретенная в самой жалкой комиссионке, либо просто украденная.

— Джип.

— Хм. Это больше не мое имя.

— Больше не твое имя? И как же тебя теперь зовут? — спросил Дельрей, нахмурившись.

С подобными людьми он обычно играл совершенно определенную роль. Джип — или Не-Джип — был наркоманом-садистом, которого агент ФБР задержал во время одной из своих операций. Он долго смеялся, разглядывая рисунки Джипа, изображавшие жуткие пытки студента колледжа, отказавшегося платить за дозу. Затем последовал арест, а после переговоров и определенного времени отсидки Джип стал одним из информаторов Дельрея. Что требовало держать его на очень коротком поводке, который необходимо было время от времени натягивать.

— Когда-то звали Джипом. Но я решил поменять имя. Теперь я Джим, Фред.

Перемены. Главный лозунг дня.

— Кстати, к вопросу об именах. Фред… Фред? Я что, твой приятель, твой лучший друг? Что-то я не припомню, чтобы нас знакомили, чтобы нас представили друг другу на балу у губернатора, чтобы я встречался с твоими родителями.

— Простите, сэр.

— Знаешь, что я тебе скажу: лучше пусть будет «Фред». Я тебе совсем перестаю доверять, когда ты начинаешь говорить мне «сэр».

Перед ним был один из самых омерзительных образцов человеческого рода, но Дельрей уже давно научился подавлять все проявления нравственной брезгливости. Высокомерное презрение никогда не даст нужного результата, но при необходимости всегда нужно уметь надавить на подонка так, чтобы у того перехватило дух, — Дельрей прекрасно владел оружием страха.

Страх рождает уважение. Так уж устроен мир.

— А теперь послушай, какое у меня дело. Имей в виду, оно серьезное. Насколько я помню, у тебя приближается важная дата.

Слушания по поводу выхода из юрисдикции. Дельрей особенно не беспокоился по поводу Джипа и готов был с ним расстаться. Большого прока от него уже не было. Такова жизнь информаторов. Срок годности у них примерно такой же, как у свежего йогурта. Джип-Джим собирался обратиться в нью-йоркскую комиссию по условно-досрочному освобождению по поводу разрешения переехать в Джорджию. Не куда-нибудь, а именно в Джорджию!

— Если ты замолвишь за меня словечко, Фред… замолвите словечко, сэр, это будет просто замечательно.

И мерзавец взглянул на агента своими большими водянистыми глазами.

На Уолл-стрит могли бы многое почерпнуть из работы ФБР с информаторами. Никаких вам деривативов, дефолтных свопов, никаких страховок, никаких подтасовок бухгалтерской отчетности. Все очень просто. Ты даешь своему доносчику нечто обладающее для него ценностью, а он дает тебе что-то, обладающее примерно такой же ценностью для тебя.

Если он ничего не давал, то выбывал из игры. Если ты не расплачивался — значит, получал дерьмо вместо информации.

Все очень прозрачно.

— Ладно, — ответил Дельрей. — Заметано. А теперь о моем деле. Только помни: мою просьбу нужно выполнить срочно. Ты понимаешь, что это значит, Джим?

— Кого-то хотят кончить, и очень скоро.

— В самую точку. А теперь слушай внимательно. Мне нужно найти Брента.

Пауза.

— Уильяма Брента? А с чего ты взял, что я знаю, где его найти?

Джип-Джим, Слим-Джим задал вопрос, резко повысив голос, из чего Дельрей сразу же заключил, что его источник хоть какой-то информацией относительно местонахождения данного субъекта, несомненно, располагает.

— Джорджия, я помню о тебе, — пропел Дельрей.

Прошло целых шестьдесят секунд, в течение которых Джип о чем-то мучительно размышлял.

— Дело в том, что… возможно, я бы и смог… хотя… правда, определенный шанс есть…

— Я все-таки услышу от тебя что-то определенное, или ты так и будешь кормить меня вводными словами?

— Мне нужно кое-что проверить.

Джип-Джеймс-Джим встал, проследовал в другой угол и начал набирать какое-то сообщение на телефоне, и Дельрей в очередной раз поразился мании преследования, которое овладевает людьми, отсылающими эсэмэски. У Джипи явно есть шанс хорошо устроиться в Джорджии.

Дельрей потягивал минеральную воду, которую ему принес официант, и надеялся на то, что попытка его информатора окажется удачной…

Одной из самых успешных операций Фреда был выход на Уильяма Брента, парня средних лет, белого, довольно хилого, с внешностью контролера из «Уол-марта». Он стал ключевой фигурой в разоблачении

некоей весьма опасной подпольной организации. Местная террористическая группировка, состоявшая из расистов и сепаратистов, планировала вечером в пятницу взорвать несколько синагог и свалить все на исламских фундаменталистов. У них были деньги, но не было средств для выполнения задуманного, и преступники обратились за помощью к одному здешнему мафиозному семейству, известному своей одинаковой неприязнью к евреям и мусульманам. Семейство, в свою очередь, наняло Брента, который и попался на крючок Дельрея, выступавшего под маской суетливого торговца оружием с Гаити и якобы желавшего сбыть Бренту реактивные снаряды.

Брента арестовали, и Дельрей заполучил его в качестве своего информатора. И тут произошло удивительное — Брент так увлекся работой информатора и выполнял ее столь качественно, что создавалось впечатление, будто он готовился к ней всю жизнь. Брент проник в самую верхушку расистской группировки и мафиозного семейства — в результате заговор был разоблачен и обезврежен. Оплатив таким образом свой долг обществу, Брент тем не менее продолжал сотрудничать с Дельреем, выступая в самых разных ролях: подлого наемного убийцы, специалиста в ограблении банков и ювелирных магазинов, члена радикального общества сторонников введения запрета на аборты. Он оказался одним из самых талантливых информаторов из всех, с кем когда-либо приходилось работать Фреду. Он был человеком-хамелеоном. В каком-то смысле он даже стал «альтер эго» самого Фреда Дельрея (несколько лет назад ходили неподтвержденные слухи, что Брент сумел создать собственную сеть информаторов внутри нью-йоркской полиции).

Дельрей работал с ним около года, до тех пор пока Брент не слишком засветился и не удалился под уютную опеку закона о защите свидетелей. Но продолжали ходить слухи, что под одной из своих новых масок он сохранял многочисленные тайные связи на улицах Нью-Йорка.

И так как ни один из обычных источников Дельрея не дал никакой информации о «Справедливости для...», Рахмане и нападении на подстанцию, агент вспомнил про Уильяма Брента. Джимми-Джип вернулся и уселся на скрипучую скамейку.

— Думаю, что сумею это устроить. Но в чем само дело? Я не хочу, чтобы он потом где-нибудь за углом перерезал мне глотку.

«Вот она, существенная разница между Уолл-стрит и работой с информаторами», — подумал Дельрей.

— Нет, Джимми-бой, ты меня не понял, — сказал он. — Я ведь не прошу тебя превратиться в маленькую мушку на стене, которую любой готов

раздавить. Единственное, что мне от тебя надо, так это чтобы ты просто организовал свидание. Сведешь меня с человеком, и, будь уверен, не пройдет и несколько недель, как будешь есть персики в Джорджии.

Дельрей передвинул по столу карточку с телефонным номером.

— Пусть он позвонит по этому номеру. Иди и поторапливайся.

— Прямо сейчас?

— Прямо сейчас.

Джип кивнул в сторону кухни.

— А мой обед? Я же еще не ел.

— Обойдешься, — спокойно сказал Фред.

13

Пять часов прошло со времени происшествия у подстанции, и напряжение в доме Райма нарастало, так как пока не проявилось ни одной существенной нити.

— Провод, — произнес он с раздражением и нетерпением в голосе. — Откуда он?

Купер снова поправил на носу очки с толстыми стеклами. Он натянул латексные лабораторные перчатки, но прежде чем коснуться материалов, тщательно почистил руки с помощью щетки для домашних животных. Райм настоятельно требовал этого от своих подчиненных с тех самых пор, как проводил расследование дела для полиции штата Нью-Джерси и обнаружил, что волоски, найденные на материалах следствия, попали туда не от задержанного подозреваемого, а из кармана куртки детектива. Следователь засунул туда пачку запасных резиновых перчаток по примеру полицейского, увиденного им как-то в популярном телесериале о работе криминалистов. Шанс загрязнения материалов, конечно, был не слишком велик, но функции криминалиста отнюдь не сводились к отысканию и анализу. Его долг состоял и в том, чтобы сохранить их в идеальной чистоте, дабы потом в суде можно было уверенно противостоять всем ухищрениям опытных и коварных адвокатов.

После того позорного случая Райм всегда настаивал, чтобы его люди очищали перчатки после надевания, если только они не были извлечены из специальных коробок или мешков, в которых им не грозило загрязнение.

С помощью хирургических ножниц Купер разрезал пластиковую упаковку и извлек провод. Он оказался примерно пятнадцати футов длиной и был покрыт черным изоляционным материалом. Провод состоял из множества серебристых нитей. С одной стороны к нему была присоединена толстая обгоревшая медная пластина, а с другой — два больших медных болта с отверстиями в середине.

— Человек из «Алгонкин» сказал мне, что эти болты называются анкерными, — заметила Сакс, — и используются для сращивания кабелей. С их помощью преступник подсоединил провод к основной линии.

После этого Амелия объяснила, каким образом он вывесил пластину — электрическую шину, по словам того же рабочего — из окна. Она была прикреплена к кабелю двумя четвертьдюймовыми болтами. Дуга пошла от пластины к ближайшему заземлению — металлическому столбу рядом с автобусной остановкой.

Райм глянул на палец Амелии. На нем была сорвана кожа и запеклась кровь. У нее была дурная привычка обкусывать ногти, нервно потирать пальцы и голову. Он видел, что напряжение растет в ней так же, как несколько часов назад оно росло на подстанции компании «Алгонкин». Сакс снова вонзила ноготь в подушечку пальца и, чувствуя, что это причиняет ей боль, а остановиться она не может, натянула латексные перчатки.

Лон Селлитто тем временем вел телефонную беседу с полицейскими, которые вели поиск свидетелей на Пятьдесят седьмой улице. Райм бросил на него вопросительный взгляд, но гримаса на лице детектива — еще более скептическая, нежели та, которая обычно украшала его физиономию — без слов дала понять Линкольну, что пока усилия Лона не принесли никаких плодов. И Райм вновь занялся проводом.

— Переведи на него камеру, Мел, — попросил криминалист. — Медленно.

С помощью ручной видеокамеры Купер «осмотрел» провод сверху донизу, перевернул его и еще раз прошелся по нему. И то, что «увидела» камера, сразу же переносилось на большой экран перед Раймом, который внимательно в него вглядывался.

— «Беннингтон электрикал мэньюфэкчуринг», Чикаго, штат Иллинойс. Модель «АМ-МВ-60». Нулевой калибр, выдерживает до 60 тысяч вольт, — бормотал Райм.

Пуласки рассмеялся.

— Линкольн, а где вы так много узнали о проводах?

— Вся информация имеется прямо на нем.

— А… Я не заметил.

— Мог бы и не говорить. Преступник сам отрезал его на такую длину, Мел? Как ты думаешь? Вручную?

— Думаю, что да. — С помощью увеличительного стекла Купер рассматривал конец провода, который был присоединен к кабелям на подстанции. Затем он навел камеру на его концы. — Амелия, а ты как думаешь?

— Обычная ножовка.

Анкерные болты употребляются в основном в электротехнике, но изготовляли их как минимум в десятке различных мест. Болты, которыми провод прикреплялся к шине, были также довольно типичными.

— Давайте начнем работать с нашими схемами, — предложил Райм.

Пуласки выкатил несколько досок из угла лаборатории. В верхней части одной из них Сакс написала:

Место преступления — подстанция компании «Алгонкин», Манхэттен-10, Западная 57-я улица.

Другая доска была предназначена для описания профиля преступника. На нее она занесла все известные им на данный момент сведения.

— Он нашел провод на подстанции? — спросил Райм.

— Нет. Там провода не хранятся, — ответил Рон.

— Тогда выясни, где он его взял. Позвони в «Беннингтон».

— Хорошо.

— Итак, — продолжал Райм, — у нас имеется «железо». А оно подразумевает наличие следов инструментов. К примеру ножовки. Давайте более пристально посмотрим на этот провод.

Купер подошел к микроскопу для осмотра крупных объектов, который также был подключен к компьютеру, и, пользуясь небольшим увеличением, стал рассматривать срез провода.

— Новое пильное полотно, острое.

Райм с завистью глянул на ловкие руки Мела, настраивавшие микроскоп, а затем снова перевел взгляд на экран.

— Новое, да, не спорю, но со сломанным зубцом.

— Недалеко от ручки.

— Верно.

Перед тем как начать пилить, многие обычно раза три или четыре прилаживают полотно пилы к тому, что они собираются распиливать. Благодаря этому на мягких материалах типа алюминия остаются следы сломанных или искривленных зубцов или другие следы, с помощью которых можно установить, какие из имеющихся у подозреваемого инструментов использовались при совершении преступления.

— Теперь перейдем к анкерным болтам.

Купер обнаружил на них вполне отчетливые царапины, которые, вероятнее всего, оставил гаечный ключ преступника.

— Ах как я люблю мягкую медь! — пробормотал Райм. — Просто обожаю... Значит, у него инструменты, которыми часто пользуются. Я все больше склоняюсь к мнению, что он профессионал.

Селлитто закончил телефонный разговор.

— Ничего определенного. Кажется, кто-то видел кого-то в синем комбинезоне. Но это могло быть и через час после случившегося, когда весь тот затраханный квартал заполнился рабочими из «Алгонкин» в синей форме.

— Что ты нашел, Новичок? — рявкнул Райм. — Мне нужно знать, откуда он получил провод.

— Я жду ответа.

— Скажи им, что ты полицейский.

— Я уже сказал.

— Скажи, что ты самый главный полицейский. Большая шишка.

— Я...

Но внимание Райма уже привлекло нечто совершенно иное — металлические прутья решетки, закрывавшей вход в туннель.

— Как он их прорезал, Мел?

При внимательном рассмотрении выяснилось, что он пользовался не ножовкой, а болторезом.

Купер осмотрел концы прутьев с помощью микроскопа, оборудованного цифровой камерой, и сделал несколько снимков. Затем перенес снимки на центральный компьютер и собрал их на одном экране.

— Есть какие-нибудь явные следы? — спросил Райм.

Как и в случае со сломанным зубцом ножовки и царапинами на болтах и гайках, любые необычные отметины могут вывести на инструменты, которыми пользовался преступник, а таким образом — и на него самого.

— Как насчет этого? — спросил Купер, указывая на экран.

На срезах нескольких прутьев примерно в одном и том же положении виднелась крошечная царапина одинаковой формы — в виде полумесяца.

— Пойдет. Хорошо.

Тут Пуласки поднял голову и приготовил ручку, так как кто-то в компании «Беннингтон» взял трубку и был готов к беседе с молодым полицейским, выступавшим в новой для него роли главы всего Нью-Йоркского управления полиции.

Беседа оказалась короткой.

— Ну что там с проводом, черт его возьми, Пуласки?

— Ну во-первых, провода такой модели очень распространены. Они...

— Насколько распространены?

— Компания продает миллионы футов таких проводов ежегодно. В основном для сетей среднего напряжения.

— Шестьдесят тысяч вольт — среднее напряжение?

— Думаю, что да. Такой провод можно купить у любого оптовика, торгующего электрооборудованием. Он имел в виду, что компания «Алгонкин» покупает провода оптом, большими партиями.

— А кто в компании оформляет заказ? — спросил Селлитто.

— Отдел технического снабжения.

— Я им сейчас позвоню, — предложил Селлитто. Он набрал номер и после короткого разговора положил трубку. — Они проверят, все ли у них в наличии.

Райм внимательно всматривался в решетку.

— Значит, за какое-то время до преступления он пролез через люк на рабочее пространство компании «Алгонкин», находящееся под переулком.

— Возможно, когда-то раньше он выполнял какую-то работу в люке паровой трубы и обратил внимание на решетку, которая ведет в туннель, — предположила Амелия.

— Из чего совершенно определенно вытекает, что он один из сотрудников компании. — Райму очень хотелось надеяться, что именно так и обстоит дело. С преступлениями, совершаемыми внутри компании, полицейским всегда гораздо легче разобраться. — Давайте продолжим. Следы обуви.

— Следы в туннеле и рядом с тем местом, где находился провод на подстанции, одинаковы, — сообщила Сакс.

— А получены ли какие-нибудь отпечатки в кафе?

— Вот этот, — ответил Пуласки, указывая на электростатический отпечаток. — Из-под стола. Как будто того же типа.

Мел Купер внимательно осмотрел его и согласился с выводом молодого полицейского.

— Амелия попросила меня снять отпечатки с обуви рабочих «Алгонкин», которые находились в тот момент на месте преступления, — продолжал Пуласки. — Совпадений нет.

Райм сосредоточил свое внимание на следах.

— Какая марка, по-твоему, Мел?

Купер просматривал базу данных нью-йоркской полиции по обуви, содержащую тысячи образцов, подавляющее большинство которых — обувь мужская. Большая часть наиболее серьезных преступлений, в ходе которых оставлялись следы обуви, совершалась мужчинами.

Несколько лет назад Райм был одним из инициаторов создания расширенной базы данных на обувь. Он разработал систему добровольных соглашений со всеми крупнейшими производителями обуви о регулярной присылке ими в Нью-Йоркское управление полиции отпечатков с их моделей.

Вернувшись к работе после несчастного случая, Райм занялся расширением баз данных управления на различные виды продукции и материалы, включая и базу данных на обувь. После недавнего участия в расследовании одного дела, которое потребовало довольно серьезного сбора данных, он выступил с предложением, сразу подхваченным большинством полицейских управлений в стране. Райм (хоть и не без труда) убедил Нью-Йоркское управление полиции нанять программиста специально для создания компьютерных графических изображений подошвы каждой модели обуви на разных этапах ее использования: новой, через шесть месяцев, через год и два года, — а также изображений подошвы обувных моделей для людей с плоскостопием и с вывернутыми пальцами. Кроме того, он отыскал некоего компьютерного гуру, который сумел найти корреляцию между особенностями изнашивания обуви с ростом и весом владельца.

В результате быстрой реализации этого дорогостоящего проекта криминалисты получили практически мгновенные ответы на вопросы о марке обуви, а также о весе и походке владельцев. Упомянутая база данных уже помогла в поимке трех или четырех преступников.

Пробежавшись пальцами по клавиатуре, Купер сказал:

— Есть совпадение: «Альбертсон-фенвик, обувь и перчатки». Модель Е-20. — Он внимательно всматривался в экран. — И неудивительно, ведь у них имеется специальная изоляция. Ботинки предназначены для рабочих, часто контактирующих с источниками электроэнергии. И изготовляются в соответствии с требованиями стандарта ASTM F2413-05 техники безопасности в электротехнике. Размер данной пары — одиннадцатый.

Райм прищурился, разглядывая образец описываемой обуви.

— Глубокие протекторы. Хорошо.

Это означало, что подобная обувь может собирать на себе большое количество полезного для криминалиста материала.

— Ботинки довольно новые, — продолжал Купер, — поэтому на них отсутствуют отчетливые следы но́ски, по которым можно было бы установить его рост, вес или другие характеристики.

— Но я бы сказал, что ходит он довольно прямо. Согласен? — Райм смотрел на отпечатки, выведенные на экран.

— Согласен.

Сакс занесла их вывод на доску.

— Хорошо, Сакс. А теперь, Новичок, что там за невидимые следы, которые ты нашел?

Райм смотрел на пластиковую упаковку, на которую был наклеен листок бумаги с надписью: «Кафе напротив места происшествия — столик, за которым сидел подозреваемый».

Купер внимательно разглядывал пластиковый пакетик.

— Светлые волосы. Длиной дюйм. Цвет естественный.

Райм очень ценил волосы в качестве инструмента криминалистического исследования. Их часто можно было использовать для проведения анализа ДНК — в том случае, если волосок сохранил и волосяную луковицу, — используя информацию о цвете, текстуре и форме. По волосам можно было установить внешность, возраст и пол подозреваемого. Использование волос в криминалистике становится все более популярным, так как они сохраняют следы употребления наркотиков дольше, чем моча или кровь. Один дюйм волоса содержит двухмесячную историю употребления наркотиков. А в Англии волосы часто используются для диагностики алкоголизма.

— Но мы не можем быть на сто процентов уверены, что это именно его волос.

— Конечно, нет, — пробормотал Райм. — На данном этапе мы ни в чем не можем быть уверены.

— Однако скорее всего волос именно его, — возразил Пуласки. — Я беседовал с владельцем кафе. Он заставляет своих парней протирать стол за каждым посетителем. И я проверял. А вот за подозреваемым никто не убирал, так как произошел взрыв.

— Отлично, Новичок.

— Волос не вьющийся, — продолжал Купер. — Прямой. Никаких признаков депигментации. Следовательно, наш клиент скорее всего моложе пятидесяти лет.

— Мне нужен токсико-химический анализ. Как можно скорее.

— Отправлю его в лабораторию.

— В коммерческую лабораторию, — приказал Райм. — Заплати им побольше, но чтобы результаты были поскорее.

— В нашем распоряжении не так уж много денег, — пробурчал Селлитто, — и у нас есть своя замечательная лаборатория в Куинсе.

— Замечательной она будет только тогда, когда я смогу быть уверен, что получу результаты до того, как преступник убьет кого-нибудь еще, Лон.

— Как насчет «Аптаун тестинг»? — спросил Купер.

— Отлично. И не жалей денег.

— Господи, Линк, ты, наверное, возомнил себя главным человеком в Нью-Йорке.

— А разве я им не являюсь? — спросил Райм с удивлением в глазах, и трудно было понять, искреннее оно или наигранное.

14

С помощью электронного микроскопа и рентгеновского спектроскопа Мел Купер анализировал материал, собранный Сакс в том месте, где преступник установил провод.

— Здесь имеются минералы, отличающиеся от состава почвы вокруг подстанции.

— И что это такое?

— Примерно на семьдесят процентов полевой шпат, а также кварц, магнетит, слюда, кальцит и амфиболы. И немного ангидрита. И, как ни странно, высокое содержание кремния.

Райм прекрасно знал геологию Нью-Йорка. В те времена, когда еще был на ногах, Линкольн обошел пешком практически весь город, собирая образцы почвы и камней, а затем создавал базы данных, с помощью которых можно было бы связать преступника с определенной местностью. Но упомянутое сочетание минералов оказалось для него загадкой. Оно было явно не нью-йоркское.

— Нам нужен геолог.

Райм задумался на мгновение, затем нажал кнопку быстрого набора.

— Алло? — прозвучал негромкий мужской голос.

— Артур.

Это был двоюродный брат Райма, живший неподалеку — в Нью-Джерси.

— Привет. Как дела?

— Отлично.

— Рад был повидаться с тобой и Амелией на прошлой неделе.

В последнее время Линкольн возобновил отношения с Артуром Раймом, с которым они вместе росли на окраине Чикаго и который был для него очень близким человеком. И хотя криминалист пребывал не в том состоянии, чтобы получать особое удовольствие от уик-эндов на лоне природы, он удивил Амелию предложением погостить у Артура и его жены Джуди на их небольшой даче на побережье. Артур сообщил ему, что построил специальный пандус для инвалидной коляски. И они съездили к брату на пару дней вместе с Томом, Пэмми и собачонкой по кличке Джексон.

Райму очень понравилась эта поездка. Пока женщины и собака гуляли по пляжу, они с Артуром обсуждали последние научные открытия и события в мире. С каждым новым глотком виски высказываемые ими мнения становились все более расплывчатыми. Артур — так же как и Райм — был большим ценителем упомянутого напитка.

— У меня тут, Арт, целая толпа копов.

— Да, я смотрел новости. Держу пари, тебе поручили расследование того инцидента с электричеством. Ужасно. В газетах говорится, что скорее всего имел место несчастный случай, но...

В трубке послышался скептический смешок.

— Нет, не несчастный случай. Мы сейчас пытаемся выяснить, месть ли это со стороны какого-то недовольного сотрудника компании или дело рук террористов.

— Я могу чем-то помочь?

Артур был тоже ученым, но с несколько более широким образованием, нежели Райм.

— В общем, да. У меня довольно простой вопрос... Я надеюсь, что простой. Мы обнаружили следы на месте преступления. Микрочастицы

не совпадают со здешним характерным составом почв. Более того, они отличаются от всех известных мне геологических характеристик в районе Нью-Йорка.

— Я готов записывать. Диктуй.

Райм продиктовал полученные ими результаты.

Какое-то время Артур молчал. Райм представил себе двоюродного брата, погруженного в размышления над записями, которые он сделал с его слов, и перебирающего в голове все возможные причины такого странного сочетания минералов. Наконец Артур спросил:

— Каков размер частиц?

— Мел?

— Привет, Арт, это Мел Купер.

— Привет, Мел. Все танцуешь?

— На прошлой неделе мы выиграли соревнования по танго на Лонг-Айленде. В воскресенье едем на региональные. Конечно, если я не завязну здесь с нашим нынешним делом.

— Мел, переходи к самому существенному, — поторопил его Райм.

— Частицы? Очень маленькие. Около четверти миллиметра.

— Я почти уверен, что вы имеете дело с тефрой.

— С чем с чем? — переспросил Райм.

Артур произнес по буквам.

— Продукты вулканического извержения. Слово «тефра» по-гречески означает «пепел». Сразу после того, как его выбросило из жерла вулкана, он называется «пирокласт», то есть «битый камень», а оказавшись на земле, получает название «тефра».

— Местный? — спросил Райм.

Ироническим тоном Артур ответил:

— Где-нибудь он, наверное, и местный. Но если ты имеешь в виду нашу местность, то в настоящее время определенно нет. На северо-востоке США можно было бы отыскать незначительные следы тефры в том

случае, если бы на западном побережье произошло крупное извержение вулкана и оттуда к тому же дули сильные ветры. Однако ничего подобного в последнее время не случалось. В тех пропорциях, которые имеются у вас, наиболее вероятным источником может быть северо-западное побережье Тихого океана. Возможно, Гавайи.

— Значит, на место преступления они скорее всего были принесены преступником или кем-то еще.

— Вполне вероятно.

— Спасибо. Перезвоню, и очень скоро.

— Да, кстати. Джуди сказала, что перешлет Амелии по электронной почте тот рецепт, который ей понравился.

Райму об этом ничего не было известно; женщины, по-видимому, договорились обо всем во время прогулки по пляжу.

— Можно не торопиться, — отозвалась Сакс.

После того как разговор закончился, Райм перевел на нее удивленный взгляд:

— Ты что, занялась кулинарией?

— Пэмми пообещала меня научить. — Амелия пожала плечами. — Думаешь, это сложно? Мне кажется, не сложнее, чем собрать заново карбюратор, только со скоропортящимися деталями.

Райм взглянул на схему.

— Значит, тефра... Из чего следует, что наш подозреваемый, вероятно, недавно побывал в Сиэтле, или в Портленде, или на Гавайях. С другой стороны, все равно мы нашли ее слишком много. Держу пари, что он находился внутри или рядом с музеем, школой или геологической выставкой. Кстати, вулканический пепел, случаем, не используется в какой-нибудь отрасли промышленности? К примеру, при полировке камней. Как карборунд.

— Он слишком разнообразен по составу и слишком неравномерен по структуре, чтобы его можно было использовать в промышленности, — ответил Купер. — Кроме того, как мне представляется, он слишком мягок.

— Гм. А как насчет украшений? Из лавы не делают украшения?

Никто ничего о подобном не слышал, поэтому Райм остановился на предположении, что преступник посещал какую-то выставку, или же она располагалась неподалеку от его местожительства или места, где находилась его жертва.

— Мел, пусть кто-нибудь в Куинсе наведет справки, не проводятся ли где-нибудь у нас выставки, постоянные или передвижные, которые имеют отношение к вулканам или лаве. И пусть начнет с Манхэттена. — Линкольн перевел взгляд на дверцу, обернутую в пластик. — А теперь посмотрим на предмет, с которым плавала Амелия. Новичок, начинай. И не заставляй нас краснеть за тебя.

15

Почистив латексные перчатки щеткой для снятия шерсти домашних животных — и получив за это одобрительный взгляд Райма, — молодой офицер поднял дверцу вместе со все еще присоединенной к ней рамой. Дверь была квадратной, со стороной примерно восемнадцать дюймов, а рама добавляла еще дюйма два. Она была выкрашена в темно-серый цвет.

Амелия была права — дверца оказалась чрезвычайно узкой. Преступнику, вероятно, пришлось что-то стащить с себя, чтобы пролезть через нее.

Дверца открывалась при помощи четырех маленьких поворачивающихся защелок с двух сторон. Их было достаточно сложно повернуть в перчатках, поэтому вполне возможно, что преступник снял перчатки, особенно принимая во внимание то, что он собирался взорвать дверцу и таким образом отделаться от данной улики.

Отпечатки пальцев бывают трех категорий. Видимые (например, следы, оставленные окровавленными пальцами на белой стене); ощущаемые (те, что остаются на пластичных материалах — к примеру, на пластиковой взрывчатке) и скрытые (невидимые невооруженным взглядом). Существует множество различных способов проявить скрытые отпечатки, но один из лучших, на металлических поверхностях, — просто воспользоваться обычным продающимся в любом магазине суперклеем, цианоакрилатом. Объект помещается в воздухонепроницаемую камеру вместе с сосудом, наполненным клеем, который затем нагревается до газообразного состояния. Получаемые при этом пары соединяются с различными веществами, которые оставили на объекте пальцы — аминокислотой, молочной кислотой, глюкозой, калием, триокисью углерода, — в результате чего возникает химическая реакция, которая делает отпечатки видимыми.

Описанная процедура может творить настоящие чудеса, проявляя отпечатки, которые до той поры были совершенно невидимы.

Однако данный случай стал исключением.

— Ничего, — разочарованно произнес Пуласки, всматриваясь в дверцу через увеличительное стекло на манер Шерлока Холмса. — Только грязь от перчаток.

— Неудивительно. Мы имеем дело с чрезвычайно осторожным преступником. Давайте соберем следы с внутренней части рамы. К ней он явно тоже прикасался.

Пуласки выполнил указание Райма, сняв мазки с помощью мягкой щетки. Все то, что ему удалось получить таким способом — на взгляд Райма, очень немногое, — он поместил в мешочки и протянул их Куперу для анализа.

Селлитто принял звонок.

— С тобой хотят побеседовать, — сообщил он Райму.

— Алло?.. — послышался голос.

Райм бросил взгляд на Селлитто и шепотом спросил:

— Кто такой?

— Шарнек.

Эксперт отдела информационной безопасности Нью-Йоркского управления полиции.

— У тебя что-то есть для нас, Родни?

В трубке слышался ритмичный грохот рока.

— Могу почти на все сто процентов гарантировать, что тот, кто решил поиграться с серверами «Алгонкин», располагал всеми необходимыми паролями. Вот мои доводы. Во-первых, мы не обнаружили никаких свидетельств преднамеренного взлома. Никакого грубого насильственного нападения. Никаких обрывочных кодов руткитов, подозрительных драйверов или ядерных модулей, или даже...

— Если не возражаешь, только самое основное, пожалуйста.

— Хорошо. Дело в том, что мы заглянули во все порты… — Он осекся, услышав тяжелый вздох Райма. — Ну ладно, самое основное. В общем, это сделал кто-то из своих, но извне.

— Что сие означает? — пробурчал Райм.

— Вторжение было осуществлено не из здания «Алгонкин».

— Ты полагаешь, что говоришь мне нечто новое?

— Но преступник заполучил все необходимые пароли в центральном офисе в Куинсе. Либо он, либо его сообщник. Пароли хранятся на жестких дисках на генераторе случайного кода, который изолирован от сетей.

— Значит, — подвел итог криминалист, чтобы убедиться, что он правильно понял своего собеседника, — никаких внешних хакеров, местных и зарубежных?

— Шанс микроскопический. Я говорю вполне серьезно, Линкольн. Ни одного руткита…

— Все понял, Родни. Что-нибудь интересное по поводу его выхода в Интернет из кафе?

— Выход в Интернет через USB-порт на телефоне. Через европейский сервер-посредник.

Технических знаний Райма хватило, чтобы понять, что ответ на его вопрос — отрицательный.

— Спасибо, Родни. Как тебе удается работать под такую оглушительную музыку?

Парень в ответ только рассмеялся.

— Звони в любое время, если возникнут вопросы.

Хриплый стук рока прекратился вместе со щелчком отсоединения.

Купер также только закончил телефонный разговор.

— Я нашел кое-кого в отделе анализа материалов в центре. С геологическим образованием. Это женщина, и она знает множество школ, в которых проводятся регулярные выставки подобных экспонатов для публики. В данный момент она проводит проверку на предмет вулканического пепла и лавы.

Пуласки склонился над дверцей и прищурился.

— Мне кажется, я тут кое-что нашел.

Он указал на ту часть двери, которая располагалась рядом с верхним запором.

— Создается впечатление, что преступник ее протирал. — Пуласки взял увеличительное стекло. — И здесь есть металлическая заусеница. Довольно острая… Думаю, он поранился и у него потекла кровь.

— В самом деле? — воскликнул Райм. Предположение Пуласки его взволновало. Нет ничего более ценного для криминалиста, чем возможность провести анализ ДНК.

— Но если он все протер, то там, наверное, не осталось никаких ценных для нас следов, — со скепсисом в голосе возразил Селлитто.

Прежде чем Райм успел как-то отреагировать, Пуласки, все еще сидевший сгорбившись над дверцей, задумчиво произнес:

— А чем он это протирал? Возможно, слюной. А она ничем не хуже крови.

Подобный вывод должен был сделать сам Райм.

— Воспользуйся АИС.

Альтернативные источники света могут выявить следы физиологических жидкостей — таких как слюна, сперма и пот, и все они содержат ДНК.

В настоящее время все правоохранительные органы берут образцы ДНК подозреваемых в определенных видах преступлений — к примеру, преступлений на сексуальной почве, — а многие идут еще дальше. Если их подозреваемый совершил правонарушение, в ходе которого оставил следы подобного рода, он попадает в базу данных сводной системы образцов ДНК, так называемой «Кодис».

Мгновение спустя Пуласки снова склонился над той частью дверцы, на которой заметил пятнышко, — теперь уже в защитных очках и со специальной палочкой в руках. От нее исходило слабое желтоватое свечение.

— Да, сэр, кое-что есть, — сообщил молодой полицейский. — Но не очень много.

— Новичок, тебе известно, сколько клеток в человеческом теле?

— Ну… нет, не известно.

— Больше трех триллионов.

— Да-а, довольно много.

— А ты знаешь, сколько из них необходимо для успешного анализа ДНК?

— В вашей книге, Линкольн, сказано — примерно сто.

Райм приподнял бровь.

— Впечатляюще, — сказал он и добавил: — Как ты думаешь, у тебя там в мазке будет сто клеток?

— Скорее всего да.

— Наверняка. Сакс, создается впечатление, что твоя плавательная экспедиция была не напрасной. Если бы батарея взорвалась, все улики были бы уничтожены. Отлично. Мел, покажи ему, как снять образец.

Пуласки уступил свое место Куперу — человеку более опытному в сложных процедурах подобного рода.

— ККП? — спросил Райм. — Или образец испорчен?

Стандартным тестом ДНК в таких случаях является метод короткого концевого повтора цепной реакции полимеразы. Это очень быстрый и наиболее надежный способ — с точностью миллиард к одному. На основе упомянутого анализа можно также определить пол человека, от которого получен образец. Однако, несмотря на то что образец может быть невелик, он должен хорошо сохраниться. Если же он поврежден водой или теплом на подстанции, то пришлось бы прибегнуть к другому тесту — митохондриальной ДНК, — который требует значительно большего времени.

— Думаю, все нормально. — Мел собрал образец ДНК и позвонил в лабораторию, чтобы оттуда за ним заехали.

— Вы помните мой девиз: «Как можно скорее», — напомнил Райм. — И не жалейте средств.

— Если ты, Линк, готов расплачиваться из собственного гонорара… — пробурчал Селлитто.

— Я отдам тебе свою скидку лучшего клиента, Лон. А Пуласки хочу поздравить с замечательной находкой.

— Спасибо, я...

Высказав дозу необходимых комплиментов, Райм продолжил:

— А следы на внутренней стороне дверцы, Мел?

Купер снял образцы и изучил их под микроскопом.

— Ничего, что отличалось бы от типовых образцов и состава почвы... Вот только, пожалуй, это.

Маленькая розовая точка.

— Прохроматографируй ее, — потребовал Райм.

Некоторое время спустя Мел уже считывал результаты с газового хроматографа, спектрометра и с нескольких других приборов.

— Здесь у нас кислотный pH около двух, а также лимонная кислота и сахароза. А еще... лучше я выведу все на экран.

На экране появилось следующее: Кверцетин 3-О-рутинозид-7-О-глюкозид и хризоэриол-6, 8-ди-С-глюкозид (стелларин-2).

— Прекрасно, — нетерпеливо произнес Райм. — Фруктовый сок. С таким pH скорее всего лимонный.

Пуласки не смог сдержать восторженного смешка.

— Как вы узнали? Извините, но как вы смогли понять?..

— Новичок, запомни: любую задачу ты можешь решить лишь настолько, насколько заранее к ней подготовился. Так что всегда тщательно выполняй домашние задания.

Райм повернулся к Куперу:

— Также какое-то растительное масло, много соли и соединение, которое никак не могу распознать.

— Из чего оно состоит?

— Богато протеинами. Также в него входит ряд аминокислот: аргинин, гистидин, изолейцин, лизин и метионин. Много липидов, в основном холестерин и лецитин, кроме того, витамин А, витамины B_2, B_6, B_{12},

никотиновая, пантотеновая и фолиевая кислоты. В большом объеме кальций, магний, фосфор, калий.

— Вкусно, — сказал Райм.

Купер кивнул.

— Наверняка что-то из еды. Но что?

Хотя вкусовые ощущения у Райма после травмы никак не изменились, он воспринимал еду исключительно как топливо для организма и большого удовольствия от нее не получал. Исключение составляло, пожалуй, только виски.

— Том!

Никакого ответа. Райм сделал глубокий вдох и собрался крикнуть погромче, но тут в дверях показалась голова его помощника.

— Все в порядке?

— Почему ты постоянно задаешь этот вопрос?

— Чего ты хочешь?

— Лимонный сок, растительное масло и яйцо.

— Ты проголодался?

— Нет, нет, нет. Где можно встретить названные ингредиенты?

— В майонезе.

Райм перевел взгляд на Купера, который отрицательно покачал головой.

— Комковатый и с розоватым оттенком.

— Тогда, возможно, тарамасалата.

— Что? Это название ресторана?

Том рассмеялся.

— Греческая закуска. Намазывается на хлеб.

— Икра? Ее ведь намазывают на хлеб?

— В общем, можно и так назвать, — ответил Том, — только икра не лососевых, а трески.

Райм кивнул.

— Вот откуда повышенное содержание соли. Рыба. Конечно. А она часто встречается?

— В основном — в греческих ресторанах, в гастрономах, закусочных.

— А есть какое-то место, где ее можно было бы встретить чаще, чем где бы то ни было еще? Например, в греческих кварталах?

— В Куинсе, — сказал Пуласки, который жил в том районе. — В Астории. Там очень много греческих ресторанов.

— Я больше не нужен? — спросил Том.

— Нет, нет, нет...

— Спасибо! — крикнула ему вслед Сакс.

Помощник помахал рукой в перчатке и исчез в дверях.

— Возможно, он планирует свой следующий теракт где-нибудь в Куинсе? — предположил Селлитто.

Райм пожал плечами — один из немногих жестов, который был ему еще под силу. Он задумался. Конечно, преступник должен каким-то образом готовить место своего будущего преступления, и все же мысли вели криминалиста совсем в другом направлении.

Сакс перехватила взгляд Райма.

— Я поняла, о чем ты думаешь. Центральный офис «Алгонкин» находится в Астории, верно?

— Именно. И все указывает на то, что преступление совершено кем-то из самой компании. А кстати, кто ее возглавляет?

Рон Пуласки, который имел возможность побеседовать с рабочими, собравшимися у входа на подстанцию, ответил:

— Они упоминали президента и исполнительного директора. Его зовут Йессен. Энди Йессен. И все его немного побаиваются.

Райм мгновение внимательно всматривался в схемы на досках, после чего спросил:

— Амелия, как ты смотришь на то, чтобы проехаться на своей новой машине?

— В высшей степени положительно.

Она позвонила и договорилась о встрече с исполнительным директором через полчаса.

И тут зазвонил сотовый телефон Селлитто. Он вытащил его и, взглянув на дисплей, сказал:

— «Алгонкин».

Потом нажал на кнопку.

— Детектив Селлитто слушает.

Райм заметил, как в ходе разговора вытягивалось его лицо.

— Вы уверены?.. — проговорил Селлитто. — Хорошо. Кто имел доступ?.. Спасибо. — Он закончил разговор. — Сукин сын!

— Что случилось?

— Звонил начальник отдела снабжения. Он сообщил, что на прошлой неделе был ограблен один из складов компании в Гарлеме. На Сто восемнадцатой улице. Они склоняются к мысли, что кражу совершил кто-то из сотрудников. Преступник воспользовался ключом. Взлома не было.

— И он же украл кабель? — спросил Пуласки.

Селлитто кивнул.

— И анкерные болты.

Но Райм прочел кое-что еще на круглой физиономии детектива.

— Сколько? — спросил он, внезапно перейдя на шепот. — Сколько проводов он украл?

— Ты понял, Линк. Семьдесят пять футов кабеля и дюжину болтов. Что за дерьмо нес Макдэниел, говоря о единичном теракте? Этот подонок явно собирается продолжать.

МЕСТО ПРЕСТУПЛЕНИЯ: ПОДСТАНЦИЯ КОМПАНИИ «АЛГОНКИН»

МАНХЭТТЕН-10, ЗАПАДНАЯ 57-Я УЛИЦА

— Жертва: Луис Мартин, помощник менеджера в музыкальном магазине. — Отпечатки на всех поверхностях отсутствуют. — Шрапнель из расплавленного металла в результате действия дуги. — Кабель нулевого калибра из алюминиевых нитей с изоляцией. — Производство «Беннингтон электрикал мэньюфэкчуринг», АМ-МВ-60 на 60 000 вольт. — Отрезан вручную с помощью ножовки с новым полотном и одним сломанным зубцом. — Два анкерных болта с отверстиями в ¾ дюйма. — Источник неопределим. — Отчетливые следы инструментов на болтах. — Медная электрическая шина, прикрепленная к кабелю двумя болтами в ¼ дюйма. — Источник неопределим. — Следы обуви. — Модель Е-20 «Альбертсон-фенвик» для электромонтажных работ, размер 11. — Металлическая решетка, прорезанная преступником для получения доступа на подстанцию, отчетливые следы болтореза. — Дверца с рамой из подвала. — Получен образец ДНК. Отправлен на анализ. — Греческое блюдо, тарамасалата. — Короткие светлые волосы, цвет естественный, от человека не старше 50 лет, обнаружены в кафе на улице напротив подстанции. — Направлены на токсико-химическую экспертизу. — Неорганические следы: вулканический пепел. — Для района Нью-Йорка не характерен. — Выставки, музеи, геологические учебные заведения? — Доступ к программному обеспечению управляющего центра компании «Алгонкин» получен с помощью внутренних кодов, а не от внешних хакеров.

ПРОФИЛЬ ПРЕСТУПНИКА

— Пол: мужской. — Примерно между 40 и 50. — Вероятно, белый. — Возможно, носит очки и бейсболку. — Волосы, вероятно, короткие и светлые. — Темно-синий комбинезон, похожий на те, которые носят сотрудники компании «Алгонкин». — Хорошо разбирается в электричестве. — Судя по отпечаткам обуви, никаких физических патологий, воздействующих на походку и осанку. — Вероятно, тот самый человек, который похитил 75 футов кабеля компании «Беннингтон» и 12 анкерных болтов. Собирается совершить еще несколько подобных преступлений? Прошел на территорию склада «Алгонкин», где была совершена кража, с помощью ключа. — Скорее всего сотрудник компании «Алгонкин» или имеет контакты с кем-то из сотрудников. — Связь с террористами? Связан со «Справедливостью для...»? Террористическая группа? Причастен некто по имени Рахман?

Закодированные упоминания о денежных выплатах, передвижении персонала и о чем-то «значительном».

16

Угроза.

Именно это слово пришло в голову Амелии Сакс, когда она вылезла из своего «торино-кобра» на стоянке компании «Алгонкин» в Астории в Куинсе. Территория компании занимала несколько кварталов, но центральным и приковывающим к себе внимание было высотное здание сложной конструкции, построенное из мрачноватых красно-серых панелей, которое взмывало вверх примерно на двести футов. По сравнению с массивным строением люди, работавшие в нем и в данный момент расходившиеся по домам, казались карликами, выскакивавшими из кукольных дверей, затерявшихся среди огромных плоскостей стен.

Из здания в десятках мест выходили трубы, и, как предположила Амелия, там повсюду имелись провода... только вот слово «провода» казалось не совсем удачным. Это были толстые негнущиеся кабели, некоторые с изоляцией, другие демонстрировали серебристо-серый металл, сверкавший в свете ламп охранного освещения. По ним, должно быть, передавались сотни тысяч вольт электроэнергии из самого нутра здания через множество металлических и, возможно, керамических и каких-то других снабженных изоляцией приспособлений в еще более сложные конструкции и строения. Они разделялись и шли дальше в разных направлениях, словно кости, следующие от локтя к кисти и от нее к пальцам.

Запрокинув голову, Амелия увидела четыре дымовые трубы, похожие на высоченные башни, также грязновато-красного и неприятного серого цвета, на которых ярким светом на фоне закатного неба сверкали прожектора-маяки. Конечно, Амелия видела эти трубы уже на протяжении многих лет. Всякий, кто хоть раз оказался в Нью-Йорке, обязательно обращал на них внимание — они доминировали над спокойным индустриальным пейзажем Ист-Ривер. Но она никогда не бывала так близко от них, и теперь они, пронзая тусклое предвечернее небо, захватили ее воображение. Амелия вспомнила, как в зимние месяцы из них вырывались клубы дыма или пара, сейчас же из труб выходило только тепло и невидимый газ, дававший о себе знать едва заметной рябью в воздухе.

Сакс услышала какие-то голоса и, оглянувшись, увидела на стоянке человек пятьдесят, которые собрались тесной толпой и явно протестовали против чего-то. Над головами людей возвышались

плакаты, и участники митинга что-то скандировали: вероятно, жаловались на громадного ненасытного хищника — пожирающую огромное количество нефти электроэнергетическую компанию. Они не обратили ни малейшего внимания на то, что она приехала сюда на автомобиле, потребляющем в пять раз больше «черного золота», чем любой из их «приусов».

Ей показалось, что у себя под ногами она ощущает вибрацию.

Амелия захлопнула дверцу автомобиля и подошла к главному входу. Двое охранников внимательно наблюдали за ней. У них явно вызвал любопытство приезд высокой рыжеволосой женщины на старой, но «сильной» машине красного цвета, и еще их развеселила ее реакция на здание компании. На физиономиях охранников читалось: «Ну что, почувствовала, какие мы крутые?»

Однако, увидев удостоверение, ребята сразу напряглись — хотя они, конечно, ожидали приезда полиции, но не могли представить, что она явится им в таком обличье, — и поспешно проводили Амелию по залам административного подразделения компании «Алгонкин».

В отличие от хай-тековского офисного здания одной крупной компании, которая занималась сбором и анализом данных, располагалась в центре города и была причастна к делу, в расследовании которого Сакс недавно принимала участие, здание «Алгонкин» представляло собой что-то вроде музейной диорамы жизни пятидесятых годов прошлого века: коричневые ковры, мебель из светлого дерева, яркие фотографии в рамочках с изображением построек компании и опор высоковольтных линий. Стиль одежды сотрудников (практически все — мужчины) подчеркнуто консервативен — черные костюмы и белые рубашки.

Они шли по длинным и однообразным коридорам, украшенным изображениями журналов, в которых публиковались статьи об «Алгонкин»: «Век энергетики», «Ежемесячник энергетика», «Электрические сети».

Стрелки часов приближались к половине седьмого, однако в здании было еще очень много сотрудников компании. Они — с озабоченными лицами, отпустив галстуки, закатав рукава — торопливым шагом спешили куда-то по коридорам.

В конце коридора охранник оставил Амелию у входа в кабинет А. Р. Йессен. Несмотря на то что ехала она сюда довольно быстро — на одном шоссе даже развила скорость почти семьдесят миль в час, — ей удалось кое-что выяснить по дороге. Полное имя Йессен было Андреа. Сакс считала для себя обязательным выполнять домашнюю работу — то

есть получать всю возможную информацию о руководителях организаций, с которыми приходилось работать. Это было очень важно для ведения бесед и допросов. Рон предположил, что исполнительный директор — мужчина. И Амелия представила, насколько упал бы ее авторитет в глазах здешних сотрудников, если бы по приезде она стала искать мистера Йессена.

Сакс на мгновение задержалась в дверях приемной. Секретарша или ассистентка в облегающей черной блузке и в туфлях на высоченных каблуках поднялась на цыпочки, пытаясь что-то достать с одного из стеллажей. Блондинка, которой, по прикидке Сакс, явно уже было под сорок, была в дурном настроении, поскольку, по всей видимости, никак не могла отыскать что-то срочно понадобившееся ее начальнице.

В дверях, ведущих в кабинет начальника, стояла величественного вида женщина с начинавшими седеть волосами, в строгом коричневом костюме и блузке с высоким воротником. Она, скрестив руки на груди, хмуро наблюдала за тем, как ее секретарша роется в папках.

— Детектив Сакс, — представилась Амелия, когда строгая дама повернулась в ее сторону. — Я звонила вам некоторое время назад.

И именно в это мгновение более молодая женщина вытащила с полки папку и протянула ее женщине постарше со словами:

— Я нашла ее, Рэйчел. Извини. Просто забыла, что положила ее на полку, когда ты была на обеденном перерыве. Я буду очень признательна, если ты сделаешь пять копий с нее.

— Да, конечно, мисс Йессен, — ответила та и подошла к копировальному устройству.

Исполнительный директор, которую Сакс поначалу приняла за секретаршу, подошла к ней на своих опасных каблуках, заглянула Амелии в глаза и крепко пожала руку.

— Проходите, детектив, — предложила она. — Создается впечатление, что нам многое предстоит обсудить.

Сакс окинула взглядом секретаршу в коричневом костюме и проследовала за настоящей Энди Йессен в ее кабинет.

Как бы хорошо ты ни выполнял свою домашнюю работу, с грустью подумала она, никогда не знаешь, какой сюрприз преподнесет тебе жизнь.

Андреа Йессен, кажется, догадалась о чуть было не совершенной Амелией оплошности.

— Я единственная женщина — руководитель крупной энергетической компании в стране, и моложе меня в нашей отрасли только один специалист. Даже при том, что я имею право решающего голоса при приеме сотрудников на работу, все равно в «Алгонкин» работает в десять раз меньше женщин, чем в большинстве крупных компаний США. Таков уж характер нашей деятельности.

У Сакс с языка готов был сорваться вопрос, почему сама Йессен пошла работать в энергетику, но исполнительный директор опередила ее:

— Здесь работал мой отец.

Амелия готова была признаться ей в том, что пришла в полицию только потому, что ее собственный отец много лет прослужил в нью-йоркской полиции, но передумала.

У Йессен было скуластое лицо с очень небольшим количеством косметики. На нем уже появились первые морщинки, застенчиво расходившиеся от уголков ее зеленых глаз и крупных губ. Кожа на лице была гладкая и незагорелая. Чувствовалось, что она не принадлежит к числу тех женщин, которые часто бывают на улице.

Исполнительный директор, в свою очередь, также внимательно рассматривала Сакс, затем кивнула в сторону большого кофейного столика, окруженного офисными стульями. Детектив села, а Йессен взяла телефон.

— Извините. Минутку. — И своими наманикюренными, но не слишком ухоженными ногтями начала набирать номер.

Она позвонила трем разным людям, и все звонки были связаны с нападением на МХ-10. Один звонок — адвокату, второй — в отдел связей с общественностью или в какую-то внешнюю пиар-фирму. Но больше всего времени Йессен потратила на третий звонок — она хотела добиться, чтобы на всех подстанциях и помещениях компании была увеличена численность охраны. Делая какие-то записи в блокноте позолоченным карандашиком, Йессен говорила резкими короткими фразами, ни разу не воспользовавшись обычными вводными предложениями типа «я хочу сказать» или «знаете ли». Пока она отдавала распоряжения, Сакс рассматривала кабинет. Ей сразу же бросилась в глаза фотография на широком тиковом столе — юная Энди Йессен в окружении родителей и других родственников. По ряду снимков с изображением детей Амелия заключила, что у Йессен есть

брат несколькими годами ее моложе. Они были очень похожи, несмотря на то что он был шатен, а она блондинка. На совсем недавних фотографиях брат представал красивым, хорошо сложенным мужчиной в военной форме. На других снимках он был запечатлен во время путешествий, на некоторых — в обнимку с женщинами, каждый раз с разными.

Фотографий самой Йессен с мужчинами здесь не было.

Стены кабинета были увешаны книжными полками, старинными гравюрами и картами, отчего помещение начинало напоминать Музей истории электроэнергетики. На одной из карт стояла подпись: «Первая сеть», — и она демонстрировала часть Нижнего Манхэттена вокруг Перл-стрит. Под картой виднелась вполне разборчивая подпись: «Томас А. Эдисон», — и Амелия предположила, что перед ней реальная подпись великого изобретателя.

Йессен закончила свои телефонные переговоры и села, опершись локтями о стол. Взгляд у нее был слегка затуманен, но узкие губы плотно и решительно сжаты.

— Прошло уже больше семи часов со времени... инцидента. Я надеялась, что вы смогли кого-то задержать. Но думаю, что, если бы вам удалось их задержать, — негромко проговорила она, — мне бы позвонили, а не стали бы направлять вас сюда лично.

— Нет. Я приехала сюда совсем с другой целью: задать вам несколько вопросов по поводу кое-каких моментов, которые проявились в ходе расследования.

И вновь осторожный оценивающий взгляд.

— Я беседовала с мэром, губернатором и главой нью-йоркского отделения ФБР. Ах да, еще и с Агентством национальной безопасности. Я ожидала, что ко мне приедет кто-то из этих учреждений, а вовсе не полицейский.

Сакс поняла, что в словах Йессен не было намеренной попытки унизить ее, и потому постаралась не оскорбиться.

— Полиция Нью-Йорка отвечает за криминалистическую составляющую расследования. И мои вопросы будут иметь отношение к этому.

— Тогда понятно. — Лицо Йессен несколько смягчилось. — Между нами, женщинами, я уже начала думать, что мужчины из крупных правительственных учреждений не желают принимать меня всерьез. —

Едва заметная заговорщическая улыбка. — Такое случается. И чаще, чем можно предположить.

— Я понимаю вас.

— Могу представить. Вы детектив?

— Да. — После этого Сакс, которой не терпелось перейти к делу, спросила: — Я могу задать вам несколько вопросов?

— Конечно.

— Прежде всего один предварительный вопрос. Вы сменили пароли доступа к программному обеспечению сети?

Йессен нахмурилась.

— Разумеется. Это первое, что мы сделали. Разве люди из мэрии и министерства национальной безопасности вам не сообщили?

«Нет, не сообщили», — подумала Сакс.

— И мы установили дополнительный набор брандмауэров, — добавила Йессен. — Хакеры не смогут пробиться сквозь них.

— Скорее всего мы имеем дело не с хакерами.

Йессен резко подняла голову.

— Однако сегодня утром Такер Макдэниел заявил, что, по всей вероятности, инцидент — дело рук террористов. Это агент ФБР, между прочим.

— Мы располагаем более свежей информацией.

— Но каким же еще образом подобное могло случиться? Очевидно, что кто-то извне перенаправил электроэнергию и изменил характеристики автоматических выключателей на подстанции МХ-10 на Пятьдесят седьмой улице.

— В данный момент мы абсолютно уверены, что он получил пароли в вашем учреждении.

— Это невозможно. Случившееся — дело рук террористов.

— Конечно, такую возможность нельзя исключать. Однако даже если так, террористы могли воспользоваться кем-то из ваших сотрудников.

Офицер из нашего отдела защиты информации беседовал с вашими программистами. Он сказал, что нет никаких свидетельств хакерской атаки.

Йессен молчала, опустив глаза. Ее расстроило известие о причастности к делу кого-то из ее сотрудников? Или ее раздражение вызвал тот факт, что кто-то из подчиненных без разрешения передавал сведения полиции? Она что-то записала себе в блокнот, и Сакс задалась вопросом, не напоминание ли это о необходимости вынести выговор сотрудникам соответствующего отдела.

— Подозреваемого видели в форме компании «Алгонкин», — продолжала Амелия. — Во всяком случае, в синем комбинезоне, очень похожем на те, что носят ваши сотрудники.

— Подозреваемого?..

— Его видели в кафе напротив подстанции накануне взрыва. Он держал в руках ноутбук.

— Вы могли бы описать его подробнее?

— Белый мужчина старше сорока. Больше нам ничего не известно.

— Что касается формы, ее можно легко приобрести или даже сшить.

— Да, конечно. Но есть еще кое-что. Провод, которым он воспользовался для создания вольтовой дуги, произведен фирмой «Беннингтон». Именно такие кабели постоянно использует ваша компания.

— Да, я знаю. Однако они применяются в большинстве электроэнергетических компаний.

— На прошлой неделе семьдесят пять футов точно такого провода было похищено на одном из ваших складов в Гарлеме. Кроме того, украли еще и десяток анкерных болтов. Они используются для сращивания...

— Я знаю, для чего они используются. — На лице Йессен появились мелкие морщинки, свидетельствующие о крайнем возмущении.

— Тот, кто проник на ваш склад, воспользовался ключом. Он также вошел в туннель, ведущий на подстанцию, через люк компании «Алгонкин».

— Что означает, что он не пользовался электронным шифром для проникновения на подстанцию? — поспешно сказала Йессен.

— Да, не пользовался.

— А это как раз свидетельствует о том, что он не наш сотрудник.

— Не исключено, как я уже говорила. Но есть и кое-что еще.

Сакс сообщила своей собеседнице о найденных ими следах греческого блюда, которые также указывали на возможную связь с компанией «Алгонкин».

Несколько озадаченная подробностями, известными полиции, исполнительный директор компании произнесла с нескрываемым раздражением в голосе:

— Тарамасалата?..

— На довольно небольшом расстоянии от вашего центрального офиса здесь находятся пять греческих ресторанов. А за десять минут езды на автомобиле можно доехать еще до двадцати восьми. И так как следы недавние, то можно предположить, что речь идет о ком-то из ваших нынешних работников — или по крайней мере о человеке, получившем пароль от вашего нынешнего работника. Не исключено, что они встретились в каком-нибудь из окрестных заведений.

— Должна вам напомнить, что в городе огромное количество греческих ресторанов.

— Но давайте все-таки предположим, что компьютерные пароли были получены от кого-то из ваших сотрудников, — продолжала настаивать на своей версии Сакс. — Кто имеет к ним доступ? Это базовый вопрос, на который мы должны в любом случае получить ответ.

— Доступ весьма ограничен и чрезвычайно строго контролируется, — поспешно произнесла Йессен, как будто ее уже судили по обвинению в халатности. Создавалось впечатление, что произнесенная фраза заучена наизусть и отрепетирована.

— И все же — кто?

— Я. А также полдюжины высших руководителей. Вот и все. Но, детектив, речь в данном случае идет о людях, которые работают в нашей компании уже много лет. Они ни при каких обстоятельствах не стали бы совершать ничего подобного. Это просто немыслимо.

— Полагаю, что вы не храните упомянутые пароли на компьютерах?

— Конечно, нет. Они устанавливаются случайным образом старшим инспектором нашего центра управления. И хранятся в надежно защищенном помещении рядом.

— Мне бы хотелось получить все имена и выяснить, не проникал ли кто-то в упомянутое помещение.

Йессен никак не могла принять мысль о том, что преступником является кто-то из сотрудников ее компании. Однако она сказала:

— Я свяжусь с руководителем нашего отдела безопасности. У него должна быть такая информация.

— Кроме того, мне нужны имена тех рабочих, которым в течение последних нескольких месяцев поручался ремонт трубопровода. Я имею в виду тот, доступ к которому осуществляется через люк неподалеку от подстанции, в переулке примерно в тридцати футах к северу от нее.

Йессен подняла трубку и попросила секретаря пригласить к ней двух сотрудников. Просьба была произнесена подчеркнуто вежливым тоном. В то время как многие руководители в подобной ситуации просто прокричали бы приказ в самой грубой форме, Йессен продолжала контролировать свои эмоции и поведение, отчего производила впечатление еще более жесткого начальника. Бушуют и неистовствуют, как правило, слабые и неуверенные в себе руководители. В полиции действовал тот же закон.

Буквально через минуту после того, как Йессен положила трубку, в кабинет вошел один из тех, кого она пригласила. Вероятно, его рабочее место находилось рядом. Это был коренастый мужчина средних лет, в серых брюках и белой рубашке.

— Энди, какая-нибудь новая информация?

— Да, кое-что есть. Садись. — Йессен повернулась к Сакс.

— Знакомьтесь. Боб Кавано, руководитель отдела эксплуатации. Детектив Сакс.

Они обменялись рукопожатиями.

— Есть какое-нибудь продвижение? — спросил Кавано. — Подозреваемые?

Прежде чем Сакс успела ответить на его вопрос, Энди Йессен стоически холодным тоном произнесла:

— В полиции полагают, что это кто-то из наших сотрудников, Боб.

— Из наших сотрудников?..

— Создается именно такое впечатление, — подтвердила Сакс.

Кавано также был явно расстроен предположением, что преступник мог быть сотрудником их компании.

— Ты не мог бы выяснить в отделе ремонта и обслуживания, кто проводил осмотр трубопровода под люком в непосредственной близости от МХ-10?

— За какое время?

— Два-три месяца, — сказала Сакс.

— Не уверен, что у нас сохранились наряды, но я посмотрю.

Кавано позвонил по телефону, отдал соответствующие распоряжения и снова повернулся к своим собеседницам.

— А теперь давайте поговорим о возможных связях с террористами, — предложила Сакс.

— А я полагала, вы подозреваете кого-то из наших сотрудников.

— Обычной практикой для многих террористических организаций является вербовка сотрудников тех или иных организаций.

— Вы подразумеваете сотрудников мусульманского вероисповедания? — спросил Кавано.

— Кстати, я обратила внимание на группу протестующих рядом с вашим зданием, — заметила Сакс. — Как насчет экотерроризма?

Кавано пожал плечами.

— «Алгонкин» часто критикуют в прессе за недостаточное внимание к экологии, — произнес он, стараясь не смотреть в сторону Йессен. Вопрос, видимо, был достаточно болезненный.

— Мы разработали программу по использованию возобновляемых источников энергии, — сообщила Йессен. — И в данный момент занимаемся ее внедрением. Однако мы подходим к данной проблеме реалистично и не тратим на нее слишком много времени. Сейчас считается политкорректным быть сторонником внедрения

возобновляемых источников энергии. Но большинство таких людей не разбираются в самых простых вещах, связанных с энергетикой. — И она махнула рукой с таким видом, словно отгоняла назойливых мух.

Вспоминая жестокость некоторых недавних терактов, связанных с экологией, Сакс попросила ее рассказать поподробнее.

И потом сама пожалела об этом.

— Водородные тепловыделяющие элементы, биотопливо, ветряные станции, солнечные батареи, геотермальные, метановые станции, генераторы, основанные на энергии океанских волн... Вы вообще-то представляете, какой объем энергии они производят? Меньше чем три процента от всей энергии, потребляемой в стране. Половину электроэнергии, производимой в США, получают от сжигаемого угля. «Алгонкин» использует природный газ. На его долю приходится двадцать процентов. Атомные станции дают еще около девятнадцати. Гидроэлектростанции — семь процентов. Конечно, использование возобновляемых источников энергии будет возрастать, но очень, очень медленно. В течение следующих ста лет возможность использования традиционных источников энергии будет неуклонно уменьшаться. — Раздражение Йессен нарастало. — Но вот что касается новых источников энергии. Стоимость пуска агрегата электростанции просто немыслима, устройства по выработке энергии до абсурда дороги и ненадежны, а так как генераторы, как правило, расположены довольно далеко от крупнейших центров потребления электроэнергии, транспортировка также обходится весьма недешево. Возьмите, к примеру, электростанции, основанные на солнечной энергии. Наша надежда, как многие считают. А вы знаете, что они самые большие потребители воды в сфере энергетики? А где они расположены? Там, где много солнца и соответственно мало воды. Однако стоит вам это произнести вслух, и на вас обрушатся все без исключения СМИ. И не только СМИ, но и господа из Вашингтона. Слышали о сенаторах, приезжающих к нам на День Земли?

— Нет.

— Они входят в Объединенный подкомитет по энергетическим ресурсам и работают вместе с президентом над решением экологических проблем, — продолжала Йессен. — Вечером в четверг эти джентльмены будут присутствовать на большом митинге в Центральном парке. Как вы думаете, что они собираются там делать? Конечно, топтать нас. По имени «Алгонкин», разумеется, называть не будут, но могу вам гарантировать, что кто-нибудь из них найдет способ указать в нашу сторону. Наши трубы видны из парка. Поэтому, я уверена, они и запланировали проведение митинга именно там... Ну ладно, я выразила свое мнение. Но

разве это достаточное основание для того, чтобы делать из «Алгонкин» объект для теракта? Нет! Уверена, здесь замешаны какие-то политические экстремисты или религиозные фундаменталисты, желающие подорвать инфраструктуру нашей страны, а вовсе не «зеленые».

Кавано полностью с ней согласился.

— Экотеррор? У нас с ними никогда не было никаких серьезных проблем. А я здесь работаю уже тридцать лет. Я работал еще с отцом Энди, когда он руководил компанией. В те времена мы жгли уголь. И постоянно ждали, что кто-нибудь из «Гринписа» или какие-нибудь либералы устроят нам диверсию. Но ничего особенного не произошло.

Йессен подтвердила его слова:

— Нет, от защитников окружающей среды мы можем ожидать только бойкотов и протестов.

Кавано мрачно усмехнулся:

— И ведь они не желают знать о том, что добрая половина их имеет возможность добраться сюда от Энергетического Экспоцентра на метро исключительно благодаря электричеству, вырабатываемому компанией «Алгонкин». И свои плакатики вчера вечером делали при свете, который им тоже даем мы. Это даже не парадокс, это самое настоящее лицемерие.

— Пока мы не получим каких-то более определенных заявлений от кого-то или какой-то другой более конкретной информации, я все-таки буду исходить из версии об экотерроризме, — подвела итог Сакс. — Кстати, вы ничего не слышали о некой группировке, название которой начинается со слов «Справедливость для...»?

— Для чего? — переспросил Кавано.

— Мы не знаем.

— Нет, ничего подобного не слышали, — сказала Йессен. Кавано тоже ничего не слышал, но пообещал узнать в региональных отделениях «Алгонкин», не доходила ли до них какая-либо подобная информация.

Зазвонил телефон. Кавано поднес его к уху и перевел взгляд на Энди Йессен. После окончания разговора он сообщил Сакс:

— Более года никакого ремонта на том люке не проводилось. Тамошние линии закрыты.

— Понятно. — Сакс явно разочаровало его сообщение.

— Если я вам больше не нужен, то пойду свяжусь с местными отделениями, — сказал Кавано.

Сразу же после его ухода в дверях появился высокий чернокожий мужчина — второй из тех, кого пригласила Йессен. Исполнительный директор жестом предложила ему сесть и представила его Амелии. Начальник отдела безопасности Бернард Валь, единственный небелый сотрудник высшего звена в компании, подумала Сакс. Это был крепко сбитый мужчина в темном костюме, белой, сильно накрахмаленной рубашке с красным галстуком. Его бритая голова блестела в свете ламп. Подняв глаза, Амелия обнаружила, что на потолке горит только половина лампочек. Экономия? Или же Йессен полагает, что таким способом сможет поправить свой имидж противницы «зеленых»?

Валь пожал руку Амелии и искоса взглянул на висящий у нее на бедре «глок». Человек, имевший отношение к полиции, не проявил бы никакого интереса к ее оружию, так как оно было для нее таким же профессиональным инструментом, как для клерков сотовые телефоны и шариковые ручки. Сакс знала по опыту, что только сотрудников охраны, не работавших в полиции, оружие буквально зачаровывает.

Йессен кратко ввела его в курс дела и задала вопрос относительно паролей доступа к компьютерам.

— Пароли? Доступны очень немногим людям. Только начальству. По-моему, такое вряд ли возможно. Вы уверены, что их не взломали? Эти ребята в наше время стали очень большими хитрецами.

— Мы уверены на девяносто девять процентов, — ответила Сакс.

— Берни, пусть кто-нибудь проверит дверь в помещение рядом с центром управления, где хранятся пароли.

Валь вытащил мобильный телефон и поручил своему ассистенту провести проверку. Закончив разговор, он с удивлением произнес:

— Я ожидал услышать от вас сообщение о действиях террористов, а вы заявляете, что это дело рук кого-то из наших.

— Мы считаем, что преступление совершено либо кем-то из ваших сотрудников, либо с их помощью. Но нас также интересуют действия экотеррористов.

— За те четыре года, что я здесь работаю, не было ничего серьезного. Только протесты.

Кивок в сторону окна.

— Вы слышали что-нибудь о группе «Справедливость для...»? Возможно, имеет отношение к проблемам защиты окружающей среды.

— Нет, мэм.

Валь отвечал на ее вопросы с завидным спокойствием, не проявляя ни малейших эмоций.

— Какие-нибудь проблемы с недавно уволенными работниками? — продолжала Сакс. — Или с теми, кто был недоволен политикой компании?

— Политикой компании? — переспросил Валь. — Они же собирались подорвать городской автобус. При чем здесь компания?

— Наши акции упали на восемь процентов, — заметила Йессен.

— А, ну конечно. Об этом я не подумал. Есть несколько таких. Я составлю список.

— Я также была бы признательна за информацию, — произнесла Сакс, — о сотрудниках с какими-либо психическими и эмоциональными проблемами.

— Отдел безопасности, как правило, такой информацией не располагает, — ответил Валь. — Если только речь не идет о чем-то действительно серьезном — о риске насильственных действий по отношению к самим себе и окружающим, например. Но такие мне не приходят в голову. Однако я проверю у наших медиков. Конечно, определенная информация у них имеет конфиденциальный характер, но имена-то по крайней мере я получить смогу.

— Спасибо. Нам известно также, что преступник, возможно, похитил провод и инструменты со склада компании «Алгонкин», находящегося на Сто восемнадцатой улице.

— Я помню о похищении, — отозвался Валь, поморщившись. — Мы занимались им, но потери составили всего несколько сотен долларов. И найти никого не удалось.

— У кого могли быть ключи?

— Ключи там стандартные. И их набор имеется практически у всех наших рабочих. Это примерно восемьсот человек. Плюс все начальство.

— Какие-либо сотрудники, уволенные в последнее время из-за обвинений в воровстве или находящиеся под подозрением?

Валь бросил взгляд на Йессен, чтобы убедиться, что она не возражает против его ответа на вопрос Сакс. По выражению ее лица он понял, что должен ответить.

— Нет, никаких. По крайней мере моему отделу ничего о них не известно. — Чирикнул его телефон. Он взглянул на экран. — Извините. Валь слушает.

Сакс внимательно наблюдала за ним, пока он выслушивал какие-то — по всей вероятности, неприятные — новости. Валь переводил взгляд с одной женщины на другую. Закончив разговор, он откашлялся и приятным хриплым баритоном произнес:

— Вполне возможно… хотя я пока не могу сказать с полной уверенностью… но у нас имело место нарушение систем безопасности.

— Что?! — воскликнула Йессен, и ее лицо побагровело.

— В том крыле, где расположены центр управления и помещение с паролями. — Валь взглянул на Амелию.

— И?.. — в один голос спросили Йессен и Сакс.

— Между контрольной комнатой и помещением с паролями имеется специальная дверь. Она закрывается сама, но записи электронных запорных устройств на ней показали, что ее открывали примерно на два часа пару дней назад. Возможно, испортился механизм или она каким-то образом застряла.

— На целых два часа? И без какой бы то ни было охраны?! — Энди Йессен не могла сдержать гнев.

— Да, мэм, — ответил Валь; лицо его напряглось, он стал нервно потирать свой сверкающий череп. — Однако полагаю, что никто извне проникнуть не мог. Никаких взломов с внешней стороны не отмечено.

— А записи с камер слежения? — спросила Сакс.

— У нас они там не установлены.

— Какой-нибудь охранник в коридоре?

— Нет, дверь выходит в пустой коридор. Даже никак не пронумерована из соображений безопасности.

— Сколько человек могло проникнуть в комнату?

— Все, у кого есть допуск в девятый отсек через одиннадцатый восточный.

— А если конкретнее?

— Очень многие, — ответил Валь и опустил глаза.

Чрезвычайно скверные новости. И это в тот момент, когда Амелии казалось, что все самое плохое в расследовании уже позади.

— Вы можете составить для меня список тех, кто имел туда доступ в тот день?

Валь сделал еще один звонок, а Йессен тем временем взяла свой телефон и устроила разгон по поводу проникновения в секретное помещение. Несколько минут спустя через порог кабинета, смущаясь, переступила молодая женщина в яркой блузке, отливавшей золотом. Она бросила взгляд на Энди Йессен и передала несколько листов бумаги Валю.

— Вот те списки, которые ты просил, Берни. А также список из отдела кадров.

Она повернулась и поспешила поскорее убраться из логова разъяренной львицы.

Пока Валь просматривал список, Амелия внимательно всматривалась в его лицо. На составление списка не ушло слишком много времени, но результаты явно расстроили Валя. В комнату в тот день могли входить сорок шесть человек, сообщил он.

— Сорок шесть? Боже!.. — Йессен тяжело откинулась на спинку кресла и уставилась в окно.

— Ладно, — сказала Амелия. — Теперь нам нужно только выяснить, у кого из них, — она указала на список, — есть алиби и кто обладает необходимыми умениями, чтобы перепрограммировать компьютер и установить провод у автобусной остановки.

Йессен опустила голову и не отрываясь смотрела на идеальную поверхность своего стола.

— Я не технический эксперт. Я унаследовала талант моего отца к бизнесу в сфере электроэнергетики: производство, транспортировка, посредничество. — На мгновение она задумалась. — Но я знаю человека, который поможет нам.

Йессен сделала еще один телефонный звонок, после чего сообщила:

— Он будет здесь через несколько минут. Его офис находится на противоположной стороне «Котла».

— Котла?..

— Машинного зала. — Жест в сторону окна на ту часть здания, из которого вырастали трубы. — Там производится пар для генераторов.

Валь тем временем просматривал более короткий список:

— Наши рабочие, по отношению к которым за последние шесть месяцев принимались дисциплинарные меры вплоть до увольнения за различные нарушения. Несколько с явными психическими отклонениями, те, кто не смог пройти тест на наркотики, и те, которые приходили пьяными на работу.

— Всего восемь, — заметила Йессен.

Амелии показалось, что в голосе начальницы послышалось нечто похожее на гордость.

Сакс сравнила оба списка. Ни один из включенных в короткий список не имел доступа к компьютерным паролям. Ее снова постигло разочарование. Она полагала, что хоть здесь она сможет что-то найти.

Йессен поблагодарила Валя.

— Если я вам чем-то еще могу быть полезен, детектив, просто позвоните мне, — сказал тот.

Амелия также поблагодарила его, и он удалился. Затем, обращаясь к Йессен, она сказала:

— Мне бы хотелось получить копии их резюме. Всех, кто перечислен в данном списке. А также биографии и характеристики. В общем, все, что у вас на них есть.

— Да, конечно, я все это могу организовать.

Йессен попросила секретаршу сделать копию списка и собрать информацию по всем включенным в него лицам.

В кабинет вошел еще один мужчина, который явно очень спешил, так как, входя, тяжело дышал. Лет около сорока пяти, сразу же прикинула Сакс. Немного рыхловатый, с непослушными каштановыми волосами с

проседью. Таких мужчин обычно называют «обаяшками», подумала Сакс. В нем было что-то мальчишеское. Блестящие глаза, подвижные брови, слегка суетливые манеры. Рукава полосатой рубахи, явно давно не глаженной, были закатаны до локтей. На брюках виднелись крошки от еды.

— Детектив Сакс, это Чарли Соммерс, менеджер отдела специальных проектов, — познакомила их Йессен.

Соммерс пожал руку Амелии.

Начальница взглянула на часы, встала, подошла к большому шкафу, достала оттуда куртку и надела ее. Смахнув с плеч то ли частички перхоти, то ли пылинку, она сказала:

— У меня встреча с нашей пиар-фирмой, а затем мне предстоит пресс-конференция. Чарлз, ты не мог бы проводить детектива Сакс в свой офис? Ей нужно обсудить с тобой кое-какие вопросы. Помоги детективу всем, чем сможешь.

— Конечно, буду рад.

Йессен смотрела в окно на свое наследство: огромное здание, сложное строение из башен, кабелей и лесов. На фоне мерцавшей вдали Ист-Ривер она производила впечатление капитана большого корабля. Йессен потерла указательный и большой пальцы правой руки — движение, свидетельствующее о сильном стрессе. Сакс сразу узнала его, так как сама часто делала то же самое.

— Детектив Сакс, сколько провода он использовал для совершения преступления?

Амелия ответила.

Руководитель компании кивнула, продолжая смотреть в окно.

— У него еще осталось достаточно для шести или семи таких акций. Если мы не сможем остановить его.

Энди Йессен не ждала ответа. Собственно, она и не обращалась ни к кому из находившихся в комнате.

18

После окончания рабочего дня в парке на Томпкинс-сквер в Ист-Виллидж резко меняется настроение и стиль гуляющих. Молодые пары, кто-то в одежде от «Брукс бразерс», кто-то с пирсингом или

броскими татуировками, прогуливаются со своими малышами. Музыканты, влюбленные, двадцатилетние клерки, спешащие домой со столь презираемой ими службы и преисполненные надежд на удовольствия, которые обещает им приближающийся вечер. Здесь все полно ароматами хот-догов, карри и выпивки.

На скамейке под большим, широко раскинувшим свои ветви вязом сидел Фред Дельрей. Он взглянул на табличку, прикрепленную к дереву. На ней значилось, что здесь в 1966 году основатель движения «Харе Кришна» впервые пропел эту мантру за пределами Индии.

Упомянутого факта Дельрей не знал. Он всегда предпочитал светскую философию богословию, однако изучил все основные религии, и ему было хорошо известно, что члены секты «Харе Кришна» старались следовать четырем основным правилам дхармы — праведного пути: милосердию, самоконтролю, честности и чистоте тела и духа.

Он размышлял над перечисленными добродетелями и над тем, где следуют им больше: в Нью-Йорке или в Южной Азии, — когда вдруг у него за спиной послышались шаги.

Его рука не успела проделать и половину знакомого пути по направлению к оружию, когда раздался голос:

— Фред.

Дельрея не на шутку расстроило, что кто-то мог застать его врасплох. Уильям Брент в данной ситуации ему ничем не угрожал, но во многих других мог представлять реальную опасность.

Еще один признак того, что он утрачивает профессионализм.

Кивком головы он предложил Бренту сесть. В черном костюме, давно пережившем свои лучшие дни, Уильям представлял собой человеческий тип, трудно поддающийся описанию. Двойной, начинающий отвисать подбородок, пронзительные глаза под зачесанными назад волосами, покрытыми лаком сильной фиксации. Очки в металлической оправе, которые были не в моде уже тогда, когда Дельрей впервые с ним столкнулся. Однако им нельзя было отказать в практичности, что было весьма типично для Уильяма Брента.

Секретный агент скрестил ноги и уставился на дерево. На Бренте были носки с ромбовидным рисунком и поношенные кожаные туфли.

— Как поживаешь, Фред?

— Нормально. Весь в делах.

— У тебя так всегда.

Дельрей не стал спрашивать Брента о том, чем тот сейчас занимается, какое имя носит в данный момент, о планах. Все подобные вопросы были бы пустой тратой времени и сил.

— Джип. Странное создание, верно?

— Верно, — согласился Дельрей.

— Сколько времени он, по-твоему, еще протянет?

После паузы Дельрей дал вполне искренний ответ:

— Три года.

— Здесь. Но, быть может, в Атланте ему удастся протянуть и подольше. Если, конечно, не возьмется за старое.

Дельрея обнадежил объем познаний собеседника. Даже агенту ФБР было неизвестно, куда конкретно направляется Джип.

— Итак, Фред, должен тебя проинформировать, что теперь у меня есть работа. Вполне законная. И я жду объяснений сегодняшнего твоего приглашения.

— Ты умеешь слушать.

— Слушать?

— Почему мне нравилось работать с тобой? Потому что ты всегда внимательно слушал. И очень многое слышал. И у меня есть ощущение, что ты не утратил своей способности и сейчас.

— Ты имеешь в виду взрыв на автобусной остановке?

— Угу.

— Какие-то неполадки с электричеством. — Брент улыбнулся. — По крайней мере так говорили в новостях. Меня всегда удивляло то безграничное доверие, которое мы питаем к СМИ. Но почему я должен им верить? Они готовы с утра до вечера грузить нам мозги всякой дребеденью по поводу очередных дебошей бездарных актеришек и двадцатидевятилетних поп-звезд с громадными сиськами и пристрастием к кокаину. С какой стати я должен тратить на это драгоценные секунды своего сознания?.. Итак, автобусная остановка, Фред. Там случилось что-то еще.

— Да, там случилось что-то еще. — В общении с Джипом Дельрей принимал на себя одну роль: мелодраматическую, в стиле современного телевидения, — но здесь, с Уильямом Брентом, он был актером театра Станиславского, тонко продумывающим каждую свою реплику, каждый взгляд. Текст писался давно, но исполнение шло из души. — И мне нужно знать что.

— Мне нравилось работать с тобой, Фред. Ты был... сложным партнером, но всегда честным.

«Значит, я прошел четверть пути к дхармическому просветлению», — подумал Дельрей, а вслух произнес:

— Мы продолжим наше сотрудничество?

— Я на пенсии. Работа шпика вредно влияет на здоровье.

— О, сколько бывает случаев, когда пенсионерам приходится снова вернуться на работу. Экономика у нас никуда не годная. И соцобеспечение — штука ох какая ненадежная. Итак, мы продолжим наше сотрудничество? — повторил Дельрей.

Брент не отрываясь смотрел на старый вяз в течение долгих пятнадцати секунд.

— Мы продолжим наше сотрудничество. Введи меня в курс дела, и я решу, стоит ли оно моего времени и риска. Для нас обоих.

«Для нас обоих»?.. Последняя фраза удивила Дельрея.

— Многого я тебе сообщить не смогу, — сказал он, — так как у нас самих очень мало сведений. Но есть предположение о существовании некой террористической группировки, название которой начинается со слов «Справедливость для...». Мы не знаем, для чего или для кого. Руководителем ее, вероятно, является некто по имени Рахман.

— Они устроили взрыв на автобусной остановке?

— Вполне возможно. Но кто-то из них связан с компанией. Пока мы не смогли установить кто. Мужчина, женщина, мы не знаем.

— А что там на самом деле произошло? Взорвалась бомба?

— Нет. Преступник манипулировал с электрической сетью.

Брови Брента изогнулись над его антикварными очками.

— С электрической сетью. Это похуже, чем СВУ… [3] Электрическая сеть — самая настоящая бомба в каждом доме и каждом офисе. Ему надо только нажать на несколько кнопок — и я мертв, и ты мертв. И помешать ему довольно трудно.

— Почему я и пришел сюда.

— Значит, «Справедливость для…». А что-нибудь известно относительно их планов?

— Ничего. Организация может быть практически какой угодно направленности — исламистской, нацистской, политической, экологической. Они могут быть как местными, так и приехавшими из-за рубежа. Мы ничего не знаем.

— А откуда вы узнали название? Перевели?

— Нет. Оно было перехвачено в таком виде. «Справедливость». И «для». По-английски. И несколько других слов. Но они не смогли их расшифровать.

— «Они»?..

На лице Брента появилась легкая тень улыбки, и Дельрею на мгновение показалось, что Уильям понял, почему фэбээровец пришел сюда; понял, что его вытесняет из профессии «прекрасный новый мир» электроники. «Сигинт».

— Кто-нибудь взял на себя ответственность за взрыв? — спросил Брент своим вкрадчивым голосом.

— Пока никто.

Уильям Брент глубоко задумался.

— Подобную акцию нужно очень хорошо спланировать. Необходимо связать воедино множество нитей.

— Само собой.

По движению мышц на лице собеседника Дельрей понял, что в голове у Брента что-то начинает понемногу складываться. Эта картина вызвала у Фреда почти восторг. Но, конечно же, внешне он его никак не проявил.

— Да, признаюсь, я кое-что слышал, — шепотом произнес Брент. — Об одном человеке, занимающемся нехорошими делами.

— Рассказывай.

Дельрей постарался не выдать голосом своего нетерпения.

— Собственно, рассказывать-то нечего. А что касается людей, которые мне это передали, я не смогу свести тебя с ними напрямую.

— То, о чем ты говоришь, связано с терроризмом?

— Я не знаю.

— Это означает, что ты не отрицаешь такую возможность.

— Да, конечно.

Дельрей почувствовал, как что-то сжимается у него в груди. Он работал с тайными агентами уже много лет, и теперь сразу почувствовал, что приблизился к чему-то очень важному.

— Если данная группа — или кто бы они там ни были — продолжит свою деятельность… пострадать может очень большое число людей. И пострадать очень серьезно.

Уильям Брент издал звук, означавший, что ему на количество пострадавших людей глубочайшим образом наплевать, а все призывы к его патриотизму и нравственному чувству будут пустой тратой времени и сил.

Уолл-стрит многому может научиться…

Фред кивнул — это означало, что он переходит к чисто коммерческим переговорам.

— Я сообщу тебе имена и адреса, — произнес Брент. — Стану передавать информацию, и работу буду делать сам.

В отличие от Джипа Брент обладал несколькими качествами дхармического просветленного. Это Дельрей понял, еще когда непосредственно сотрудничал с ним. Самоконтролем. Чистотой души… Ах нет… Ну уж по крайней мере чистотой тела.

И самым важным качеством — честностью.

Фред чувствовал, что может доверять ему. Он смерил собеседника пристальным взглядом.

— Ладно. Я готов согласиться с тем, что работу будешь делать ты сам. Готов отойти в сторону. Единственное, чего я от тебя требую, — быстроты.

— А вот за это — то бишь за получение быстрых ответов — тебе и придется платить.

— Вот мы и подошли к одному из главных вопросов.

У Дельрея никогда прежде не возникало проблем с вознаграждением тайным агентам за их услуги. Он, как правило, предпочитал расплачиваться с ними услугами со своей стороны: сокращением тюремных сроков, договоренностью с людьми, занимающимися условно-досрочным освобождением, снятием обвинения, — однако иногда не брезговал расплачиваться и деньгами.

Он знал: хорошо заплатишь — получишь нужную информацию.

— Мир меняется, Фред, — сказал Уильям Брент.

«Ну вот, снова вернулись к нашим баранам», — подумал Дельрей.

— И у меня есть несколько новых планов, которые мне хотелось бы реализовать. Но в чем проблема? В чем всегда проблема?

В деньгах, конечно.

— Сколько? — спросил Дельрей.

— Сто тысяч. Деньги вперед. И ты получаешь гарантию. Я тебе что-нибудь обязательно добуду.

Дельрей даже хохотнул от неожиданности. За все годы своей работы в ФБР он никогда не платил агенту больше пяти тысяч. И то только однажды, в ходе расследования очень крупного коррупционного дела.

Сто тысяч долларов?

— Об этом не может быть и речи, Уильям, — ответил Дельрей, впервые за много лет назвав Брента по имени. — Сумма, которую ты назвал, больше всего нашего бюджета, выделяемого на тайных агентов. Больше, чем деньги, которыми располагают все наши сотрудники, вместе взятые.

— Гм. — Брент ничего не ответил. То же самое сделал бы и сам Дельрей, будь он на месте своего собеседника.

Агент наклонился вперед, сжав свои костлявые руки.

— Позволь мне минуту подумать.

Как Джип в грязной закусочной за несколько часов до того, Дельрей встал и прошел мимо трека для скейтбордистов, двух хихикающих китаянок и человека, раздающего листовки, который выглядел странно радостным и довольным, если учитывать, что на его листовках говорилось о приближающемся в 2012 году конце света. Подойдя к дереву дхармы, Дельрей вытащил телефон и набрал номер.

— Такер Макдэниел, — коротко ответил ему голос коллеги.

— Это Фред.

— У тебя что-нибудь есть? — В голосе агента слышалось удивление.

— Возможно. Я тут встретился с одним своим бывшим источником. Ничего конкретного. Однако в прошлом от него поступала очень надежная информация. Только он просит денег.

— Сколько?

— А сколько у нас есть?

— Не много, — ответил Макдэниел после паузы. — А что у него такого ценного?

— Пока ничего.

— Имена, адреса, номера телефонов? Улики?.. Хоть что-нибудь?

Его голос напоминал стук принтера, распечатывающего список.

— Нет, Такер. Пока ничего. От нас требуют инвестицию в счет будущего.

После еще одной паузы Макдэниел ответил:

— Я смогу, наверное, выделить шесть… ну восемь тысяч.

— И все?

— А сколько же, черт возьми, ему надо?

— Я веду переговоры.

— Дело в том, что мы еще не совсем определились с уровнем важности этого дела, Фред. Преступник захватил нас врасплох.

Дельрею вдруг стало ясно, что Макдэниел не желает тратить деньги. Он перевел основные средства на свой проект «Сигинт» и на группы, работавшие с ним. И естественно, первое, из чего он вытряс деньги, был бюджет, выделяемый на тайную агентуру.

— Начни с шести тысяч. Посмотри, что он тебе может предложить. Сумма немалая. Возможно, я смогу наскрести девять или десять тысяч.

— Такер, я практически уверен, что он может добыть очень ценную информацию.

— Ну что же, вначале все-таки надо получить какие-то доказательства... Минутку... Мне по другому телефону звонят из технико-информационной группы. Извини. У меня с ними срочный разговор.

Щелчок отключения.

Дельрей захлопнул телефон и несколько мгновений стоял, тупо уставившись на дерево. До него с разных сторон доносились обрывки чьих-то фраз:

— Она, конечно, возбудилась, но знаешь, что-то было с ней не так и у нас ничего не вышло... Нет, это не календарь майя, возможно, Нострадамус... Они все просрали... Эй, где ты был, скотина?..

Но на самом деле в голове у Фреда звучал голос одного его товарища по работе в ФБР, который уже много лет назад сказал ему: «Никаких проблем, Фред. Я съезжу за тебя». И отправился в командировку, в которую должен был ехать Дельрей.

И потом ему вспомнился голос его тогдашнего начальника из нью-йоркского офиса, который двумя днями позже сбивчиво и с огромным трудом сообщил Дельрею, что его товарищ погиб во время устроенного террористами взрыва в федеральном здании в Оклахома-Сити. Он находился в конференц-зале — там, где вместо него должен был быть Дельрей.

И в то мгновение Фред Дельрей, сидевший в другом конференц-зале, уютном, безопасном, с кондиционированным воздухом, расположенном очень далеко от дымящегося кратера, поглотившего множество человеческих жизней, принял важное решение: теперь главным приоритетом в его служебной деятельности будет беспощадное преследование террористов и всех тех, кто убивает невинных людей во имя каких-то абстрактных идеалов, политических, религиозных и каких угодно других.

Да, Макдэниел его оттесняет на обочину. Он просто не принимает его всерьез. Однако Дельрей не собирался ему мстить или доказывать преимущества ведения расследования старыми методами.

Он стремился к одному — остановить самое страшное зло: убийство невинных людей.

Он вернулся к Уильяму Бренту, сел рядом и произнес:

— Согласен. Сто тысяч.

Они обменялись номерами мобильных телефонов, которые выбросят через день-два. Дельрей взглянул на часы.

— Сегодня вечером. На Вашингтон-сквер. Рядом с юридическим факультетом, у шахматных досок.

— В девять? — уточнил Брент.

— Лучше в девять тридцать.

Дельрей встал и по правилам работы с информаторами ушел из парка первым, а Уильям Брент еще какое-то время оставался сидеть на скамейке, делая вид, что читает газету или созерцает вяз Кришны.

Или размышляет над тем, как лучше потратить деньги.

Но тайный агент очень скоро остался далеко позади, а Фред Дельрей задумался над тактикой, которую ему следует применить, какую окраску хамелеона на сей раз предпочесть. Почему-то он был уверен, что на этот раз у него все выгорит. Недаром Фред оттачивал свои способности на протяжении многих лет.

Просто ему никогда раньше не приходило в голову, что он когда-нибудь воспользуется ими, чтобы ограбить своего работодателя — американское правительство и американский народ — на сто тысяч долларов.

19

Амелия Сакс следовала за Чарли Соммерсом в его кабинет на противоположной стороне «Котла» в комплексе зданий компании «Алгонкин». Она чувствовала, как с каждым шагом по тому сложному пути, которым они шли, становилось все жарче. И все громче становился грохот, наполнявший коридоры.

Амелия ни при каких обстоятельствах не нашла бы обратной дороги. Вверх по лестницам, потом снова вниз — по другим лестницам. Следуя за

Соммерсом, она отправляла и получала текстовые сообщения по своему мобильному, но когда они стали спускаться все ниже и ниже, ей пришлось сосредоточиться на цели их пути. Коридоры становились все менее уютными и приобретали все более индустриальный облик. Наконец связь на мобильном и вовсе пропала, и телефон пришлось убрать.

Температура поднялась еще выше.

Соммерс остановился у толстой двери, рядом с которой располагалась полка для шлемов.

— Беспокоитесь за свои волосы? — спросил он, пытаясь перекричать сильный грохот по другую сторону двери.

— Мне бы не хотелось их потерять, — ответила Амелия. — И только.

— Им предстоит немного взлохматиться. Здесь самый короткий путь в мой кабинет.

— Чем короче, тем лучше. Я тороплюсь.

Она схватила шлем и нахлобучила на голову.

— Готовы?

— Думаю, что да. А что там за дверью?

Соммерс задумался на мгновение, а потом сказал:

— Ад.

И кивком пригласил ее войти.

Сакс вспомнила тело Луиса Мартина, испещренное крошечными ранами словно горошинами. Дыхание у нее участилось, и она вдруг почувствовала, что рука, потянувшаяся было к дверной ручке, вдруг застыла. Однако Амелия сделала над собой усилие, крепко сжала ручку и открыла тяжелую стальную дверь.

Да уж, действительно ад! Все в наличии: огонь, сера и прочее.

Температура в помещении зашкаливала. Она явно перевалила за сорок градусов, и Сакс почувствовала не только болезненное покалывание на коже, но и неожиданное уменьшение боли в суставах, так как жара немного успокоила ее артрит.

Время было уже довольно позднее: около восьми часов вечера, — но здесь оказалось много рабочих. Потребность в электричестве в течение дня меняется, но полностью никогда не исчезает.

Тускло освещенное огромное помещение примерно двести футов высотой было заполнено лесами и бесчисленным количеством самого разнообразного оборудования. В центре находилось несколько массивных машин светло-зеленого цвета. Самая большая из них была довольно крупной, с закругленным верхом и напоминала здоровенный дом из гофрированного железа. Из нее выходило множество труб, трубок и проводов.

— Это наша МОМ, [4]— сообщил Соммерс, указывая на нее. — М-О-М. Мидвестский операционный механизм. Изготовлен в 60-е годы в Гэри, штат Индиана.

Он прокричал свои слова с явным почтением к механизму. Соммерс добавил также, что МОМ — самый крупный из пяти электрических генераторов в их комплексе в Куинсе. А когда его установили, МОМ был самым большим электрическим генератором в стране. Дополнительно к другим генераторам, у которых имелись только номера, но не было имен, имелось четыре устройства, производивших сверхнагретый пар для всего региона Нью-Йорка.

Амелию Сакс потрясла вся эта громадная машинерия. Она замедляла шаг, глядя на огромные части механизмов и пытаясь понять их функции. Поразительно, чего только не придумает человеческий разум, чего только не создадут человеческие руки…

— Вот котлы. — Соммерс показал на то, что Сакс приняла за отдельное здание внутри здания. Котлы поднимались на высоту десяти-двенадцатиэтажного дома. — Они вырабатывают пар, более трех тысяч фунтов на один квадратный дюйм. — Он перевел дыхание. — Затем пар идет в две турбины, одну с высоким давлением, другую с низким. А потом в генератор. Он непрерывно вырабатывает тридцать четыре тысячи ампер, восемнадцать тысяч вольт, но на выходе напряжение возрастает до более чем трехсот тысяч.

Несмотря на нестерпимую жару, Амелия почувствовала, что ее пробирает дрожь. Она слушала Соммерса, и в ее памяти мелькал Луис Мартин с кожей, пробитой горячим металлическим дождем.

Соммерс добавил с гордостью в голосе, что общий выход их энергоблоков — МОМ плюс нескольких других турбин — приближается к двум с половиной тысячам мегаватт. Примерно четверть всей потребляемой городом энергии.

Он указал на несколько других емкостей.

— Здесь пар конденсируется в воду и откачивается обратно в котлы. И цикл начинается заново. — И снова с гордостью в голосе, пытаясь перекричать шум, Соммерс продолжил: — В ней триста шестьдесят миль труб разного диаметра и миллион футов кабелей.

Но тут, несмотря на все восхищение величием окружающего, Сакс почувствовала, что ее вот-вот охватит обычный для нее приступ клаустрофобии из-за нестерпимого грохота и страшной жары.

Соммерс, по-видимому, все понял.

— Пойдемте. — Жестом он предложил Амелии следовать за ним, и через пять минут они вышли через другую дверь и сняли шлемы.

Сакс тяжело дышала. Коридор, в котором было довольно тепло, после нескольких минут, проведенных в аду, показался ей прохладным.

— Вам стало не по себе?

— Да, немного.

— А теперь вы в порядке?

Она рукой стерла пот со лба и кивнула. Соммерс протянул ей бумажное полотенце, специально предназначенное для подобной цели.

— Пройдемте сюда.

Пройдя еще по нескольким коридорам, они вышли в другое здание. Еще несколько лестниц — и вот Сакс со спутником у его кабинета. Амелия с трудом подавила смешок, увидев жуткий беспорядок. Помещение было заполнено компьютерами и незнакомыми ей инструментами, сотней различных видов оборудования, проводами, какими-то электронными компонентами, клавиатурами, металлическими, пластиковыми и деревянными предметами самой разной формы и размеров.

И еще всякого рода дешевой и вредной едой. Тоннами. Чипсами, солеными крекерами и газированной водой, шоколадными батончиками, печеньем с начинкой и пончиками, посыпанными сахарной пудрой. Крошки от них и заметила на одежде Соммерса Амелия.

— Извините. Вот так мы и работаем в Спецпроектах, — сказал Соммерс, сбрасывая с офисного кресла компьютерные распечатки, чтобы Амелия могла сесть. — По крайней мере вот так я работаю.

— А чем конкретно вы занимаетесь?

Он ответил, немного смутившись, что занимается изобретательством.

— Я понимаю: звучит как-то в духе девятнадцатого столетия или какого-нибудь пошлого рекламного ролика, — но именно этим я и занимаюсь. И я, наверное, самый счастливый человек на свете, так как делаю то, о чем мечтал, еще будучи ребенком, когда изобретал динамо-машины, моторы, электрические лампочки...

— Вы что, создавали свои собственные лампочки?

— Да, и в результате дважды устроил пожар у себя в детской. Даже трижды, но пожарных вызывали только два раза.

Амелия взглянула на портрет Эдисона на стене.

— Мой идеал, — пояснил Соммерс. — Потрясающий человек.

— У Энди Йессен на стене есть тоже что-то связанное с Эдисоном. Фотография сети.

— Да, и настоящая подпись самого Эдисона... Но, по моему мнению, для Энди больше бы подошел Сэмюэль Инсалл.

— Кто?

— Эдисон был ученым. Инсалл — бизнесменом. Он возглавил «Эдисон консолидейтед» и создал первую энергосистему, обладавшую монополией на поставку электроэнергии. Сделал чикагский трамвай электрическим, а первые электрические приспособления раздавал практически бесплатно, чтобы приучить людей к электричеству. Он был тоже настоящий гений. Однако закончил свою карьеру неудачно. Распространенное явление, правда? Инсалл оказался по уши в долгах, и, когда наступила Великая депрессия, его компания обанкротилась, а сотни тысяч ее акционеров потеряли абсолютно все. Очень напоминает «Энрон». Хотите узнать некоторые интересные детали? Аудиторская фирма «Артур Андерсен» сотрудничала и с «Энрон», и — в свое время — с компанией «Инсалл». Что касается меня, то бизнес я оставляю другим, а сам занимаюсь изобретениями. На мое имя зарегистрировано двадцать восемь патентов, и я являюсь разработчиком почти девяноста процессов и продуктов компании «Алгонкин». Некоторые люди находят удовольствие в сидении у телевизора или проводят целые дни за компьютерными играми. А моим главным удовольствием и развлечением в жизни всегда было и остается изобретательство. — Он

показал на большую картонную коробку, наполненную бумажными квадратами и прямоугольниками. — Это мой Салфеточный файл.

— Что?..

— Ну вот представьте: сижу я, например, в «Старбаксе» или в кафе, и у меня появляется идея. Я сразу же заношу ее на салфетку и возвращаюсь сюда с ней, чтобы хорошенько ее продумать. Но первоначальные наброски я никогда не выбрасываю. Храню их здесь.

— Значит, если когда-нибудь создадут ваш музей, то в нем будет Салфеточная комната.

— Подобная мысль уже приходила мне в голову.

Тут Соммерс покрылся краской ото лба до своего объемного подбородка.

— И что же конкретно вы изобретаете?

— Я бы сказал, что сфера моего изобретательства прямо противоположна эдисоновской. Он стремился к тому, чтобы люди пользовались электричеством. Я же хочу, чтобы они перестали им пользоваться.

— А вашему боссу известно о вашей цели?

Соммерс рассмеялся.

— Наверное, я неправильно выразился. Я хочу научить людей более эффективно им пользоваться. Я «негаватт мейвен» компании «Алгонкин».

— Никогда ничего подобного не слышала.

— Большинство людей не слышали, что очень плохо. Придумал этот термин выдающийся ученый и защитник окружающей среды Эмори Ловинз. Его цель также состояла в том, чтобы сформировать стимулы уменьшения потребности в электроэнергии и в ее более эффективном использовании, а не строить все больше и больше электростанций для увеличения ее поставок. Обычная электростанция теряет половину вырабатываемой энергии — выбрасывает ее через дымовые трубы. Половину! Только подумайте! А мы установили несколько тепловых коллекторов на трубах и специальные охлаждающие башни. В результате на «Алгонкин» потери составляют всего лишь двадцать семь процентов. Я предложил проект портативных ядерных генераторов электроэнергии. На баржах, чтобы их можно было перемещать из одного региона в другой. — Соммерс наклонился вперед, у него снова заблестели глаза. — И совершенно новую вещь — хранение электричества.

Электричество не похоже на еду. Его нельзя приготовить, а потом положить на полку на месяц. Его необходимо использовать сразу, в противном случае вы его потеряете. А я разрабатываю новые способы его хранения. Маховики, пневмосистемы, новые технологии батарей... Ах да, и в самое последнее время я половину своего времени трачу на то, что езжу по стране и пытаюсь убедить небольшие компании, занимающиеся альтернативными способами производства электроэнергии, подключаться к крупным сетям типа Северо-Восточного соединения — это наша компания — и продавать энергию нам, вместо того чтобы мы продавали ее им.

— Насколько я поняла, Энди Йессен не большой сторонник альтернативных видов энергии.

— Да, вы правы. Но она же не сумасшедшая. Альтернативные виды энергии — веление будущего. Мы расходимся с ней только по одному вопросу — когда это будущее должно наступить. Я считаю, что гораздо раньше, чем думает она. — Мрачная улыбка. — Вы, конечно, обратили внимание, что ее кабинет по размеру равен всему моему отделу и находится на десятом этаже с видом на Манхэттен... А я сижу здесь, в подвале. — Выражение его лица вдруг сделалось серьезным. — Итак, чем же я могу быть вам полезен?

— У меня есть список сотрудников компании «Алгонкин», которые могут быть причастны к сегодняшнему теракту.

— Кто-то из наших? — Соммерс был явно потрясен.

— Создается именно такое впечатление. Или по крайней мере кто-то из них был соучастником преступника. Мы полагаем, что это скорее всего мужчина, хотя не исключено, что ему помогает женщина. Он (или она) имел доступ к компьютерным паролям, которые позволили проникнуть в программное обеспечение сети. Преступник проводил отключение подстанций одну за другой, с тем чтобы перевести поток электроэнергии на подстанцию на Пятьдесят седьмой улице. И он перепрограммировал автоматические выключатели на прием гораздо большего потока электроэнергии, чем способна выдержать сеть.

— Ах вот как оно все произошло. — Соммерс нахмурился. — Значит, компьютеры. Я не знал подробностей.

— У некоторых из включенных в данный список, несомненно, есть алиби, и нам придется его проверить. Но мне нужно, чтобы вы подсказали, у кого из них могла быть возможность перенаправить поток электроэнергии и устроить вольтову дугу.

Выражение лица Соммерса сделалось почти довольным.

— Я польщен. Даже не предполагал, что Энди вообще интересует, что здесь у меня происходит. — На смену удовлетворению пришла хитроватая улыбка. — Я тоже в числе подозреваемых?

Амелия заметила его имя в списке, еще когда Йессен впервые о нем упомянула.

Она выдержала пристальный взгляд Соммерса.

— Да, вы тоже в списке.

— Гм. Вы уверены, что можете мне полностью доверять?

— Сегодня с десяти тридцати практически до полудня, когда и произошел теракт, вы участвовали в совещании, а в течение того промежутка времени, когда преступник мог получить компьютерные пароли, вас не было в городе. Судя по данным на электронном запорном устройстве, в другое время вы не входили в помещение, где хранятся пароли.

У Соммерса удивленно приподнялась бровь.

Сакс постучала пальцем по своему сотовому.

— Именно по этому поводу я и отсылала эсэмэски по пути сюда. Просила одного человека в Нью-Йоркском управлении полиции проверить вас. Итак, вы чисты.

Амелии в собственном голосе слышались извиняющиеся интонации за недостаток доверия к Соммерсу, но он вдруг с каким-то странным блеском в глазах произнес:

— Томас Эдисон бы вас одобрил.

— Что вы имеете в виду?

— Он как-то сказал, что гений — это просто талантливый человек, который всегда выполняет домашнее задание.

20

Амелия Сакс не хотела демонстрировать Соммерсу весь список. Он может быть близким другом кого-то из попавших туда сотрудников, и у него возникнет невольное желание исключить их из числа

подозреваемых. С другой стороны, не зная списка, он может обратить ее внимание на кого-то подозрительного, кого там не было.

Она никак не стала объяснять свое нежелание показывать список, только заметила, что ей нужна профессиональная характеристика человека, способного подготовить теракт с помощью компьютера.

Соммерс открыл пачку чипсов «Доритос», предложил Сакс. Она отрицательно покачала головой, а он засунул в рот целую горсть. Соммерс ничем не походил на типичный портрет изобретателя. Скорее, с его спутанными волосами и выбившейся рубашкой, он напоминал рекламщика средних лет. К тому же — отчетливо заметный животик. Правда, довольно стильные очки, хотя Сакс не исключала, что где-нибудь с краю на оправе на них стоит «Сделано в Китае». И только очень пристальному взгляду были заметны морщинки вокруг глаз и рта Соммерса.

Он запил чипсы газированной водой и сказал:

— Ну во-первых, направление электроэнергии на подстанцию на Пятьдесят седьмой улице весьма сужает круг поисков. Далеко не всякий работающий у нас способен такое сделать. Более того, подобных людей вообще очень мало. Такой человек должен знать КИСД — нашу программу по контролю и сбору данных. Она работает на операционной системе «Юникс». Кроме того, он скорее всего должен знать программы по управлению электромагнитной защитой. Наши программы подобного рода энертроловские. Они также предназначены для «Юникс». А «Юникс» — очень сложная операционная система. Она используется в крупных интернетных маршрутизаторах. И совсем не похожа на «Виндоус» или «Эппл». Вы не получите в онлайне простые рекомендации по пользованию ею. Человек, работающий с ней, должен изучить КИСД и ряд других программ и по крайней мере пройти полугодовую или даже годичную практику в центре управления.

Сакс занесла новую информацию в свой блокнот, после чего спросила:

— А дуга? Кто мог ее устроить?

— Расскажите мне поподробнее, как все произошло.

Сакс детально описала ситуацию.

— Провод был нацелен из окна? Как винтовка?

Амелия кивнула.

Несколько мгновений Соммерс молчал. Его мысли двигались совершенно в другом направлении.

— Он мог убить десятки людей… А ожоги… Они же могли быть просто чудовищны.

— Кто же мог это сделать? — настаивала Сакс.

В глазах Соммерса вновь появилось отсутствующее выражение, что с ним случалось довольно часто, как уже убедилась Амелия. После паузы он произнес:

— Я понимаю, вы имеете в виду сотрудников компании «Алгонкин». Но вам следует понимать, что дуга — первое, с чем знакомятся все электрики. Работают ли они просто по индивидуальной лицензии, на строительстве, на производстве, в армии, на флоте… где угодно. Пока они имеют дело с электросетями с высоким напряжением, в которых могут возникать такие вещи, они должны быть хорошо знакомы со всеми правилами.

— Значит, вы хотите сказать, что практически любой, кому известно, как не допустить подобных вспышек, может их устроить.

— Абсолютно верно.

Еще одна запись в блокноте.

— Но давайте все-таки вернемся к разговору о ваших сотрудниках, — предложила Амелия, подняв голову от блокнота.

— Хорошо. Вы хотите спросить меня, кто из наших мог бы устроить нечто подобное. В таком деле нужно уметь работать с оголенными проводами. Это должен быть кто-то обладающий либо индивидуальной лицензией на проведение электротехнических работ, либо линейный электромонтер или обходчик ЛЭП нашей компании. Аварийные монтеры — те, кто отвечает за ремонт в том случае, если линия выходит из строя по какой-то причине, или возникает короткое замыкание, или появляется какая-то другая проблема. И имейте в виду, что многие наши нынешние начальники отделов в молодости были простыми электриками, и то, что сейчас они занимаются торговлей электроэнергией и сидят в роскошных кабинетах за удобными столами, вовсе не означает, что при необходимости они не смогут с закрытыми глазами переделать монтажную схему на трехфазовой панели.

— Или устроить вольтову дугу.

— Именно. Поэтому вам стоит заняться поиском людей, имеющих компьютерную подготовку по работе с системами «Юникс». Ну и тех, кто какое-то время работал электромонтером. Я бы также обратил внимание на военных. В армии, на флоте и в ВВС сейчас готовят много специалистов по электротехнике.

— Спасибо за ценный совет.

Их разговор был прерван внезапным стуком в дверь. На пороге появилась молодая женщина с большим конвертом в руках.

— Мисс Йессен сказала, что вам понадобятся эти материалы. Из отдела кадров.

Сакс, поблагодарив ее, взяла папки с личными делами сотрудников.

Соммерс перешел к десерту: съел сначала один небольшой кекс, затем второй и опять запил их газировкой.

— Хотел бы вам кое-что еще объяснить.

Амелия вопросительно приподняла бровь.

— Можно, я прочитаю вам лекцию?

— Лекцию?..

— Лекцию по технике безопасности.

— У меня очень мало времени.

— А я кратенько. Только самое важное. Я просто подумал, что, преследуя своего нынешнего подозреваемого, вы находитесь в очень невыгодном положении. Ведь когда вы ищете обычного преступника — грабителя, наемного убийцу скажем, — то знаете, что он может быть вооружен пистолетом или ножом. И вы к этому привыкли. Вы знаете, как защитить себя в случае необходимости. У вас имеются инструкции на случай поимки негодяев такого рода. Но электричество в роли оружия или западни… совсем, совсем другое дело. Вот, к примеру, электрический ток. Он невидим. И он повсюду. В самом прямом смысле слова.

Амелии сразу же вспомнились кусочки раскаленного металла. И жуткие округлые отверстия на смуглой коже Луиса Мартина.

Сакс очень хорошо помнила и запах паленого мяса. Она невольно содрогнулась от отвращения. Соммерс указал на табличку, висящую на стене.

НЕ ЗАБЫВАЙ ИНСТРУКЦИЮ ПО ПОЖАРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ!

ПРОЧТИ И ВЫУЧИ ЕЕ!

ОНА МОЖЕТ СПАСТИ ТЕБЕ ЖИЗНЬ!

Амелии хотелось поскорее вернуться к работе над расследованием, но, с другой стороны, имело смысл послушать, что мог рассказать Соммерс.

— Времени у меня не очень много, но давайте вводите меня в курс.

— Во-первых, вам следует знать, насколько опасным может быть электричество. А это подразумевает наличие определенных знаний о силе тока. Вы знакомы с такими понятиями?

— В общем... — Поначалу Амелия хотела ответить утвердительно, но потом поняла, что не смогла бы при необходимости дать определение силы тока. — Нет.

— Давайте сравним электрическую цепь с водопроводной системой. Вода бежит по трубам. Давление воды в трубах создается с помощью насосов, прогоняющих определенный объем воды по этим трубам с определенной скоростью. Она проходит по ним относительно легко — в зависимости от их ширины и состояния. То же самое происходит и в электрической системе. Только вместо воды у вас электроны, вместо труб — провода или какой-то проводящий материал, а вместо насосов — генератор или батарея. Давление, толкающее электроны, — это напряжение. Количество электронов, проходящих по проводу, определяет силу тока. Сопротивление, измеряемое в омах, определяется шириной и другими особенностями проводов или других проводников, по которым «текут» электроны.

Замечательно, и все понятно.

— Интересно. Никогда не слышала, чтобы кто-то так просто рассказывал о подобных вещах.

— Ну поговорим о силе тока. Имейте в виду, речь идет о количестве движущихся электронов.

— Да-да, я помню.

— Какая нужна сила тока, чтобы убить вас? При силе в сто миллиампер переменного тока у вас начнется фибрилляция сердца, и вы умрете. А ведь это всего лишь одна десятая одного ампера, при том что самый обыкновенный фен потребляет десять ампер.

— Десять? — прошептала Амелия.

— Да, мэм. Обычный фен. Десять ампер, которых, кстати, вполне достаточно и для электрического стула.

Сакс почувствовала себя совсем неуютно.

— Электричество чем-то похоже на творение Франкенштейна, который оживил своего монстра с помощью молнии, — продолжил Соммерс. — Одновременно и глупое, и гениальное творение. Глупое, потому что с момента своего сотворения оно стремится к одному — снова вернуться в землю. Гениальное, потому что оно всегда инстинктивно знает самый лучший способ сделать это. Оно неизменно идет по пути наименьшего сопротивления. Вы можете взяться за провод с напряжением сто тысяч вольт, но если электричеству легче пройти по проводу, чем по вашей руке, вы в абсолютной безопасности. Но если вы окажетесь самым близким и удобным проводником для него в землю… — Соммерс не стал договаривать, а лишь печально кивнул. — А теперь вернемся к вашему уроку. Вот три моих главных правила работы с током. Во-первых, при любой возможности избегайте его. Преступник знает, что вы его преследуете, поэтому он может устанавливать для вас ловушки из оголенных проводов. Остерегайтесь металлических перил, дверей и дверных ручек, полов без ковровых покрытий, всяких металлических приспособлений и механизмов. Сырых подвалов, стоячей воды. Вы видели когда-нибудь трансформаторы и распределительные щиты на улице?

— Нет, не видела.

— Видели, видели. Просто не замечали, так как отцы города умеют их хорошо прятать. Рабочие части трансформаторов неприятны на вид и выглядят пугающе. В городах они обычно находятся под землей, или в каких-нибудь безобидных зданиях, или же в специальных будках, окрашенных в нейтральный цвет. Вы можете стоять рядом с трансформатором, находящимся под напряжением тринадцать тысяч вольт, и не знать об этом. Поэтому будьте внимательны ко всему, на чем стоит название нашей фирмы — «Алгонкин». И старайтесь держаться подальше. Но помните, что даже в том случае, если вам кажется, что вы находитесь на безопасном расстоянии, опасность все равно может подстерегать вас. Существует такая вещь, как изолированная работа энергосистемы.

— Изолированная работа энергосистемы?

— Предположим, сеть по каким-то причинам на некоторых своих участках выходит из строя, как случилось сегодня. Вы полагаете, что ни в

каких электрических цепях нет тока, так? И чувствуете себя в безопасности. Возможно, вы действительно в безопасности, но, может быть, и нет. Энди Йессен, конечно, хотелось бы, чтобы «Алгонкин» стал единственным поставщиком электроэнергии в городе, однако на данный момент это не так. В настоящее время электроэнергия подается через так называемую распределенную генерацию, в которой более мелкие ее производители перекачивают ток в нашу сеть. Изолированная работа энергосистемы будет иметь место, когда поставки энергии компанией «Алгонкин» прекратятся, но какой-то более мелкий поставщик будет продолжать поставлять электроэнергию, и таким образом возникнет островок электричества в пустыне. Кроме того, существует еще обратное напряжение. Вы выключаете ток в сети и приступаете к работе. Но провода низкого напряжения со стороны потребителя могут начать направлять ток обратно в трансформатор… И провода, которые вы считали обесточенными, на самом деле оказываются под напряжением.

— И в них достаточное количество электричества, чтобы причинить серьезный вред.

— О да. Помимо этого существует еще индукция. Даже если вы уверены, что отключили все провода — все обесточено, нет никакой изолированной работы энергосистемы и никакого возможного обратного напряжения, — в проводе, с которым вы работаете, может возникнуть смертельно опасное напряжение, если неподалеку находится другой провод, по которому идет ток. По причине индукции. Ток в одном проводе может индуцировать ток в другом проводе, даже отключенном от источника питания, если он находится достаточно близко. Отсюда первое правило: избегайте тока. А каково же второе правило? Если вы не можете избежать тока, надежно защитите себя. Обязательно наденьте защитный костюм. Резиновую обувь, перчатки, и не ту ерунду, которую показывают в телевизионных шоу, а рабочие толстые резиновые перчатки. Пользуйтесь инструментами с изоляцией, а еще лучше — штангой для работы под напряжением. Она изготавливается из стекловолокна, как хоккейные клюшки, а к концу у нее прикрепляются инструменты для работы. Мы используем ее при работе с проводами под напряжением. Надежно защитите себя, — повторил Соммерс. — Помните правило пути наименьшего сопротивления. Человеческая кожа — плохой проводник, если она сухая. Если же она влажная, особенно потная, то из-за соли сопротивление очень сильно снижается. А если у вас на коже имеется рана или ожог, кожа становится прекрасным проводником. Сухая кожаная подошва обуви — довольно надежный изолятор. Влажная кожа подобна вашей собственной коже, особенно если вы стоите на хорошо проводящей поверхности, каковой, например, является сырая земля или пол подвала. А лужи? Это просто страшная вещь. Поэтому, если вам необходимо коснуться чего-то, что может находиться под напряжением — ну, скажем, открыть металлическую

дверь, — убедитесь, что руки у вас сухие и что на вас обувь с надежной изоляцией. При возможности всегда пользуйтесь штангой для работы под высоким напряжением или в крайнем случае инструментами с хорошей изоляцией; работайте только одной рукой — правой, так как она расположена немного дальше от сердца, чем левая, а левую руку держите в кармане, с тем чтобы случайно не коснуться чего-нибудь и таким образом не замкнуть цепь. Внимательно смотрите, куда ставите ноги. Вы, конечно, много раз видели птиц, сидящих на оголенных проводах высокого напряжения. На них нет никакой изоляции. Как же они могут оставаться живыми, сидя на металлических проводах с напряжением в сотни тысяч вольт? Почему нам под ноги с проводов не падают жареные голуби?

— Они соприкасаются только с одним проводом, то есть не замыкают цепь.

— Абсолютно верно. Пока они не коснулись обратного провода или опоры ЛЭП, они находятся в абсолютной безопасности. У птиц такой же заряд, как и у провода, на котором они сидят, но ток по ним не проходит. Каждому, кто работает с электричеством, необходимо брать пример с этих пташек.

Последнее сравнение Соммерса показалось Амелии каким-то совсем уж неубедительным.

— Прежде чем начать работу с электричеством, снимите с себя все металлическое. В особенности украшения. Чистое серебро — самый лучший проводник на свете. Медь и алюминий тоже неплохие проводники. Да и золото не намного от них отстает. На противоположном конце шкалы проводимости — диэлектрики-изоляторы. Прежде всего стекло, тефлон, затем керамика, пластик, резина, дерево. Все они очень плохие проводники. Возможность встать даже на тонкую пластинку из одного из перечисленных материалов порой может означать спасение от смерти. Таково правило номер два — защита. И наконец, третье правило: если вы не можете избежать соприкосновения с электричеством и не можете защитить себя от него, постарайтесь перекрыть ему путь. Все цепи, большие и малые, можно разорвать. В них есть выключатели, расцепители, предохранители. Ток можно остановить мгновенно, щелчком выключателя, или с помощью удаления предохранителя. И вам даже не нужно знать, где находится выключатель. Что произойдет, если вы сунете два провода в домашнюю розетку и коснетесь концов?

— Выбьет пробки.

— Абсолютно верно. Вы можете сделать то же самое с любой цепью. Но при этом не забывайте правило номер два. Прежде всего обезопасьте себя. Потому что при высоком напряжении прикосновение к двум проводам может вызвать очень серьезную дугу.

Соммерс перешел к соленым крекерам, которые он по неизменной привычке запил большим глотком газированной воды.

— Я могу еще много чего вам порассказать, но думаю, что главное вы ухватили.

— Да, конечно. Вы мне на самом деле очень помогли, Чарли. Я вам очень признательна.

Советы Соммерса производили впечатление предельно простых, и хотя Сакс внимательно их слушала, электричество как орудие преступления продолжало восприниматься ею как нечто абсолютно непонятное и чуждое.

Да и в свете произошедшего все его советы представлялись какими-то ненадежными. Ну как, к примеру, Луис Мартин мог избежать соприкосновения с электрическим током, защитить себя от него или отсечь голову этому жуткому чудовищу? Ответ — никак.

— Если я вам понадоблюсь по каким-нибудь техническим вопросам, звоните. — Соммерс дал ей два номера мобильных телефонов. — Ах да, секундочку... Вот. — И он протянул Амелии черную пластиковую коробку с кнопкой на одной стороне и экраном сверху. Она напоминала слегка вытянутый мобильный телефон. — Одно из моих изобретений. Бесконтактный детектор электрического тока. Большинство подобных детекторов способны установить наличие тока до тысячи вольт, и вам нужно находиться поблизости от провода или терминала, чтобы устройство сработало. Мое изобретение может регистрировать ток до десяти тысяч вольт. И оно очень чувствительно, способно «почувствовать» наличие электрического напряжения на расстоянии четырех-пяти футов и сразу же определит его уровень.

— Спасибо. Вы очень любезны. — Сакс рассмеялась, рассматривая устройство. — Жаль, что до сих пор не изобрели такого же прибора, который мог бы подсказать, что человек, идущий по противоположной стороне улицы, вооружен.

Сакс, конечно же, шутила. Но Чарли Соммерс кивал, слушая ее, с каким-то подозрительно сосредоточенным выражением лица, словно воспринимал ее слова совершенно серьезно. Попрощавшись с Амелией, он сунул в рот горсть чипсов и начал с бешеной скоростью чертить на

куске бумаги какую-то схему. И Сакс заметила, что он тут же потянулся за салфеткой.

21

— Линкольн, это доктор Копески.

На пороге лаборатории стоял Том с каким-то посетителем.

Линкольн Райм рассеянно поднял голову. Было уже половина девятого вечера. Несмотря на всю срочность дела компании «Алгонкин» и напряжение, царившее в помещении, до возвращения Амелии Сакс со встречи с исполнительным директором компании ему практически было нечего делать. Поэтому он с неохотой согласился принять представителя Общества борьбы за права инвалидов, который намеревался вручить Райму награду.

Копески вовсе не собирался ждать специального приглашения от Райма и быстрым шагом проследовал в комнату.

— Пожалуйста, зовите меня Арлен.

Человек с приятным негромким голосом, в строгом костюме и белой рубашке, в галстуке, напоминавшем черно-оранжевый леденец, подошел к криминалисту и наклонил голову в приветствии. Ни малейших намеков на рукопожатие — поразительная тактичность. И он даже не взглянул на парализованные ноги Райма и его коляску. Копески работал на организацию, защищавшую права инвалидов, поэтому состояние Райма было для него совсем не в новинку. Отношение, которое Райма вполне устраивало. Райм исходил из того, что все мы в той или иной мере инвалиды: у кого-то еще не зажили рубцы от психологических травм, кто-то страдает от артрита, а кто-то от болезни Лу Герига. [5]Сама жизнь — одна большая инвалидность. И вопрос заключается только в том, как мы решаем проблему своей собственной инвалидности. Райм редко задумывался над этим. Он сам никогда не участвовал в защите прав инвалидов и подобные вещи рассматривал как ненужную помеху основной работе. Просто так сложилось, что он криминалист с ограниченными возможностями передвижения. Он, насколько мог, старался скомпенсировать названный недостаток и продолжал работать.

Райм взглянул на Мела Купера и кивнул в сторону кабинета, который располагался напротив лаборатории через коридор. Том провел туда Копески, а Райм проследовал за ним в своем кресле.

— Садитесь, если угодно, — предложил Райм.

Вторая часть его фразы предназначалась для того, чтобы несколько нейтрализовать смысл первой в надежде, что доктор останется стоять, быстро завершит свою миссию и удалится. В руках Копески держал портфель. Наверное, премия находилась в нем. Доктор может ее вручить, сфотографироваться и уйти. Таким образом, с этим скучным мероприятием будет покончено в несколько минут.

Однако доктор сел.

— Я очень внимательно изучил ваши профессиональные достижения.

— Вот как?

— Вы знаете о Совете помощи инвалидам?

Том что-то рассказывал Райму, но тот из его слов запомнил очень немногое.

— Вы делаете много полезного.

— Да, полезного.

Молчание.

Как бы все это поскорее закончить... Райм пристально смотрел в окно — так словно какой-нибудь новый поворот в расследовании прилетит к нему на крыльях, как несколькими часами ранее сокол. И тогда он сможет заявить сидящему в кресле зануде: «Извините, доктор, мне нужно вернуться к работе; профессиональные обязанности, знаете ли...»

— В течение ряда лет мне приходилось работать со многими инвалидами. Повреждения позвоночника, расщелина позвоночника, боковой амиотрофический склероз и множество других заболеваний. Включая рак.

Странная идея. Райм никогда не воспринимал рак как заболевание, ведущее к длительной инвалидности, хотя, вероятно, некоторые его разновидности действительно приводят к ней. Он бросил взгляд на настенные часы, медленно отсчитывавшие время. И тут вошел Том с подносом, на котором был кофе и — о Господи! — пирожные. Ассистент не обратил ни малейшего внимания на гневный взгляд Райма, которым тот хотел напомнить ему, что сейчас не время для милых вечеринок с угощениями.

— Спасибо, — поблагодарил Копески и взял чашку. Райма разочаровало, что доктор не добавил себе в кофе молока, которое охладило бы напиток

настолько, что он смог бы его выпить практически одним глотком и уйти.

— Тебе налить, Линкольн?

— Обойдусь, спасибо, — ответил Райм с ледяной интонацией, которую Том столь же успешно проигнорировал, как и полный злобы взгляд Райма минуту назад. Он оставил поднос на столе и вернулся на кухню.

Доктор поудобнее расположился в уютном кожаном кресле.

— Восхитительный кофе.

Райм ответил легким покачиванием головы.

— Я вижу, вы очень занятой человек, поэтому сразу же перейду к делу.

— Я буду вам весьма признателен.

— Детектив Райм... Линкольн. Вы верующий человек?

Общество помощи инвалидам, вероятно, как-то связано с церковью. Они, наверное, не хотят награждать атеиста.

— Нет, не верующий.

— Вы не верите в жизнь после смерти?

— Мне никто никогда не мог представить объективных доказательств существования таковой.

— Многие, очень многие люди разделяют вашу точку зрения. Значит, для вас смерть что-то сродни, скажем, покою.

— В зависимости от того, как я буду умирать.

Улыбка на добром лице.

— Я не совсем верно представился вашему ассистенту. И вам. Но ради благой цели.

Слова доктора не вызвали у Райма особого беспокойства. Если бы этот человек собирался под чужим именем проникнуть к нему в дом и убить его, то Райм был бы уже мертв. Высоко поднятая бровь Райма означала: «Ну что ж, сознавайтесь — и продолжим».

— Я не работаю в СПИ.

— Вот как?

— Да. Но мне часто приходится заявлять, что я принадлежу к тому или иному обществу, так как, если я откровенно называю свою организацию, меня часто не пускают даже на порог.

— Вы от «Свидетелей Иеговы»?

Странная ухмылка.

— Отнюдь. Я принадлежу к организации, именуемой «Умри с достоинством». Она объединяет сторонников эвтаназии и базируется во Флориде.

Райму доводилось о них слышать раньше.

— Как вы относитесь к эвтаназии? Вы сами о ней никогда не подумывали?

— Подумывал. Несколько лет назад. И решил не убивать себя.

— Но тем не менее в принципе для себя вы такой выход допускаете?

— Я думаю, его допускает любой: инвалид и даже здоровый.

Кивок.

— Совершенно верно.

— Итак, мне стало ясно, что никакой награды за самое эффективное завершение своей жизни я не получу. Чем же еще я могу быть вам полезен?

— Нам нужны сторонники. Люди, похожие на вас, пользующиеся авторитетом в обществе. И в то же время такие, кто не исключает возможности подобного способа перехода для себя.

«Перехода». Ах вот какой эвфемизм они теперь употребляют.

— Вы можете снять видео для YouTube. Дать несколько интервью. А возможно, когда-нибудь сами воспользуетесь нашими услугами…

Копески извлек из своего портфеля брошюру. Книжка в приглушенных тонах, на хорошей бумаге, с цветами на обложке. Не лилии и не маргаритки, отметил для себя Райм, а розы. Заглавие над букетом — «Возможность выбора».

Доктор положил ее на столик рядом с Линкольном.

— Если вы любезно позволите нам воспользоваться вашими услугами как социального спонсора, мы обещаем не только предоставить вам свои услуги совершенно бесплатно, но и гарантируем определенную компенсацию. Мы, как ни странно для столь немногочисленной организации, живем очень неплохо, даже, можно сказать, процветаем.

«И, по-видимому, расплачиваетесь наличными», — подумал Райм.

— Нет, полагаю, я не тот человек, который вам нужен.

— Единственное, что от вас требуется, только выступить с признанием, что вы когда-то вполне серьезно рассматривали возможность эвтаназии для себя. И мы снимем вас на видео. И...

Голос, раздавшийся из-за двери, испугал Райма.

— Убирайтесь отсюда вон!

Копески вздрогнул.

Том влетел в комнату в то мгновение, когда доктор снова откинулся на спинку кресла. Увидев молодого человека, он пролил кофе, выронил чашку, та упала на пол и разбилась.

— Подождите, я...

Ассистент Райма, обычно само воплощение спокойствия, на сей раз еле сдерживал себя от переполнявших его эмоций. Лицо у него побагровело, а руки дрожали.

— Я сказал — убирайтесь!..

Копески встал, сохраняя полнейшее внешнее спокойствие.

— Послушайте, я здесь просто беседую с детективом Раймом, — ровным голосом произнес он. — У вас нет абсолютно никаких причин для возмущения.

— Вон! Сию минуту!

— Я не отниму много времени.

— Убирайтесь сию же минуту!

— Том... — начал было Райм.

— Помолчи! — бросил его ассистент.

На лице доктора отобразился недоуменный вопрос: «И вы позволяете своему ассистенту говорить с вами в таком тоне?»

— Я не буду повторять вам десять раз.

— Я уйду, как только закончу то, зачем пришел.

Копески сделал шаг в сторону Тома. Доктор, подобно многим своим коллегам, был в хорошей физической форме.

Но Том уже довольно давно выполнял функции сиделки, что подразумевало перенесение Райма из коляски в постель и обратно, применение физиотерапии — в общем, постоянную физическую нагрузку. Поэтому движение Копески его не испугало. Он приблизился к нему вплотную.

Однако их противостояние длилось всего несколько мгновений. Доктор отступил.

— Хорошо, хорошо, хорошо. — Он поднял руки. — Господи, стоило из-за такой ерунды...

Том поднял портфель Копески, сунул его доктору в руки и почти силой повел незваного гостя к двери. Мгновение спустя криминалист услышал, как дверь хлопнула так, что на стенах задрожали картины.

Через минуту появился Том, явно расстроенный, убрал осколки фарфора и вытер с пола пролитый кофе.

— Извини, Линкольн. Я проверял. Ведь организация на самом деле существует... И я думал...

Он осекся и покачал головой; его красивое лицо помрачнело, руки снова задрожали.

Райм направил свое кресло в сторону лаборатории со словами:

— Все в порядке, Том. Не расстраивайся... Все очень удачно обернулось.

Молодой человек с беспокойством взглянул на Райма. Тот улыбался.

— Теперь мне не придется тратить время на написание благодарственной речи за чертову награду. Я могу прямо сейчас вернуться к работе.

Мы существуем благодаря электричеству. Импульс, проходящий от мозга к сердцу и легким, — одна из разновидностей электрического импульса.

Но электричество способно и убивать.

В девять часов вечера — спустя всего лишь девять с половиной часов после теракта на подстанции MX-10 компании «Алгонкин» — человек в темно-синем комбинезоне «Алгонкин консолидейтед» окидывал внимательным взглядом пространство, открывавшееся перед ним, — место его следующего преступления.

Электричество и смерть...

Он стоял посреди стройки на открытом месте, но никто не обращал на него ни малейшего внимания, ведь он был обыкновенным рабочим среди множества других рабочих. Разная рабочая одежда, разные шлемы, разные компании. Но одно связывало их всех: на тех, кто зарабатывает на жизнь физическим трудом, всегда смотрели и продолжают смотреть свысока «настоящие люди», те, кто живет за счет их труда, — богатые, надменные, неблагодарные.

Надежно защищенный своим статусом «обыкновенного» рабочего, человек занимался установкой гораздо более мощного варианта того устройства, которое он испробовал несколько ранее в спортивном клубе. В электрической номенклатуре понятие «высокое напряжение» применяется ко всему, что превышает 70 000 вольт. Для осуществления его плана ему необходимо было убедиться, что все системы выдержат напряжение, по крайней мере в два-три раза большее.

Он еще раз окинул взглядом место своего завтрашнего теракта. И его мысли невольно вновь обратились к напряжению, силе тока и... смерти.

Сколько было всякой ерунды сказано о Бенджамине Франклине и том самом «ключе-во-время-грозы». На самом деле Франклин стоял не на влажной земле, а в сарае, и держался не за влажную веревку от змея, а за сухую шелковую ленту, привязанную к ней. И в сам змей никакая молния не попадала. Он просто поймал статический разряд от собиравшейся грозы. В результате никакого удара молнии не было, а просто вдоль руки Франклина запрыгали элегантные голубые искры, напоминающие рыбок, кормящихся у поверхности озера.

Один европейский ученый вскоре после того попробовал повторить эксперимент. И погиб.

С самых первых дней истории производства электроэнергии люди то и дело становились ее жертвами: они либо сгорали, либо умирали от остановки сердца. Одна из первых электрических сетей убила нескольких лошадей из-за соприкосновения металлических подков с влажной булыжной мостовой.

Томас Алва Эдисон и его знаменитый ассистент Никола Тесла на протяжении многих лет сражались по поводу превосходства постоянного тока (сторонник — Эдисон) над переменным (сторонник — Тесла), пытаясь привлечь публику на свою сторону жуткими рассказами об опасности той и другой разновидности тока. Конфликт вошел в историю под названием «Битва токов», и частенько попадал в поле зрения прессы. Эдисон разыгрывал карту смерти от электрического удара, предупреждая, что любой, кто использует переменный ток, подвергает себя опасности погибнуть самым страшным образом. Верно в данном случае то, что переменный ток значительно меньшей силы способен причинить человеку серьезные увечья и даже привести к его гибели, хотя ток любой разновидности при наличии достаточной силы может убить.

Первый электрический стул был создан одним из сотрудников Эдисона. По тактическим соображениям он использовал переменный ток, за который ратовал Тесла. Первая казнь на электрическом стуле была проведена в 1890 году, и руководил ею не палач, а «электрик штата». Приговоренный умер, но перед смертью ему пришлось помучиться целых восемь минут. Хотя скорее всего все это время он уже был без сознания.

Кроме того, уже достаточно давно существовало электрошоковое оружие. А в промышленности постоянно присутствовал страх перед дугой сродни той, которую он устроил сегодня утром.

Электрический ток и смерть…

Он бродил по стройке, изображая усталость после долгого рабочего дня. В настоящее время здесь находилась небольшая по численности бригада ночной смены. Он подошел еще ближе, и снова на него никто не обратил внимания. На нем были защитные очки с толстыми стеклами и желтый алгонкиновский шлем. Он оставался невидимым, словно электричество в проводах.

Его первый теракт, конечно, вызвал значительный ажиотаж в прессе, хотя все писали в основном только об «инциденте» в центре города. Репортеры наперебой твердили о коротких замыканиях, искрах и временных отключениях электроэнергии. Много было всяких домыслов и о террористах, но никто никакой реальной связи с ними не нашел.

Пока.

Через какое-то время кто-то обязательно выйдет на гипотезу о сотруднике компании «Алгонкин», расхаживающем по городу и повсюду расставляющем ловушки, в которых люди гибнут страшной мучительной смертью. Но, кажется, этого пока не произошло.

Он ушел со стройки, и теперь направлялся под землю. Никто ему не мешал. Форма и знак компании служили волшебным пропуском. Он проскользнул в еще один грязный и душный туннель и, натянув на себя защитную амуницию, начал устанавливать провода.

Ток и смерть...

Насколько элегантнее расправляться со своей жертвой подобным способом, чем, к примеру, убивать ее из винтовки с расстояния пятисот ярдов.

Его способ такой чистый, такой простой, такой естественный.

Вы можете остановить ток, можете направить в любую нужную вам сторону. Но вы не можете его обмануть. Как только ток возникает, он инстинктивно любыми доступными ему способами стремится вернуться в землю, и если ему при этом случится по пути убить человека, совершит убийство в одно мгновение, легко и просто.

У тока нет совести, он не чувствует вины.

И именно способностью не чувствовать вины, не испытывать муки совести он больше всего восхищался в своем оружии. В отличие от человеческих существ электрический ток всегда верен своей природе.

23

В это вечернее время город оживал.

Девять часов вечера было чем-то вроде зеленого флажка на автомобильных гонках.

Мертвое время в Нью-Йорке отнюдь не вечер. Оно наступает в период духовного онемения города, парадоксальным образом тогда, когда город кажется наиболее оживленным — в первые утренние часы и в полдень. И только теперь, вечером, люди сбрасывают с себя онемение рабочего дня и в прямом смысле слова оживают.

Принятие принципиально важных решений: в какой бар, с какими друзьями, в какой рубашке? В бюстгальтере или без бюстгальтера? Презервативы?.. И затем — на улицу...

Фред Дельрей шел размашистым шагом по прохладным весенним улицам, ощущая, как все вокруг наполняется энергией, которая как будто течет у него под ногами по невидимым электрическим проводам. Он редко ездил на машине, у него даже не было собственного автомобиля, но нынешнее ощущение было сродни чувству водителя, жмущего на акселератор и на предельный скорости несущегося навстречу собственной судьбе.

Два квартала от метро, три, четыре...

Но что-то еще жгло ему руку. Сто тысяч долларов в кармане.

Проходя по тротуару, Фред Дельрей думал: неужели я все испортил? Да, в нравственном смысле слова я поступаю абсолютно правильно. Я рискую своей карьерой, рискую даже свободой, если эта тонкая нить в конце концов выведет на преступника, кем бы он ни был — «Справедливостью для...» или кем-то еще. Фред мог рискнуть чем угодно, лишь бы спасти человеческие жизни. Конечно, сто тысяч долларов — ничтожная сумма для тех, у кого он ее взял. И, возможно, благодаря бюрократической близорукости они там никогда и не заметят ее исчезновения. Но даже если все пройдет незамеченным, даже если ему с помощью Уильяма Брента удастся предотвратить следующие теракты, разве Дельрея не будет мучить совесть за совершенное им должностное преступление, а чувство вины не станет разрастаться со временем, словно злокачественная опухоль в душе?

И не впадет ли он из-за этого чувства вины в такое душевное состояние, при котором вся его жизнь навеки изменится, станет серой и бессмысленной?

Изменится...

Он уже был близок к тому, чтобы возвратиться обратно в здание ФБР и вернуть деньги.

Но нет. Он поступал правильно. И спокойно примет все последствия своего поступка, какими бы они ни были.

Однако, Уильям, черт тебя возьми, попробуй только не оправдать возлагаемых на тебя надежд!

Наконец Дельрей перешел улицу в Гринвич-Виллидж, подошел прямо к Уильяму Бренту, который при виде федерала удивленно заморгал — так, словно полагал, что тот все-таки не придет. Они стояли рядом. Это не было агентурной операцией. Просто два парня встретились на улице, чтобы решить деловой вопрос.

За спиной у них какой-то грязный подросток с окровавленной губой от недавно сделанного пирсинга безжалостно дергал струны гитары и истошно выл то, что в его понимании было песней. Дельрей жестом предложил Бренту пройти по тротуару.

— Ты что-нибудь нашел? — спросил агент.

— Да, нашел.

— И что? — Фред старался изо всех сил, чтобы собеседник не услышал отчаяния в его голосе.

— Пока не хочу говорить. Это только нить, ведущая к нити. Но могу гарантировать, что завтра ты получишь кое-что более определенное.

Гарантировать? Редко такое слово можно услышать из уст шпика.

Однако Уильям Брент был настоящим «Армани» в среде тайных агентов.

Кроме того, у Дельрея не было выбора.

— Ну а как с нашими бумагами, все в порядке? — как бы между прочим спросил Брент.

— Да, конечно. Вот возьми. — И Фред протянул Бренту сложенный номер «Нью-Йорк пост».

Они делали это сотни раз и раньше. Информатор бросил газету себе в «дипломат», даже не нащупав конверт, а тем более не открыв его и не пересчитав деньги.

Дельрей смотрел, как исчезают деньги, так, как люди смотрят на опускаемый в землю гроб.

Уильям не стал спрашивать, где Фред сумел раздобыть такую сумму. Да и зачем? Для него подобные вещи не имели значения.

Теперь Брент был занят тем, что с задумчивым видом обобщал известную ему информацию.

— Значит, белый мужчина, сотрудник компании или с какими-то хорошими связями в ней... «Справедливость для...»... Рахман... Возможно, терроризм... Но, может быть, и что-то еще... Разбирается в электричестве... Все четко планирует...

— На данный момент мы располагаем только этими сведениями.

— Не думаю, что мне нужны будут какие-то еще, — заметил Брент, но в голосе его не было и тени самонадеянности.

Дельрей постарался убедить себя, что в подобном отношении его бывшего агента есть основания для надежды. Обычно, расплачиваясь со шпиком и расставаясь с обычной в такого рода делах суммой в пятьсот долларов, Фред чувствовал себя обокраденным, однако сегодня у него возникло устойчивое ощущение, что Брент его не обманет.

— Встретимся завтра, — предложил Дельрей. — У «Кармеллы». В Гринвич-Виллидж. Знаешь, где это?

— Знаю. Во сколько?

— В полдень.

Морщинистая физиономия Брента еще больше сморщилась.

— В пять.

— В три?

— Ладно.

Дельрей готов был шепотом добавить: «Пожалуйста» — слово, которое, насколько помнил Фред, он никогда не употреблял в общении со своими агентами. Ему удалось подавить отчаяние, но стоило огромного труда отвести взгляд от «дипломата», содержимое которого могло стоить ему карьеры. И в таком случае вся его жизнь лишилась бы смысла. Перед его глазами всплыло улыбающееся лицо сына, но он постарался отогнать это воспоминание.

— Мне всегда приятно иметь с тобой дело, Фред. — Брент улыбнулся и попрощался кивком головы. Свет уличных фонарей отражался в его больших очках. Мгновение спустя он исчез.

24

За окном раздалось глухое ворчание автомобильного мотора и через несколько мгновений смолкло.

Райм беседовал с Такером Макдэниелом и Лоном Селлитто, которые прибыли — по отдельности — вскоре после столь стремительного ухода Доктора Смерть.

Сакс поставила на лобовое стекло машины табличку с надписью «Управление полиции Нью-Йорка» и направилась в дом. Мгновение спустя дверь дома распахнулась, и до находившихся в лаборатории донесся звук шагов ее длинных ног. Она явно очень торопилась, и даже в цоканье каблуков ее туфель присутствовало некое напряжение.

Амелия кивком приветствовала всех присутствующих и секунду внимательно всматривалась в Райма. От него не ускользнуло выражение ее глаз: нежность в сочетании с тревогой, — столь характерное для тех, кто живет рядом с инвалидом. Она самым скрупулезным образом изучила специфику его заболевания, она превосходно справлялась со всем, что требовал сложный, а порой изнурительный уход за ним, и часто помогала Тому. Райма поначалу это смущало, но когда однажды с юмором и даже легким заигрыванием Сакс заметила ему: «Неужели ты полагаешь, Райм, что у других давно живущих вместе супружеских пар все бывает иначе?» — он успокоился. Его ответом было только: «Разумный довод». Все сказанное, конечно, не означало, что между ними вообще никогда не возникало размолвок и что Амелия никогда не чувствовала раздражения на него, вызываемого естественной в подобных ситуациях усталостью.

Райм взглянул на нее и снова повернулся к своим схемам.

Сакс огляделась по сторонам.

— А где награда?

— Произошло некоторое недоразумение.

— Что ты имеешь в виду?

Он пересказал ей историю с доктором Копески.

— Боже!..

Райм кивнул.

— Так что никакого пресс-папье.

— Надеюсь, его вышвырнули за дверь?

— Том постарался. У него это очень хорошо получилось. Но мне сейчас не хочется говорить о таких вещах. У нас работы по горло. — Он бросил взгляд на сумку, висевшую у Амелии на плече. — Итак, что мы имеем?

Вытащив из сумки несколько папок, Сакс стала отчитываться:

— Здесь список тех, кто имел доступ к компьютерным шифрам компании «Алгонкин». А также их резюме и личные дела.

— А как насчет недовольных сотрудников? Сотрудников с психическими и психологическими проблемами?

— Ничего существенного.

Она изложила другие подробности своей встречи с Энди Йессен. Упомянула об отсутствии каких-либо сведений о сотрудниках компании, работавших в туннеле рядом с подстанцией на Пятьдесят седьмой улице. Явных террористических угроз не замечено, но такая возможность не исключена и в данный момент изучается.

— Кроме того, я беседовала с человеком, работающим в отделе специальных проектов — подразделении, которое занимается альтернативными источниками энергии. Его зовут Чарли Соммерс. Очень приятный парень. Он дал мне подробную характеристику человека, который мог устроить вольтову дугу. Это мог быть опытный электрик, военный электрик, обходчик ЛЭП или ремонтник... Чтобы устроить вольтову дугу, необходимо иметь опыт работы с электричеством. Таким вещам нельзя научиться, заглянув в Интернет.

Райм кивнул в сторону доски, и Сакс занесла на нее краткий отчет о своих изысканиях.

— Что касается компьютера, — продолжала она, — то преступник должен был обладать специальной подготовкой. Программы там тоже непростые.

Она рассказала о программе КИСД и системе «Юникс», с которыми должен был уметь работать преступник, затем занесла и эту информацию на доску.

— И сколько же человек в списке? — спросил Селлитто.

— Более сорока.

— Ого!.. — пробормотал Макдэниел.

Райм исходил из того, что одно из имен в списке, несомненно, принадлежит преступнику и, возможно, Сакс и Селлитто удастся сузить перечень до более разумных пределов. Но сейчас его в значительно большей степени интересовали материальные свидетельства по делу. А их-то как раз было очень мало. Мало по-настоящему информативных.

Прошло почти двенадцать часов со времени совершения преступления, а они ни на дюйм не приблизились к разрешению его загадки, не нашли ни человека, сидевшего в кафе, ни каких-либо других подозреваемых.

Отсутствие улик удручало, но еще более неприятные чувства вызывала запись на доске относительно вероятного преступника: «Возможно, тот же человек, который украл 75 футов такого же провода компании „Беннингтон“ и 12 анкерных болтов, намеревается совершить новые преступления?»

А может быть, он уже сейчас где-нибудь устанавливает очередную ловушку? Никаких предупреждений о нападении на автобус не было. Вероятно, таков стиль совершения им преступлений. В любой момент в СМИ может появиться сообщение о гибели десятков людей в результате очередной дуги.

Мел Купер сделал копию списка, и они разделили его между собой. Сакс, Пуласки и Селлитто взяли на себя одну половину, другая досталась Макдэниелу, который намеревался передать ее своим сотрудникам для анализа. Затем Амелия просмотрела личные дела, которые получила в «Алгонкин», отобрала из них те, которые соответствовали именам в ее списке, а остальные передала Макдэниелу.

— А этот Соммерс... он, по-твоему, заслуживает доверия? — спросил Райм.

— Да. Я проверила его. И он дал мне вот такую штуку. — Амелия достала небольшое электронное устройство черного цвета, направила его на провод, находившийся рядом с Раймом, нажала на кнопку и прочла надпись, появившуюся на экране. — Гм. Двести сорок вольт.

— А как насчет меня, Сакс? Я полностью заряжен?

Амелия рассмеялась, шутливым жестом направив устройство на Райма. В это мгновение зазвонил ее телефон. После короткого разговора она сообщила:

— Звонил Боб Кавано, руководитель отдела эксплуатации. Он занимался тем, что проверял наличие каких-либо террористических угроз в подразделениях компании в нашем регионе. Никаких сведений о

группах экотеррористов, угрожавших компании «Алгонкин» или совершавших нападения на электростанции. Но имеется сообщение о проникновении на одну из основных филадельфийских подстанций. Туда пробрался белый мужчина лет сорока. Никаких других сведений о нем и о его целях нет. Камеры слежения там отсутствуют, и он скрылся до того, как туда прибыла полиция. Это произошло на прошлой неделе.

Раса, пол, возраст те же...

— Наш парень. Интересно, чего он там хотел?

— Никаких других фактов проникновения на территорию объектов компании не зарегистрировано.

Было ли целью преступника получить информацию о сети, о мерах обеспечения безопасности, применяемых на подстанциях? Райму оставалось только гадать, поэтому он пока решил об этом не думать.

Макдэниелу позвонили. Он рассеянно смотрел на схему с материалами дела, слушая собеседника, затем опустил телефон.

— Моя информационная группа получила сведения о новых разговорах в Сети относительно террористической организации «Справедливость для...».

— И что за сведения? — нетерпеливо спросил Райм.

— Ничего существенного. Они пользуются паролями, которые в прошлом применялись для обозначения достаточно серьезного оружия. Наши алгоритмы выделили пароль «Бумага и оборудование».

Он пояснил, что подпольные подрывные организации часто этим занимаются. Совсем недавно во Франции был предотвращен теракт, когда в переговорах террористов были обнаружены слова «пирожное», «мука» и «масло». А на самом деле они имели в виду бомбу и ее ингредиенты: взрывные материалы и детонатор.

— МОССАД сообщала, что группировки хесболлах иногда пользуются словосочетаниями «офисное оборудование» и «товары для проведения вечеринок» для ракет и взрывчатки. Также у нас есть основания полагать, что в деле, кроме Рахмана, участвуют еще два человека: мужчина и женщина — так подсказывает нам компьютер.

— А Фреду вы сообщили? — спросил Райм.

— Хорошая мысль. — Макдэниел вытащил свой сотовый, нашел на нем номер Дельрея и переключил аппарат на громкую связь.

— Фред, говорит Такер. Я у Райма. Ты что-нибудь нашел?

— Мой агент прощупывает кое-какие нити.

— Прощупывает? Ничего более конкретного?

После паузы Дельрей ответил:

— Нет, пока больше ничего.

— Ну а моя группа обнаружила кое-что новое.

И он сообщил Дельрею всю информацию, которую только что предоставил Райму.

Дельрей ответил, что он все это передаст своему контактеру.

— Значит, он согласился работать в рамках выделяемого бюджета? — спросил Макдэниел.

— Да.

— Я знал, что так и будет. Такие люди, как он, пользуются нашими слабостями, стоит им только позволить, Фред. Такова их природа.

— Всякое бывает, — мрачно отозвался Дельрей.

— Будь на связи. — Макдэниел отсоединился и потянулся. — Проклятая «облачная зона». Никак не поддается прочистке.

Прочистке?..

Селлитто постучал по стопке с личными делами сотрудников «Алгонкин».

— Поеду в центр. Надо приступать к проверке. Нам предстоит тяжелая ночь, братец.

Было уже десять минут двенадцатого.

Да, ночь предстоит тяжелая. В особенности же из-за того, что ему практически было нечего делать, кроме как ждать.

А больше всего на свете Райм ненавидел ожидание.

Он перевел взгляд на скудную информацию, представленную на доске, и подумал: «Как же медленно мы продвигаемся».

А ведь мы ищем преступника, который наносит свои удары со скоростью света.

ПРОФИЛЬ ПРЕСТУПНИКА

— Пол: мужской. — Примерно между 40 и 50. — Вероятно, белый. — Возможно, носит очки и бейсболку. — Волосы, вероятно, короткие и светлые. — Темно-синий комбинезон, похожий на те, которые носят сотрудники компании «Алгонкин». — Хорошо разбирается в электричестве. — Судя по отпечаткам обуви, никаких физических патологий, воздействующих на походку и осанку. — Вероятно, тот самый человек, который похитил 75 футов кабеля компании «Беннингтон» и 12 анкерных болтов. Собирается совершить еще несколько подобных преступлений? Прошел на территорию склада «Алгонкин», где была совершена кража, с помощью ключа. — Скорее всего сотрудник компании «Алгонкин» или имеет контакты с кем-то из сотрудников. — Связь с террористами? Связан со «Справедливостью для...»? Террористическая группа? Причастен некто по имени Рахман? Закодированные упоминания о денежных выплатах, передвижении персонала и о чем-то «значительном». — Проникновение на подстанцию в Филадельфии, возможно, связано с преступлением. — Находки «Сигинт»: кодовые слова, означающие оружие, «бумага и оборудование» (оружие, взрывчатка?). — Возможная причастность мужчины и женщины. — Должно быть, изучал КИСД — программу по контролю и сбору данных, — а также другие программы по управлению энергетическими системами. Компьютерная система на «Алгонкин» — «Юникс». — Чтобы устроить вольтову дугу, преступнику необходимы знания и опыт хорошего электрика, электромонтера, обходчика ЛЭП. Шестнадцать часов до Дня Земли.

II

ПУТЬ НАИМЕНЬШЕГО СОПРОТИВЛЕНИЯ

Когда-нибудь человек обуздает силу приливов, подчинит себе силу Солнца и энергию атома.

Эдисон. О будущем

25

Восемь часов утра

Яркий утренний свет пробивался в окна особняка. Линкольн Райм прищурился, выезжая на своем кресле из небольшого лифта, соединявшего его спальню с лабораторией.

Сакс, Мел Купер и Лон Селлитто пришли туда часом раньше.

Селлитто разговаривал по телефону.

— О’кей, ясно, — сказал он, вычеркнул еще одно имя и повесил трубку.

Взглянув на него, Райм понял, что он спал где-то здесь — либо у него в кабинете, либо в спальне на первом этаже. Купер, в отличие от Селлитто, успел побывать дома. Амелия же часть ночи провела рядом с Раймом, но уже в половине шестого встала и занялась просмотром личных дел сотрудников компании, пытаясь сократить число подозреваемых.

— Ну, какие у нас результаты? — спросил Райм.

— Только что беседовал с Макдэниелом, — буркнул Селлитто. — У них шесть. И у нас шесть.

— Ты имеешь в виду, что у нас теперь двенадцать подозреваемых? Давайте…

— Гм… Нет, Линк. Наоборот. Мы вычеркнули двенадцать.

— Трудность в том, — пояснила Сакс, — что многие из сотрудников в списке находятся на довольно высоких должностях. Они не вносили в резюме ту работу, которой занимались в молодости, а также не перечисляли все компьютерные курсы, которые прошли. Нам предстоит основательно покопать, прежде чем мы узнаем наверняка, у кого из них имелись соответствующие навыки для манипулирования сетью и подготовки вольтовой дуги.

— А где же, черт возьми, данные по анализу ДНК? — вскипел Райм.

— Вот-вот будут готовы, — ответил Купер. — Они торопятся.

— Торопятся, — буркнул Райм.

Новая методика анализа позволяла провести подобные тесты за день-два — в отличие от традиционной, на которую могла уйти целая неделя. Но Райму не терпелось получить их как можно скорее.

— И ничего нового по поводу «Справедливости для…»?

— Наши люди просмотрели все файлы, — ответил Селлитто, — и люди Макдэниела тоже. А также Управление внутренней безопасности и Интерпол. Нет ничего ни по ним, ни по Рахману. Полный ноль. Чертовски странная вещь эта «облачная зона». Словно что-то из романа Стивена Кинга.

Райм собирался было позвонить в лабораторию, занимавшуюся анализом ДНК, но не успел поднести палец к сенсорной панели, как телефон зазвонил сам. Он удивленно приподнял бровь и нажал на кнопку ответа.

— Кэтрин? Доброе утро. Рано встаешь.

В Калифорнии было еще пять часов утра.

— Да, немного рановато.

— Есть какая-нибудь причина?

— Логана заметили снова, неподалеку от того места, где уже видели раньше. Я только что разговаривала с Артуро Диасом.

Сотрудник полиции тоже уже не спал. Хороший знак.

— Его босс, о котором я говорила, тоже занимается нашим делом. Родольфо Луна.

Луна был, как выяснилось, крупной шишкой в полиции — вторым человеком в министерстве федеральной полиции Мексики, аналоге ФБР. Несмотря на крайнюю занятость организацией операции против наркоторговцев и выявлением случаев коррупции во властных структурах, Луна, по словам Дэнс, включился в поиски Часовщика. В угрозе очередного заказного убийства в Мексике не было ничего особенно нового, и вряд ли подобным делом должен был заниматься столь высокопоставленный чиновник, как Луна, но он отличался крайним честолюбием и полагал, что помощь Нью-Йоркскому управлению полиции окупится в будущем в ходе очередных переговоров о сотрудничестве с северным союзником.

— Вообще-то он любит пускать пыль в глаза. Разъезжает в собственном «лексусе», носит два пистолета, строит из себя настоящего ковбоя.

— Но он по крайней мере честный человек?

— Артуро говорил мне, что Луна, конечно, со странностями, но вполне честный. И в принципе неплохой. Он ветеран работы в полиции с двадцатилетним стажем, но иногда сам принимается за расследование какого-нибудь дела. Даже сам собирает улики.

Сказанное произвело на Райма сильное впечатление. Он делал примерно то же самое, будучи капитаном полиции и находясь на посту руководителя отдела криминалистики. Линкольн вспоминал, как часто многие молодые ассистенты бывали поражены, обернувшись на звук его

голоса и видя, как начальник их начальника в перчатках держит пинцетом волос, который исследует сам, словно обычный лаборант.

— Луна прославился расследованием экономических преступлений, случаев торговли людьми и терроризма. Ему удалось посадить за решетку людей, занимавших довольно крупные посты.

— И он еще жив? — удивился Райм. Криминалист совсем не шутил: некоторое время назад был убит начальник полиции Мехико.

— У него большая и надежная охрана, — объяснила Дэнс и добавила: — Он бы хотел поговорить с тобой.

— Дай мне его номер.

Дэнс продиктовала номер. Очень медленно. Она встречалась с Раймом и знала о его проблемах. Он двигал одним указательным пальцем правой руки по специальному сенсорному планшету, набирая цифры. Одновременно они появлялись на экране, расположенном прямо перед ним.

Затем Дэнс сообщила, что в полиции продолжается допрос человека, передававшего пакет Логану.

— Он лжет, когда говорит, что не знал, что находится внутри. Я просмотрела видеосъемку и дала следователям несколько советов относительно того, как нужно вести допрос. Он думал, что в пакете находятся либо наркотики, либо деньги, и, конечно же, мельком заглянул в него. Он не присвоил пакет, это свидетельствует о том, что в нем не было ни того ни другого. Ребята готовятся к очередному допросу.

Райм поблагодарил Дэнс.

— И еще одно.

— Да?

Дэнс продиктовала ему выходные данные веб-сайта. Райм ввел его в свой браузер.

— Зайди на этот сайт. Я подумала, что тебе захочется увидеть Родольфо. Уверена, что человека гораздо легче понять, когда ты можешь его себе представить.

Райм, со своей стороны, был не уверен в справедливости ее слов. Его работа не подразумевала частых взаимодействий с людьми. Жертвы бывали, как правило, мертвы, а преступники к тому моменту, когда он

начинал свою часть расследования, обычно оказывались где-нибудь далеко. А если исходить из его личных предпочтений, то Райм вообще предпочел бы никого не видеть.

Тем не менее, распрощавшись с Кэтрин, он зашел на сайт. Там Линкольн обнаружил статью из мексиканской газеты на испанском о большой облаве полиции на наркодельцов. Руководил операцией Родольфо Луна. На фотографии к статье он увидел крупного мужчину в окружении коллег-полицейских. На некоторых были черные маски, на открытых лицах других было напряженное выражение людей, знающих, чем рискуют.

Луна оказался смуглым широколицым мексиканцем. Он носил военное кепи, но чувствовалось, что оно скрывает бритую наголо голову. Форма темно-оливкового цвета больше напоминала военную, чем полицейскую, а грудь была усеяна всякой наградной мишурой. У него были густые черные усы в окружении уже довольно глубоких морщин. Нахмурившись, Луна рукой с зажатой в ней сигаретой указывал куда-то влево.

Райм вызвал Мехико, также пользуясь сенсорным планшетом. Конечно, он мог бы воспользоваться системой распознавания голоса, но с тех пор как у него понемногу начала двигаться правая рука, он предпочитал использовать механические средства.

В данном случае Линкольн должен был набрать еще код страны, что требовало дополнительных усилий. Но вскоре он уже говорил с Луной, у которого оказался неожиданно приятный для человека его профессии голос, а по-английски он говорил свободно и лишь с едва различимым акцентом. Он, несомненно, мексиканец, но в произношении им гласных было заметно французское влияние.

— Ах-ах, Линкольн Райм. Как мне приятно вас слышать. Я о вас читал. И конечно, у меня есть ваши книги. Я сделал все от меня зависящее, чтобы их включили в обязательный список литературы для моих следователей. — Секундная пауза, затем вопрос: — Простите, а вы не собираетесь несколько подновить раздел, посвященный анализу ДНК?

Райм невольно рассмеялся. Именно об этом он как раз и думал дня два назад.

— Конечно, собираюсь. Как только разберусь с нашим нынешним делом. Инспектор... вас нужно называть «инспектор»?

— Инспектор?.. Извините, не понимаю, почему все в США думают, что полицейских в других странах называют инспекторами?

— Самый важный источник подготовки полицейских кадров, — с иронией в голосе ответил Райм, — это кино и телевидение.

Усмешка в ответ.

— Что бы мы, бедные полицейские, без них делали? Но нет. Меня называют «командир». В нашей стране между армией и полицией нет таких жестких границ, как у вас. А вы по званию капитан в отставке, как я узнал из вашей книги. Это тоже как-то связано со службой в армии?

Райм громко расхохотался.

— Нет, это просто значит, что я в отставке.

— В самом деле? Но вы же работаете?

— Да вот, как видите. Я вам весьма благодарен за помощь в деле с Логаном. Он очень опасный человек.

— Мне приятно быть вам полезным. Ваша коллега, миссис Дэнс, много сделала, чтобы нескольких наших преступников, скрывавшихся у вас, экстрадировали обратно в Мексику, несмотря на очень серьезное противодействие.

— Да, она хороший полицейский. — Райм перешел к сути. — Насколько я понимаю, вы видели Логана.

— Мой помощник Артуро Диас и его команда дважды видели его. Первый раз вчера в отеле, а второй — совсем недавно, неподалеку, среди офисных зданий на Боск де Реформа в деловом районе города. Он фотографировал здания. Это вызвало подозрение — их вряд ли можно отнести к числу архитектурных достопримечательностей. Постовой узнал в нем Логана. Люди Артуро быстро прибыли на место. Но ваш мистер Часовщик исчез до того, как приехало подкрепление. За ним очень трудно угнаться.

— Да уж. Кто работает в тех офисах, снимки которых он делал?

— Десятки самых разных компаний. И несколько небольших правительственных учреждений. Дополнительные офисы. Организации, занимающиеся транспортными и коммерческими операциями. На первом этаже одного из зданий — банк. Это действительно так важно?

— Он приехал в Мехико вовсе не с целью что-то украсть. У нас есть сведения, что он планирует убийство.

— В данный момент мы проверяем персонал и характер работы всех тамошних учреждений, с тем чтобы выявить возможную жертву.

В нужной ситуации Райм умел быть тактичным, но сейчас у него не было времени для коммуникативных игр, и он понимал, что нет его и у Луны.

— Ваши люди не должны бросаться в глаза, командир. Вы должны быть гораздо более осторожны, чем обычно.

— Да, конечно. У этого человека глаз наметанный. И чутье. Кэтрин Дэнс говорила мне, что он умеет чуять опасность на расстоянии, как кошка.

«Нет, — подумал Райм, — он просто очень хитер и часто способен в точности предугадывать следующие шаги своих противников. Как талантливый шахматист».

Однако вслух Линкольн сказал:

— Именно так и есть, командир.

Райм смотрел на фотографию Луны на своем компьютере. Дэнс была права: беседу вести гораздо легче, когда ты представляешь, как выглядит твой собеседник.

— У нас здесь тоже есть такие, как он. — Еще один смешок. — И я один из них. Поэтому я все еще жив, а ведь многие мои сослуживцы давно на том свете. Мы продолжим наблюдение. И будем очень осторожны. Когда поймаем его, капитан, возможно, вы сами приедете, чтобы проводить экстрадицию.

— Я редко выхожу.

Еще одна пауза. Затем Луна произнес мрачным тоном:

— О, простите, я совсем забыл о вашей травме.

«То, о чем я никогда не смогу забыть», — подумал Райм, а вслух произнес:

— Не стоит извинений.

— У нас в Мехико, тут... как лучше выразиться... все очень доступно. Мы вас с радостью примем и сделаем так, что вы не почувствуете ни малейшего неудобства. Вы можете остановиться у меня, и моя жена будет готовить для вас. У меня в доме вообще нет лестниц, поэтому у вас не возникнет никаких сложностей.

— Да, наверное.

— У нас очень хорошая еда, а я, кроме того, коллекционирую мескаль и текилу.

— В таком случае за торжественный обед можно не беспокоиться, — заметил Райм.

— Я обязательно заслужу ваш визит поимкой этого человека… и, возможно, вы сможете прочитать лекцию для моих сотрудников.

Райм рассмеялся про себя. Только сейчас до него дошло, что между ними велся скрытый торг. Появление Райма в Мехико будет предметом особой гордости для Луны, еще одной наградой его честолюбию, именно поэтому он с таким энтузиазмом соглашался помочь им в розыске преступника. Наверное, так делаются все дела в Латинской Америке, будь то бизнес или обеспечение правопорядка.

— Буду очень рад.

Райм отвел взгляд в сторону и увидел, что Том показывает ему жестами в сторону прихожей.

— Командир, простите, но мне пора приниматься за дело.

— Я вам очень благодарен за ваш звонок, капитан. Сразу же свяжусь с вами, как только мне что-нибудь станет известно. Даже если что-то не очень значительное. Я обязательно вам позвоню.

26

Том ввел в лабораторию, как всегда, элегантного и энергичного, особого агента Такера Макдэниела. Его сопровождал помощник, молодой, щегольски одетый и самоуверенный. Его имя Линкольн моментально забыл. Его легче было воспринимать как Парнишку — именно так Райм про себя и назвал его. Парнишка бросил мельком взгляд на парализованного криминалиста и тут же отвернулся.

— Мы вычеркнули еще несколько имен из списка, — заявил особый агент. — Но есть и кое-что еще. Мы получили письмо с требованиями.

— От кого? — встрепенулся Селлитто. Он сидел за лабораторным столом, весь сморщившийся, словно сдувшийся мяч. — От террористов?

— Анонимное и вообще без какой-либо информации об адресанте, — ответил Макдэниел, с подчеркнутой четкостью выговаривая каждый слог.

Райм невольно задался вопросом: на самом ли деле ему до такой степени противен этот человек, или же он просто реагирует на отдельные его поступки. Отчасти его неприязнь к Макдэниелу объяснялась отношением агента к Фреду Дельрею, а отчасти общим стилем его поведения. Но иногда, как известно, для такой антипатии не нужно особых причин.

«Облачная зона...»

— Создается впечатление, — продолжил агент, — что писал его просто какой-то идиот. Там всякая болтовня об экологических проблемах, но кто знает, что на самом деле может скрываться за подобной чушью.

— А вы уверены, что письмо написал именно преступник? — спросил Селлитто.

Часто случается, что после некоторых на первый взгляд ничем не мотивированных насильственных актов совершенно непричастные к ним люди берут ответственность за них на себя и выступают с угрозой совершать и впредь нечто подобное в том случае, если их требования — как правило, весьма абсурдные — не будут удовлетворены.

— Он приводит в письме многие подробности нападения на автобус, — подчеркнуто холодным тоном ответил Макдэниел. — Естественно, мы все проверили.

И этот тон, с которым отвечал Макдэниел, многое объяснял в отношении к нему Райма.

— Кто получил письмо и каким образом? — спросил Райм.

— Энди Йессен. Я попрошу ее, чтобы она передала вам подробности. И как можно скорее.

По крайней мере федерал не ведет подковерную войну. Райм несколько смягчился.

— Я сообщил мэру, в Вашингтон и в Агентство национальной безопасности. У нас уже прошло оперативное обсуждение данного вопроса, перед тем как я приехал к вам.

«Хотя и без нашего участия», — отметил про себя Райм.

Агент открыл «дипломат» и извлек из него пластиковый файл с листом бумаги. Райм кивнул Мелу Куперу, который надел перчатки, извлек бумагу из папки и положил на лабораторный стол. Прежде всего он

сфотографировал ее, и написанный от руки текст мгновенно появился на всех компьютерных экранах в лаборатории.

Энди Йессен, исполнительному директору «Алгонкин консолидейтед пауэр»!

Вчера утром, примерно в 11:30, у подстанции MX-10 на Западной Пятьдесят седьмой улице на Манхэттене имел место инцидент с вольтовой дугой, каковой явился результатом соединения электрической шины и кабеля марки «Беннингтон» с линией электропередачи с помощью двух анкерных болтов. В результате перекрытия четырех подстанций и подъема предела нагрузки автоматического прерывателя на подстанции MX-10 перегрузка примерно в двести тысяч вольт вызвала дугу.

В упомянутом инциденте виноваты только вы сами, ваша жадность и эгоизм. Что, будучи крайне предосудительным, тем не менее весьма типично для вашей отрасли. «Энрон» подорвал финансовое благополучие многих людей, деятельность же вашей компании угрожает физическому существованию миллионов и всей жизни на Земле в целом. Эксплуатируя возможности электричества, не обращая внимания на последствия, вы разрушаете наш мир, подобно вирусу вероломно проникая в жизнь каждого человека, живущего на планете, и делая каждого из нас зависимым от того, что нас убивает.

Люди должны знать, что им не нужно такое количество электричества, которое вы им навязываете. И вы обязаны научить их обходиться меньшим. Вам следует сегодня провести снижение напряжения по всей обслуживающей Нью-Йорк сети — на полчаса, начиная с 12:30, и на пятьдесят процентов сократить нагрузку. Если вы этого не сделаете, в час пополудни будут новые жертвы.

Райм кивнул в сторону телефона и сказал Сакс:

— Позвони Энди Йессен.

Амелия набрала номер Йессен, и мгновение спустя из устройства громкой голосовой связи раздался женский голос.

— Детектив Сакс? Вы уже слышали?

— Да. Я здесь с людьми из ФБР и нью-йоркской полиции. Они принесли письмо.

— Кто за этим стоит?

Райм почувствовал в голосе Йессен гнев и возмущение.

— Пока мы не знаем, — ответила Сакс.

— Но у вас должно же быть хоть какое-то подозрение?

Макдэниел представился и сказал:

— Расследование продолжается, но пока у нас нет подозреваемых.

— Человек в рабочей форме вчера утром у кафе неподалеку от автобусной остановки?..

— Нам до сих пор не удалось установить его личность. Мы сейчас работаем с тем списком, который вы нам предоставили. Но пока подозреваемых не выявили.

— Мисс Йессен, с вами говорит детектив Селлитто из нью-йоркской полиции. Вы могли бы пойти на это?

— На что?

— На то, что он от вас требует. То есть на снижение мощности.

Райм не видел ничего дурного в подобных «играх» с преступниками, если такая торговля с ними давала выигрыш во времени, который можно было бы использовать для анализа улик или дальнейшего расследования. Однако вел разговор не он.

— Говорит Такер, мисс Йессен. Мы возражаем против ведения каких-либо переговоров с преступниками. В конечном итоге это приводит только к дальнейшему повышению ими требований.

Он пристально смотрел на детектива, который отвечал ему таким же взглядом.

— Мы сможем получить некоторую передышку, — настаивал Селлитто.

Макдэниел колебался — вероятно, из-за того, что они не выступают с полицией единым фронтом. И все-таки после паузы повторил:

— Я бы вам настоятельно советовал не идти на поводу у террористов.

— Ни о чем подобном и речи быть не может, — откликнулась Энди Йессен. — Пятидесятипроцентное снижение нагрузки по всему городу? Это вам не переключение света фар в автомобиле, это нарушит график нагрузки по всей Северо-Восточной. В десятках мест возникнут отключения электричества. И при таком падении нагрузки у миллионов наших потребителей с релейными системами оно полностью

отключится. Неизбежно будет иметь место потеря данных и сброс на ноль. И нельзя будет все так просто взять и восстановить. На перепрограммирование уйдут целые дни, а большая часть данных будет потеряна навсегда. Но, хуже того, определенная часть жизненно важных инфраструктурных объектов имеет резервное питание за счет батарей и генераторов, однако далеко не все. В больницах запас энергии очень невелик, и резервные установки работают крайне ненадежно. В результате погибнут люди.

«Ну что ж, — подумал Райм, — в одном по крайней мере автор письма был совершенно прав: электричество, компания „Алгонкин“ и другие энергетические компании на самом деле сумели практически полностью подчинить себе нашу жизнь. Мы зависим от электричества почти как от воздуха».

— Ну вот, — поддержал Макдэниел исполнительного директора. — Ни о чем подобном не может быть и речи.

Селлитто поморщился. Райм перевел взгляд на Сакс.

— Паркер?..

Она кивнула и нашла в своем телефоне номер и электронный адрес Паркера Кинкейда в Вашингтоне. Он был когда-то агентом ФБР, а теперь, находясь в отставке, занимался частным консультированием. По мнению Райма, он являлся лучшим специалистом по анализу документов в стране.

— Я вышлю ему прямо сейчас.

Амелия села в кресло перед одним из компьютеров, написала электронное письмо, отсканировала послание преступника и отправила их вместе.

Селлитто открыл свой телефон, связался с антитеррористической группой в нью-йоркской полиции и с группой быстрого реагирования и сообщил им, что на час дня запланирован очередной теракт.

Райм снова подключился к телефону.

— Мисс Йессен, с вами опять говорит Линкольн Райм. Пожалуйста, давайте вернемся к тому списку, который вы вчера передали детективу Сакс. Списку сотрудников.

— Слушаю вас.

— Вы не могли бы предоставить нам образцы их почерка?

— Всех?

— Возможно большего их числа. И как можно скорее.

— Полагаю, что да. У нас имеются декларации о конфиденциальности, подписанные практически всеми нашими сотрудниками, а также медицинские анкеты, различного рода заявления, отчеты о расходах.

Однако Райм весьма скептически относился к возможности надежно идентифицировать почерк по подписи. Несмотря на то что сам он не был экспертом по документам, нельзя быть главой криминалистического подразделения, не обладая определенными познаниями в данной области. Ему было прекрасно известно, что многие склонны вместо подписи ставить какие-то небрежные каракули (небезопасная привычка, так как неряшливую подпись гораздо легче подделать, чем аккуратную). Однако докладные записки и просто записи делаются гораздо более разборчивым почерком, по которому с большей надежностью можно судить о почерке человека в принципе. Все это он изложил Йессен, и она пообещала поручить нескольким помощникам заняться поиском образцов почерка помимо подписей. Конечно, ее все еще продолжала угнетать вероятность того, что к преступлению был причастен кто-то из ее сотрудников, но ей больше не приходило в голову возмущаться и протестовать по данному поводу.

Райм отвернулся от телефона и позвал:

— Сакс! Он на месте? Паркер на месте? Что случилось?

Она кивнула.

— Он на каком-то мероприятии. Меня соединят с ним.

Кинкейд был отцом-одиночкой двоих детей, Робби и Стефани, и ему приходилось с предельной осторожностью балансировать между личной и профессиональной жизнью. Из-за любви к детям он ушел из ФБР и сделался, подобно Райму, консультантом. Но Линкольн прекрасно знал, что ради такого дела Кинкейд сразу же забудет обо всем остальном и мгновенно примется за работу.

Криминалист вновь повернулся к телефону.

— Мисс Йессен, вы не могли бы отсканировать их и отослать по адресу... — Выразительно поднятая бровь в сторону Сакс, которая продиктовала Йессен электронный адрес Паркера Кинкейда.

— Я записала, — отозвалась Йессен.

— Все это термины, которые вы используете в своей работе, как я полагаю? — спросил Райм. — «Сброс нагрузки», «обслуживающая сеть».

— Да, конечно.

— Можно ли получить о нем какую-либо информацию, исходя из использования им упомянутых терминов?

— Вряд ли. Все они относятся к технической стороне нашей работы, но если он сумел перепрограммировать компьютеры и соорудить установку для дуги, значит, должен знать и соответствующую терминологию. Любой работающий в энергетике ее знает.

— Каким образом вы получили письмо?

— Его доставили ко мне на квартиру.

— Ваш адрес известен многим?

— Меня нет в телефонном справочнике, но не думаю, что при желании его так уж трудно отыскать.

— И все-таки расскажите поподробнее, как вы его получили, — настаивал Райм.

— Я живу в доме с консьержем в Верхнем Ист-Сайде. Кто-то позвонил в заднюю дверь для доставки почты. Консьерж пошел посмотреть, кто там, а когда вернулся, письмо лежало у него на столе. На нем была надпись: «Срочно. Немедленно передать Энди Йессен».

— У вас установлены камеры наблюдения?

— Нет.

— А кто прикасался к письму?

— Консьерж. Но только к конверту. Я попросила посыльного из офиса забрать его. Он тоже к нему прикасался. И конечно, я сама.

Макдэниел собрался было что-то сказать, но Райм опередил его.

— Письмо срочное, поэтому тот, кто его передавал, знал, что у вас есть швейцар, который сразу же вам его передаст.

Макдэниел кивнул. Он явно собирался сделать такое же замечание. Большеглазый парнишка тоже кивал, подобно игрушечной собачке в заднем окне автомобиля.

После секундной паузы Йессен ответила:

— Думаю, что вы правы. — В ее голосе послышался страх. — А это значит, что ему известно обо мне, вероятно, очень многое.

— У вас есть охрана? — спросил Селлитто.

— Наш руководитель отдела безопасности. На работе. Берни Валь. Вы его видели, детектив Сакс... У него на службе по четыре вооруженных охранника для каждой смены. Но дома у меня нет никакой охраны. Мне никогда не приходило в голову...

— Ну в таком случае мы найдем кого-нибудь из полицейского участка рядом с вашим домом, — пообещал Селлитто.

Пока он звонил по телефону, Макдэниел спросил у Йессен:

— У вас есть родственники в Нью-Йорке? Нам необходимо о них знать.

Вновь пауза:

— Зачем?

— Преступник может попытаться воздействовать на вас через них.

— О... — Голос Йессен, обычно по-мужски жесткий и уверенный, теперь звучал слабо и совсем по-женски. — Мои родители живут во Флориде.

— Но ведь у вас есть брат? — вмешалась Сакс. — Я видела его фотографию у вас на столе.

— Брат?.. Мы очень редко с ним общаемся. И он тоже живет не в Нью-Йорке... — Кто-то прервал ее. Затем снова послышался голос исполнительного директора: — Извините, мне звонит губернатор. Ему только что сообщили.

Щелчок — и разговор прекратился.

— Итак. — Селлитто поднял руки, прошелся скептическим взглядом по Макдэниелу и перевел его на Райма. — Все представляется чертовски простым.

— Простым? — переспросил Парнишка.

— Да. — Селлитто кивнул на электронные часы на установленном неподалеку мониторе. — Если мы не желаем вести переговоры, значит,

единственное, что нам остается, — это найти его. За оставшиеся три часа. Что может быть проще?

27

Мел Купер и Райм занимались анализом письма. За несколько минут до того прибыл Рон Пуласки. Лон Селлитто отправился в центр для координации действий полиции — на тот случай если они смогут идентифицировать подозреваемого или установить возможный объект его нападения.

Такер Макдэниел смотрел на письмо с требованиями так, словно перед ним находилось блюдо, которое он никогда раньше не пробовал. Райм предположил, что подобное отношение агента вызвано тем, что почерк письма не попадает в «облачную зону». Он представляет собой нечто прямо противоположное хай-тековскому стилю коммуникации. Все компьютеры и сложнейшие системы слежения оказываются совершенно беспомощными в случае столкновения с обыкновенной бумагой и чернилами.

Райм бросил взгляд на текст. Как профессионал-криминалист — а также со слов Паркера Кинкейда — он знал, что по почерку невозможно ничего установить относительно личности писавшего, что бы там ни утверждалось в популярных брошюрках и в не менее популярных телепередачах. Конечно, из анализа письменного документа можно получить интересную и полезную информацию в том случае, если у вас есть еще один образец письма этого же человека, с которым можно сравнить и убедиться, что оба документа писала одна и та же рука. Чем-то подобным сейчас и занимается Паркер Кинкейд — проводит предварительное сравнение почерка в письме с почерками уже известных террористов и сотрудников «Алгонкин» из списка Йессен.

По почерку и содержанию текста также можно установить право- или леворукость писавшего, уровень образования, национальные и региональные особенности, наличие психических и физических заболеваний, состояние отравления или факт приема наркотиков.

Но Райма в данном письме интересовали гораздо более простые вещи: источник получения бумаги, чернил, отпечатки пальцев и следы на волокнах бумаги.

После тщательного анализа Купера все перечисленные данные были присоединены к уже имеющимся сведениям, и все в результате дало огромный, уже чрезмерно раздувшийся ноль.

Источники как для бумаги, так и для чернил были самые обычные — их можно было приобрести в тысячах различных магазинов. На письме были обнаружены отпечатки пальцев только самой Энди Йессен, а на конверте — посыльного и швейцара. Агенты Макдэниела сняли у них отпечатки и передали Райму.

Все бесполезно, печально подумал Райм. Единственный вывод, который он смог пока сделать, сводился к тому, что преступник чрезвычайно хитер и необычайно ловок.

Однако не прошло и десяти минут, как им удалось наконец-таки совершить небольшой прорыв.

С ними на связь из своего офиса по анализу документации, который находился у него в доме в Фэрфаксе, штат Виргиния, вышел Паркер Кинкейд.

— Линкольн.

— Паркер! Ну что ты можешь нам сообщить?

— Во-первых, относительно сравнения почерков. Контрольные образцы из компании «Алгонкин» недостаточны, поэтому полного анализа, на который я рассчитывал, я провести не смог.

— Понимаю.

— Но мне все-таки удалось сократить список подозреваемых до двенадцати сотрудников.

— До двенадцати? Превосходно!

— Вот их имена. Готовы записывать?

Райм бросил взгляд на Купера, тот кивнул и все записал под диктовку Кинкейда.

— Я и еще кое-что могу вам сообщить о нем. Во-первых, он правша. Кроме того, мне удалось выяснить кое-какие его характерные особенности на основании языка письма и выбора слов.

— Давай рассказывай.

По кивку Райма Купер проследовал к доске.

— У него за спиной полное среднее образование. Возможно, даже какой-то колледж. Образование получено в Америке. В тексте есть

несколько орфографических, грамматических и пунктуационных ошибок, но в основном в сложных словах и конструкциях. Я отнес их за счет психологического напряжения, в котором он находился при написании письма. Вполне вероятно, что он уроженец Штатов. Не могу утверждать наверняка, что он не приехал откуда-то, однако совершенно очевидно, что английский — его родной язык, и почти наверняка единственный, которым он владеет.

Купер занес на доску все сказанное Кинкейдом.

— Также он, несомненно, очень умен, — продолжал Кинкейд. — Не пишет в первом лице и избегает активного залога.

Райм понял.

— Он никогда ничего не говорит о себе.

— Совершенно верно.

— Из чего можно заключить, что на него работают другие.

— Вполне возможно. Кроме того, есть некоторые различия в верхних и нижних элементах букв. Такое бывает, когда человек чем-то подавлен или крайне возбужден. От гнева и сильного разочарования пишут более размашисто.

— Хорошо.

Райм кивнул Куперу, и тот занес всю новую информацию на доску.

— Спасибо, Паркер. Мы приступим к работе.

Разговор прервался.

— Двенадцать... — выдохнул Райм. Он взглянул на схему на доске, затем перевел взгляд на имена подозреваемых. — Нет ли у нас какого-нибудь способа побыстрее сократить их число? — спросил он мрачно, глядя, как часовая стрелка сдвинулась еще на одну минуту, неумолимо приближая их к страшной черте.

МЕСТО ПРЕСТУПЛЕНИЯ: ПОДСТАНЦИЯ КОМПАНИИ «АЛГОНКИН»

МАНХЭТТЕН-10, ЗАПАДНАЯ 57-Я УЛИЦА

— Жертва (погибший): Луис Мартин, помощник менеджера в музыкальном магазине. — Отпечатки на всех поверхностях

отсутствуют. — Шрапнель из расплавленного металла в результате вольтовой дуги. — Кабель нулевого калибра из алюминиевых нитей с изоляцией. — Производство «Беннингтон электрикал мэньюфэкчуринг», AM-MB-60 на 60 000 вольт. — Отрезан вручную с помощью ножовки с новым полотном и одним сломанным зубцом. — Два анкерных болта с отверстиями в ¾ дюйма. — Источник неопределим. — Отчетливые следы инструментов на болтах. — Медная электрическая шина, прикрепленная к кабелю двумя болтами в ¼ дюйма. — Источник неопределим. — Следы обуви. — Модель Е-20 «Альбертсон-фенвик» для электромонтажных работ, размер 11. — Металлическая решетка, прорезанная преступником для получения доступа на подстанцию, отчетливые следы болтореза. — Дверца с рамой из подвала. — Получена ДНК. Отправлена на анализ. — Греческое блюдо, тарамасалата. — Короткие светлые волосы, цвет естественный, от человека не старше 50 лет, обнаружены в кафе на улице напротив подстанции. — Направлены на токсико-химическую экспертизу. — Неорганические следы: вулканический пепел. — Для района Нью-Йорка не характерен. — Выставки, музеи, геологические учебные заведения? — Доступ к программному обеспечению управляющего центра компании «Алгонкин» получен с помощью внутренних кодов, а не от внешних хакеров.

ПИСЬМО С ТРЕБОВАНИЯМИ

— Доставлено Энди Йессен на дом. — Без свидетелей. — Написано от руки. — Отослано Паркеру Кинкейду на анализ. — Бумага и чернила обычные. — Источник неопределим. — Отпечатки только Э. Йессен, швейцара и посыльного. — На бумаге не обнаружено никаких других следов.

ПРОФИЛЬ ПРЕСТУПНИКА

— Пол: мужской. — Примерно между 40 и 50. — Вероятно, белый. — Возможно, носит очки и бейсболку. — Волосы, вероятно, короткие и светлые. — Темно-синий комбинезон, похожий на те, которые носят сотрудники компании «Алгонкин». — Хорошо разбирается в электричестве. — Судя по отпечаткам обуви, никаких физических патологий, воздействующих на походку и осанку. — Вероятно, тот самый человек, который похитил 75 футов кабеля компании «Беннингтон» и 12 анкерных болтов. Собирается совершить еще несколько подобных преступлений? Прошел на территорию склада «Алгонкин», где была совершена кража, с помощью ключа. — Скорее всего сотрудник

компании «Алгонкин» или имеет контакты с кем-то из сотрудников. — Связь с террористами? Связан со «Справедливостью для...»? Террористическая группа? Причастен некто по имени Рахман? Закодированные упоминания о денежных выплатах, передвижении персонала и о чем-то «значительном». — Проникновение на подстанцию в Филадельфии, возможно, связано с преступлением. — Находки «Сигинт»: кодовые слова, означающие оружие, «бумага и оборудование» (оружие, взрывчатка?). — Возможная причастность мужчины и женщины. — Должно быть, изучал КИСД — программу по контролю и сбору данных, — а также другие программы по управлению энергетическими системами. Компьютерная система на «Алгонкин» — «Юникс». — Чтобы устроить вольтову дугу, преступнику необходимы знания и опыт хорошего электрика, электромонтера, обходчика ЛЭП. — Профиль от Паркера Кинкейда (анализ почерка). — Правша. — Имеет по крайней мере полное среднее образование, возможно, колледж. — Образование получил в США. — Родной язык — английский, других языков скорее всего не знает. — Использует пассивный залог, чтобы не выдать сообщников? — Может быть одним из двенадцати сотрудников компании «Алгонкин». — При написании письма находился в эмоциональном, раздраженном, угнетенном состоянии.

28

Мел Купер резко выпрямился у своего компьютера.

— Мне кажется, я нашел.

— Нашел что? — спросил Райм.

— Способ сократить список. — Купер откинулся на спинку кресла и, вглядываясь в текст электронного письма, поднял очки еще выше, поверх переносицы. — Волосы. Те, что мы обнаружили в кафе напротив подстанции.

— В них нет луковиц — следовательно, невозможно провести анализ ДНК, — резко возразил Райм. Он был страшно раздражен тем, что анализ до сих пор не готов.

— Я не об этом, Линкольн. Я только что получил результаты токсико-химической экспертизы волос. Обнаружено большое количество винбластина и преднизона, а также следы этопозида.

— Человек, больной раком, — сразу же сделал вывод Райм, наклонив вперед голову, — единственное значительное движение, на которое он был способен. — Проходящий курс химиотерапии.

Скорее всего именно так и есть.

Юный протеже Макдэниела издал громкий смешок.

— Откуда вы знаете? — сказал он, потом, повернувшись к боссу, добавил:
— Ничего себе!

— Вас здесь еще очень многое удивит, — заметил Рон Пуласки.

Райм не обратил на них ни малейшего внимания.

— Позвоните на «Алгонкин» и узнайте, не уходил ли кто-то из двенадцати сотрудников из этого списка за последние пять-шесть месяцев на бюллетень по поводу лечения от рака.

Сакс позвонила в «Алгонкин». Энди Йессен была занята телефонным разговором — с губернатором или с мэром, — и Сакс перенаправили к руководителю службы безопасности компании Бернарду Валю. В трубке послышался голос Валя с характерным афроамериканским произношением. Он заверил их, что все сию же минуту выяснит.

Минуты ему не хватило, но быстрота, с которой он выполнил поручение, вполне устроила Райма. Он перезвонил ровно через три минуты.

— В исходном списке из сорока двух человек шестеро больны раком. Но только двое в списке из двенадцати — те, чей почерк более или менее похож на почерк автора письма с требованиями. Один из них — менеджер в коммерческом отделе. Предполагается, что в момент теракта он должен был возвращаться в Нью-Йорк из командировки.

Валь сообщил всю необходимую информацию. Мел Купер всю ее зафиксировал и по кивку Райма связался с аэропортом для проверки этих сведений. Идентификационные требования на транспорте в последнее время настолько ужесточились, что местонахождение людей, путешествующих самолетом, можно установить без особого труда.

— У него алиби.

— А второй?

— Да, сэр, второй не исключен. Рэймонд Гальт, сорок лет. За последний год он брал несколько бюллетеней по причине лечения от лейкемии.

Райм посмотрел в сторону Сакс, которая сразу же поняла, что значит его взгляд. В последнее время они часто общались таким образом. Она опустилась в кресло и стала набирать что-то на клавиатуре.

— Его биография? — спросил Райм.

— Начинал работать у одного из наших конкурентов на Среднем Западе, а затем перешел в «Алгонкин», — ответил Валь.

— Конкурентов?

Валь ответил только после паузы:

— Ну, конечно, не в том смысле, в каком это слово употребляют производители автомобилей. Просто мы так называем другие энергетические компании.

— И чем в настоящее время занимается у вас Гальт?

— Он аварийный электромонтер.

Райм не отрываясь смотрел на профиль преступника на компьютерном экране. По словам Чарли Соммерса, у аварийного электромонтера достаточно опыта, чтобы устроить дугу на подстанции.

— Мел, посмотри личное дело Гальта, — попросил Райм. — Может ли он быть знаком с КИСД и другими программами, используемыми в отрасли?

Купер открыл личное дело Гальта.

— Ничего определенного. Известно только то, что он проходил много различных курсов повышения квалификации.

— Мистер Валь, Гальт женат или холост? — спросил Райм.

— Холост. Живет на Манхэттене. Вам нужен его адрес, сэр?

— Да.

Валь дал ему адрес Гальта.

— Говорит Такер Макдэниел. Где он может находиться в данный момент, мистер Валь? — В голосе Макдэниела чувствовалось напряжение.

— В том-то все и дело. Два дня назад он сообщил о плохом самочувствии и не вышел на работу. И никому не известно, где он сейчас находится.

— А не совершал ли он в последнее время дальних путешествий? На Гавайи или в Орегон? В такие места, где есть вулканы?

— Вулканы? А при чем здесь вулканы?

Изо всех сил стараясь сдержаться, Райм спросил:

— Просто ответьте на мой вопрос, пожалуйста.

— Насколько можно судить по графику его рабочего времени, нет. Он брал бюллетень на несколько дней — полагаю, для лечения от рака, — но с прошлого года не был в отпуске.

— Вы не могли бы расспросить его коллег по работе о том, куда он обычно ходит, с кем дружит за пределами компании и состоит ли в каких-либо сообществах?

— Хорошо, сэр.

Вспомнив о греческом блюде, Райм добавил:

— А также о тех, с кем он часто ходит обедать.

— Хорошо, сэр.

— Мистер Валь, а кто является ближайшим родственником Гальта? — спросил Макдэниел.

Валь ответил, что отец Гальта умер, а мать и сестра живут в штате Миссури. Он назвал имена, адреса и телефоны.

Вопросы как Райма, так и Макдэниела к начальнику службы безопасности были исчерпаны.

Макдэниел приказал своему юному ассистенту связаться с отделением ФБР в Кейп-Жирардо в Миссури и попросить их начать расследование.

— Возможно, есть основания для начала прослушивания? — спросил Парнишка.

— Сомневаюсь. Но попытайся настоять. Пусть хотя бы начнут регистрацию телефонных звонков.

— Будет сделано.

— Райм, — позвала Сакс.

Он взглянул на экран, на котором появились плоды напряженных трудов Амелии. Перед ними было изображение бледного неулыбчивого

человека, внимательно всматривающегося в камеру. Блондин с короткой стрижкой. Волосы длиной примерно дюйм.

— Итак, у нас есть подозреваемый, — провозгласил Макдэниел. — Отличная работа, Линкольн.

— Побережем взаимные комплименты до того момента, когда его поймают.

Райм перевел взгляд на появившуюся перед ним на экране дополнительную информацию.

— Живет в Нижнем Ист-Сайде?.. Там вроде бы не так уж много колледжей и музеев. Мне думается, что вулканический пепел попал к нему из того места, где он собирается совершить свой следующий теракт. Ему нужно такое место, где собирается много людей.

Много жертв…

Взгляд на часы. Десять тридцать.

— Мел, свяжитесь с вашим экспертом по геологии в центре. Нам нужно торопиться!

— Сию минуту.

— Я позвоню судье по поводу ордера на арест и направлю тактическую группу по месту жительства Гальта, — сказал Макдэниел.

Райм кивнул и позвонил Селлитто, который еще не доехал до центра.

— Я проехал через пятьсот светофоров, Линк, — загремел голос детектива в громкоговорителе. — Я думал, что, если этот подонок отключит сеть и свет погаснет, мы будем в полном дерьме. Невозможно…

— Лон, послушай, — перебил его Райм. — У нас есть имя. Рэймонд Гальт. Он электромонтер в «Алгонкин». Вероятность не стопроцентная, но все-таки очень велика. Мел передаст тебе подробности электронным письмом.

Купер, завершив телефонный разговор по поводу поисков следов лавы, начал впечатывать важную информацию о подозреваемом в текст профиля.

— Я направлю по его адресу группу быстрого реагирования, — сказал Селлитто.

— Мы уже направили туда нашу тактическую группу, — поспешил сообщить ему Макдэниел.

«Как два подростка-школьника», — подумал Райм.

— Вопрос не в том, кто направляет туда своих людей; главное, чтобы был результат, и как можно скорее.

Детектив и агент наконец договорились о распределении ролей при облаве, и каждый занялся своей частью задания.

— Время намеченного им теракта уже довольно близко, поэтому вполне возможно, что дома его не окажется, — предупредил их Райм. — Если там никого не будет, я хотел бы, чтобы осмотр квартиры провел мой человек.

— Никаких проблем, — откликнулся Макдэниел.

— Я? — спросила Сакс, приподняв бровь.

— Нет. Я хочу, чтобы ты была здесь на случай получения какой-нибудь дополнительной информации относительно следующего теракта.

Он бросил взгляд на Пуласки.

— Я? — То же слово, но совсем другая интонация.

— Отправляйся, Новичок. И помни…

— Я знаю, — ответил Пуласки. — Температура при этих вспышках доходит до пяти тысяч градусов по Фаренгейту. Я буду осторожен.

Райм хрипло рассмеялся.

— Я хотел сказать совсем про другое. Не облажайся там… А теперь иди!

29

Много металла. Металл повсюду.

Рон Пуласки бросил взгляд на часы. Одиннадцать. Два часа до следующего теракта.

Металл… великолепный проводник. Возможно, связан с проводами, соединенными с одним из невидимых источников тока во внутренностях этого мерзкого жилого дома, в котором он сейчас находится.

Вооружившись ордером на арест, группы ФБР и быстрого реагирования из полиции прибыли на квартиру Гальта. К всеобщему разочарованию, но отнюдь не к удивлению, они обнаружили, что она пуста. После чего Пуласки попросил всех удалиться, и теперь осматривал мрачное жилище, расположенное в полуподвальном этаже ветхого строения из бурого песчаника в Нижнем Ист-Сайде. Их оставалось здесь только четверо — он и еще трое полицейских, как приказал Райм, чтобы свести до минимума опасность загрязнения помещения.

В данный момент полицейские покинули помещение, и Пуласки остался осматривать крошечную квартирку в полном одиночестве. Перед ним было огромное количество металла, который можно легко подключить к какому-нибудь источнику тока, так, как было с батареей на подстанции — с ловушкой, в которой чуть не погибла Амелия.

Он вспомнил и металлические капли на тротуаре, и щербины на асфальте, и тело бедного Луиса Мартина. А также нечто, от чего у него еще больше сжималось сердце, — ужас в глазах Амелии Сакс. Ужас, которого он никогда не видел прежде. Если это электрическое дерьмо способно до такой степени напугать ее...

Прошлой ночью, после того как его жена Дженни легла спать, Рон Пуласки зашел в Интернет, чтобы побольше узнать об электричестве. Линкольн Райм учил его: чем больше ты в чем-то разбираешься, тем меньший страх испытываешь. Знание — сила и власть. За исключением электричества, тока. С ним все обстояло как раз противоположным образом. Чем больше он узнавал об электричестве, тем сильнее делался его страх перед ним. Рон так и не смог понять, откуда оно берется, но его больше всего пугала его незримость. Никогда нельзя знать наверняка, где оно есть, а где его нет. Словно ядовитая змея в темной комнате.

Он попытался отбросить все эти неприятные мысли. Линкольн Райм поручил проведение осмотра квартиры именно ему. Поэтому надо приниматься за работу. Из машины Пуласки позвонил Райму и спросил, хочет ли он следить за осмотром квартиры посредством видео- и аудиосвязи, как Линкольн часто делал с Амелией.

— Я занят, Новичок, — ответил Райм. — Если ты до сих пор не научился самостоятельно обследовать место преступления, у тебя нет будущего в нашей профессии.

Щелчок отключения.

Большинство подобное восприняли бы как грубое оскорбление, но лицо Пуласки осветила широкая улыбка. Ему захотелось тут же позвонить брату-близнецу, полицейскому, работавшему в шестом округе, и

рассказать о разговоре с Раймом. Но Рон, конечно, этого не сделал. Он прибережет свою историю до ближайших выходных, когда они с братом будут сидеть в баре, попивая свое любимое пиво.

И вот так, в полном одиночестве, натянув латексные перчатки, он начал осмотр.

Квартира Гальта представляла собой убогое мрачное жилище — обиталище холостяка, которого мало интересовало то, что его окружает. Темное, тесное, затхлое. Рядом со свежими продуктами — продукты почти испортившиеся. Разбросанная в беспорядке одежда. Целью осмотра Пуласки, как подчеркивал Райм, был не сбор улик для суда, а поиск возможных сведений о том, где Гальт собирался нанести свой следующий удар, и доказательства того, имеет ли он какое-то отношение к Рахману и «Справедливости для...».

В данный момент Рон проводил быстрый осмотр шатающегося ободранного стола и видавших виды полок и коробок. Он искал упоминания о мотелях, гостиницах, других квартирах, друзьях, барах.

Карту с большим красным крестом и надписью: «Здесь!»

Но, конечно, ничего столь очевидного Пуласки не обнаружил. Более того, он вообще нашел там мало интересного. Никаких адресных книг, заметок, писем. Регистрация звонков на телефоне была очищена, и, нажав кнопку повторного набора, Рон услышал голос электронного автоответчика, спрашивающий, в какой город и штат он желает позвонить. Гальт забрал свой ноутбук с собой, а другого компьютера в доме не было.

Правда, Пуласки нашел несколько листов бумаги и конверты, похожие на те, что использовались для письма с требованиями. И десяток ручек. Он все собрал и сложил в сумку.

Не найдя больше ничего интересного, он начал обход места, раскладывая номера, фотографируя, собирая образцы следов.

Рон двигался с максимально возможной быстротой, но часто с трудом подавляя страх, не оставлявший его ни на минуту. Пуласки боялся, что его в любой момент может ударить током, отчего он становился необычайно робким — порой ему хотелось со всех ног бежать оттуда. И тут же в нем пробуждался другой страх — что, если он не выполнит задание на сто процентов? Он ведь обманет надежды, которые все на него возлагают. Разочарует свою жену, брата, Амелию Сакс.

И самое главное — Линкольна Райма.

Но так сложно было избавиться от страха перед незримым электричеством…

У него начали дрожать руки, дыхание участилось, при каждом шорохе Рон вздрагивал.

Он немного успокоился, вспомнив тихий и такой привычный шепот жены: «Ты в порядке, Рон, в полном порядке…»

Пуласки снова принялся за работу. Он обнаружил маленький шкафчик и уже собирался открыть его, когда заметил металлическую ручку. Он стоял на линолеуме, но был совсем не уверен в безопасности этого материала и боялся открыть дверцу даже в латексных перчатках. Тогда Рон взял со стола резиновую подставку для посуды, накрыл ею ручку и таким образом открыл дверцу.

Внутри находилось совершенно недвусмысленное доказательство того, что именно Рэй Гальт и был преступником, — ножовка со сломанным полотном. А также болторез. Рон знал, что его задача заключается только в том, чтобы осуществить первичный осмотр места и собрать улики, но он не смог удержаться — вытащил из кармана небольшое увеличительное стекло, оглядел инструмент, отметил, что на лезвии имеется отчетливая зазубрина, которая должна была оставить четкий след на перекладинах той самой решетки, собственноручно забранной им с места преступления у подстанции рядом с остановкой автобуса. Он сложил весь инструментарий в пакеты и на каждый наклеил ярлык. В другом небольшом шкафчике Рон обнаружил пару ботинок «Альбертсон-фенвик» одиннадцатого размера.

Звонок телефона здорово испугал его. Звонил Линкольн Райм. Пуласки ответил сразу же.

— Линкольн, я…

— Нашел какие-нибудь потайные уголки, Новичок? Автомобили, которые он брал напрокат? Друзей, у которых он останавливался? Что-нибудь о возможных целях его терактов?

— Нет, можно сказать, что он хорошо почистил свое логово. Однако я нашел инструменты и ботинки. Теперь нет никакого сомнения, что это он.

— Мне нужны места. Адреса.

— Да, сэр, я…

Щелчок.

Пуласки захлопнул телефон и осторожно сложил собранные материалы в пакеты. Затем еще дважды прошелся по всей квартире, осмотрел холодильник, морозильную камеру, встроенные шкафы. Даже коробки из-под продуктов, в которых можно было бы что-то спрятать.

Ничего…

Теперь на смену страху пришло разочарование. Он нашел доказательства того, что нападение на подстанции совершил Гальт, но больше ничего. Ничего относительно того, где он может находиться в данный момент, какова его следующая цель. И тут Рон снова перевел взгляд на стол. Он смотрел на дешевый принтер. Наверху мерцала маленькая желтая лампочка. Пуласки подошел поближе. Смысл сигнала понятен: замялась бумага.

Что же распечатывал Гальт?

Рон осторожно открыл крышку и заглянул внутрь принтера. Там виднелся комок бумаги.

Еще Пуласки увидел предупредительный сигнал: «Опасность! Риск удара током! Перед тем как вынимать бумагу, выдерните вилку из розетки!»

Вполне вероятно, там на очереди для печати могут быть другие страницы, на которых может содержаться важная информация. Возможно, даже ключ ко всему расследованию. Но если он выдернет шнур из розетки, содержание оставшихся страниц будет удалено из памяти принтера.

И Рон протянул руку к принтеру. Очень медленно и осторожно. А потом вспомнил о кусочках расплавленного металла.

Пять тысяч градусов…

Взгляд на часы.

Черт! Амелия же говорила ему: ни в коем случае не прикасаться к чему-то электрическому, имея металл на теле. И он забыл ее слова! Чертова травма головы! Почему, ну почему он не может привести свои мысли в порядок? Пуласки снял часы. Положил их в карман. Господи, какой он идиот! Рон переложил их на стол, подальше от принтера.

Еще одна попытка, но страх уже снова вернулся. К тому же собственная нерешительность начинала злить Пуласки.

— Черт!.. — пробормотал он и вернулся на кухню. Там Рон отыскал пару большущих розовых резиновых перчаток. Натянул их, оглянулся по сторонам, словно для того, чтобы убедиться, что никто не видит, как он нелепо в них выглядит, и вернулся к принтеру.

Рон открыл чемоданчик с инструментами и достал оттуда пинцет — то, с помощью чего было довольно легко высвободить застрявшую бумагу и снова запустить принтер. Пинцет был, конечно, металлический — идеальный проводник для любых оголенных электрических проводов, которые Гальт мог поместить внутри принтера.

Рон бросил взгляд на часы, лежавшие на расстоянии шести футов от него. До следующего теракта остается меньше полутора часов. После чего он наклонился вперед и вставил пинцет между двумя толстыми проводами.

30

В новостях показывали фотографию Гальта, допрашивали его бывших подружек, так же как и членов его команды по боулингу и его онколога. Но никто ничего не мог сообщить относительно его возможного местопребывания. Он идеально законспирировался.

Эксперт по геологии, знакомый Мела Купера, обнаружил двадцать одну выставку в районе Нью-Йорка, где могла присутствовать вулканическая лава, включая вернисаж одного художника в Куинсе, который делал из нее скульптуры.

— Двадцать тысяч долларов за что-то размером с арбуз, — ворчал Купер. — Да, кстати, оно именно арбуз и напоминает.

Райм рассеянно кивал и слушал Макдэниела, который сообщал из ФБР, что мать Гальта уже несколько дней не имела от сына никаких новостей. Но это ее не очень удивляло. Последнее время он был крайне подавлен из-за своей болезни.

— Вы получили разрешение на прослушивание их телефонных разговоров? — спросил Райм.

Агент раздраженно объяснил, что судью не удалось убедить дать такое разрешение.

— Но мы можем хотя бы начать регистрацию.

Данный режим, не допуская прослушивания телефонных разговоров, разрешал регистрацию номеров всех входящих и исходящих звонков.

На пределе терпения Райм снова позвонил Пуласки, и тот сразу же ответил дрожащим голосом, заметив, что из-за внезапного сигнала телефона чуть не наделал в штаны. После чего сообщил, что извлекает информацию из принтера Рэймонда Гальта.

— Господи, Новичок, не делай ничего сам.

— Все в порядке. Я стою на резиновом коврике.

— Я не об этом. Компьютером должны заниматься специалисты. В нем могут быть специальные программы по уничтожению данных.

— Нет-нет, компьютера здесь нет. Только принтер. В нем застряла бумага, и я…

— Не нашел ничего с адресами, указанием на место следующих терактов?

— Ничего.

— Как только что-нибудь найдешь, в ту же минуту, в ту же секунду звони.

— Я…

Щелчок.

Оперативной группе, направленной на Пятьдесят седьмую улицу и к соседям Рэя Гальта, также не повезло с поиском свидетелей. Преступник как сквозь землю провалился. Мобильник Гальта не отвечал. По словам провайдера, из телефона был удален аккумулятор, чтобы невозможно было установить его местонахождение.

Сакс звонила по своему телефону. Опустив голову, она внимательно слушала собеседника. Закончив разговор, Амелия поблагодарила звонившего и разъединилась.

— Это снова Берни Валь. Он сказал, что беседовал с сотрудниками отдела Гальта — отдела экстренного ремонта электросетей в районе Нью-Йорка, — и все они в один голос заявили, что он полный нелюдим. Избегает общения. Практически никогда ни с кем не обедает вместе. А на работу на линии всегда выходит один.

Райм кивнул.

Затем, обратившись к агенту ФБР, сообщил ему полученную информацию об источниках лавы.

— Мы обнаружили двадцать одно место. Мы...

— Двадцать два, — поправил его Купер, который разговаривал по телефону с женщиной из Куинса. — Бруклинская галерея искусств. На Генри-стрит.

— Так много? — со вздохом произнес Макдэниел.

— Боюсь, что да, — согласился Райм. — Нам нужно поставить в известность Фреда.

Никакого ответа.

— Фреда Дельрея. — «Твоего сотрудника», — добавил про себя Райм. — Он должен сообщить своим агентам о Гальте.

— Хорошо. Подождите. Я проинформирую его.

Череда щелчков, и несколько мгновений тишины. Затем они услышали:

— Дельрей слушает.

— Фред, здесь Такер. С Линкольном. У нас есть подозреваемый.

— Кто?

Макдэниел перевел взгляд на Райма, и тот сообщил Дельрею о Рэе Гальте.

— Мотива мы пока не знаем. Но все указывает на него.

— Вы его нашли?

— Пока нет. Он, что называется, пропал без вести. Мы направили наших людей к нему на квартиру.

— Сроки все еще те же?

— У нас нет оснований думать иначе. Ты что-нибудь нашел, Фред?

— У моего агента есть кое-что. Я жду информацию.

— Ты мог бы с нами чем-нибудь поделиться? — спросил Макдэниел многозначительным тоном.

— Не сейчас. Я встречаюсь с ним в три. Он сказал мне, что у него есть какая-то важная информация. Я позвоню ему и расскажу о Гальте. Возможно, это все немного ускорит.

Разговор закончился.

Через мгновение телефон Райма зазвонил снова.

— Детектив Райм? — спросил женский голос.

— Да.

— Говорит Энди Йессен. «Алгонкин консолидейтед».

Макдэниел представился и спросил:

— Вы получили о нем еще какие-нибудь сведения?

— Нет, но случилось кое-что, о чем я хотела бы вам сообщить.

Хрипловатый напряженный голос Йессен свидетельствовал о чем-то действительно важном.

— Говорите, — сказал Райм.

— Я уже сообщала вам, что мы поменяли компьютерные пароли. Поэтому он никак не мог повторить то, что произошло вчера.

— Я помню.

— На все подстанции направлена охрана. Однако пятнадцать минут назад на одной из наших подстанций начался пожар. В Гарлеме.

— Поджог? — спросил Райм.

— Да. Охрана находилась перед входом. И кто-то, по всей видимости, швырнул зажигательную бомбу в заднее окно. Или что-то в этом роде. Пожар потушили, но возникла проблема. Он вывел из строя коммутационную аппаратуру. Это означает, что мы не можем вручную отключить данную станцию из общей сети. Она вышла из-под контроля. Невозможно остановить поток электричества, идущего по проводам, не перекрыв всю сеть.

Райм чувствовал ее чрезвычайную озабоченность, но не понимал, чем она вызвана. Он попросил пояснений.

— Думаю, — сказала Йессен, — он сделал нечто совершенно безумное — вошел непосредственно в линию электропередачи, что идет от подстанции, на которой случился пожар. А это около ста пятидесяти тысяч вольт.

— Как он смог сделать такое? — спросил Райм. — Я полагал, что вчера Гальт использовал подстанцию только потому, что очень опасно входить в основную линию.

— Верно, но… Я не знаю, возможно, он сделал какой-то дистанционный переключатель, с помощью которого можно войти в основную магистраль и потом его задействовать.

— И где он может находиться? — спросил Макдэниел.

— Та линия, которую я имею в виду, примерно три четверти мили длиной. Она идет под Центральным и Западным Гарлемом к реке.

— И вы никак не можете ее отключить?

— Нет — до тех пор пока не будет починена аппаратура на поврежденной подстанции. А это займет несколько часов.

— И сегодняшняя дуга будет такой же сильной, как и вчерашняя? — спросил Райм.

— По меньшей мере — да.

— Хорошо, мы будем иметь в виду.

— Детектив Райм. Такер.

Ее голос заметно дрожал.

Ей ответил Макдэниел:

— Да?

— Мне очень жаль. Мне кажется, вчера я была не очень вежлива с вами. Но я, честное слово, не могла поверить, что кто-то из моих сотрудников способен на такое.

— Я вполне понимаю вас, — отозвался Макдэниел. — По крайней мере у нас теперь есть его имя, и если повезет, мы сможем остановить его до того, как другим людям будет причинен серьезный вред.

После окончания разговора Райм закричал:

— Мел, ты понял? Морнингсайд-Хайтс, Гарлем. Музей, скульптора, что угодно. Найди мне возможную цель террориста! — Вслед за этим Райм позвонил временно исполняющему обязанности руководителя отдела криминалистики в Куинсе — тому, кто теперь занимал его бывшую

должность, — и попросил выслать группу сотрудников на подстанцию, закрытую из-за пожара. — И пусть они немедленно доставят нам все, что найдут там!

— У меня есть вариант! — воскликнул Купер, опуская телефон. — Колумбийский университет. Там находится одна из самых крупных в стране коллекций камней вулканического происхождения и лавы.

Райм повернулся к Сакс. Та кивнула:

— Я доеду туда за десять минут.

Они одновременно бросили взгляд на электронные часы на компьютерном экране.

11:29.

31

Амелия Сакс находилась уже в кампусе Колумбийского университета на Морнингсайд-Хайтс в Северном Манхэттене.

Она только что вышла из офиса отдела науки о земле и окружающей среде, где весьма любезный служащий объяснил ей:

— У нас нет выставки вулканических пород как таковых, но имеются сотни образцов пепла, лавы и камней вулканического происхождения. Всякий раз, когда наши старшекурсники возвращаются с полевой практики, здесь вулканическая пыль буквально стоит столбом.

— Я в университете, Райм, — сказала Амелия в микрофон и сообщила ему все, что узнала о вулканическом пепле.

— Я только что снова беседовал с Энди Йессен. Линия электропередачи проходит под землей от Пятой авеню до Гудзона. Примерно вдоль Сто шестнадцатой улицы. Но наличие следов лавы означает, что дуга должна произойти где-то рядом с кампусом. Что там вокруг, Сакс?

— В основном — учебные аудитории. Административные помещения.

— И целью может стать любое из них или любая из аудиторий.

Сакс оглядывалась по сторонам. Ясный прохладный весенний день. Студенты прохаживаются по кампусу или бегают трусцой. Некоторые сидят на траве или на ступеньках библиотеки.

— Не вижу я тут большого количества возможных целей, Райм. Университет старой постройки, в основном из камня и дерева. Вроде бы нет никакого металла и проводов. Не представляю, как он мог бы устроить здесь крупную ловушку, чтобы причинить вред большому числу людей.

— С какой стороны дует ветер? — спросил Райм.

Сакс на мгновение задумалась.

— Кажется, ветер западный или юго-западный.

— Если размышлять логически, то пыль далеко залететь не может. Возможно, на несколько кварталов.

— Думаю, что да. Значит, мы попадаем в Морнингсайд-парк.

— Я позвоню Энди Йессен или кому-нибудь еще в «Алгонкин» и выясню, в каком месте линии электропередачи проходят под парком. И еще, Сакс.

— Что?

Он явно колебался.

Сакс подумала, что он в очередной раз хочет попросить ее быть осторожной. Но на сей раз совет был явно излишним.

— Ничего, — ответил Райм.

И тут же отключил телефон.

Амелия вышла из ворот университета и направилась в ту сторону, откуда дул ветер. Она направлялась к Морнингсайд-Хайтс, расположенной к востоку от кампуса, в сторону ряда мрачноватых, но внушительно выглядевших типовых зданий, построенных из гранита и кирпича.

У нее снова зазвонил телефон. Она взглянула на дисплей.

— Линкольн, ну что еще?

— Я только что говорил с Энди. Она сказала, что линия электропередачи поворачивает на север у Сто семнадцатой улицы, а затем идет на запад под парком.

— Я уже почти там, Райм. Я не вижу... Боже...

— Что, что такое, Сакс?

Перед ней был Морнингсайд-парк, заполненный народом, — приближался обеденный перерыв. Дети, няньки, бизнесмены, студенты университета, музыканты — сотни самых разных людей, просто прогуливающихся, радующихся солнечному дню. Количество возможных жертв теракта было не единственным, что обеспокоило Сакс.

— Райм, вся западная сторона парка, Морнингсайд-драйв...

— Что?

— Здесь проводят строительные работы. Заменяют водопровод. Укладывают большие металлические трубы. Господи, если он подключит линию к ним...

— Тогда жертвой дуги может стать любой находящийся на улице, — закончил за нее Райм. — Черт, она даже может проникнуть внутрь зданий, офисов, общежитий, в магазины поблизости... и, вероятно, на целые мили вокруг.

— Мне необходимо найти то место, где он подключил их, Райм.

Амелия положила телефон в футляр и повернула к месту строительных работ.

32

Сэм Веттер испытывал смешанные чувства по поводу пребывания в Нью-Йорке.

Несмотря на свои шестьдесят восемь лет, он никогда не бывал здесь раньше. Ему всегда хотелось как-нибудь проехаться сюда из Скоттсдейла, где Веттер провел всю жизнь, да и Рут мечтала посмотреть Нью-Йорк, но как-то получалось, что свой отпуск они проводили то в Калифорнии, то на Гавайях, то в круизах на Аляску.

И вот теперь парадоксальным образом первая командировка Веттера после смерти Рут привела его в Нью-Йорк, притом совершенно бесплатно.

Он рад был оказаться здесь.

Но отсутствие Рут омрачало его радость.

Сэм сидел за обедом в элегантном неброском кафе отеля «Бэттери-Парк», потягивал пиво и вел дружескую беседу с несколькими другими постояльцами, в основном участниками встречи по вопросам финансирования строительных проектов.

Обычный разговор бизнесменов. Уолл-стрит, командные виды спорта. Ну, еще немного и об одиночных видах спорта, точнее, пожалуй, только об одном — о гольфе. Никто никогда не говорит о теннисе, любимом спорте Веттера. Конечно, Федерер, Надаль… и все-таки разговоры о теннисе не увлекают. О женщинах тоже не говорили, все присутствующие давно уже были не в том возрасте.

Веттер огляделся по сторонам, взглянул в огромные окна с панорамным видом. Ему нужно было как-то сформулировать свои впечатления о Нью-Йорке, так как дома его секретарша и помощники обязательно спросят о них. Ну что ж, на данный момент: очень суетливый, очень богатый, очень шумный, очень серый — даже при том, что небо совершенно безоблачное. Как будто солнце знало, что ньюйоркцам по большому счету не нужен его свет.

Смешанные чувства…

Отчасти еще и потому, что к ним примешивалось и чувство вины за испытываемое им сейчас удовольствие. Он собирался увидеть «Распутных» и выяснить, дотягивает ли он до версии «Феникса», а возможно, и «Билли Эллиота», и выяснить, насколько правдивы рекламные ролики о нем. Кроме того, предстоял обед в Чайна-тауне с двумя банкирами, с которыми Сэм познакомился сегодня утром, — одним здешним и одним из Санта-Фе.

В этих его нынешних удовольствиях был какой-то намек на неверность покойной жене.

Конечно, Рут не стала бы возражать.

И все же…

Тем не менее Веттер не мог не признать, что чувствует себя здесь немного не в своей тарелке. Его компания занималась строительством, специализировалась в самых насущных вещах: таких как закладка фундамента, проведение подъездных путей, прокладка пешеходных дорог, возведение платформ, — в общем, ничего пикантного, но все очень нужное и очень прибыльное. Его организация была достойной и весьма надежной… качества, порой не слишком высоко ценимые в его бизнесе. Но компания Сэма не очень велика. Другие организации, входившие в совместное предприятие, были гораздо крупнее, а еще гораздо изворотливее его в бизнесе, в юридических вопросах и в решении административных проблем.

Беседа за обеденным столом постоянно переходила от «Даймондбексов» и «Метсов» к вопросам дополнительного обеспечения, процентным

ставкам и хай-тековским системам, что часто ставило Веттера в тупик. И он все время поворачивался к окну и смотрел на обширную строительную площадку рядом с отелем — там возводилось какое-то крупное деловое здание или жилой дом.

И вот один из рабочих на стройке привлек его внимание. Он отличался от остальных своей одеждой — на нем был темно-синий комбинезон и желтый шлем, — а в руках нес большой моток провода или кабеля. Парень вылез из люка, расположенного рядом со стройкой, и теперь стоял, оглядываясь по сторонам и щурясь от яркого солнца. Потом рабочий вытащил из кармана мобильный и кому-то позвонил, после чего проследовал через стройку по направлению к зданию, располагавшемуся в непосредственной близости от нее. Рабочий вел себя довольно непринужденно, передвигался уверенным упругим шагом. Ему явно нравилось то, чем он занимается.

В его поведении не было ничего неестественного. Этим парнем в синем комбинезоне мог быть сам Веттер лет тридцать назад. А теперь этот парень мог быть одним из рабочих в компании Веттера.

Благодаря ему и другим работягам в куртках и строительной форме с инструментами и материалами в руках бизнесмен снова ощутил себя в своей стихии. Он вспомнил о собственной компании и о людях, с которыми работал, — все они были одной семьей. Старшее их поколение состояло в основном из коренных американцев — спокойных, худощавых, загорелых, словно с первого дня жизни мешавших бетон, а младшее — из латиноамериканцев, невероятно болтливых, но работавших при этом с не меньшей отдачей, аккуратностью и ответственностью.

И Веттер подумал, что, вероятно, Нью-Йорк и люди, с которыми он сейчас говорил о делах, во многих отношениях были такими же, как он, и их мир мало чем отличался от того мира, к существованию в котором Сэм привык.

Он откинулся на спинку кресла.

И взглядом проследовал за человеком в синем комбинезоне и желтом шлеме, когда тот исчез в здании рядом со стройкой. Оно оказалось школой. Сэм Веттер обратил внимание на несколько объявлений в ее окнах.

1 МАЯ СОСТОИТСЯ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЙ МАРАФОН НА ПОГО-СТИКАХ

ПРЫГАЙ, ЧТОБЫ СТАТЬ ЗДОРОВЫМ!

3 МАЯ ПРОЙДЕТ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЙ ОБЕД ДЛЯ УЧАЩИХСЯ, СМЕНИВШИХ ПОЛ. ЗАПИСЫВАЙТЕСЬ СЕГОДНЯ!

ОТДЕЛЕНИЕ НАУК О ЗЕМЛЕ ПРЕДСТАВЛЯЕТ «ВУЛКАНЫ: ЛИЧНЫЙ ВЗГЛЯД»

С 20 АПРЕЛЯ ПО 15 МАЯ СОВЕРШЕННО БЕСПЛАТНО И АБСОЛЮТНО БЕСПОДОБНО!

Нет, подумал Сэм с улыбкой, наверное, Нью-Йорк все-таки немного отличается от Скоттсдейла.

33

Райм продолжал анализировать имевшиеся у него материалы, отчаянно пытаясь отыскать в никак не связанных между собой кусках металла, пластика и грязи, собранных на месте преступления и в других местах, нечто такое, что могло бы высечь интеллектуальную искру, навести его на решение загадки Гальта и помочь Сакс выяснить, где Гальт подсоединил свой смертоносный кабель к водопроводным трубам, которые проходят через Морнингсайд-Хайтс и Гарлем.

Если он на самом деле это сделал.

Высечь интеллектуальную искру… Какая глупая метафора, подумал Райм.

Сакс продолжала осмотр Морнингсайд-парка в поисках провода, идущего от трансмиссионного кабеля к водопроводным трубам. Райм понимал, что она будет чувствовать себя в постоянной опасности, так как не существует другого способа найти провод, как только подойти совсем близко к нему, к тому месту, где он подсоединен к водопроводу. Райм вспомнил ее интонацию, ее полный ужаса взгляд в тот момент — вчера, когда она описывала шрапнель от дуги и раны на теле Луиса Мартина.

Несколько десятков полицейских в форме из ближайшего отделения выводили людей из парка и зданий, расположенных поблизости от места замены труб. Но разве электрический ток не может проникнуть вместе с

трубами куда угодно? Ведь он, по-видимому, способен вызвать дугу на какой-нибудь кухне на расстоянии целой мили оттуда?

К примеру, здесь, у него на кухне, где в данный момент рядом с раковиной стоял Том…

Райм бросил взгляд на часы на компьютерном экране. Если они не найдут место подключения в течение ближайших шестидесяти минут, то в конце этого периода получат страшную подсказку.

Позвонила Сакс.

— Ничего, Райм. Возможно, я ошиблась. Думала, что линия должна проходить через метрополитен. А если он подсоединил его таким образом, что удар придется по вагону метро? Мне придется там тоже поискать.

— Мы на связи с «Алгонкин», пытаемся сузить круг поисков, Амелия. Я тебе перезвоню. — Потом Райм, обращаясь к Мелу Куперу, крикнул: — Есть что-нибудь?

Купер в этот момент беседовал с руководителем одного из подразделений в контрольном центре «Алгонкин». Выполняя указание Энди Йессен, он вместе с подчиненными пытался найти перепады напряжения в определенных частях линии. Обнаружить подобные перепады не составляло особого труда, так как через каждые несколько сотен футов были установлены специальные сенсоры на случай возникновения проблем с изоляцией или каких-то нарушений в самой линии электропередачи. Существовал шанс, что они смогут найти то место, в котором Гальт подключился к линии и вывел свой смертоносный кабель на поверхность.

Но Купер ответил:

— Извини, пока ничего.

Райм на мгновение закрыл глаза. Головная боль, о которой он старался забыть, нарастала и становилась почти нестерпимой. Он даже задался вопросом, не болит ли у него что-то совсем другое, а головная боль только иллюзия. При полном параличе такое часто случается. Без ощущения боли невозможно понять, что в действительности происходит в твоем теле. Когда в лесу падает дерево, от падения возникает звук, даже если нет никого, кто этот звук может услышать. Но существует ли боль, если ты ее не воспринимаешь?

Подобные мысли оставили мрачноватый осадок на душе. Райм неожиданно подумал, что в последнее время они стали его слишком часто посещать. Он не понимал почему, однако никак не мог от них отделаться.

Но еще более странным было то, что в отличие от вчерашней стычки с Томом его сегодня совсем не потянуло на виски. Воспоминание о виски вызвало у него чуть ли не отвращение.

И это встревожило его еще больше, чем головная боль.

Райм пробежал взглядом по своим схемам на доске, но слова внезапно показались ему чужими, словно из какого-то забытого языка, который он изучал когда-то в школе и которым с тех пор ни разу не пользовался. Затем его взгляд вновь остановился на схемах, но перед ним предстала картина того, как электрический ток течет из электростанций в человеческие жилища, постепенно снижая напряжение.

Сто тридцать восемь тысяч вольт…

Райм попросил Купера связаться с Соммерсом в «Алгонкин».

— Отдел специальных проектов.

— Чарли Соммерс?

— Да.

— Говорит Линкольн Райм. Я работаю с Амелией Сакс.

— Да, конечно, она о вас говорила. — Немного понизив голос, Соммерс добавил: — Я слышал, преступление совершил Рэй Гальт, один из наших сотрудников. Это правда?

— Складывается впечатление, что да. Мистер Соммерс…

— Называйте меня просто Чарли. А то мне начинает казаться, что я какой-нибудь заслуженный полицейский.

— Хорошо, Чарли. Вы следите за тем, что сейчас происходит?

— Вся сеть у меня на ноутбуке. Энди Йессен, наш президент, попросила меня отслеживать происходящее.

— Сколько времени еще потребуется на починку… как там оно называется… коммутационной аппаратуры на той подстанции, где был пожар?

— Два-три часа. Эта линия все еще остается вне общей сети. Мы никак не можем отключить ее. Единственный способ — перекрыть ток большей части Нью-Йорка... Я могу еще чем-нибудь вам помочь?

— Да. Мне необходимо побольше узнать о вольтовой дуге. Создается впечатление, что Гальт вошел в основную линию, линию трансмиссионного уровня, и подсоединил свой провод к водопроводной трубе, затем...

— Нет-нет-нет. Он не стал бы делать ничего подобного.

— Почему?

— Потому что это земля. Короткое замыкание в то же мгновение, как он к ней прикоснется.

Райм задумался на мгновение. И ему в голову пришла еще одна мысль.

— А что, если он просто пытается нас отвлечь, подбрасывая нам намек на то, что он собирается подключиться к трансмиссионной линии? Возможно, на самом деле он устроил где-то в другом месте ловушку поменьше. Какое напряжение необходимо для дуги?

— Сто тридцать тысяч для по-настоящему разрушительной дуги, но, конечно, ее можно устроить и с меньшим напряжением. Суть в том, что напряжение начинает превосходить мощность линии или терминала, который переносит электроэнергию. Дуга перескакивает на другой провод, с фазы на фазу. Или уходит в землю. Фазирует в землю. При напряжении в жилых домах можно получить искру, но не дугу. Там самое большее двести вольт. Когда вы приближаетесь к четыремстам, небольшая дуга становится возможной, а при шестистах и выше она уже вполне вероятна. Но все они, в общем, довольно незначительны. И по-настоящему серьезные дуги начинаются только в зоне очень высокого напряжения.

— Значит, при ста тысячах вольт она вполне возможна?

— При наличии необходимых условий — да, конечно.

Райм внимательно всматривался в карту Манхэттена, в ту точку, где в настоящий момент находилась Сакс. Сведения, которые он получил от Соммерса, в геометрической прогрессии увеличивали число мест, где Гальт мог устроить свой очередной теракт.

— А почему вы спрашиваете о дуге? — спросил Соммерс.

— Потому что менее чем через полчаса, — рассеянно ответил Райм, — Гальт с ее помощью может убить много людей.

— А что, в письме Гальта говорилось что-то о вольтовой дуге?

Райм вдруг вспомнил, что там о ней ничего не говорилось.

— Нет.

— Значит, вы просто предполагаете, что он собирается это сделать?

Райм ненавидел слово «предполагать» и все его производные. Он разозлился на самого себя и задался вопросом, не упустили ли они что-то серьезное.

— Продолжайте, Чарли.

— Никто не спорит, дуга — очень впечатляющее зрелище, но одновременно она и один из наименее эффективных способов использования электричества в качестве оружия. Ею нельзя по-настоящему управлять, никогда нельзя быть уверенным, где она причинит наиболее серьезный ущерб. Ну вот, к примеру, возьмите вчерашнее утро. Целью Гальта был весь автобус, и он промахнулся... Хотите знать, как бы я поступил, если бы собирался кого-то убить с помощью электричества?

— Да-да, конечно, — поспешно ответил Райм и плотнее прижал телефон к уху, чтобы не упустить ни единого слова.

34

Томас Эдисон впервые ввел в практику воздушные линии электропередачи, всем известные уродливые столбы, в Нью-Джерси в 1883 году, но первая электрическая сеть шла под улицами Нижнего Манхэттена от его станции по производству электроэнергии на Перл-стрит. У него было тогда целых пятьдесят девять клиентов.

Некоторые электромонтеры не любят подземные линии электропередачи — их иногда называют «темной энергосистемой», — но Джою Барзану нравилось спускаться под землю. Он работал в «Алгонкин» всего два года, но с электроэнергетикой был связан уже целых десять лет, с тех самых пор, как в восемнадцать начал свой трудовой путь. Перед тем как прийти в эту компанию, Барзан работал в частных строительных фирмах, и от ученика вырос до высококвалифицированного электрика. Он мечтал стать главным электриком в какой-нибудь более мелкой организации, и, конечно, когда-нибудь он свою мечту обязательно реализует, но пока ему

нравилось работать на такую крупную компанию, как «Алгонкин консолидейтед». Ведь о таком многие могли только мечтать.

За полчаса до того им с напарником позвонил электромонтер и сообщил, что в системе метрополитена в районе Уолл-стрит возник непонятный сбой в снабжении электроэнергией. Некоторые линии метрополитена имеют собственные энергоустановки, миниатюрные варианты алгонкиновской «мамаши». Но та линия, о которой шла речь и рядом с которой они в данный момент находились, снабжалась энергией исключительно от «Алгонкин». Компания передавала 27 500 вольт из Куинса на подстанции на линии, снижавшие напряжение до 625 вольт постоянного тока для контактных рельсов.

Измерительный прибор на расположенной неподалеку подстанции метрополитена зарегистрировал отключение электроэнергии на какую-то долю секунды. Происшествие не слишком значительное, чтобы стать причиной нарушений в работе подземки, но вполне достаточное, чтобы вызвать беспокойство в свете того, что произошло днем раньше на автобусной станции.

И ведь, черт возьми, выяснилось, что за всем этим стоял сотрудник «Алгонкин» — Рэй Гальт, старший аварийный электрик в Куинсе.

Барзану приходилось видеть вольтовы дуги — любой работающий в сфере электроэнергетики рано или поздно с ними сталкивается, — и вид ослепительно яркой вспышки, звук взрыва, зловещее жужжание навсегда научили его ни при каких обстоятельствах не шутить с электричеством. Перчатки на руках, соответствующая обувь на ногах, штанги с изоляцией для работы под напряжением, никакого металла. А ведь многие полагают, что электричество можно перехитрить.

Они заблуждаются. Ведь его и обогнать невозможно.

И вот теперь Барзан в одиночестве искал причину сбоя — его напарник на несколько минут вылез наверх. Здесь, внизу, было прохладно и пусто, но настоящей тишины тут никогда не бывает. Жужжали моторы, а проносившиеся мимо поезда метро создавали впечатление начинающегося землетрясения. Но здесь, среди кабелей, запаха нагревшейся изоляции, резины и масла, ему нравилось. Нью-Йорк напоминает огромный корабль, нижняя часть которого по величине и оснастке мало чем уступает верхней. И Барзан знал все «палубы» ничуть не хуже своего района в Бронксе.

Он никак не мог понять, что же вызвало нарушения в подаче электроэнергии. Все алгонкиновские линии на первый взгляд были в полном порядке. Возможно…

Барзан замер, увидев нечто такое, что его насторожило.

«Что это?» — подумал он. Подобно всем другим обходчикам, как работающим наверху, так и здесь, в темноте, Барзан превосходно знал свою территорию, и вот в самом конце туннеля он заметил нечто непонятное: кабель без всякой причины был подсоединен к одному из щитов с выключателем, связанных с энергетической системой метрополитена. И вместо того чтобы идти дальше вниз под землю в направлении метро, он шел вверх, сквозь потолок туннеля. Соединение было произведено профессионально — руку опытного электрика всегда бывает несложно узнать, и его профессионализм в первую очередь как раз и проявляется в умении аккуратно соединить провода. Но кто же это сделал? И зачем?

Барзан попробовал проследить, куда ведет провод.

И от страха затаил дыхание. Впереди в туннеле перед ним стоял какой-то другой сотрудник «Алгонкин». Казалось, тот был еще больше испуган, увидев Барзана. В темноте Джой не мог различить его лица.

— Привет, — произнес Барзан. Рукопожатиями они не обменивались. На обоих были толстые перчатки для работы с проводами под напряжением.

Второй электрик заморгал и вытер пот.

— Не ожидал, что сюда кто-то еще может спуститься.

— Я тоже. Слышал насчет сбоя?

— Да.

Он сказал что-то еще, но Барзан не слушал. Он думал: а что здесь делает этот человек? А тот тем временем смотрел на свой ноутбук, что неудивительно, ведь теперь ноутбуки имелись у всех обходчиков, так как вся сеть была полностью компьютеризирована. Но он явно не проверял ни уровни напряжения, ни исправность переключателей. У него на экране было видеоизображение стройки, расположенной высоко над ними. Примерно такое изображение, которое можно увидеть на камерах слежения с хорошей разрешающей способностью.

Барзан бросил взгляд на идентификационный бейдж своего собеседника.

О дьявол!..

Рэймонд Гальт, старший оператор технического обслуживания.

От неожиданности у Барзана перехватило дыхание. Он вспомнил, как сегодня утром руководитель их подразделения собрал всех линейных обходчиков и подробно рассказал им о том, что совершил Гальт.

Джой понял: провод был подсоединен, чтобы вызвать следующую вольтову дугу!

«Сохраняй спокойствие!» — скомандовал он себе. В туннеле было довольно темно, и Гальт не мог рассмотреть его лица. Вполне возможно, что он вообще не заметил реакции Барзана. О розыске Гальта официально было объявлено совсем недавно. И если Гальт находился здесь последние два часа, то мог и не знать, что его разыскивает полиция.

— А уже время обеда. Я умираю от голода. — Джой похлопал себя по животу и тут же понял, что переигрывает. — Пойду-ка я наверх. Мой напарник уже, наверное, удивляется, чего это я тут задержался.

— Ну, тогда до свидания, — откликнулся Гальт и повернулся к компьютеру.

Барзан тоже повернулся в сторону ближайшего выхода, стараясь не поддаться внезапному желанию побежать.

А ведь стоило бы.

Не успел Барзан повернуться спиной, как тут же почувствовал, что Гальт поспешно куда-то потянулся и поднял какой-то предмет, лежавший рядом с ним.

Джой бросился бежать, но противник оказался проворнее. Оглянувшись назад, Барзан увидел у него в руках тяжелую штангу из стекловолокна. Гальт размахнулся и опустил ее на шлем Джоя. Удар оглушил его, и он тяжело рухнул в грязь.

Взгляд Барзана остановился на проводах с напряжением в 138 тысяч вольт, находившихся на расстоянии шести дюймов от его лица. И в этот момент он получил второй удар штангой.

35

Амелия Сакс занималась тем, что у нее получалось лучше всего.

Может быть, и не лучше всего, но по крайней мере это дело она любила больше всего на свете. Оно заряжало ее энергией.

Вождение автомобиля…

Она обожала мчаться на высокой скорости по городским улицам, продираться по непроходимым дорогам, находить пути в объезд толп — человеческих и автомобильных. Она любила пошутить, побаловаться с машиной. Быстрая езда на такой машине, как у Сакс, совсем не напоминала изящный балет — скорее, мощное прокладывание пути, грозный рывок вперед с умением вовремя сбавить скорость, не причинив вреда ни себе, ни окружающим.

Модель «Форд 428 торино-кобра» 1970 года, наследница «фэрлейна», обладала мощностью 405 лошадиных сил. В машине Сакс, конечно же, имелась также дополнительная четырехскоростная трансмиссия, которая была ей необходима для ее тяжелых ног. Рычаг переключения скоростей был довольно тугой: справиться с таким весьма сложно. Такая коробка передач нисколько не похожа на современные «нежные» шестискоростные синхронизаторы, словно специально созданные для бизнесменов в критическом возрасте с блютусом в ухе и обедом в дорогом ресторане на уме.

«Кобра» хрипела, рычала, скулила. У нее было много разных голосов.

Сакс напряглась. Она коснулась клаксона, но прежде чем звуковые волны достигли ушей сонного водителя, собиравшегося не глядя переехать на другую полосу, она уже пронеслась мимо него.

Амалия не могла не признать, что скучает по своей прежней машине, «Шевроле-камаро СС», над ремонтом которой работала вместе с отцом. Машина стала жертвой преступника в ходе одного из недавних расследований. Правда, отец Амелии часто говорил ей, что неразумно вкладывать в автомобиль слишком большую часть своей души. Да, машина — часть тебя, но не ты целиком. И ее нельзя сравнить ни с ребенком, ни с лучшим другом. Рычаги, колеса, цилиндры, сложная электроника могут в любой момент подвести. И если ты полагаешь, что все то хитросплетение стали, пластика, меди и алюминия, которое мы именуем автомобилем, имеет душу и сердце, разочарование может стать для тебя трагедией.

«Эми, у машины есть только та душа, которую ты сам в нее вложишь. Не больше и не меньше. И пожалуйста, никогда об этом не забывай».

Да что уж греха таить, она очень жалела об утрате своего «камаро», и всегда будет жалеть, но теперь у нее есть прекрасный автомобиль, который ее вполне устраивает. И в качестве дани памяти разбитой машине Амелия на новую машину поставила руль от старой — подарок от Пэмми, которая почтительно извлекла его из останков «шеви».

Надавить на тормоз у перекрестка, движением ступни переключить передачу, свернуть налево, свернуть направо. Спидометр приближается к пятидесяти милям. И вот уже касается шестидесяти, семидесяти. Синеватый свет на инструментальной панели, на который она редко обращала внимание, пульсирует со скоростью сердца бегуна.

В данный момент Сакс находилась на шоссе Вест-Сайд, на почтенной трассе 9А, и направлялась на юг, проезжая знакомые пейзажи: взлетно-посадочную полосу для вертолетов, парк Гудзон-Ривер, доки для яхт, сложный въезд в туннель Холланд. Затем, оставив здания финансового центра справа, она промчалась мимо громадной стройки, где когда-то стояли башни-близнецы, подумав, что здесь даже пустота способна отбрасывать тень.

Ловко выведя свою «кобру» на Бэттери-плейс, Сакс понеслась на восток, в густонаселенную часть Нижнего Манхэттена.

Потрескивание в наушнике отвлекло ее от размышлений как раз в тот момент, когда она ловким разворотом обогнула два такси, заметив изумленное выражение лица под сикхским тюрбаном.

— Сакс!

— Да, Райм.

— Где ты находишься?

— Почти уже у самого места.

Она ехала по направлению к Уайтхолл-стрит.

Результат беседы Райма с Чарли Соммерсом был самым неожиданным. Начальник отдела спецпроектов высказал предположение, что на сей раз Гальт может попробовать нечто иное, а вовсе не дугу. Соммерс полагал, что преступник попытается зарядить током какое-нибудь общественное место до такой степени, чтобы убить там случайных прохожих. Он превратит их в часть электрической цепи и пропустит через них ток. Осуществить это проще — при том что результат будет гораздо выше и совсем не потребует такого высокого напряжения, как для дуги.

Райм пришел к выводу, что пожар на подстанции на самом деле был предназначен для того, чтобы отвлечь внимание от реальной цели Гальта. Райм просмотрел список выставок, связанных с вулканами, и остановился на той, которая располагалась дальше всего от Гарлема, где все в данный момент и были заняты поисками, — в Амстердам-колледже. Колледж готовил сотрудников офисов и младший

персонал коммерческих организаций. На кафедре географии колледжа проходила выставка, иллюстрирующая геологические формации. Одна из ее частей была посвящена вулканам.

— Я на месте, Райм.

Сакс резко затормозила перед учебным заведением, оставив два симметричных черных следа на асфальте. Прыжком выскочила из машины. Запах пара от шин напомнил ей о подстанции МХ-10: несмотря на все ее усилия, у Амелии перед глазами всплыл образ тела Луиса Мартина, испещренного черно-красными дырочками. Но в тот момент, когда она быстрым шагом направилась к колледжу, острейший приступ артрита отвлек ее от жутких воспоминаний.

— Я осматриваю место, Райм. Слишком большое пространство. Больше, чем я ожидала.

Сакс пока не занималась криминалистическим осмотром, поэтому видео не включала.

— У тебя остается всего восемнадцать минут.

Такер Макдэниел и Лон Селлитто приняли решение эвакуировать колледж. Сакс окинула взглядом шестиэтажное здание колледжа, из которого поспешно эвакуировали студентов, преподавателей и сотрудников. Люди поспешно покидали здание, прижимая к груди сумочки, книги, ноутбуки, спеша поскорее отойти от него на приличное расстояние. На лицах выходивших запечатлелась тревога и недоумение. И почти все, выходя, почему-то устремляли взгляд вверх, на небо, словно опасность должна была прийти именно оттуда.

В мире после 11 сентября все смотрят вверх.

Подъехала еще одна машина, из нее вышла женщина в темном костюме — коллега Сакс, детектив Нэнси Симпсон, — и подбежала к Амелии.

— Что у нас здесь, Амелия?

— Мы полагаем, что Гальт устроил что-то здесь, в колледже. Пока еще не знаем, что конкретно. Я сейчас собираюсь пройти внутрь и все осмотреть. Не могла бы ты побеседовать с ними, — кивок в сторону эвакуируемых, — и разузнать, не видел ли кто-нибудь Гальта? У тебя есть фотография?

— На компьютере.

Сакс кивнула и повернулась к колледжу, вспоминая слова Соммерса и не зная, что делать дальше. По своему богатому опыту она могла почти

безошибочно предположить, где может быть заложена бомба и где мог затаиться снайпер, но угроза удара электрическим током может исходить буквально отовсюду.

— Что конкретно, по словам Чарли, мог здесь устроить Гальт? — спросила она Райма.

— По его мнению, самый эффективный способ — это использовать жертву в качестве включателя. Гальт присоединит дверные ручки, поручни и перила на лестницах к источнику с термокатодом, а пол — к обратному проводу. А если пол — влажный, он может стать естественным заземлением. Цепь остается разомкнутой, пока жертва не прикоснется к ручке двери или перилам. И тогда ток потечет по ним. Чтобы убить человека, нужно совсем небольшое напряжение. Еще один способ — заставить кого-либо прикоснуться к источнику тока обеими руками. Через грудь пройдет достаточно тока, чтобы убить вас практически мгновенно. Однако второй способ недостаточно эффективен.

«Эффективен…» Как омерзительно звучит это слово в данной ситуации.

У нее за спиной завыли сирены. Начали прибывать пожарные, группа быстрого реагирования из полиции и медперсонал.

Амелия помахала рукой Бо Хауманну, командиру группы, худощавому, рано поседевшему сержанту-инструктору. Он ответил ей кивком и начал распределять поручения среди своих подчиненных: кто-то должен был помочь в эвакуации, кто-то, объединившись в тактические группы, отправлялся на поиски Гальта и возможных сообщников.

После некоторых колебаний Амелия, вместо того чтобы взяться за металлическую ручку, толкнула стеклянную дверь и вошла в вестибюль, из которого продолжали выходить люди. Амелии хотелось громко предупредить всех идущих, чтобы не касались металлических поверхностей, но боялась, что из-за такого предупреждения может возникнуть паника и в результате многие пострадают или даже погибнут. Кроме того, в запасе у Сакс оставалось еще пятнадцать минут.

Внутри здания имелось много металлических перил, ручек, ступенек и панелей на полу. Но по их внешнему виду невозможно было догадаться, подсоединены они где-то к проводам или нет.

— Не знаю, Райм, — неуверенно произнесла она. — Да, здесь много металла, но большая часть пола покрыта линолеумом или коврами, а они плохие проводники.

Может быть, он просто собирался устроить пожар и сжечь здание колледжа?

Тринадцать минут.

— Сакс, продолжай поиск.

Она попыталась воспользоваться бесконтактным детектором тока Чарли Соммерса, и он несколько раз показал его наличие, но с напряжением не больше обычного. И источники его были в местах, относительно безопасных для людей.

Амелия бросила взгляд в сторону окна, и там ее внимание привлекло что-то желтое. Это была машина «Алгонкин консолидейтед» с надписью «Аварийный ремонт». Она сразу же узнала обоих мужчин, вышедших из машины: Берни Валь и Боб Кавано. Они подбежали к группе полицейских, среди которых была и Нэнси Симпсон.

И лишь глядя на них сквозь зеркальное стекло, Сакс впервые обратила внимание на то, что располагалось рядом с колледжем. На строительную площадку небоскреба. Рабочие занимались установкой металлических конструкций, сваркой и креплением балок.

Она оглянулась назад, на вестибюль, и почувствовала, как все у нее внутри сжалось. Амелия вновь резко развернулась в сторону строительной площадки.

Металл. Вся конструкция состояла из одного металла.

— Райм, — произнесла она очень тихим голосом, — я думаю, что мы снова ошиблись: он имел в виду вовсе не колледж.

— Что ты хочешь сказать?

Она объяснила.

— Сталь… Да, конечно, Сакс, ты права. Постарайся убрать оттуда всех рабочих. Я сейчас же позвоню Лону и постараюсь, чтобы он направил туда группы быстрого реагирования.

Амелия выбежала из колледжа и бросилась к трейлеру, в котором располагался офис генерального подрядчика строительства небоскреба. Она подняла голову и окинула взглядом двадцать или двадцать пять этажей сплошного металла, которые вот-вот должны были превратиться в оголенные провода с двумястами рабочих на них. И Сакс насчитала всего лишь два маленьких подъемника, на которых они могли бы спуститься вниз.

Оставалось всего десять минут.

36

— Что происходит? — спросил Сэм Веттер у официанта в ресторане гостиницы.

Они с коллегами внимательно следили в окно за эвакуацией колледжа и стройки, которая располагалась между колледжем и отелем. К месту эвакуации подтягивались полицейские автомобили и фургоны.

— Мы в безопасности? — спросил руководитель совместного предприятия. — Я имею в виду — здесь?

— О да, сэр, в абсолютной безопасности, — заверил его официант.

Веттер прекрасно понимал, что официант, так же как и они, не имеет ни малейшего представления о том, что происходит. И, будучи профессиональным строителем, он тут же прикинул в уме соотношение аварийных выходов в отеле и количества постояльцев.

Один из бизнесменов, сидевших за их столом — тот, что приехал из Санта-Фе, — спросил:

— А вы слышали о том, что произошло вчера? О взрыве на электростанции? Возможно, он как-то связан с тем, что происходит сейчас здесь. Говорят, что это дело рук террористов.

Веттер слышал что-то краем уха о взрыве, но подробностей не знал.

— И что случилось?

— Какой-то парень сделал что-то с электрической сетью. — Мужчина кивнул в сторону окна. — Не исключено, что нечто подобное он проделал сейчас и в колледже. Или на стройке.

— Но не здесь? — встревоженным голосом спросил еще один из присутствующих. — Не в отеле?

— Нет-нет, конечно, не здесь. — Официант улыбнулся и исчез.

Веттер невольно задался вопросом, через какой аварийный выход он в данный момент пытается ускользнуть.

Люди вставали из-за своих столов и подходили к окнам. Из окон ресторана было прекрасно видно происходящее.

— Не-а, это не террористы, — услышал Веттер, — это какой-то недовольный сотрудник. Какой-то обходчик сетей в компании. Его фотографию показывали по телевизору.

И тут Сэма Веттера осенило. Обернувшись к одному из своих коллег, он спросил:

— А вы не знаете, как он выглядит?

— Знаю только, что ему за сорок и что на нем скорее всего комбинезон компании и шлем желтого цвета. А комбинезон — синего.

— Господи, кажется, я его видел. Несколько минут назад.

— Что?

— Я видел рабочего в синем комбинезоне и желтом шлеме. Он шел с мотком электрического кабеля в руках.

— Вам следует сообщить об этом полиции.

Веттер встал и направился к выходу, но на полпути остановился и сунул руку в карман. Его беспокоило, что его новые друзья могут подумать, будто он пытается уклониться от оплаты своей доли за обед. Веттер слышал, что ньюйоркцы очень подозрительны, и ему не хотелось, чтобы его первые шаги в бизнесе мегаполиса были подпорчены такими мелочами. Сэм вытащил десятку, чтобы расплатиться за свой сандвич и пиво, но потом вспомнил, где находится, и сунул руку еще за одной десяткой.

— Сэм, да брось ты! Иди скорее.

Веттер изо всех сил пытался в точности вспомнить, из какого люка вылез тот человек и где стоял, когда звонил по телефону, перед тем как войти в здание колледжа. Если он сможет вспомнить время звонка, вероятно, в полиции сумеют его отследить. И в компании сотовой связи быстро установят, кому он звонил.

Веттер поспешил вниз по эскалатору, перескакивая через две ступеньки, и выбежал в вестибюль. Он заметил полицейского, стоявшего у стола.

— Офицер, извините. Я только что узнал... что вы ищете человека, работающего на энергетическую компанию. Того человека, который устроил вчерашний взрыв.

— Да, сэр. А вам что-нибудь о нем известно?

— Мне кажется, я его видел. Конечно, я не могу быть полностью в этом уверен. Возможно, я видел какого-то другого человека. Но думаю, мне следует вам кое-что сообщить.

— Подождите. — Полицейский поднял свою массивную рацию и произнес в нее: — Семь-восемь-семь-три вызывает командный пост. У меня тут есть свидетель. Говорит, что видел подозреваемого.

— Вас понял, — послышалось в рации. — Подождите. Хорошо, семь-восемь, присылайте его сюда. На Стоун-стрит. Детектив Симпсон хочет побеседовать с ним.

— Вас понял. — И, повернувшись к Веттеру, полицейский объяснил: — Выйдите через главный вход и поверните налево. Там вас встретит детектив, женщина. Нэнси Симпсон.

Быстрым шагом проходя по вестибюлю, Веттер подумал: возможно, если тот человек пока где-то здесь, его смогут задержать до того, как он причинит вред кому-то еще.

«В первый раз приехал в Нью-Йорк и уже прославился. Могу даже попасть в газеты.

Что бы сказала Рут?»

37

— Амелия! — крикнула Нэнси Симпсон с тротуара. — У меня есть свидетель. Человек из соседнего отеля. — Сакс быстрым шагом подошла к ней. — Он сейчас подойдет.

Амелия все тут же передала Райму.

— Где видели Гальта? — с нетерпением в голосе спросил он.

— Пока не знаю. Сейчас мы будем беседовать со свидетелем. Подожди секунду.

И она вместе с Симпсон поспешила ко входу в отель, чтобы встретить свидетеля. По пути Сакс бросила взгляд вверх, на строящееся грандиозное сооружение. Рабочие поспешно покидали стройку. Оставалось всего несколько минут.

И тут она услышала:

— Офицер! — Мужской голос у нее за спиной. — Детектив!..

Амелия повернулась и увидела, что по направлению к ней бежит вице-президент компании «Алгонкин» Боб Кавано. Довольно грузный, он потел и задыхался. На его лице было написано: «Простите, но я забыл, как вас зовут».

— Амелия Сакс.

— Боб Кавано.

Она кивнула.

— Я слышал, вы эвакуируете стройку.

— Да. В колледже мы не нашли ничего, что могло бы позволить ему осуществить теракт. Там в основном ковры и...

— Но стройка тоже не имеет никакого смысла, — сказал Кавано, махнув в ее сторону.

— Однако я полагала... что там стальные конструкции, сплошной металл...

— Кто там, Сакс? — вмешался в их разговор Райм.

— Вице-президент «Алгонкин». Он считает, что стройка не может быть местом теракта. — И, повернувшись к Кавано, она спросила: — Почему же не может?

— Взгляните! — воскликнул тот, повернувшись к группе стоящих неподалеку от них строителей.

— На что?

— На их обувь!

— Защитная одежда, — прошептала она. — Она вся с хорошей изоляцией.

«Если не можешь избежать соприкосновения с электрическим током, постарайся хорошо защитить себя».

На некоторых были также перчатки и толстые куртки.

— Гальт прекрасно знает, что на них специальная защитная одежда, — сказал Кавано. — Чтобы кому-нибудь здесь причинить реальный вред, ему пришлось бы закачать сюда столько тока, что во всей этой части города просто вырубился бы свет.

— Но если не колледж и не стройка, то что же тогда является его целью? — со вздохом произнес Райм. — Или мы что-то с самого начала не так поняли? Возможно, он вообще находится где-то в другом месте. Рядом с какой-то другой выставкой вулканических пород.

И тут Кавано схватил ее за руку и указал куда-то.

— Отель!..

— О Господи!.. — пробормотала Сакс, обернувшись на отель.

Он представлял собой одно из тех минималистских шикарных заведений, в которых полно камня, мрамора, фонтанов... и металла. Очень много металла. Металлические двери, стальные лестницы и даже пол.

Нэнси Симпсон также обернулась и взглянула на здание.

— Что?! — оглушительно прозвучал в ее ухе голос Райма.

— Отель, Райм. Он решил совершить нападение на отель. — Амелия схватила рацию, чтобы связаться с руководителем групп быстрого реагирования, и поднесла ее ко рту как раз в тот момент, когда они с Симпсон со всех ног бросились к отелю. — Бо, говорит Амелия. Его цель — отель, я практически уверена. Вовсе не стройка. Пришли своих ребят сюда! Людей нужно немедленно эвакуировать!

— Понял, Амелия, я...

Но Сакс уже больше ничего не слышала. Или, точнее, больше ничего не поняла из того, что он говорил, — она смотрела в огромные окна отеля.

Хотя еще время обещанной атаки не наступило — до часа дня оставалось несколько минут, — несколько человек в отеле «Бэттери-Парк» внезапно застыли на полпути. Их за мгновение до того оживленные лица вдруг утратили всякое выражение, сделались лицами марионеток, странными гротескными карикатурами. У краев растянутых губ появилась слюна. Пальцы, ступни, подбородки начали дрожать.

У видевших это перехватило дыхание от ужаса, со всех сторон послышались крики, многих охватывала паника при виде обычных людей, внезапно превращающихся в чудовищных зомби из фильма ужасов. Двоих или троих удар настиг, когда они брались за металлические поручни вращающихся дверей, у несчастных сразу же начались жуткие судороги. Один из мужчин непроизвольным ударом ноги разбил стекло в двери, и оно перерезало ему бедренную артерию. Горячая кровь фонтаном забила из нее. Другой, совсем еще молодой,

вероятно, студент, схватился за большую латунную дверь, ведущую в конференц-зал, и скорчился в дикой судороге. А еще двое не успели коснуться рукой перил лестницы, ведущей в бар вестибюля, как застыли, страшно скрючившись, и в то же мгновение их тела пронизала жуткая дрожь, вместе с которой из них постепенно стала уходить жизнь.

И даже здесь, на улице, Сакс услышала кошмарный вопль боли и ужаса, исторгнутый из груди женщины, которую удар тока настиг на полпути к выходу.

Мужчина крепкого сложения бросился вперед, чтобы спасти кого-то из постояльцев, оттолкнуть его от панели лифта, к которой как будто приросла его дымящаяся рука. Доброхоту, по-видимому, казалось, что он сумеет мощью своих мышц оторвать несчастного от панели. Но он имел весьма приблизительное представление о скорости и силе тока. Как только он прикоснулся к жертве, то тут же тоже стал частью цепи. Его лицо мгновенно свело гримасой чудовищной боли. Затем оно приобрело выражение куклы из фильма ужасов, а тело начало неестественно подергиваться.

У многих кровь ручьем текла изо рта, так как зубы вонзались в язык и губы. Глаза буквально вылезали из орбит.

Женщину, взявшуюся за металлическую ручку двери, пронзил особенно сильный удар тока — она изогнулась под каким-то немыслимым и невозможным ни при каких других обстоятельствах углом, невидящие глаза уставились в потолок, седые волосы вспыхнули.

— Райм, — прошептала Амелия. — Все плохо, очень плохо. Я перезвоню.

Она отключила телефон, не дождавшись его ответа.

Сакс с Симпсон обернулись и стали жестами показывать дорогу машинам «скорой помощи». Амелия была потрясена видом неописуемых конвульсий, страшного оцепенения мышц, непроизвольных подергиваний, выступающих вен, испаряющейся крови и слюны на раскаленной и обожженной коже.

— Им нельзя выходить оттуда! — крикнул Кавано. — Они не должны ни к чему прикасаться!..

Сакс и Симпсон подбежали к окнам и попытались жестами отогнать людей от дверей, но их усилия не имели никакого результата. Паника распространялась с невероятной быстротой, люди устремлялись к выходам и останавливались только при виде ужасающей сцены конвульсий тех, кого успел поразить ток.

Отрубите ему голову…

Сакс повернулась к Кавано и крикнула:

— Как перекрыть ток в отеле?

Кавано оглянулся по сторонам.

— Мы же не знаем, к чему он подсоединил цепь. Здесь вокруг есть линии метрополитена, линии электропередачи, фидеры… Я позвоню в Куинс. Попрошу отключить все в этом районе. Нам придется отключить от сети даже фондовую биржу, но у нас нет другого выхода. — Он вытащил телефон. — Однако мне потребуется несколько минут. Скажите людям в отеле, чтобы они не двигались со своих мест. И ни к чему не прикасались!..

Сакс подбежала к огромному окну и стала изо всех сил размахивать руками, пытаясь таким образом отогнать людей от дверей и металлических лестниц. Некоторые поняли ее жесты и в знак понимания кивали, но большинство были не в силах справиться с овладевшей ими паникой. Сакс заметила, как молодая женщина, стоявшая рядом с друзьями, вдруг бросилась бежать по направлению к двери аварийного выхода, перед которой лежало дымящееся тело человека, попытавшегося выйти через нее несколькими мгновениями раньше. Амелия начала стучать по окну кулаком. «Нет!» — кричала она. Женщина оглянулась на Амелию, но все равно продолжала бежать, простирая перед собой руки.

— Нет, не прикасайтесь к ней!

Женщина, всхлипывая, бежала к двери.

Десять футов от двери… пять футов…

Другого способа нет, и детектив приняла решение.

— Нэнси, окна! Выбиваем их!

Она извлекла свой «глок» и, прицелившись в самый верх окна, выстрелила. Ей потребовалось шесть пуль на то, чтобы разбить три массивных окна в вестибюле.

При звуке выстрелов женщина истошно завопила и упала на пол, не успев коснуться несущей смерть ручки двери.

Нэнси Симпсон выбила окна с противоположной стороны от выхода.

Оба детектива запрыгнули внутрь. Прежде всего они запретили всем находящимся в вестибюле прикасаться к металлическим поверхностям, а затем начали организовывать эвакуацию людей через выбитые окна. Тем временем помещение заполнял необычайно едкий и омерзительно пахнущий дым.

38

— Электроэнергия отключена! — крикнул Боб Кавано.

Сакс кивнула и направила сотрудников служб экстренной помощи к жертвам, затем взглядом окинула толпу у отеля в поисках Гальта.

— Детектив!..

Амелия обернулась. К ней бежал человек в форме «Алгонкин консолидейтед». Увидев темно-синий комбинезон на белом мужчине, она сразу же подумала, что это может быть Гальт. Свидетель из отеля сообщал, что подозреваемый находится где-то неподалеку, а его портрет, изготовленный в полиции, был слишком приблизительным, чтобы Гальта можно было сразу и безошибочно узнать.

Но когда человек подошел поближе, стало ясно, что он намного моложе Гальта.

— Детектив, — повторил он срывающимся голосом, — офицер сказал мне, что я могу поговорить с вами. Я должен вам кое-что сообщить.

Он поморщился, почувствовав запах дыма, валившего из отеля.

— Говорите.

— Я работаю в компании «Алгонкин». Мой напарник сейчас в одном из туннелей под нами. — Он кивнул в сторону Амстердам-колледжа. — Я пытался с ним связаться, но он не отвечает. А рация работает нормально.

Под землей. Там, где проходят электрические провода.

— Я боюсь, что тот парень, Рэймонд Гальт, мог быть там и Джой с ним столкнулся. Вы понимаете? Я очень беспокоюсь.

Сакс подозвала двух патрульных. Вместе с сотрудником «Алгонкин» они проследовали к колледжу.

— У нас есть право прохода через подвал. Это самый короткий путь в туннель.

Ах так вот каким образом на обувь Гальта попала вулканическая пыль — он же проходил по выставочному залу колледжа. Сакс позвонила Райму и сообщила о случившемся, после чего добавила:

— Я спускаюсь вниз. Он может находиться в туннеле. Перезвоню, как только получу какую-нибудь информацию. А ты что-нибудь еще нашел в материалах?

— Больше ничего, Сакс.

— Я спускаюсь.

Она выключила телефон раньше, чем Райм успел что-либо ответить, и вместе с полицейскими и рабочим направилась к двери в подвал. Электричество в здании было отключено, но лампочки аварийного света горели, словно красные и белые глаза каких-то фантастических существ. Рабочий подошел к двери.

— Нет, — остановила его Сакс. — Вы подождете нас здесь.

— Хорошо. Тогда спускайтесь на два пролета вниз, и там увидите дверь красного цвета. На ней будет надпись «Алгонкин консолидейтед». За ней лестница, которая ведет в туннель. Вот ключи.

Он протянул Амелии связку.

— Как зовут вашего напарника?

— Джой. Джой Барзан.

— И где он должен находиться?

— Внизу лестницы нужно повернуть налево. Он работал на расстоянии примерно ста — ста пятидесяти футов оттуда. Приблизительно в том месте, где находится отель.

— Внизу можно что-нибудь разглядеть?

— Даже при отключенном электричестве там остается рабочее освещение на аккумуляторных батареях.

На батареях. Прекрасно.

— Но на самом деле там очень темно. Мы всегда пользуемся фонарями.

— А там могут быть необесточенные провода?

— Да, ведь это туннель электропередачи. Фидеры здесь отключены, но другие же работают.

— Провода без изоляции?

Он удивленно взглянул на Амелию.

— В них сто тридцать тысяч вольт. Они с изоляцией.

Если только Гальт не снял ее.

После минутного колебания Сакс провела детектором по дверной ручке, и рабочий снова удивленно посмотрел на нее. Она не стала входить в объяснения по поводу устройства, а просто жестом попросила всех отойти, затем распахнула дверь, держа руку на пистолете. Пусто.

В сопровождении двух полицейских Амелия начала спускаться по мрачной лестнице и сразу же ощутила приступ своей обычной клаустрофобии, но по крайней мере здесь меньше чувствовался отвратительный запах горелой резины, кожи и волос.

Сакс шла впереди, двое патрульных полицейских следовали за ней. Она крепко сжимала ключи, однако когда они приблизились к красной дверце, выходившей в туннель, то обнаружили, что та приоткрыта. Амелия вытащила пистолет. Полицейские сделали то же самое; она жестом приказала им медленно продвигаться следом за ней, после чего плечом бесшумно открыла дверь.

Потом остановилась в дверях и посмотрела вниз.

Черт!

Вниз, в туннель, спускалась лестница на глубину примерно в два этажа. Она была полностью металлическая и непокрашенная.

У Амелии снова учащенно забилось сердце.

Если можете, избегайте его.

Если не можете, защититесь от него.

Если не можете защититься, отсеките ему голову.

Но ни одно из волшебных правил Чарли Соммерса здесь не срабатывало.

По ее щекам ручьем тек пот. И Амелия вспомнила, что влажная кожа является гораздо лучшим проводником, чем сухая. А Соммерс, кажется,

еще что-то говорил по поводу того, что соленый пот еще больше усиливает ее проводимость.

— Вы что-то увидели, детектив? — услышала она шепот полицейского.

— Вы хотите, чтобы я пошел первым? — спросил второй.

Амелия не ответила на их вопросы и только прошептала:

— Не прикасайтесь ни к чему металлическому.

— Да, конечно, но почему?

— Сто тысяч вольт. Вот почему.

— А... да, конечно...

Сакс начала спуск по лестнице, почти уверенная в том, что вот сейчас раздастся жуткий треск — и все ее поле зрения заполнит ослепительная вспышка. Но она прошла первый пролет, затем второй...

Амелия ошиблась. Пролетов оказалось не два, а три.

Спустившись почти до самого конца, они услышали грохот и гул. Довольно громкий. Здесь было примерно градусов на десять теплее, чем снаружи, и температура поднималась с каждым шагом.

Еще один круг ада.

Туннель был больше, чем ожидала Амелия — около шести футов в ширину и семи в высоту, — и там было намного темнее, чем она предполагала. Большинство лампочек аварийного освещения просто не работало. Справа, на расстоянии примерно пятидесяти футов, она разглядела конец туннеля. Здесь не было никаких дверей, через которые мог бы ускользнуть Гальт, никаких темных уголков, где он мог бы спрятаться. Правда, слева, в том месте, где предположительно должен был находиться Барзан, коридор куда-то поворачивал, и это был, по-видимому, не единственный поворот.

Когда они приблизились к первому повороту туннеля, Сакс жестом приказала своим спутникам остановиться. Полицейские замерли. Амелия была почти уверена, что Гальта здесь нет. Вероятнее всего, он постарался убраться отсюда как можно скорее. Однако она не исключала наличия возможных ловушек.

И полной уверенности в том, что он сбежал, у нее тоже не было. Поэтому, окинув взглядом туннель за поворотом. Сакс присела и приготовила

«глок», хотя и не выставила его вперед, понимая, что Гальт может его выбить или выхватить у нее из рук.

Ничего…

Она посмотрела себе под ноги — на воду, покрывавшую бетонный пол. Вода. Конечно. Большое количество воды, прекрасного проводника электричества.

Сакс бросила взгляд на стену туннеля, по которой проходили толстые черные кабели.

ОПАСНО!!! ВЫСОКОЕ НАПРЯЖЕНИЕ

ПЕРЕД НАЧАЛОМ РАБОТЫ СВЯЖИТЕСЬ С «АЛГОНКИН КОНСОЛИДЕЙТЕД»

Амелия вспомнила слова сотрудника «Алгонкин» по поводу напряжения, произнесенные всего несколькими минутами ранее.

— Проход свободен, — прошептала она.

И жестом пригласила своих спутников следовать за ней. Конечно, ее беспокоила судьба рабочего «Алгонкин» Джоя Барзана, но самым важным все-таки был поиск каких-либо указаний на то, куда мог направиться Гальт.

Но сумеет ли она что-нибудь найти? Амелия знала, что подобные туннели могут тянуться целые мили. Они представляют собой идеальный путь для побега. Бетонные полы покрыты грязью, но обнаружить на них следы практически невозможно. На стенах пыль и копоть. Она может искать здесь следы неделями, и скорее всего ничего не найдет. Возможно…

Скребущий звук…

Амелия застыла. Откуда он доносится? Может быть, здесь есть еще какие-то боковые проходы, в которых может спрятаться преступник?

Один из полицейских поднял руку, поднес к глазам, а затем вытянул вперед. Она кивнула, хотя считала, что использовать здесь сейчас военные сигналы было совсем не обязательно.

Хотя главное в подобных ситуациях — чувствовать уверенность, а за счет чего — не имеет принципиального значения.

Сама же Амелия особой уверенности не испытывала. Пули из расплавленного металла снова и снова со свистом пролетали перед ее мысленным взором.

Однако пути назад не было.

Сакс сделала глубокий вдох.

Она бросила еще один взгляд в темный туннель, простиравшийся перед ними. Он был пуст и еще темнее предыдущего. Амелия сразу же поняла почему. Большинство ламп аварийного света тоже не горело, но в отличие от начальной части туннеля здесь они были просто разбиты.

Ловушка, чутьем ощутила Сакс.

Когда они приблизились к повороту направо под прямым углом, то, по ее расчетам, должны были уже находиться прямо под отелем.

И вновь она бросила взгляд в глубь туннеля, но на этот раз разглядеть что-либо оказалось практически невозможно, так как он был погружен в полную темноту.

И опять Амелия услышала шум.

Один из полицейских подошел ближе.

— Голос.

Сакс кивнула.

— Тише, — прошептала она.

Они повернули за угол и, пригнувшись, продолжили движение по туннелю.

И тут ее охватила дрожь. Амелия расслышала стон, стон отчаяния. Человеческий.

— Фонарь! — прошептала она.

Будучи детективом, Сакс не носила с собой тех аксессуаров, которые обычно входят в обмундирование полицейского, при ней было только оружие и наручники. Полицейский, передавая ей фонарь, больно ударил ее в бок.

— Извините, — пробормотал он.

— Пригнитесь, — тихо произнесла она. — Будьте готовы открыть огонь. Но только по моей команде… если, конечно, он не выведет меня из строя первой.

Они опустились на грязный пол, прицелившись в глубину туннеля.

Сакс вытянула руку с фонарем подальше от тела — чтобы не стать легкой мишенью, — нажала на кнопку включения, и мрачный коридор залил ослепительно яркий свет.

Никаких выстрелов, никаких вспышек дуги…

Но перед ними была еще одна жертва Гальта.

Примерно на расстоянии тридцати футов от них на боку лежал рабочий из «Алгонкин». Рот у него был заклеен скотчем, руки связаны за спиной, из виска и из-за уха текла кровь.

— Вперед!..

Они вскочили на ноги и поспешили к человеку, который, по предположению Сакс, был Барзаном. Даже в свете фонаря она видела, что это не Гальт. Рана Джоя, вероятно, была тяжелой, так как он истекал кровью. Однако когда один из полицейских бросился к нему, чтобы остановить кровотечение, Барзан начал неистово трясти головой и стонать.

Поначалу Сакс подумала, что он умирает и они наблюдают его предсмертные конвульсии. Однако, приблизившись, она посмотрела в его глаза с расширенными от ужаса зрачками и проследила за взглядом несчастного. Он лежал не на голом бетонном полу, а на толстом куске тефлона или пластика.

— Не прикасайтесь к нему! — крикнула Амелия полицейскому, протянувшему руку, чтобы помочь Барзану. — Это ловушка!..

Полицейский застыл на месте.

Она вспомнила, что говорил ей Соммерс: раны и кровь снижают устойчивость организма по отношению к воздействию электричества.

Не прикасаясь к Барзану, она обошла его.

Руки у него были связаны, но не клейкой лентой и не веревкой, а оголенным медным проводом, который был подключен к одному из проводов на стене. Она вынула детектор Соммерса и поднесла его к проводу, которым были стянуты руки Барзана.

Счетчик зашкалило за 10 000 вольт. Если бы полицейский коснулся парня, ток потек бы через него, затем через полицейского и ушел в землю, при этом убив обоих на месте.

Сакс сделала шаг назад, включила рацию, чтобы вызвать Нэнси Симпсон, попросить ее отыскать Боба Кавано и сообщить ему, что он должен отсечь голову еще одной змее.

39

Рону Пуласки удалось вернуть к жизни принтер Рэя Гальта. Он с нетерпением выхватывал из него отпечатанные листы бумаги и отчаянно просматривал их в надежде отыскать хоть какие-то намеки на местонахождение Гальта, его сообщников, что-нибудь о «Справедливости для...» — все, что угодно, что могло бы остановить цепь терактов.

Детектив Купер прислал ему эсэмэску, в которой сообщал, что им не удалось предупредить теракт Гальта в отеле в центре и что они продолжают поиски террориста в районе Уолл-стрит. Послание заканчивалось вопросом, не появилось ли у Пуласки какой-либо информации, которая могла бы помочь им в поисках.

— Пока нет. Но скоро будет, я надеюсь...

Он отправил ответное послание и вернулся к просмотру распечаток.

На восьми страницах в очереди на печать не было ничего, что могло бы как-то помочь в поисках террориста. Однако Пуласки удалось выяснить нечто существенное — мотив Рэймонда Гальта.

На некоторых страницах были распечатки текстов, которые Гальт размещал в блогах. На других — информация, скачанная из Интернета, о медицинских исследованиях, в ряде случаев очень подробная, авторами которой были ученые с мировым именем. Впрочем, рядом соседствовали тексты, явно принадлежавшие шарлатанам, написанные языком, характерным для сторонников различных теорий заговора.

Один из таких текстов был произведением самого Гальта — он был размещен в блоге, посвященном экологическим причинам серьезных заболеваний.

...Моя история типична для многих. В течение долгих лет я был обходчиком сетей, затем электромонтером (позднее — старшим электромонтером в бригаде), работал в нескольких различных энергетических компаниях, и моя работа подразумевала постоянный

контакт с электрическими проводами с напряжением более ста тысяч вольт. Я совершенно убежден, что причиной моей лейкемии стали электромагнитные поля, создаваемые линиями электропередачи с проводами без изоляции. Кроме того, уже давно стало очевидным фактом, что электрические провода притягивают аэрозольные частицы, которые среди прочего могут привести и к раку легких, однако никакой информации по этому поводу вы в СМИ не найдете. Нам необходимо заставить энергетические компании (и что еще более важно — общественность) осознать упомянутую опасность. Компании не станут ничего делать по собственной воле (с какой стати?). Если бы люди сократили вдвое потребление электроэнергии, мы смогли бы спасти тысячи жизней в год и заставить их (компании) сделаться более ответственными. В результате они обязательно со временем создали бы более безопасные способы передачи электроэнергии. И уменьшили бы вред, наносимый ими окружающей среде. Люди, вам нужно взять свою судьбу в собственные руки!

Рэймонд Гальт.

Значит, вот в чем дело. По его мнению, он заболел из-за компаний вроде «Алгонкин». И пытался в оставшееся ему время отомстить. Пуласки понимал, что Гальт — террорист и убийца, но не мог не ощутить сочувствия к нему. В одном из шкафов Рон нашел бутылки с алкоголем, большая часть которых была по крайней мере наполовину пуста. А еще снотворное. И антидепрессанты. Конечно, никто не имеет права никого убивать, но что может чувствовать человек, умирающий в одиночестве от смертельной болезни, когда людям, ответственным за его болезнь, абсолютно на него наплевать? Пуласки понял, откуда взялась ненависть Гальта.

Он продолжил просматривать распечатки, но нашел лишь продолжение уже виденного: бесконечные инвективы в адрес энергетических компаний и статьи по медицине. Не было даже электронных писем, по адресам которых можно было бы выйти на друзей Гальта и, возможно, понять, где он может сейчас находиться.

Рон продолжал внимательно просматривать распечатки, вспомнив странную теорию специального агента Такера Макдэниела о коммуникации в «облачной зоне», искал пароли и тайные послания, которые могли быть зашифрованы в тексте. Затем пришел к выводу, что зря теряет время, и сложил распечатки в сумку. Еще несколько минут он провел, собирая дополнительные материалы, снимая отпечатки и прикрепляя карточки для охраны вещественных доказательств. После чего он разложил номера и сфотографировал общий вид помещения.

Закончив, Пуласки взглянул в сторону мрачного полутемного коридора, который вел к входной двери, и почувствовал, как к нему возвращается страх. Направляясь к двери, он заметил, что и ручка, и сама дверь были металлическими. «Чего ты придумываешь проблемы на ровном месте? — возмущенно спросил себя Пуласки. — Ты же открывал ее час назад, входя сюда».

Не снимая латексных перчаток, он осторожно коснулся двери, открыл ее и с облегчением вышел из квартиры.

На лестничной площадке стояли двое полицейских и агент ФБР. Пуласки кивком приветствовал их.

— Слышал? — спросил агент.

Рон задержался на пороге, потом сделал несколько шагов от стальной двери.

— О теракте? Да. Слышал, что ему снова удалось смыться. А подробностей не знаю.

— Пятеро погибших. Было бы больше, если бы не твоя напарница.

— Моя напарница?

— Женщина-детектив Амелия Сакс. А ведь несколько человек очень сильно пострадали. Получили серьезные ожоги.

Пуласки покачал головой.

— Да, мрачно. И все по той же причине? Из-за дуги?

— Не знаю. Электрошок. Вот все, что я слышал.

— Господи!..

Пуласки окинул улицу взглядом. Раньше он никогда не обращал внимания на то, сколько металла находится в типичном жилом доме. Его охватило жуткое чувство сродни паранойе. Казалось, что со всех сторон его окружают металлические столбы, перекладины и прутья. Пожарные лестницы, вентиляционные каналы, трубы, уходящие глубоко в землю, металлические пластины, покрывающие лифты. Через все это можно пропустить достаточно тока, чтобы прикончить вас на месте или изрешетить металлической шрапнелью.

Погибли пятеро…

Ожоги третьей степени.

— С вами все в порядке, офицер?

Пуласки нервно рассмеялся.

— Да. — Ему хотелось объяснить причину внезапно возникшего страха, но он, конечно, не стал ничего говорить. — Удалось что-нибудь разузнать о Гальте?

— Нет. Он исчез.

— Мне нужно все это отвезти Линкольну Райму.

— Что-нибудь нашли?

— Да. Все преступления определенно совершил Гальт. Но мне не удалось найти никаких указаний на его нынешнее местонахождение. И на его ближайшие планы.

— А кто будет вести наблюдение? — спросил агент ФБР и кивнул в сторону квартиры. — Вы оставите кого-то из своих людей?

Пуласки понял подтекст. Федералы любят пожинать плоды чужих трудов. Здесь же появление Гальта явно не предвиделось — преступник, несомненно, уже знал из новостей, что его личность установлена, — и потому они не хотели принимать на себя заботы по поводу заведомо невыигрышного поручения.

— Я за это не отвечаю, — ответил Рон. Связавшись по рации с Лоном Селлитто, он сообщил о своих находках.

Лейтенант пообещал прислать на квартиру Гальта двух полицейских, которые будут оставаться неподалеку до тех пор, пока не прибудет официальная группа слежения — на тот случай если Гальт попытается вернуться домой.

Пуласки тем временем свернул за угол и проследовал на пустынный переулок за зданием. Там он открыл багажник своей машины и загрузил в него вещественные доказательства.

Он захлопнул багажник и тревожно посмотрел по сторонам.

На весь тот металл, который окружал его повсюду.

«Черт возьми, да перестань же ты об этом думать!..»

Рон уселся на водительское сиденье и собрался уже вставить ключ зажигания, но что-то его остановило. Автомобиль был припаркован здесь, в переулке, чтобы его не видели из квартиры Гальта — на тот случай если бы тот вдруг вернулся. А если преступник все еще на свободе, существует шанс, что он мог подойти сюда и установить какую-нибудь ловушку в автомобиле Пуласки.

Нет, звучит глупо.

Пуласки поморщился, включил зажигание и дал задний ход.

Зазвонил телефон, и, взглянув на экран, Рон увидел, что это жена, Дженни. Подумав, отвечать или нет, решил позвонить ей позже. И отложил телефон.

Выглянув из окна машины, он заметил электрический щит на стене здания, из которого выходило три больших провода. Содрогнувшись от увиденного, Пуласки схватился за ключ и повернул его. Стартер издал специфический скрежещущий звук, свидетельствующий о том, что мотор уже работает. В панике полагая, что его ударило током, молодой полицейский распахнул дверцу автомобиля. Его нога соскользнула с тормоза и опустилась на акселератор. «Краун-виктори» рванулась назад. Он резко надавил на тормоз, но тут же услышал глухой удар, вопль и заметил мужчину средних лет, пересекавшего переулок с сумкой, полной покупок. Пешеход врезался в стену и рухнул на мостовую, из головы у него текла кровь.

40

Амелия Сакс осматривала Джоя Барзана.

— Как у вас дела?

— Думаю, что да...

Она не поняла его фразы, а он, по всей видимости, тоже не понимал того, что говорил. Амелия взглянула на медика, склонившегося над Джоем. Они все еще находились в туннеле под отелем «Бэттери-Парк».

— Сотрясение мозга. Потеря крови. — Врач повернулся к Барзану, который сидел, прислонившись к стене. — С вами все будет в порядке.

Бобу Кавано удалось найти источник тока и отключить ту линию, которой Гальт воспользовался для своей ловушки. Сакс с помощью детектора Соммерса подтвердила, что электричество действительно отключено, и поспешно отсоединила провод, прикрепленный к питающему кабелю.

— Что же произошло? — спросила Амелия Барзана.

— Я столкнулся здесь с Рэем Гальтом. Он ударил меня штангой для работы под напряжением, и я отключился. А когда пришел в себя, он уже подсоединил меня к кабелю. Господи!.. В нем же шестьдесят тысяч вольт! Если бы вы прикоснулись ко мне или если бы я откатился на несколько дюймов в сторону… Боже! — Он заморгал. — Я услышал сирену. Почувствовал запах. Что случилось?

— Гальт подсоединил провода к металлическим конструкциям в соседнем отеле.

— Боже святый!.. Кто-нибудь пострадал?

— Есть жертвы. Подробности мне пока неизвестны. А куда потом пошел Гальт?

— Не знаю. Я же полностью отключился. Если он не вышел через колледж, значит, у него оставался только один путь — через туннель. — Барзан перевел взгляд в сторону темного поворота. — У подземных туннелей и платформ масса выходов.

— Гальт что-нибудь говорил? — спросила Сакс.

— Нет, ничего.

— А где он находился, когда вы его заметили?

— Вон там. — Барзан указал на точку на расстоянии десяти футов от себя. — Видите, где он подсоединил провод к основной линии? Там на ней было нечто вроде коробки. Я такого раньше никогда не видел. И он наблюдал за стройкой и отелем со своего компьютера. Складывается впечатление, что его ноутбук был подключен к камерам слежения.

Сакс поднялась и осмотрела кабель — точно такой же, какой видела за день до того на автобусной остановке. Никаких следов компьютера или штанги для работы под высоким напряжением, о которой ей говорил еще Соммерс.

— Он сохранил мне жизнь только потому, что хотел воспользоваться мной для убийства других людей, ведь так? — очень тихо произнес Барзан. — Он думал таким образом уйти от преследования.

— Да, по-видимому, так.

— Вот сукин сын! А ведь он тоже электрик, как и я. Обходчики линий электропередачи и электромонтеры держатся вместе и помогают друг

другу. Мы — единое братство. У нас просто нет другого выхода. Ведь ток такая опасная штука.

Барзан был по-настоящему зол, просто взбешен предательством одного из «своих».

Сакс осмотрела руки и ноги Джоя в поисках каких-либо следов, после чего кивнула медикам.

— Теперь можете его уносить.

При этом попросила Барзана позвонить ей, если он вспомнит что-нибудь еще, и передала ему свою визитную карточку. Один из медбратьев радировал своему коллеге, что они могут спускаться в туннель с носилками, чтобы вынести пострадавшего. Барзан прислонился к стене и закрыл глаза.

Амелия же связалась с Нэнси Симпсон и рассказала о случившемся.

— Пусть специальные подразделения спустятся в туннели «Алгонкин» и прочешут их на расстоянии полумили вокруг. И метро тоже.

— Хорошо, Амелия. Минутку. — Мгновение спустя Симпсон рапортовала: — Они пошли.

— А наш свидетель из отеля? Как он?

— Пока не говорила с ним.

Глаза Сакс все больше привыкали к темноте. Она прищурилась.

— Я перезвоню тебе, Нэнси. Я тут кое-что увидела.

И она пошла по туннелю в том направлении, в котором, по словам Барзана, ушел Гальт.

Примерно на расстоянии тридцати футов в небольшом углублении Амелия обнаружила темно-синий комбинезон компании «Алгонкин», шлем и сумку для инструментов. Все это было засунуто между решетками. Ее внимание привлек ярко-желтый цвет шлема. Ну конечно, Гальт понял, что теперь все будут искать его, поэтому снял примелькавшееся обмундирование и спрятал его здесь вместе с сумкой.

Сакс снова позвонила Симпсон, попросила ее связаться с Бо Хауманном и сообщить ему, что Гальт теперь будет совсем в другой одежде. После чего натянула латексные перчатки и попыталась вытащить вещественные доказательства из-за решетки.

Но тут же остановилась.

Ты должна помнить, что даже если думаешь, что тебе удалось ускользнуть от него, опасность может подстерегать с неожиданной стороны.

Слова Соммерса эхом отдавались у нее в голове. Она взяла его детектор и провела им по сумке с инструментами.

Стрелка подскочила до 603 вольт.

У Амелии перехватило дыхание, она закрыла глаза и почувствовала, как почва уходит у нее из-под ног. Однако ей удалось справиться с мгновенной слабостью. Она внимательно посмотрела за решетку и увидела провод. Он шел от решетки к трубе, за которую, собственно, и были засунуты вещи. Чтобы их вытащить, ей необходимо коснуться трубы. Теоретически в туннеле ток был отключен, но, возможно, она столкнулась с тем, что Соммерс называл остаточным, или обратным, током.

А какая сила тока нужна, чтобы убить человека?

Одна десятая ампера.

Она вернулась к Барзану, который, прислонившись забинтованной головой к стене туннеля, смотрел на нее затуманенным взглядом.

— Мне нужна помощь. Я должна забрать вещественные доказательства, но один из проводов все еще под напряжением.

— Какой провод?

— Вон там. Шестьсот вольт. Он присоединен к какой-то трубе.

— Шестьсот? Это постоянный ток, обратный ток от контактного рельса в метро. Послушайте, вы можете воспользоваться моей штангой. Вон она лежит. И моими перчатками. Самый лучший способ — вывести от трубы еще один провод и заземлить его. Вы знаете, как такое делается?

— Нет.

— Но я сейчас не смогу вам помочь. Извините.

— Ничего страшного. Просто объясните мне, как пользоваться штангой.

Она натянула перчатки Барзана поверх собственных латексных и взяла инструмент, заканчивавшийся на одном конце приспособлением,

напоминающим лапу, покрытую резиной. Это вселило в Амелию некоторую уверенность, хотя и не очень большую.

— Встаньте на резиновый коврик и вытаскивайте вещи, которые вы там увидели, одну за другой. И все будет в порядке... А для большей уверенности работайте одной рукой. Правой.

Той, которая дальше от сердца...

А оно тем временем бешено колотилось, когда Амелия вернулась к решетке, подстелила тефлоновый коврик и начала медленно вытаскивать вещественные доказательства.

Перед ее мысленным взором вновь предстало изрешеченное тело юного Луиса Мартина и корчащиеся в судорогах умирающие несчастные в вестибюле отеля.

Как она не любила, когда что-то ее отвлекало!

И как же она не любила бороться с невидимым врагом!

Затаив дыхание — даже не зная зачем, — Сакс вытащила комбинезон и шлем, затем сумку с инструментами. На красном холсте жирным маркером было написано «Р. Гальт».

Амелия тяжело выдохнула. Потом собрала улики и сложила их в свою сумку.

Из Куинса прибыл лаборант с инструментарием для проведения криминалистического осмотра. Несмотря на то что место преступления было теперь крайне загрязнено, Сакс, надев специальный костюм, провела тщательное обследование. Она выложила номера и сделала снимки. Воспользовавшись детектором Соммерса, еще раз перепроверила все провода, затем быстро отсоединила кабель и черную квадратную пластиковую коробку, с помощью которой он соединялся с основной питающей линией. Провод Гальта тянулся к стальным перекрытиям отеля, от них ток шел во все металлические приспособления: дверные ручки, вращающиеся двери и лестничные перила. Амелия сложила в сумку все, что нашла, затем взяла образцы с тех мест, где стоял Гальт, когда подсоединял кабель и когда наносил удар Барзану.

Сакс попробовала найти ту штангу, которой Гальт ударил своего коллегу, но не смогла. Не нашла она и приспособлений, с помощью которых он мог подключиться к камерам слежения колледжа или стройки, чтобы из туннеля обозревать место теракта.

Закончив собирать вещественные доказательства, Амелия позвонила Райму и сообщила последние новости.

— Возвращайся скорее, Сакс. Нам нужны собранные тобой материалы.

— А что нашел Рон?

— Вроде бы ничего особенного. Гм… Однако странно: он уже давно должен был быть здесь, а его все еще нет.

Райм не скрывал нетерпения и растущего раздражения.

— Я задержусь еще на несколько минут. Мне нужно поговорить со свидетелем. Здесь есть один человек, который обедал в кафе отеля и видел оттуда Гальта. Я надеюсь, он сможет сообщить нам что-нибудь интересное.

Закончив разговор, Сакс вернулась на поверхность и разыскала Нэнси Симпсон. Детектив находилась в вестибюле отеля, который практически опустел. Амелия направилась было к одной из тех вращающихся дверей, которые не были опечатаны полицией, но остановилась и после недолгого размышления предпочла пройти в отель через разбитое окно.

По осунувшемуся лицу Симпсон было видно, что та глубоко потрясена случившимся.

— Только что разговаривала с Бо. Он не представляет, где Гальт мог выйти. При отключенной электроэнергии он мог просто пройти по путям в метро до Кэнел-стрит и затеряться где-нибудь в Чайна-тауне. Точно ничего сказать нельзя.

Сакс взглянула на те места на мраморном полу, которые были обожжены и где оставались следы крови, — места, где только что находились жертвы последнего теракта.

— Каков окончательный итог?

— Пятеро погибших, одиннадцать с травмами, все — с тяжелыми. Ожоги в основном третьей степени.

— Ты провела опрос свидетелей?

— Да. Но никто ничего не видел. Большинство постояльцев, находившихся здесь, просто разбежались. Многие даже не сдали ключи от номеров.

Симпсон добавила также, что сбежали они, естественно, со своими супругами, детьми, помощниками и вещами. Обслуживающий персонал отеля не сделал ничего, чтобы остановить их. Создается впечатление, что половина персонала тоже сбежала.

— А как насчет нашего свидетеля?

— Пытаюсь его найти. Я уже нашла нескольких человек, с которыми он вместе обедал. Они говорят, что он видел Гальта. Именно поэтому мне так хочется его отыскать.

— А кто он такой?

— Его зовут Сэм Веттер. Приехал сюда из Скоттсдейла по делам. Это его первый визит в Нью-Йорк.

К ним подошел патрульный полицейский.

— Извините, я слышал, вы назвали имя Веттер?

— Да. Сэм Веттер.

— Он подошел ко мне в вестибюле и сказал, что у него есть информация о Гальте.

— И где он?

— О, вы не знаете? Удар застал его во вращающейся двери. Он мертв.

41

Амелия Сакс вернулась с вещественными доказательствами.

Райм прищурился, увидев, как она входит в дом. Вместе с собой Амелия принесла омерзительный запах паленых волос, горелой резины, обожженной человеческой кожи. Некоторые инвалиды полагают, что благодаря увечью у них обостряется обоняние. Райм такого о себе с уверенностью утверждать не мог, однако омерзительный запах ощутил мгновенно.

Линкольн бросил взгляд на материалы, которые на тележке вкатили Сакс и техник. И сразу же его охватил знакомый зуд: нужно как можно скорее осмотреть их, чтобы найти ключ к разгадке. И пока Сакс и Купер раскладывали вещественные доказательства, он спросил:

— Полиция нашла то место, где Гальт вышел из туннеля?

— Нигде никаких признаков преступника. Никаких. — Сакс оглянулась по сторонам. — А где Рон?

Райм ответил, что Новичок до сих пор не вернулся.

— Я звонил, оставлял ему сообщение. Никакого ответа. Последнее, что я от него слышал, — это то, что он нашел мотив Гальта, но я не стал углубляться… Что такое, Сакс?

Он заметил, что она невидящим взглядом смотрит в окно.

— Я облажалась, Райм. Впустую потратила время на эвакуацию стройки и полностью проворонила настоящую цель преступника.

И Амелия рассказала Райму, что первым догадался о том, что реальная цель Гальта — отель, Боб Кавано. Она тяжело вздохнула.

— Если бы я лучше все продумала, то могла бы спасти человеческие жизни. — Сакс подошла к доске и сверху твердым почерком написала «Отель „Бэттери-Парк“», а ниже — имена погибших: супружеской четы, бизнесмена из Скоттсдейла, Аризона, официанта и рекламщика из Германии.

— Но их могло бы быть гораздо больше. Я слышал, ты выбила окна и помогла людям выбраться.

Амелия в ответ только пожала плечами.

Райм понимал, что в деле борьбы с преступниками сослагательного наклонения не бывает. Ты всегда делаешь все, на что способен, всегда в определенном смысле играешь в рулетку с судьбой.

Да и сам он чувствовал примерно то же, что и Сакс — злость из-за того, что они практически все успели сделать вовремя, точно предсказали район, где должен быть совершен теракт, но при этом не только не спасли ни одной человеческой жизни, но и упустили шанс захватить Гальта.

Однако криминалист был гораздо меньше расстроен, чем Амелия. Сколько бы ни было людей виновато и какова бы ни была мера их вины, Сакс всегда предъявляла к себе самые высокие требования. Он мог бы сейчас попытаться успокоить ее, заметив, что если бы не она, то, несомненно, погибших было бы гораздо больше, и теперь Гальт знает: его личность установлена и ему вряд ли удастся долго оставаться на свободе. Вполне возможно, что он прекратит свои теракты и сдастся. Но подобные слова, обращенные к Амелии, будут отдавать снисхождением,

и если кто-то начал бы говорить нечто в таком духе самому Райму, он вообще не стал бы слушать.

Ну и, кроме всего прочего, жестокая правда как раз в том и состояла, что преступник сумел ускользнуть, потому что многое в сведениях о нем они неправильно истолковали.

Сакс вернулась к раскладыванию материалов на столе.

Ее лицо было бледнее обычного. Когда дело касалось косметики, она была настоящим минималистом. И Райм видел, что нынешнее преступление оставило неизгладимый след. Случай с автобусом напугал Амелию, и что-то от того испуга еще сохранялось в ее взгляде — некая озадаченность. Но на этот раз все было другим. Перед мысленным взором Сакс все еще стояли те люди, что погибли в отеле жуткой смертью.

— Они... создавалось впечатление, что, умирая, они танцуют, — сказала она.

Амелия доставила к Райму комбинезон Гальта, шлем, сумку с инструментами, еще один кабель, идентичный тому, который Гальт использовал, чтобы вызвать вольтову дугу за день до того, и несколько сумок с другими материалами. В толстом пластиковом пакете лежала еще одна важная вещь: подсоединяя кабель к основной линии, Гальт использовал нечто иное по сравнению с тем, что он применял на подстанции на Пятьдесят седьмой улице. Он использовал анкерные болты, но между двумя проводами находилась пластиковая коробка размером с книгу в твердой обложке.

Купер просканировал коробку на предмет наличия в ней взрывчатых веществ, после чего открыл.

— Производит впечатление самодельной, но я не знаю, что это такое.

— Давайте проконсультируемся у Чарли Соммерса, — предложила Сакс.

Через пять минут они связались с изобретателем из «Алгонкин». Сакс подробно рассказала ему о теракте в отеле.

— Я не знал, что все было так ужасно, — произнес он негромко.

— Большое спасибо вам за совет относительно возможного способа нападения, — поблагодарил его Райм.

— Хотя вряд ли он вам сильно помог, — пробормотал Соммерс.

— Не могли бы взглянуть вот на эту коробку? — попросила его Сакс. — Она соединяла алгонкиновскую линию с той, которую Гальт провел в отель.

— Да, конечно.

Купер направил камеру с высоким разрешением на внутренности коробки.

— Вижу. Дайте-ка погляжу… Вернитесь к другой стороне… Интересно. Явно не коммерческого производства. Сделано вручную.

— Мы тоже пришли к такому выводу, — заметил Райм.

— Никогда ничего подобного не видел. По крайней мере в таком компактном варианте. Это распределительное устройство. Мы их используем на подстанциях и в системах электропередачи.

— Просто включает и выключает цепь?

— Да. Так же, как и настенный выключатель. Единственное отличие в том, что он легко справляется с сотнями тысяч вольт. Встроенный вентилятор, соленоид и ресивер. Пульт управления.

— Значит, он соединил провода, не пуская через них ток, а затем, находясь уже на безопасном расстоянии, нажал на выключатель. Энди Йессен говорила, что он может испробовать что-то в этом роде.

— Неужели? Гм. Интересно. Но я не думаю, что причиной в данном случае была его личная безопасность. Любому электрику известно, как безопасным способом соединить провода. Здесь есть другая причина.

Райм сразу все понял.

— Возможность выбора наиболее удобного момента времени. Он мог включить ток в тот момент, когда его удар вызвал бы наибольшее количество жертв.

— Думаю, вы правы.

— Один из рабочих, видевших его, сказал, что он следил за происходящим по своему ноутбуку, который, вероятно, был подключен к ближайшей камере слежения, — добавила Амелия. — Хотя я так и не смогла найти где.

— Может быть, именно поэтому Гальт и включил ток несколькими минутами раньше, — заметил Райм. — Он уже понял, что «Алгонкин» не

пойдет на его требования, а момент был крайне благоприятен для исполнения его замысла — жертв должно было быть очень много.

Все это произвело на Соммерса сильное впечатление.

— Он очень талантлив, — сказал изобретатель. — Все так искусно продумано. Распределительное устройство изготовлено замечательно. Переключатель кажется простым, но его гораздо сложнее сделать, чем вы думаете. В линиях высокого напряжения образуются электромагнитные поля большой мощности, и ему необходимо было защитить электронику. Он чрезвычайно умен. Что на самом деле не так уж и хорошо.

— А где он взял детали — соленоид, ресивер, вентилятор?

— В любом из сотни магазинов, торгующих электротехникой в нашем городе. Или даже двухсот… Есть на них какие-то серийные номера?

Купер внимательно все осмотрел.

— Нет, только номера модели.

— Значит, вам не повезло.

Райм и Сакс поблагодарили Соммерса и закончили разговор.

Сакс и Купер продолжили осмотр комбинезона и шлема. Никаких записок или карт, никаких указаний на возможное место укрытия или его очередной цели, что их совсем не удивило, так как Гальт намеренно оставил вещи, прекрасно понимая, что их обнаружат.

Детектив Гретхен Залофф из центра криминалистики собрала образцы отпечатков пальцев Гальта из его кабинета и образец отпечатка большого пальца из его личного дела в отделе кадров «Алгонкин». Купер сопоставил доставленные ею отпечатки с теми, что обнаружил на привезенных Амелией материалах. На них действительно были только отпечатки Гальта. Райма это разочаровало. Если бы они нашли еще какие-то, то смогли бы выйти на друзей или сообщников Гальта, или на кого-то из группы «Справедливость для…», если она вообще имела какое-то отношение к терактам.

Кроме того, Райм обратил внимание и на то, что ножовки и болтореза в сумке не оказалось, что его тоже не удивило. Сумка предназначалась для инструментов меньшего размера.

Гаечный ключ тем не менее в сумке был, и на нем имелись отметины, идентичные тем, что они обнаружили на болтах на подстанции на Пятьдесят седьмой улице.

Прибыла группа криминалистов, изучавшая случай поджога на подстанции в Гарлеме. Привезли они очень немногое. Гальт воспользовался обычным «коктейлем Молотова» — стеклянной бутылкой с бензином и тряпьем. Он бросил ее в зарешеченное, но открытое окно, горящий бензин вытек, в результате вспыхнула резиновая и пластиковая изоляция. Бутылка была из-под вина, произведена предприятием, продающим свою продукцию десяткам виноделов, которые, в свою очередь, продают их тысячам торговых организаций. Этикетка была содрана. Определить происхождение бутылки не представлялось возможным.

Бензин был произведен компанией «Бритиш петролеум», стандартного качества, а тряпьем послужила старая майка. Ничего из этого нельзя было связать с каким-то определенным местом, хотя в сумке у Гальта нашли тонкий напильник со стеклянной пылью. По всей вероятности, он подпилил им бутылку, чтобы та наверняка разбилась, влетев в окно.

На подстанции и рядом с ней камер наружного наблюдения не было.

Раздался стук в дверь.

Том пошел открывать, а через минуту в комнате появился Рон Пуласки с уликами, которые он собрал на квартире Гальта, — несколько ящиков из-под молочных бутылок, доверху наполненных материалами. Помимо пары ботинок там был еще и болторез с ножовкой.

«Ну наконец-то», — подумал Райм. Его злила любая задержка, но прибытию вещественных доказательств он очень обрадовался.

Пуласки выкладывал привезенные материалы на стол с мрачным видом, ни на кого не глядя. И тут Райм заметил, что у парня дрожат руки.

— Новичок, с тобой все в порядке?

Молодой человек, повернувшись спиной ко всем, опустил голову, оперся руками о стол и некоторое время стоял так. Затем обернулся и, глубоко вздохнув, произнес:

— Рядом с квартирой Гальта произошел несчастный случай. Я на своем автомобиле сбил человека. Ни в чем не повинного человека. Он просто шел там. Сейчас он в коме. И врачи говорят, что он может умереть.

Рон объяснил им, как это произошло.

— Я просто задумался. Слишком сильно задумался. И испугался. Боялся, что Гальт проник в мою машину и установил там ловушку.

— Он ничего подобного не смог бы сделать, — возразил Райм.

— Да теперь-то я понимаю, — ответил Пуласки. — Просто забыл, что уже включил зажигание. И снова повернул ключ, ну и... раздался шум, и... я испугался. Думаю, что нога просто соскользнула с тормоза.

— Кто был тот человек?

— Просто какой-то парень. По имени Палмер. Работает в ночную смену в компании грузовых перевозок. Он решил пройти коротким путем из магазина домой... и я его очень сильно задел.

Райм вспомнил о травме головы, которую перенес сам Пуласки. Он, конечно, будет сильно переживать, что из-за его собственной невнимательности так страшно пострадал другой человек.

— Представители отдела внутренней безопасности полиции беседовали со мной. Они говорят, что город, вероятно, предъявит иск, и попросили меня связаться с адвокатской ассоциацией по поводу адвоката. Я... — Он больше не находил слов и просто тупо повторил: — У меня нога соскользнула с тормоза. Я не помнил, что уже включил зажигание.

— Ладно, Новичок, виноват ты или нет, ясно одно: этот Палмер к делу Гальта отношения не имеет, так?

— Не имеет.

— Поэтому разбираться с ним ты будешь в нерабочее время, — решительно подвел итог Райм.

— Да, сэр, конечно. Да. Извините.

— Итак, что же ты нашел?

Рон сообщил о листах, которые ему удалось вытянуть из принтера Гальта. Райм похвалил его — прекрасная находка! — но Пуласки не обратил внимания на его похвалу. Он продолжал свой рассказ о связи рака Гальта с высоковольтными проводами.

— Значит, месть, — задумчиво произнес Райм. — Старая песня. Очень аккуратный мотив. А я такие не люблю. А ты?

Он перевел взгляд на Сакс.

— Я тоже, — ответила она вполне серьезно. — Мои любимые мотивы — жадность и похоть. Месть обычно связана с психологическими расстройствами у асоциальных типов. Но в данном случае это может быть чем-то большим, чем просто месть, Райм. Судя по его письму с требованием, он задумал настоящий крестовый поход с целью спасти человечество от зла, воплощенного в данной энергетической компании. Он настоящий фанатик. И я все еще не исключаю, что мы можем выйти на связь с террористами.

Однако, кроме мотива и нескольких улик, окончательно устанавливающих связь Гальта с преступлениями, Пуласки не нашел ничего, что помогло бы определить его нынешнее местонахождение и следующую цель. Это несколько разочаровало Райма, но совсем не удивило. Нападения были прекрасно спланированы, и Гальт был чертовски умен. С самого начала он не исключал, что его личность может быть установлена, и, конечно же, подготовил надежное укрытие.

Райм отыскал нужный номер и позвонил.

— Офис Энди Йессен, — ответил ему усталый голос.

Криминалист представился и уже через минуту разговаривал с руководительницей компании.

— Я только что беседовала с Гэри Ноблом и агентом Макдэниелом, — сказала Йессен. — Они говорят о пятерых погибших. И еще несколько человек находятся в больнице.

— Да, это так.

— Мне очень жаль. Как ужасно! Я просматривала личное дело Рэя Гальта. Его фотография лежит сейчас передо мной. Откровенно говоря, он совсем не производит впечатления человека, способного совершить такое.

«Они никогда не производят подобного впечатления...»

— Он считает, что его рак — следствие работы на высоковольтных линиях, — объяснил Райм.

— И именно поэтому он совершил преступления?

— Вероятно, да. Гальт начал крестовый поход. Он полагает, что, работая на высоковольтных линиях, человек рискует здоровьем.

Энди Йессен тяжело вздохнула.

— Нам уже предъявлено полдюжины исков такого рода. Дело в том, что высоковольтные провода создают электромагнитные поля. Изоляция и стены защищают от электрических полей, но не от магнитных. А некоторые считают, что они способны вызвать лейкемию.

Просматривая страницы, снятые с принтера Гальта и отображенные на мониторе, Райм сказал:

— Он также утверждает, что высоковольтные линии притягивают переносимые по воздуху частицы, которые способны вызвать рак легких.

— Но ничего из этого не было окончательно подтверждено исследованиями. Я готова оспорить его обвинения. И обвинения относительно лейкемии тоже.

— Однако Гальт, по-видимому, абсолютно уверен в своей правоте.

— И чего же он хочет от нас?

— Полагаю, мы узнаем ответ на ваш вопрос, когда получим от него очередное письмо с требованиями или когда он свяжется с вами каким-то другим способом.

— Я выступлю с заявлением, попрошу его добровольно сдаться полиции.

— Не помешает, — отозвался Райм, хотя в глубине души полагал, что Гальт зашел слишком далеко, чтобы просто так взять и добровольно сдаться. Они должны исходить из того, что он находится под влиянием неутоленной жажды мести.

Семьдесят пять футов кабеля и дюжина анкерных болтов. На данный момент он использовал только тридцать футов похищенного провода.

Закончив разговор, Райм заметил, что Рон беседует с кем-то по телефону, низко опустив голову. Пуласки выпрямился, встретился взглядом с начальником, поспешно и с виноватым видом закончил разговор и подошел к столу с материалами следствия. Он протянул руку к одному из привезенных предметов и замер, вспомнив, что забыл надеть латексные перчатки. Пуласки натянул пару перчаток, очистил их с помощью «собачьей» щетки, после чего взял болторез.

Сравнения отметин на болторезе и ножовке показало, что это те инструменты, с помощью которых преступник устраивал ловушку на автобусной остановке. Ботинки также были той же марки и размера.

Однако они получили только еще одно подтверждение уже известного: преступник — Рэймонд Гальт.

Затем они осмотрели письменные принадлежности, которые Пуласки привез из квартиры Гальта. Источник установить было невозможно, но бумага и чернила в шариковых ручках были те же, что использовались при написании письма с требованиями.

Но следующее открытие их не на шутку встревожило.

Купер просматривал результаты исследования на газохроматографическом спектрометре.

— Нашел следы, — сообщил он. — В двух разных местах. На шнурках ботинок и на ручке болтореза из квартиры Гальта. И еще на рукаве рабочего, на которого Гальт напал в туннеле. Джоя Барзана.

— И что? — спросил Райм.

— Производное керосина с незначительными добавками фенола и динонилнафтилсульфоновой кислоты.

— Обычное топливо для самолетов, — прокомментировал Райм. — Фенол препятствует смолообразованию, а кислота — антистатик.

— Но здесь есть кое-что еще, — продолжал Купер. — Нечто странное, разновидность природного газа. Сжиженная, но стабильная в довольно широком диапазоне температур. И... следы биотоплива.

— Проверь по базам данных топлива, Мел.

Мгновение спустя Купер сообщил:

— Нашел! Это альтернативное авиационное топливо, которое в настоящее время проходит испытания. В основном в военной авиации. Оно чище и экономичнее. Говорят, что оно открывает радужные перспективы развития в данной области.

— Альтернативная энергия, — задумчиво произнес Райм, размышляя над тем, как новый кусочек пазла может повлиять на общую картину. Но одно стало ему ясно сразу. — Сакс, позвони в Агентство национальной безопасности и в министерство обороны. А также в Федеральное авиационное агентство. Сообщи им, что наш парень, возможно, проник в хранилище топлива или на авиабазу.

Вольтова дуга сама по себе чрезвычайно опасна. А в сочетании с авиационным топливом... Трудно было даже представить себе возможные последствия.

МЕСТО ПРЕСТУПЛЕНИЯ: ОТЕЛЬ «БЭТТЕРИ-ПАРК» И ПРИЛЕГАЮЩАЯ ТЕРРИТОРИЯ

— Жертвы (погибшие): — Линда Кеплер, Оклахома-Сити, туристка. — Моррис Кеплер, Оклахома-Сити, турист. — Сэмюэль Веттер, Скоттсдейл, бизнесмен. — Али Мамруд, Нью-Йорк, официант. — Герхарт Шиллер, Франкфурт, Германия, сотрудник рекламного агентства. — Периферийное устройство управления с переключателем для включения тока. — Происхождение деталей установить невозможно. — Кабель компании «Беннингтон» и анкерные болты такие же, как и в первом теракте. — Униформа Гальта компании «Алгонкин», шлем и сумка для инструментов с его отпечатками пальцев; других отпечатков нет. — Гаечный ключ со следами, схожими со следами на болтах на месте первого преступления. — Тонкий напильник со стеклянной пылью. Вероятно, от стекла бутылки, обнаруженной на подстанции в Гарлеме. — Скорее всего действует в одиночку. — Следы с сотрудника «Алгонкин» Джоя Барзана, жертвы нападения Гальта. — Альтернативное авиатопливо. — Планируется нападение на авиабазу?

МЕСТО ПРЕСТУПЛЕНИЯ: КВАРТИРА ГАЛЬТА, 227, САФФОЛК-СТРИТ, НИЖНИЙ ИСТ-САЙД

— Шариковые ручки «Бикс» с синими чернилами, вероятно, теми, которыми написано письмо с требованиями. — Обычная белая бумага для принтера — вероятно, та, на которой было написано письмо с требованиями. — Обычный конверт размера № 10 — вероятно, куплен вместе с тем, в который было вложено письмо с требованиями. — Болторез, ножовка с отметинами, совпадающими с теми, что были обнаружены на месте первого преступления. — Компьютерные распечатки. — Статьи о медицинских исследованиях в онкологии, связывающие рак с высоковольтными линиями. — Распечатки блогов Гальта, тема та же. — Ботинки фирмы «Альбертсон-фенвик», модель Е-20 для электротехнических работ, размер 11, подошва совпадает с отпечатками на месте первого преступления. — Дополнительные следы альтернативного авиатоплива. — Возможное нападение на военную базу? — Никаких явных указаний на место его нынешнего пребывания или место следующего преступления.

МЕСТО ПРЕСТУПЛЕНИЯ: ПОДСТАНЦИЯ МХ-7 КОМПАНИИ «АЛГОНКИН»

ВОСТОЧНАЯ 119-Я УЛИЦА, ГАРЛЕМ

— «Коктейль Молотова»: 750-миллилитровая бутылка из-под вина, происхождение не установлено. — Бензин «ВР» в качестве зажигательного вещества. — Куски хлопчатобумажной ткани — возможно, майки белого цвета, — использованные в качестве запала, источник неизвестен.

ПРОФИЛЬ ПРЕСТУПНИКА

— Рэймонд Гальт, 40 лет, холост, проживает на Манхэттене, 227, Саффолк-стрит. — Связи с террористами? Связь с «Справедливостью для...»? Террористическая группа? Причастен некто по имени Рахман? Закодированные упоминания о денежных выплатах, передвижении персонала и о чем-то «значительном». — Проникновение на подстанцию в Филадельфии, возможно, связано с преступлениями. — Находки «Сигинт»: кодовые слова, означающие оружие, «бумага и оборудование» (оружие, взрывчатка?). — Возможная причастность мужчины и женщины. — Причастность Гальта не установлена. — Болен раком; присутствие винбластина и преднизона в значительных количествах, следы этопозида. Лейкемия.

43

Зазвонил основной телефон Линкольна Райма.

Взглянув на номер, отобразившийся на экране, он понял, что звонит тот, с кем он давно хотел увидеться, хотя, возможно, и не в данный момент. Тем не менее Райм сразу же нажал на кнопку «ответ».

— Кэтрин, что у тебя?

Времени на обмен любезностями не было. Но Дэнс все прекрасно понимала. Она вела себя точно так же, когда проводила расследование какого-нибудь важного дела.

— Ребята из полиции в Мехико заставили разговориться рабочего — того человека, который передал пакет Логану, когда тот проник в страну. Он действительно заглянул внутрь, как мы и предполагали. Не думаю, что нам это очень поможет, но тем не менее: там лежал темно-синий буклет, на котором было что-то написано. Точно слов он не помнит. Но, кажется, там было две буквы «С». Возможно, логотип какой-то компании. А также

лист бумаги с большой буквой «I», за которой следовали пять или шесть черточек. Как в бланке, который нужно заполнить.

— Он знает, для чего они были предназначены?

— Нет... Там был еще клочок бумаги с цифрами. Он запомнил только пятьсот семьдесят и триста семьдесят девять.

— Какой-то «Код да Винчи», — разочарованно произнес Райм.

— Именно. Мне нравятся головоломки, но не на работе.

— Да, ты права.

I _ _ _ _ _ _

Заполните пропуски.

«И пятьсот семьдесят и триста семьдесят девять...»

— Но он обнаружил там и кое-что еще. Плату. Небольшую.

— Компьютерную?

— Он не знает. Он был разочарован. Говорит, что украл бы все, что можно было бы легко продать.

— И если бы он это сделал, то был бы уже мертв.

— Думаю, он был рад оказаться в тюрьме. По той же причине... Я беседовала с Родольфо. Он хотел, чтобы ты ему перезвонил.

— Конечно, я перезвоню.

Райм поблагодарил Дэнс и закончил разговор, после чего сразу же позвонил командиру Родольфо Луне в Мехико.

— А, капитан Райм. Я только что говорил с агентом Дэнс. Тайна... Числа...

— Возможно, адрес?

— Не исключено. Но... — По интонации Луны можно было понять, что в городе с восьмимиллионным населением, чтобы найти какое-то место, нужно нечто поконкретнее нескольких чисел.

— Кстати, они могут быть связаны, а могут быть и не связаны между собой.

— Два разных значения?

— Да. А у них вообще есть какой-нибудь смысл применительно к тому месту, где его видели?

— Никакого.

— А здания? Организации, арендующие там помещения?

— Артуро Диас и его люди в данный момент беседуют с ними, объясняют им ситуацию. Люди, ведущие там законный бизнес, в полнейшем недоумении, так как не могут поверить, что им может угрожать какая-то опасность. А те, что сами нечисты на руку, удивлены не меньше, так как они вооружены получше, чем мои ребята, и полагают, что никто не осмелится на них напасть.

«Пятьсот семьдесят и триста семьдесят девять...»

Номера телефонов? Координаты? Части какого-то адреса?

— Мы отследили путь, по которому грузовик ехал из аэропорта в город. Один раз его даже задержали. Но вы, наверное, слышали о нравах нашей транспортной полиции? «Штраф» был оплачен мгновенно, и больше никаких вопросов им не задавали. Артуро сказал мне, что те полицейские — они, кстати, уже ищут новую работу — узнали вашего Часовщика. В грузовике, кроме него, был еще только водитель, и, конечно, права они у него не потребовали. В грузовике, по их словам, не было никакого оборудования или контрабанды, которые могли бы нас навести на что-то. Поэтому нам не остается ничего другого, как только следить за зданиями, за которыми, как представляется, следит и он. И надеяться...

— ...на то, что он не идет по следу своей настоящей жертвы где-нибудь за пять миль от вас.

— Именно это я и хотел сказать.

— А у вас есть какие-нибудь предположения относительно предназначения платы, переданной Логану?

— Я солдат, детектив Райм, а не хакер. И поэтому я, естественно, решил, что мы имеем дело не с деталью компьютера, а с периферийным детонатором для какой-то взрывчатки. В буклете, вероятно, содержались рекомендации по использованию.

— Да, что-то подобное пришло и мне в голову.

— Ему не имело смысла ехать с такой штукой через границу. Гораздо разумнее было заполучить ее у нас. Насколько мне известно из новостей, у вас у самого сейчас дел по горло. Какая-то террористическая группа?

— Мы пока не знаем.

— Жаль, что не могу быть вам полезен.

— Спасибо. Но вы окажете мне гораздо большую помощь, если будете внимательно следить за Часовщиком, командир.

— Хороший совет. — Райм услышал что-то среднее между рычанием и смехом. — Расследование дела идет гораздо легче, если вначале у вас уже есть парочка трупов. Страшно не люблю такие дела, в которых жертва еще жива и где-то скрывается.

Райм улыбнулся словам мексиканца и вынужден был с ним согласиться.

44

В 14:40 руководитель отдела безопасности компании «Алгонкин» Бернард Валь шел по улице в Куинсе. Он возвращался с расследования. Ему нравилось так это называть. Расследование деятельности своей компании, самого крупного поставщика электроэнергии на Востоке США, а возможно, и во всей Северной Америке.

Ему хотелось оказаться полезным. Особенно теперь, после сегодняшнего жуткого теракта в отеле «Бэттери-Парк».

С того момента когда Валь услышал, как детектив Сакс упомянула в беседе с мисс Йессен о греческой кухне, он начал разработку своей стратегии.

«Микрорасследование» — так он называл то, чем собирался теперь заняться. Валь где-то читал о чем-то подобном; возможно, видел на канале «Дискавери». Оно заключалось в поиске мелких намеков и не бросающихся в глаза связей. Забудем о геополитике и террористах. Снимем один-единственный отпечаток пальца или волос, начнем расследование с него и обязательно доведем его до поимки преступника. Но может ведь случиться и так, что ты пойдешь в неправильном направлении, но окажешься в тупике.

Итак, он занимался тем, что обходил ближайшие греческие рестораны в Астории в Куинсе. Он знал, что Гальту нравилась греческая кухня.

И вот полчаса назад ему повезло.

Официантка по имени Соня, девица в высшей степени наблюдательная, заработала двадцать долларов чаевых за то, что сообщила Валю, что на прошлой неделе у них дважды обедал мужчина в темных брюках и трикотажной рубашке с логотипом «Алгонкин консолидейтед» — в таких ходят менеджеры среднего звена. Ресторан назывался «Лени» и был знаменит своей мусакой, осьминогом на гриле и — что еще более важно — домашней тарамасалатой, которую приносили любому, кто приходил туда пообедать или поужинать, вместе с ломтем питы и лимоном.

Когда Валь показал Соне фотографию Рэймонда Гальта, она заявила, что, конечно, на все сто процентов она уверена быть не может, но мужчина на фотографии наверняка очень похож на того человека.

Кроме того, девушка сообщила, что в течение всего времени пребывания в ресторане этот человек работал на компьютере «Сони Вайо», сидел в Интернете. Она обратила внимание также и на то, что, практически не прикоснувшись ко всей остальной пище, тарамасалату он съел полностью.

Все время сидел в Интернете...

Из чего можно заключить, что, вероятно, существует способ отследить то, что искал Гальт, или того, кому он направлял электронные послания. Валь смотрел по телевизору много разных детективных шоу, да и сам получил определенную подготовку в сфере проблем безопасности. Возможно, полиции удастся узнать идентификационный номер компьютера Гальта и таким образом отыскать его.

Соня также сообщила, что он кому-то постоянно звонил по сотовому.

Интересно... Гальт ведь одинок. И он сейчас совершает свои теракты, пытаясь уничтожить как можно больше людей в качестве мести за то, что заболел раком вследствие работы на высоковольтных линиях. Кому же он звонил? Сообщнику? И зачем? Это тоже необходимо выяснить.

И теперь, торопясь вернуться в свой офис, Валь думал о том, как скорее получить ответы на все поставленные вопросы. Конечно, прежде всего нужно срочно передать всю полученную информацию полиции. Его сердце учащенно забилось при мысли, что он может оказать реальную услугу в поимке опасного преступника. Может быть, он произведет такое впечатление на детектива Сакс, что она составит ему протекцию и его возьмут на работу в нью-йоркскую полицию.

Ну ладно, не стоит предаваться пустым мечтаниям, подумал Валь. Делай то, что должен, а что будет, то будет. Нужно прежде всего позвонить

всем: детективу Сакс, Линкольну Райму и другим — агенту ФБР Макдэниелу и лейтенанту полиции Лону Селлитто.

И разумеется, необходимо связаться с мисс Йессен.

Валь ускорил шаг. Настроение у него было приподнятое, но одновременно он чувствовал и некоторое напряжение. Впереди перед ним маячили красные и серые трубы «Алгонкин консолидейтед». А перед входом в здание, как обычно, стояли протестующие. Валь на мгновение вообразил, как приятно было бы направить на них брандспойт. Или — даже лучше — электрошокер. Компания, производящая электрошокеры, выпускает специальную их разновидность, которая предназначена для усмирения толп во время беспорядков.

Валь с улыбкой представил, как они бьются в судорогах на земле, и в это мгновение какой-то человек схватил его сзади.

У Валя перехватило дыхание от неожиданности и ужаса. Он вскрикнул.

Человек приставил к его правой щеке пистолет.

— Не оборачивайся! — услышал Валь зловещий шепот.

Потом он почувствовал, что пистолет давит ему в бок. Голос приказал пройти в переулок между давно закрытой автомастерской и темным складом.

Хриплый шепот:

— Делай то, что тебе говорят, Берни, и с тобой все будет в порядке.

— Вы меня знаете?

— Я Рэй.

— Рэй Гальт?.. — Сердце Валя глухо заколотилось. Он подумал: еще мгновение — и ему станет плохо.

— Послушай. Что ты...

— Ш-ш-ш. Не останавливайся.

Они прошли по переулку еще примерно футов пятьдесят и свернули в темный угол.

— Ложись. Лицом вниз. Руки за спину.

Валь подчинился не сразу — ему пришла в голову совершенно нелепая в данных обстоятельствах мысль, что он испачкает дорогой костюм, который сегодня утром надевал с такой гордостью. «Ты всегда должен выглядеть лучше своей должности», — говорил ему отец.

Пистолет сорок пятого калибра больно надавил ему на бедро. И он, не раздумывая больше, рухнул в грязь.

— Я больше не хожу к «Лени», Берни. Ты меня за дурака держишь?

Из чего Валь понял, что Гальт в течение некоторого времени следил за ним.

А ведь он даже ничего не заметил. И какой же, к черту, из него полицейский?!

— И я не пользуюсь их выходом в Интернет. А выхожу туда через сотовый.

— Ты убил людей, Рэй. Ты...

— Они погибли не из-за меня. Они погибли из-за «Алгонкин» и Энди Йессен! Почему она меня не послушала? Почему не сделала то, о чем я просил?

— Они хотели выполнить твои условия. У них было просто недостаточно времени, чтобы отключить сеть.

— Ерунда!

— Рэй, послушай. Сдайся полиции. Все, что ты делаешь, — сущее безумие.

Горькая усмешка.

— Безумие? Ты думаешь, я сумасшедший?

— Нет, я не то хотел сказать...

— Так я тебе скажу, кто сумасшедший, Берни. Компании, которые жгут газ и нефть и уже обгадили всю планету. И которые по проводам гонят ток, убивающий наших детей. А ведь только потому, что мы жить не можем без всяких там долбаных блендеров, фенов, телевизоров и микроволновок... Ты со мной не согласен?

— Согласен, Рэй. Ты прав. Извини. Я не знал, через что тебе пришлось пройти. Я тебе очень сочувствую.

— Ты искренне говоришь, Берни? Ты на самом деле так думаешь? Или ты просто пытаешься спасти свою задницу?

Пауза.

— Понемножку того и другого, Рэй.

К удивлению Бернарда Валя, убийца расхохотался.

— По крайней мере ответ честный. Возможно, единственный честный ответ, когда-либо прозвучавший из уст сотрудника «Алгонкин».

— Послушай, Рэй, я ведь только выполняю свою работу.

Эти слова были проявлением трусости с его стороны, и он проклинал себя за то, что произнес их. Но Валь думал о жене и троих детях, о матери, живших на Лонг-Айленде.

— Я ведь лично против тебя, Берни, ничего не имею.

Валь думал, что минуты его сочтены, и изо всех сил старался не разрыдаться. Дрожащим голосом он спросил:

— Чего ты хочешь?

— Я хочу, чтобы ты мне кое-что сказал.

Код для проникновения в дом Энди Йессен? В каком гараже она оставляет свою машину? Валь не знал ни того ни другого.

Однако преступнику было нужно нечто совершенно иное.

— Я хочу знать, кто меня ищет.

— Кто и… — хриплым голосом произнес Валь. — Ну… полиция, ФБР, Агентство национальной безопасности… Практически все. Их сотни.

— Скажи мне то, чего я не знаю, Берни. Мне нужны имена. В том числе и в «Алгонкин». Я знаю, что многие сотрудники помогают им.

Валю хотелось расплакаться.

— Я не знаю, Рэй.

— Они почти сумели предупредить нападение на отель. Откуда они узнали о нем? И чуть не поймали меня там. Кто им помогает?

— Я не знаю. Они же со мной не делятся, Рэй. Я ведь всего лишь начальник охраны.

— Ты начальник отдела безопасности, Берни. Конечно, они многим с тобой делятся.

— Нет, на самом деле я…

Он почувствовал, что из его кармана вытаскивают бумажник.

О нет, только не это…

Гальт вслух прочитал домашний адрес Валя и сунул бумажник обратно.

— Какова сила тока у тебя дома, Берни? Двести ампер?

— Послушай, Рэй. Моя семья не сделала тебе ничего дурного.

— Я тоже ничего дурного никому не сделал, а заболел. Ты часть той системы, из-за которой я заболел, а твоя семья живет за счет системы… Итак, двести ампер? Маловато для дуги. Но душ, ванна, кухня… Я могу просто поиграть с короткими замыканиями, и весь твой дом превратится в один большой электрический стул, Берни… Ну давай говори.

45

Фред Дельрей шел по улице в Ист-Виллидж, мимо ряда гардений, мимо кофейни для гурманов, мимо магазина одежды.

Боже мой, неужели рубашка стоит триста двадцать пять долларов? Только рубашка, без пиджака, галстука и обуви?..

Он продолжал свой путь мимо витрин со сложными машинами для варки эспрессо; с картинами, цены на которые были явно завышены; с блестящими туфельками, которые какие-нибудь девушки потеряют по дороге из одного ночного клуба в другой.

Фред думал о том, как изменился Ист-Виллидж с тех пор, как он стал агентом.

Да, изменился…

Когда-то он был местом непрерывного карнавала, он был сумасшедшим, ослепительно ярким и оглушительно громким, он был местом, где смех переходил в безумные вопли, где любовники сплетались в страстных объятиях или печально проплывали по запруженным людьми мостовым… и так постоянно. Двадцать четыре часа в сутки. Теперь эта

часть Ист-Виллидж своим обликом и звуковым фоном напоминала очень средний телесериал...

Да, как все меняется! И дело не только в деньгах, не только в озабоченных взглядах солидных джентльменов, ныне населяющих здешние места, не только в картонных кофейных стаканчиках, заменивших фарфоровые чашки с отбитыми краями...

Нет, не они удручали Дельрея. А нечто совсем другое.

Его бесило то, что все кругом звонят по своим долбаным сотовым. Болтают, посылают сообщения и... о всемогущий Господь! — вот перед ним стоят два туриста и ищут ресторан с помощью джи-пи-эс на телефоне!

И это в долбаном Ист-Виллидже!

«Облачная зона...»

Повсюду он получал все больше доказательств того, что мир, даже здешний — мир, который он, Дельрей, когда-то мог назвать своим, — становился миром Такера Макдэниела. Когда-то Дельрей представал здесь в самых разных обличьях: бездомным бомжем, сутенером, торговцем наркотой. У него хорошо получалась роль сутенера, он любил яркие рубашки — лиловые, зеленые. И не потому, что он был как-то связан с полицией нравов, которая к ФБР не имела никакого отношения, а потому что умел сыграть свою роль с идеальной достоверностью.

Он был настоящим хамелеоном.

И в подобных местах Фред чувствовал себя в своей стихии. Что означало, кстати, и то, что люди ему доверяли, охотно шли на разговор.

Но теперь, черт побери, люди предпочитали болтать друг с другом по телефону, а не вживую. И любой из этих телефонов — в зависимости от расположения духа федерального судьи, конечно — может быть прослушан и может выдать такую информацию, на получение которой у Дельрея ушли бы, возможно, недели. И даже без прослушки из них можно получить очень существенную информацию.

Что называется, прямо из воздуха, из облаков.

Но, подумал Дельрей, возможно, он просто становится чрезмерно чувствительным — слово, которое раньше не входило в его психологический лексикон. Прямо перед собой он увидел «Кармеллу» — старое заведение, которое когда-то, вероятно, было публичным домом, а теперь оставалось здесь островком традиций. Фред вошел и уселся за

расшатанный столик, заказал обычный кофе, не без раздражения покосившись на эспрессо, капуччино и латте в меню… но ведь они всегда в нем были. Задолго до «Старбакса».

Да благословит Бог «Кармеллу».

И из десяти человек, сидевших в кафе, только двое говорили по мобильным телефонам.

Это был мир мамаши за кассовым аппаратом и ее милых сыновей в качестве официантов. И даже сейчас, в середине дня, посетители накручивали на вилки макароны в домашнем оранжевом соусе, а не ярко-красном, купленном в супермаркете. И потягивали вино из изящных бокалов. И все оживленно беседовали, сопровождая свой разговор выразительными и вполне уместными жестами.

Ему здесь было уютно. Здесь он чувствовал, что поступает правильно. И верил словам Уильяма Брента. Он получит действительно ценную информацию за добытые сомнительным путем сто тысяч долларов. Хотя бы одну нить, даже ее с него будет достаточно. Еще одно замечательное умение агента Дельрея — он был способен выткать сложнейший узор из самых ненадежных нитей, которые ему предоставляли его шпионы. Сами они, как правило, и не предполагали, насколько ценными являются их находки.

С него хватило бы одного-единственного надежного факта относительно Гальта. Или места его очередного теракта. Или что-нибудь о загадочной «Справедливости для…».

Кроме того, он прекрасно понимал, что подобный факт, подобная находка станут оправданием и для него, Дельрея, агента старой школы, который так отстал от всех этих «облачных зон».

Фред попивал свой кофе и поглядывал на часы — 15:00 ровно. Раньше никогда не случалось, чтобы Уильям Брент опаздывал, даже на шестьдесят секунд. («Нерационально» — как-то определил сам Брент опоздание или приход раньше назначенного времени.)

Прошло еще сорок пять минут без всяких признаков Брента, и мрачный Фред Дельрей еще раз просмотрел список сообщений на уже давно немом телефоне. Ничего… Он в шестой раз попытался дозвониться до Брента. И вновь услышал равнодушный механический голос, попросивший его оставить сообщение.

Дельрей прождал еще десять минут, сделал еще одну попытку достучаться до Уильяма, после чего позвонил одному знакомому,

работающему в компании мобильной связи, попросил его об услуге, и тот вскоре сообщил ему, что из телефона Брента удалена батарейка. Единственная причина подобного поступка заключалась, само собой разумеется, в необходимости скрыться от преследования.

К Фреду подошла юная пара и спросила, не уступит ли он им пустой стул за его столиком. Взгляд, которым он одарил их в ответ, настолько напугал молодых людей, что они мгновенно без единого слова удалились.

Брент сбежал.

«Ограбил меня и сбежал».

А как он был в нем уверен, как убеждал себя!

Гарантии, черт их подери…

Сто тысяч долларов… Дельрею сразу следовало бы заподозрить что-то неладное, когда Брент начал настаивать на такой громадной сумме — при том что на нем в тот момент был старенький потертый костюм и дешевые носки.

«И где же теперь решил поселиться Брент? На Карибских островах или в Южной Америке?» — подумал Дельрей.

46

— Мы получили очередное письмо с требованиями.

Мрачная физиономия Энди Йессен взирала на собравшихся с большого плоского монитора в лаборатории Райма. Ее светлые волосы производили впечатление восковых из-за избытка лака. А может быть, она просто провела ночь у себя в офисе и не смогла принять душ утром.

— Еще одно? — Райм бросил взгляд на Лона Селлитто, Купера и Сакс. Они все как будто застыли, услышав новость, в разных позах по разным углам лаборатории.

Толстый детектив швырнул на тарелку большущий кусок маффина, который только что принес Том и которым Лон собирался полакомиться.

— Еще не прошло и нескольких часов после того, как мы пережили этот ужас, а он уже собирается нанести новый удар?!

— Создается впечатление, что он зол на то, что мы проигнорировали его требование, — мрачно произнесла Йессен.

— Чего он хочет? — спросила Сакс, и одновременно с ней Райм сказал:

— Мне необходимо иметь его послание здесь. Срочно!

Йессен вначале ответила Райму:

— Я передала послание агенту Макдэниелу. Он скоро будет у вас.

— Какой срок он устанавливает?

— Шесть часов вечера.

— Сегодня?

— Да.

— Господи! — пробормотал Селлитто. — Всего каких-нибудь два часа...

— А требования? — повторила Сакс свой вопрос.

— Он хочет, чтобы мы на час прервали передачу постоянного тока другим сетям в Северной Америке, начиная с шести часов. Если мы не выполним его требование, он обещает убить еще больше людей.

— Что конкретно подразумевает его требование? — спросил Райм.

— Наша сеть — Северо-Восточное объединение энергосистем, и «Алгонкин» является крупнейшим производителем электроэнергии в ней. Если какая-то энергетическая компания в другой сети испытывает необходимость в поставках электроэнергии, мы эту энергию ей продаем. Если она расположена на расстоянии более пятисот миль от нас, мы используем передачу постоянного тока, не переменного, что просто более экономически выгодно. Обычно речь в таких случаях идет о мелких компаниях, расположенных в сельской местности.

— Но в чем же суть требования? — спросил Селлитто.

— Я даже точно не могу сказать, почему он выдвигает именно такое требование. Лично я не вижу в нем никакого смысла. Возможно, смысл — в снижении риска заболевания раком для людей, живущих рядом с линиями электропередачи. Однако, насколько мне известно, в Северной Америке рядом с такими линиями живут меньше тысячи человек.

— А почему мы так уж уверены, что Гальт всегда будет поступать рационально? — заметил Райм.

— Совершенно верно.

— Но вы могли бы выполнить его требование?

— Нет. Это невозможно. Ситуация примерно такая же, как и с сетью в Нью-Йорке, и даже хуже. Мы отрежем от электроэнергии тысячи маленьких городов и поселков по всей стране. А также военные базы и научно-исследовательские центры. В министерстве национальной безопасности считают, что выполнение данного требования было бы серьезным риском для безопасности государства. В министерстве обороны с ними согласны.

— Ну и, кроме того, я полагаю, вы теряете миллионы долларов, — добавил Райм.

Пауза...

— Да. Теряем. Мы нарушим сотни контрактов, что станет настоящей катастрофой для нашей компании. Но даже если бы мы готовы были пойти на такое отключение, то просто физически не смогли бы осуществить его за отведенное нам время. Прекратить передачу семисот тысяч вольт — это вам не на настенный выключатель нажать.

— Ладно, — сказал Райм. — Каким образом вам доставили послание?

— Гальт передал его одному нашему сотруднику.

Райм и Сакс обменялись быстрыми взглядами.

И Йессен сообщила им, что Гальт напал на начальника отдела безопасности Бернарда Валя, когда тот возвращался с обеда.

— Валь там, у вас? — спросила Сакс.

— Минутку, — ответила Йессен. — Его только что допрашивал агент ФБР... Я посмотрю.

— Чертовы фэбээровцы даже не позаботились сообщить нам о допросе, — пробурчал Селлитто. — И мы узнаем о случившемся только от нее.

Через несколько мгновений на экране появился широкоплечий Бернард Валь и уселся рядом с Энди Йессен, поблескивая своим круглым черным бритым черепом.

— Здравствуйте, — приветствовала его Сакс.

Он кивнул в ответ.

— С вами все в порядке?

— Да, детектив.

Конечно, с ним далеко не все в порядке, подумал Райм, это видно невооруженным глазом. На лице Валя застыло отсутствующее выражение. Он старался не встречаться взглядом с веб-камерой.

— Расскажите нам, что произошло.

— Я возвращался с обеда. Ко мне сзади подбежал Гальт, приставил пистолет и завел в темный переулок. После чего сунул мне в карман письмо и приказал немедленно отнести его мисс Йессен. И исчез.

— И все?

Пауза. Колебания.

— Да, все, мэм.

— Он говорил что-нибудь такое, что могло бы вывести нас на то место, где он сейчас прячется или где находится его следующая цель?

— Нет. В основном он нес всякую чушь о том, что электричество вызывает рак, что оно опасно и что никому до этого нет дела.

Райма заинтересовало еще одно.

— Мистер Валь, вы видели оружие, которым он вам угрожал? Или он просто блефовал?

Вновь пауза и вновь колебания.

— Я видел, — наконец ответил он. — «Кольт» сорок пятого калибра, девятьсот одиннадцатого года. Старая армейская модель.

— Он хватал вас? Мы могли бы найти какие-то следы на вашей одежде?

— Нет. Только приставил пистолет.

— Где это произошло?

— Где-то в переулке рядом с автомастерскими. Я точно не помню. Я был жутко ошарашен.

— И все? — спросила Сакс. — Он не задавал вам вопросов относительно ведения следствия?

— Нет, мэм, не задавал. Думаю, единственное, что ему было нужно, как можно скорее доставить письмо мисс Йессен. Гальт не мог придумать ничего лучшего, как напасть на одного из сотрудников.

У Райма больше не было вопросов к Валю. Он перевел взгляд на Селлитто, тот отрицательно покачал головой.

Они поблагодарили Валя, и тот удалился за пределы видимости камеры. Йессен подняла голову и кивнула кому-то, кто вошел в ее кабинет. Затем снова повернулась к камере.

— Мы с Гэри Ноублом встречаемся с мэром. После чего я устраиваю пресс-конференцию. Я обращусь с личным призывом к Гальту. Как вы думаете, это сработает?

Нет, Райм был почти уверен, что не сработает, но вслух сказал:

— Все, что угодно, лишь бы нам выиграть время.

После того как разговор был завершен, Селлитто спросил:

— Что Валь от нас утаил?

— Он сильно напуган. Гальту удалось его запугать... Вероятнее всего, он выдал ему какую-то информацию. Однако не думаю, что есть особые причины для беспокойства. Вряд ли Валь располагает какими-то действительно важными сведениями. Что бы он там ни разболтал, у нас нет времени на беспокойства по этому поводу.

И тут послышался звонок в дверь. Пришли Такер Макдэниел и Парнишка.

Райм был удивлен. Агенту, конечно, прекрасно известно, что сейчас начнется пресс-конференция, а он, вместо того чтобы подниматься на подиум, идет к нему. Он уступил свое место представителю министерства национальной безопасности, чтобы иметь возможность лично принести улики Линкольну.

Акции агента в глазах Райма немного повысились.

После короткого разговора о Гальте и мотивах его действий агент обратился с вопросом к Пуласки:

— И у него в квартире вы не нашли никаких упоминаний о «Справедливости для...» и о Рахмане? О каких-то террористических группах?

— Нет, ничего.

Агент выглядел разочарованным, но все-таки сказал:

— И все же это не противоречит симбиотическому конструкту.

— Чему-чему? — переспросил Райм.

— Традиционной террористической операции, при которой используется подставной человек, цели которого в целом совпадают с целями террористов. Они даже могут не любить друг друга, но объединяются благодаря общности целей. Важным аспектом такой операции является то, что профессиональная террористическая группировка полностью отделяет себя от исполнителя. И все виды коммуникации...

— В «облачной зоне»? — спросил Райм. Акции агента снова резко упали.

— Именно. Им приходится свести до минимума все контакты. Две разные программы. Они стремятся к социальной деструкции. Он желает отомстить. — Макдэниел кивнул в сторону профиля на доске. — Что говорил Паркер Кинкейд? Гальт не использует местоимений, не хочет выдать, что он действует в связке с кем-то еще.

— Экотеррористами или политико-религиозными?

— Могут быть какие угодно.

Было нелегко представить «Аль-Каиду» или «Талибан» в связке с психически нестабильным сотрудником энергетической компании, стремящимся отомстить ей за то, что из-за работы там он заболел раком. Но вот связь с экотеррористами была вполне вероятна. Им нужен кто-то, кто помог бы проникнуть в систему. Однако Райма по-настоящему могли убедить только реальные факты, каковых у агента не имелось, и потому все его предположения оставались для криминалиста только словами.

Макдэниел также сообщил, что получен ордер, позволяющий технико-коммуникационной группе просмотреть электронную переписку Гальта и его тексты в социальных сетях. Гальт отсылал множество электронных писем и оставлял массу комментариев о своем заболевании и его связи с высоковольтными линиями. Однако нигде на сотнях страниц его электронной переписки они не нашли ничего, что могло бы помочь узнать, где он скрывается и что планирует.

Райма все больше раздражали пустые рассуждения.

— Мне хотелось бы взглянуть на записку, Такер.

— Конечно. — Агент сделал жест Парнишке.

Ну пожалуйста, будь же до краев набита следами! Хоть чем-нибудь полезным.

Через две минуты они все смотрели на второе послание преступника с требованиями.

Энди Йессен, исполнительному директору «Алгонкин консолидейтед»

Вы решили проигнорировать мою предыдущую просьбу. Для меня подобное отношение неприемлемо. Вы могли бы отреагировать на мою вполне разумную просьбу о частичном отключении электроэнергии, но не сделали этого, тем самым именно ВЫ, а никто другой, повысили ставки в наших переговорах. Ваше бессердечие и алчность привели к гибели нескольких человек сегодня в полдень. Вы ДОЛЖНЫ показать людям, что они могут обойтись без того наркотика, к которому вы их приучили, что они могут вернуться к более ЧИСТОМУ и ЗДОРОВОМУ образу жизни. Они думают, что не могут обойтись без электричества, но вы должны объяснить им, что они заблуждаются. Сегодня вечером вы прекратите передачу постоянного тока высокого напряжения всем другим энергетическим компаниям Северной Америки на один час, начиная с 18:00. Данное требование обсуждению не подлежит.

Купер начал анализ письма и через десять минут сообщил:

— Ничего нового, Линкольн. Та же бумага, та же ручка. Источник неопределим. Что касается следов, то тут просто еще больше частиц авиатоплива. Вот и все.

— Черт!..

Все равно как открыть рождественским утром красивую коробку и увидеть, что она пуста.

Райм перевел взгляд на Пуласки, который почему-то забился в самый угол лаборатории. Он стоял, наклонив голову с короткими светлыми волосами, и тихо говорил по телефону. Рон явно старался, чтобы на него не обращали внимания, так как разговор, очевидно, не имел к делу Гальта никакого отношения. Скорее всего он звонил в больницу по поводу того человека, которого сбил. Или, возможно, ему удалось получить номер телефона ближайшего родственника, и он захотел выразить сочувствие.

— Ты на работе, Пуласки? — резко окликнул его Райм.

Пуласки захлопнул телефон.

— Да, конечно, я...

— Ты нам нужен здесь.

— Я здесь, Линкольн.

— Хорошо. Позвони в Федеральное авиационное агентство, в Управление надзора за обеспечением транспортной безопасности и сообщи им, что мы получили еще одно письмо с требованиями и на нем еще больше следов авиационного топлива. Пусть повысят уровень террористической угрозы в аэропортах. И позвони в министерство обороны. Возможно, планируется нападение на военный аэродром. Предположение Такера о связи Гальта с террористами вполне может оказаться верным. Готов? Сможешь вести переговоры с Пентагоном? Сумеешь произвести на них нужное впечатление, чтобы они поняли всю меру риска?

— Да, конечно.

Повернувшись к своим схемам, Райм тяжело вздохнул. Симбиотические террористические ячейки, кучеводождевые коммуникации и невидимый преступник с невидимым оружием.

А второе дело — с поимкой Часовщика в Мехико? Ничего, кроме таинственной платы, буклета и двух бессмысленных чисел.

Пятьсот семьдесят и триста семьдесят девять...

Что сразу же напомнило ему о других числах. На электронных часах напротив, которые неумолимо отсчитывали время до назначенного преступником нового срока.

ВТОРОЕ ПИСЬМО С ТРЕБОВАНИЯМИ

Передано Бернарду Валю, руководителю службы безопасности «Алгонкин». — Стал объектом нападения Гальта. — Но без физического контакта, поэтому никаких следов. — Никаких указаний на местонахождение Гальта или на цель его следующего теракта. — Бумага и паста такие же, как те, что найдены на квартире у Гальта. — На бумаге дополнительные следы альтернативного авиационного топлива. — Возможно, предполагается нападение на военную базу?

ПРОФИЛЬ ПРЕСТУПНИКА

Установлена личность: Рэймонд Гальт, 40 лет, холост, проживает на Манхэттене, 227, Саффолк-стрит. — Связь с террористами? Связан со «Справедливостью для...»? Террористическая группа? Причастен некто по имени Рахман? Закодированные упоминания о денежных выплатах, передвижении персонала и о чем-то «значительном». — Проникновение на подстанцию в Филадельфии, возможно, связано с преступлениями. — Находки «Сигинт»: кодовые слова, означающие оружие, «бумага и оборудование» (оружие, взрывчатка?). — Возможная причастность мужчины и женщины. — Причастность Гальта не установлена. — Болен раком; присутствие винбластина и преднизона в значительных количествах, следы этопозида. Лейкемия. — Гальт вооружен армейским «кольтом» сорок пятого калибра образца 1911 г.

47

В лаборатории Райма был включен телевизор.

В качестве пролога к пресс-конференции Энди Йессен, которая должна была начаться через несколько минут, телевидение передавало небольшой документальный ролик об «Алгонкин консолидейтед» и о самой Йессен. Райма заинтересовала эта женщина, и он внимательно слушал ведущую, которая рассказывала о ее карьере в бизнесе. О том, что до Энди должность исполнительного директора компании занимал ее отец. Хотя о семейственности было говорить трудно: у Йессен был диплом политехнического факультета и диплом факультета управления и организации бизнеса. И свой трудовой путь она начала простым обходчиком ЛЭП в сельской местности штата Нью-Йорк.

Всю свою жизнь она проработала в «Алгонкин». Цитировались слова Йессен о ее преданности компании и своему главному делу — превращению «Алгонкин консолидейтед» в крупнейшего производителя, поставщика и продавца электроэнергии. Райму все это было неизвестно, так как из-за произошедшего несколько лет назад сокращения вмешательства государства в экономику энергетические компании стали все активнее заниматься торговлей электроэнергией: они покупали электричество и природный газ у других компаний, а затем перепродавали. Некоторые из них даже продали свое право на производство и передачу электроэнергии, и, по сути, превратились в торговцев потребительскими товарами с реальными активами лишь в виде офисов, компьютеров и телефонов.

Поддерживаемых крупными банками.

Это было следствием, как пояснил ведущий, дела «Энрон».

Энди Йессен, как выяснилось, никогда не становилась жертвой подобного рода искушений — расточительства, алчности или самоуверенности. Сильная немногословная женщина руководила «Алгонкин» со старомодным жестким аскетизмом и всячески избегала любых излишеств. В данный момент она была разведена, детей не имела. Создавалось впечатление, что у Йессен нет другой жизни, кроме «Алгонкин». Ее единственным близким родственником был брат, Рэнделл Йессен, проживавший в Филадельфии. Он служил в Афганистане, был награжден, но после ранения, полученного от взорвавшейся у дороги бомбы, его демобилизовали.

Энди была одной из самых яростных защитниц идеи мегасети — единой энергосистемы, которая соединяла бы всю Северную Америку. По ее мнению, это был бы наиболее экономичный способ производства электроэнергии и поставки ее потребителям. (И главным поставщиком, естественно, была бы «Алгонкин», заключил Райм.)

Ее прозвищем — которое по понятным причинам никогда не использовалось в ее присутствии — было Всемогущая. Оно явно характеризовало как жесткий до жестокости стиль руководства, так и честолюбивые замыслы относительно подчиненной ей компании.

Свое, мягко говоря, сдержанное отношение к возможностям использования экологически чистых видов энергии Энди без всяких околичностей продемонстрировала в одном из интервью.

— Прежде всего я хотела бы заявить, что мы в «Алгонкин» не имеем ничего против возобновляемых источников энергии. Но, с другой стороны, я полагаю, что нам всем следует быть реалистами. Земля существовала миллиарды лет до того, как мы избавились от жабр и хвостов и начали жечь уголь и водить машины на двигателях внутреннего сгорания, и она будет прекрасно существовать еще очень долго после того, как мы уйдем в историю. Когда некоторые говорят, что хотят спасти Землю, на самом деле они имеют в виду, что хотят спасти тот стиль жизни, к которому привыкли. Мы должны признать, что нам необходимо огромное количество энергии для дальнейшего развития цивилизации, для того, чтобы мы могли кормить наших детей, давать им образование, иметь возможность пользоваться сверхсложным оборудованием для слежки за людьми, способными уничтожить наш мир и прячущимися в самых разных его уголках; наконец, для того, чтобы страны «третьего мира» присоединились к странам мира первого. И самыми лучшими источниками энергии на сегодняшний день остаются нефть, уголь, природный газ и ядерная энергия.

Отрывок из интервью закончился, и тут же появились несколько аналитиков, которые сразу поделились на две группы — сторонников и

противников Йессен. Однако бросалось в глаза, что критические нападки на нее производили почему-то более приятное впечатление и казались более политкорректными.

Но вот камера переместилась в мэрию. На помосте четверо: Йессен, мэр, шеф городской полиции и Гэри Ноубл из Агентства национальной безопасности.

Мэр сделал небольшое вступление, после чего передал микрофон Энди Йессен. Она, стараясь одновременно выглядеть непреклонно и вселять в зрителей надежду, заявила, что «Алгонкин» делает все, что в ее силах, чтобы держать ситуацию под контролем. По ее словам, приняты весьма эффективные меры предосторожности. Однако Энди не уточнила, в чем они заключаются.

К удивлению Райма и всех присутствующих в лаборатории, четверка на подиуме в мэрии приняла решение обнародовать второе письмо Гальта с требованиями. Райм предположил, что они исходили из того, что если им не удастся остановить Гальта и в результате нового теракта будут человеческие жертвы, последствия для «Алгонкин» могут стать поистине катастрофическими — как в юридическом, так и в финансовом смысле.

Репортеры сразу же ухватились за это и забросали вопросами исполнительного директора. Йессен высокомерно и холодно прервала их и пояснила, что удовлетворить требования террориста невозможно. Требуемое им сокращение в подаче электроэнергии приведет к убыткам в сотни миллионов долларов и не исключено, что станет причиной новых многочисленных человеческих жертв.

Кроме того, добавила она, это поставит под удар национальную безопасность Соединенных Штатов, так как затруднит или сделает полностью невозможным проведение многих военных и других правительственных операций.

— «Алгонкин» — один из главных гарантов безопасности нашего государства, и, как вы понимаете, мы не можем поставить ее под угрозу ни при каких обстоятельствах.

Хитро, подумал Райм. Умеет все ставить с ног на голову и при этом производить нужное впечатление.

Выступление Йессен завершилось ее личным обращением к Гальту с просьбой сдаться властям. С ним поступят по справедливости, сказала она.

— Не дайте вашей семье и другим людям стать жертвами из-за той трагедии, которая произошла с вами. Мы сделаем все, что в наших силах, чтобы облегчить ваши страдания. Но прошу вас, примите правильное решение и придите в полицию.

Йессен не стала отвечать ни на какие вопросы, и через несколько секунд после завершения речи ее высокие каблуки уже громко стучали по помосту — она уходила.

Райм обратил внимание на то, что, хотя ее личное сочувствие вполне могло быть искренним, Энди ни одним словом не признала того, что ее компания хоть в чем-то виновата и что высоковольтные линии действительно могли стать причиной заболевания Гальта или кого-то еще.

После нее слово взял начальник полиции и попытался как мог успокоить публику. В настоящее время, сказал он, полиция и агенты ФБР ведут активный поиск Гальта, а вооруженные силы готовы прийти на помощь в случае новых терактов или каких-то серьезных поломок энергосистемы.

Он закончил призывом к гражданам сообщать обо всех необычных явлениях.

Ну хотя бы что-то разумное, подумал Райм. Именно «необычное» стало главным словом для Нью-Йорка за последние два дня.

И он повернулся от телеэкрана к жалким уликам, лежащим перед ним.

48

Без четверти шесть вечера Сьюзан Стрингер заперла свой кабинет на девятом этаже старого здания в Мидтауне на Манхэттене.

Она приветствовала двух сотрудников других компаний, которые так же, как и она, направлялись к лифту. Одного из них она знала немного лучше, поскольку иногда встречала его в здании, где располагалась их организация. Ларри уходил с работы примерно в одно и то же время каждый день, однако сегодня собирался вернуться в свой кабинет, чтобы работать всю ночь.

Сьюзан, напротив, направлялась домой.

Привлекательная тридцатипятилетняя женщина работала редактором журнала, специализировавшегося на реставрации произведений искусства, главным образом восемнадцатого и девятнадцатого столетий. Иногда она писала стихи и некоторые из них публиковала. Эти

увлечения приносили более чем скромный доход, но если у нее когда-нибудь и возникали сомнения по поводу выбранной профессии, то стоило ей послушать, о чем говорил Ларри со своим коллегой, как Сьюзан мгновенно понимала, что ничем подобным — юридическими вопросами, финансированием, банковскими операциями, бухгалтерией — она никогда в жизни не смогла бы заниматься.

На мужчинах были дорогие костюмы, шикарные часы и элегантная обувь, тем не менее что-то в них было не так. Какая-то опустошенность в лицах. Нервозность. Они совсем не производили впечатления людей, которым очень нравится их работа. Знакомый Ларри жаловался ему, что босс контролирует буквально каждый его шаг. А Ларри, со своей стороны, жаловался на аудит, который чуть не до смерти задолбал его.

Постоянные стрессы и полная неудовлетворенность жизнью.

И ужасный язык, на котором они общаются…

Сьюзан была рада, что ей не приходится ни с чем подобным сталкиваться. Ее жизнь была заполнена шедеврами эпохи рококо, неоклассики и великих мастеров от Чиппендейла до Хепплуайта и Шератона.

Практичная красота — так она характеризовала их творения.

— Ты выглядишь очень усталым, — сказал, обращаясь к Ларри, его знакомый.

«В самом деле», — подумала Сьюзан.

— Да. У меня была такая трудная командировка.

— И когда ты вернулся?

— Во вторник.

— Ты был главным аудитором?

Ларри кивнул.

— У них отчетность в кошмарном состоянии. Работал по двенадцать часов в день. Единственный раз, когда я смог выйти на поле для гольфа, в воскресенье, температура зашкалила за сорок.

— Ого!

— И мне придется снова туда поехать. В понедельник. Я просто не могу понять, куда у них уходят деньги. Что-то там неладно.

— При такой жаркой погоде они, наверное, просто испаряются.

— Смешно, — пробормотал Ларри с очень серьезным видом.

Мужчины продолжили свою болтовню о финансовых декларациях и неизвестно куда исчезающих деньгах, но Сьюзан больше их не слушала. Она заметила еще одного приближавшегося к ним мужчину. На нем был рабочий комбинезон коричневого цвета, шлем и защитные очки. Он шел, опустив голову, и нес чемоданчик с инструментами и большую лейку, хотя непонятно, зачем ему нужна лейка, ведь никаких растений не было ни в коридоре, ни в ее офисе. Ее издатель вряд ли оплатил бы их покупку, и уж ни при каких обстоятельствах не стал бы нанимать специального человека для поливки.

Приехал лифт, оба бизнесмена пропустили ее вперед, и Сьюзан подумала, что по крайней мере какие-то следы рыцарского отношения к женщине сохранились и в двадцать первом веке. Рабочий зашел вместе с ними и нажал на кнопку седьмого этажа, но в отличие от Ларри и его знакомого грубо оттолкнул ее и прошел в глубь лифта.

Лифт начал движение. Мгновение спустя Ларри опустил глаза и сказал:

— Эй, мистер, повнимательнее. Вы протекаете.

Сьюзан оглянулась. Рабочий случайно наклонил лейку, и вода струйкой полилась на пол лифта из нержавеющей стали.

— Ох, извините, — почему-то злобно пробормотал мужчина. Сьюзан заметила, что весь пол залит водой.

Дверь лифта открылась, рабочий вышел, и вошел какой-то другой человек.

Знакомый Ларри громко произнес:

— Осторожнее, тот парень только что пролил здесь воду. И даже не позаботился убрать за собой.

Слышал ли его слова виновник происшествия или нет, Сьюзан не знала, но даже если и слышал, то вряд ли обратил на них внимание.

Дверь закрылась, и лифт поехал вниз.

Райм не отрываясь смотрел на часы. До следующего назначенного Гальтом срока оставалось десять минут.

В течение последнего часа с небольшим полиция и ФБР занимались поисками по всему городу, а здесь, дома у Райма, все его сотрудники в безумной спешке проводили повторный анализ имевшихся у них улик. Они ни на шаг не продвинулись в поисках Гальта или места его следующего теракта. Взгляд Райма скользнул в сторону схем с материалами дела, которые так и оставались хаотическим смешением кусочков головоломки.

Он услышал, что Макдэниелу кто-то позвонил. Агент внимательно слушал, энергично кивая головой. Затем бросил взгляд на своего юного протеже, поблагодарил звонившего и закончил разговор.

— Одна из моих технико-коммуникационных групп выявила еще кое-какую информацию относительно террористической группировки. Как мне кажется, достаточно важную. Еще одно слово в их названии. «Земля».

— «Справедливость для Земли», — произнесла вслух Сакс.

— Возможно, в нем есть какие-то еще слова. Но эти мы знаем наверняка: «справедливость», «для» и «Земля».

— Теперь по крайней мере нам ясно, что мы имеем дело с экотеррористами, — пробурчал Селлитто.

— Никаких совпадений с какими-либо базами данных? — как будто размышляя вслух, спросил Райм.

— Нет, но помните: все, о чем идет речь, находится в «облачной зоне». Однако есть и еще кое-что. Помощником Рахмана является некто по имени Джонстон.

— Англоамериканец.

И чем, интересно, подобная информация может помочь им, с раздражением спросил себя Райм. Как она может помочь им определить место следующего теракта, до которого остается всего несколько минут?

И каким, черт возьми, оружием он решил воспользоваться на этот раз? Очередной дугой? Или разомкнет цепь в каком-нибудь многолюдном месте?

Взгляд Райма то и дело возвращался к доскам с материалами следствия.

— Найди мне Дельрея, — сказал Макдэниел, обращаясь к Парнишке.

Через несколько мгновений голос агента уже звучал, усиленный громкоговорителем:

— Да… я слушаю. Кто говорит?

— Фред. Это Такер. Я здесь, у Линкольна Райма.

— Как дела, Линкольн?

— Бывали и лучше.

— Да, что-то у нас у всех началась черная полоса.

— Фред, ты слышал о его новых требованиях и о сроке, который он назначил? — спросил Макдэниел.

— Твоя помощница звонила мне и все рассказала. В том числе и о мотиве, о раке Гальта.

— Мы получили подтверждение, что скорее всего имеем дело с террористической группой. Экотеррористической.

— А как во все это вписывается Гальт?

— Симбиоз.

— Что?

— Симбиотический конструкт. То есть они работают вместе. Группа называется «Справедливость для Земли». А помощника Рахмана зовут Джонстон.

— Создается впечатление, что у них разная тактика, — усомнился Дельрей. — Как они стыкуются? В смысле — Гальт с Рахманом?

— Не знаю, Фред. Да это и не так уж важно. Возможно, они вошли с ним в контакт, прочитав его посты о раке. Он же рассылал их по всему Интернету.

— О!..

— Приближается срок, назначенный Гальтом. Твой агент нашел что-нибудь?

Пауза.

— Нет, Такер, ничего.

— Но ты же должен был с ним встречаться. По твоим же словам, в три часа.

Вновь пауза.

— Да, верно. Но у него снова не было ничего конкретного. Он хочет покопать поглубже.

— Он что, собирается до долбаного центра Земли докопать?! — злобно рявкнул Макдэниел, чем здорово удивил Райма. Линкольн не ожидал услышать от лощеного сотрудника ФБР такой грубости. — Значит, вызывай своего парня и сообщи ему информацию о «Справедливости для Земли». И о новом участнике игры, о Джонстоне.

— Хорошо.

— Фред?

— Да?

— У тебя только один агент, имеющий какой-то выход на них?

— Да.

— И он ничего не слышал? Ни одного имени? Вообще ничего?

— Боюсь, что нет.

— Ну что ж, спасибо, Фред, — рассеянно произнес Макдэниел. — Ты сделал все, что смог.

Он говорил таким тоном, словно и не ожидал услышать от Дельрея ничего существенного.

Пауза. Затем:

— Да, конечно.

Разговор закончился. На кислое выражение физиономии Макдэниела обратили внимание все сидевшие в лаборатории Райма.

— Фред — хороший парень, — сказал Селлитто.

— Да, он хороший парень, — поспешно ответил Макдэниел. Пожалуй, слишком поспешно.

Но тема Фреда Дельрея и отношения к нему Макдэниела мгновенно сделалась неактуальной, как только всем находившимся в доме у Райма, кроме Тома, с промежутком в пять секунд позвонили на сотовые.

Звонили разные люди, но новость была одна.

Хотя до назначенного им срока оставалось еще семь минут, Рэй Гальт нанес свой очередной удар. И вновь на Манхэттене погибли невинные люди.

Первым подробности из звонка узнал Селлитто. Патрульный полицейский, судя по голосу, молодой и немного растерянный, начал описывать теракт. Лифт в офисном здании в Мидтауне, в котором ехали четверо пассажиров…

— Это было… было ужасно.

Полицейский закашлялся, возможно, из-за дыма, возникшего в результате теракта. Или, может быть, таким образом он пытался скрыть свои эмоции.

Полицейский извинился и сказал, что перезвонит через несколько минут.

Но так и не перезвонил.

50

И снова тот запах.

Сможет ли она когда-нибудь избавиться от воспоминаний о нем? — подумала Амелия Сакс.

Даже если до бесконечности будет отчищать и отчищать одежду, и в конце концов выбросит ее, сможет ли она забыть его?..

Очевидно, загорелись рукав и волосы одного из оказавшихся в лифте. Само пламя было не слишком сильным, но пошел густой дым с омерзительным запахом.

Сакс и Рон Пуласки натягивали на себя комбинезоны. Она спросила одного из офицеров Службы чрезвычайных ситуаций:

— Погибшие есть?..

— Есть.

— А где тела?

— Наверху, в коридоре. Я понимаю, мы там вам все испортили, детектив, но в лифте было так много дыма, и мы просто не понимали, что происходит. Нам нужно было его очистить.

Сакс ответила, что не имеет никаких претензий. Главное, что всегда нужно сделать в первую очередь, — попытаться спасти людей. Кроме того, самым сильным «загрязнителем» места преступления является огонь. Несколько отпечатков сотрудников Службы спасения уже ничего принципиально не изменят.

— Что же произошло? — спросила она одного из сотрудников Службы спасения.

— Точно сказать трудно. Смотритель здания говорит, что кабина лифта остановилась как раз над первым этажом. Потом из нее пошел дым. И послышались крики. К тому времени, когда им удалось опустить лифт на первый этаж и открыть дверь, все уже было кончено.

Сакс при мысли о том, что произошло в лифте, невольно содрогнулась. Диски из расплавленного металла ужасны, но, страдая клаустрофобией, она не могла представить себе, что пережили те четверо, запертые в небольшом пространстве, пронизанном электричеством, да еще при том, что кого-то одного из них уже охватил огонь.

Сотрудник службы безопасности просмотрел свои заметки.

— Жертвами стали редактор журнала по искусству, адвокат и бухгалтер, работавшие на девятом этаже. А также представитель фирмы по торговле деталями для компьютеров с седьмого этажа.

Сакс всегда проявляла особый интерес к жертвам преступлений. Отчасти это помогало ей сохранять человечность и не очерстветь, что не так уж редко происходило с ее коллегами. Но в известной степени данный интерес ей привил Райм. Несмотря на то что Линкольн всегда был предан чистой науке, будучи закоренелым рационалистом, своим талантом криминалиста он во многом был обязан удивительной способности проникать в психику преступника.

Много лет назад, во время работы над самым первым их совместным делом, жутким преступлением, в котором причиной смерти людей также была система жизнеобеспечения (в том случае — пар), Райм произнес ей на ухо слова, которые всплывали у нее в памяти всякий раз, когда она

приступала к работе: «Я хочу, чтобы ты стала им». Он имел в виду преступника. «Попробуй забраться к нему в голову. Ты мыслишь так, как мыслим мы. А я хочу, чтобы ты попыталась мыслить так, как мыслит он».

Райм сказал тогда, что если криминалистике можно научить, то упомянутая эмпатия является врожденным качеством. И Сакс знала: чтобы наилучшим способом поддерживать эту связь, этот «внутренний провод» между профессиональными навыками и душевными качествами, необходимо всегда помнить о жертвах преступления.

— Готов? — спросила Амелия у Пуласки.

— Думаю, да.

— Мы начинаем осмотр, Райм, — сказала она в микрофон.

— Хорошо, но работай пока без меня, Сакс.

Эти слова испугали ее. Несмотря на его постоянные заверения в том, что он чувствует себя превосходно, она понимала, что со здоровьем у Линкольна далеко не все так хорошо. Она прекрасно понимала его состояние. Но оказалось, что у решения Райма была совсем другая, не столь тревожная причина.

— Я хочу, чтобы ты провела осмотр вместе с тем парнем из «Алгонкин».

— С Соммерсом?

— Да.

— Зачем?

— Ну во-первых, потому, что мне нравится стиль его мышления. Он очень эрудированный человек с широким взглядом на вещи. Вероятно, это у него от изобретательской жилки. Не знаю. Но кроме того… что-то не так, Сакс. Не могу объяснить, что именно, но чувствую: отсутствует какое-то очень важное звено. Гальт планировал свои преступления по меньшей мере на месяц вперед. А теперь создается впечатление, что он по каким-то причинам ускоряет реализацию своего плана — два теракта за один день. Я не могу понять, в чем дело.

— Может быть, он все ускорил потому, что мы смогли вычислить его быстрее, чем он думал, — предположила Амелия.

— Не исключено. Не знаю. Но если дело действительно в этом, значит, ему захочется убрать и нас тоже.

— Возможно.

— Поэтому мне и нужен свежий взгляд. Я уже позвонил Чарли, и он согласился помочь… Он всегда ест, когда беседует по телефону?

— Да, он любит всякую дрянь вроде чипсов.

— Ну что ж, когда станешь проводить осмотр, попробуй убедить его не есть ничего хрустящего. Как только ты будешь готова, вас соединят. И поскорее возвращайся сюда со всеми своими находками. Насколько я понимаю, Гальт прямо сейчас готовит очередное нападение.

Райм положил трубку. Амелия взглянула на Рона Пуласки, который явно был занят какими-то мрачными мыслями.

«Ты нам нужен здесь, Новичок…»

Сакс окликнула его.

— Рон, основное место преступления внизу — там он, наверное, подсоединил провода и свое устройство. — Она постучала по рации. — Я буду на связи с Чарли Соммерсом, а ты осмотри лифт. — И после паузы добавила: — И тела тоже. Скорее всего на них не осталось никаких следов. Да и потом, в таких преступлениях убийца не имеет непосредственного контакта со своими жертвами. Но осмотреть всего равно нужно. Ты сможешь это сделать?

Пуласки кивнул:

— Как скажешь, Амелия. Сделаю все, что надо.

Он старается загладить свою вину за инцидент возле дома Гальта, подумала Сакс.

— Будем приступать. И не забудь про «Викс».

— Про что?

— В наборе инструментов. «Викс вапораб». Намажь под носом. От запаха.

Через пять минут Амелия уже была на связи с Чарли Соммерсом и благодарила его за согласие помочь при осмотре места преступления, оказать «техническую поддержку» и, как он определил в присущей ему грубоватой манере, помочь Сакс «прикрыть задницу».

Амелия включила фонарь у себя на шлеме и начала спускаться по ступенькам в подвал здания, подробно описывая Чарли Соммерсу все, что видит в грязном сыром помещении под шахтой лифта. В отличие от связи с Раймом, с которым у нее был видеоконтакт, с Соммерсом она могла общаться только по аудиосвязи.

Людей уже успели вывести из здания, но Амелия помнила слова Райма о том, что Гальт может теперь начать охоту за ними. Мгновение она оглядывалась по сторонам, осветив фонарем тени, отдаленно напоминавшие человеческие фигуры.

Они оказались только тенями.

— Что-нибудь присоединено к рельсам, по которым движется лифт? — спросил Соммерс.

Амелия вновь полностью сосредоточилась на поисках.

— Нет, на рельсах ничего. Но… к стене присоединен кусок того самого кабеля. Я…

— Вначале измерьте напряжение!

— Я как раз это и собиралась сделать.

— Ага, значит, вы прирожденный электрик.

— Ну уж нет. После такого я вряд ли без страха смогу подойти к аккумулятору в собственном автомобиле. — Она поводила детектором рядом с проводом. — Ноль.

— Хорошо. А куда идет провод?

— С одной стороны он присоединен к электрической шине, которая свисает в шахту. Она находится рядом с полом кабины лифта. В том месте, где был контакт, все выгорело. Другой конец идет к толстому кабелю, который проходит до бежевой панели на стене, похожей на большую аптечку. Кабель соединен с основной линией с помощью одного из тех периферийных переключателей, смахивающих на тот, что был на предыдущем месте преступления.

— Это входящая обслуживающая линия. — Соммерс также добавил, что подобные офисные здания получают электроэнергию несколько иным способом, нежели жилые. Они принимают гораздо больший ее объем, как уличные трансформаторы — 13 800 вольт, — который затем снижается при распределении между офисами. Это сеть с работой ряда трансформаторов на одни шины. — Таким образом, когда кабина лифта

опускалась, она касалась электрической шины… Но там где-то должен быть еще один выключатель, через который энергия подается к лифту. Гальту нужно было остановить кабину до того, как она достигнет вестибюля, чтобы кто-то из жертв, находящихся внутри, нажал на кнопку аварийного вызова. И тогда рука пассажира на панели и его ноги на полу создадут замкнутый контур, в результате чего он будет убит током, так же как и любой, кто прикоснется к нему или к кому случайно прикоснется он сам.

Сакс оглянулась по сторонам и увидела еще одно устройство. И сразу же сообщила об этом Соммерсу.

Он подробно объяснил ей, как снять кабели и что искать в первую очередь. Перед тем как собрать улики, Сакс разложила номера и сфотографировала место преступления. Затем поблагодарила Соммерса за помощь и сказала, что дальше справится сама, отключила связь и начала осмотр места преступления, включая путь входа и выхода преступника, каковым, по всей вероятности, была ближайшая дверь, которая вела в переулок. На ней был хлипкий замок, который недавно взломали. Она его тоже сфотографировала.

Амелия уже собиралась подняться наверх к Пуласки, как вдруг передумала.

Четыре жертвы здесь, в лифте…

Сэм Веттер и четверо других погибших в отеле, несколько человек в больнице… Луис Мартин…

И страх, распространяющийся по всему городу, страх невидимого убийцы.

Она вспомнила слова Райма: «Ты должна стать им».

Сакс оставила собранные улики рядом с лестницей, а сама вернулась к основанию шахты лифта.

Я — это он, я Рэймонд Гальт.

Амелии трудновато было вообразить фанатика, крестоносца, так как в ее воображении подобный человеческий тип никак не согласовывался с той холодной и точной логикой, которую постоянно демонстрировал преступник. Другой на его месте попытался бы застрелить Энди Йессен или взорвать электростанцию в Куинсе. Гальт же все планировал с чрезмерной тщательностью и точностью, используя для совершения своих злодеяний весьма сложное оружие.

Что это могло значить?

Я — он...

Я — Гальт.

И тут ее мысли как будто остановились, и на поверхность всплыл ответ: «Меня не заботит мотив. Меня вообще не интересует, зачем я это делаю. Мотив не имеет значения. Главное — сосредоточиться на совершенном исполнении задуманного, так же как на хорошо выполняемой работе. Главное — причинить как можно больше вреда.

Вот центр моей вселенной.

Для меня то, чем я занимаюсь, стало наркотиком, я подсел на электрический ток, как на ЛСД...»

И тут же пришла другая мысль: все дело в точном расчете. Он должен... «Я должен таким образом подсоединить электрошину, чтобы она коснулась пола кабины лифта в тот момент, когда он приблизится к вестибюлю, но еще не достигнет его.

А это значит, что я должен внимательно изучить работу здешнего лифта с различных точек зрения, чтобы быть уверенным в том, что ни противовес, ни мотор, ни лифтовые кабели, ни какие-то другие детали и приспособления не сдвинут шину с места и никаким другим способом не нарушат мою схему.

Я должен изучить шахту со всех сторон. Должен...»

Опустившись на четвереньки, Сакс облазила грязный подвал вокруг основания шахты — со всех тех сторон, с которых Гальт мог видеть кабель, шину и контакты. И не нашла никаких следов и отпечатков, зато обнаружила несколько мест, в которых совсем недавно была взрыхлена земля, из чего сделала вывод, что он тоже лазил здесь, чтобы осмотреть свою смертоносную установку.

Амелия взяла образцы с десяти участков и разложила их в десять различных мешочков, обозначив каждый в соответствии с положением стрелки компаса: 10° к северо-западу; 7° к югу. Затем забрала все остальные улики и с трудом из-за вновь возникшей артритной боли поднялась в вестибюль.

Стоя рядом с Пуласки, Сакс заглянула внутрь кабины лифта. Он был не так сильно поврежден, как она ожидала. Несколько черных пятен там, где обуглилась обшивка... ну и, конечно, жуткий запах. Она просто не могла представить, что значит ехать в этой кабине и вдруг почувствовать,

как через твое тело проходит тринадцать тысяч вольт. Скорее всего, подумала Амелия, жертвы практически ничего не почувствовали, смерть наступила мгновенно.

Пуласки разложил номера и сделал снимки.

— Ты что-нибудь нашел?

— Нет. Я осмотрел кабину, но панель в последнее время не вскрывалась.

— Он все подключил снизу. А тела?

Выражение лица Пуласки было торжественным и мрачным, и она поняла, что для него эта задача была нелегкой. Тем не менее он довольно ровным голосом произнес:

— Никаких следов. Правда, есть и кое-что интересное. У всех троих влажные подошвы. У обуви.

— Из-за пожарных?

— Нет, к тому времени, когда туда прибыли пожарные, огонь уже погас.

Вода. Интересно. Чтобы цепь замкнулась наверняка. Но как ему удалось намочить им обувь?

— Ты сказал, три тела? — спросила Сакс.

— Да.

— Но тот парень из службы безопасности говорил о четырех жертвах.

— Да, однако погибли трое. Вот. — Он протянул ей бумагу.

— Что это? — На бумаге было имя и номер телефона.

— Выжившая. Я подумал, что ты захочешь с ней побеседовать. Ее зовут Сьюзан Стрингер. Она в больнице Сен-Винсент. Надышалась дымом, несколько ожогов. Но особой опасности для жизни нет. Примерно через час ее отпустят домой.

Сакс с сомнением покачала головой:

— Не представляю, как кто-то мог выжить. Там внутри кабины было тринадцать тысяч вольт.

— Ах да, я совсем забыл! — воскликнул Пуласки. — Она инвалид. Колясочник. Резиновые покрышки на колесах. Думаю, что они послужили хорошей изоляцией.

51

— Как у него дела? — спросил Райм у Сакс, когда та вернулась в лабораторию.

— У Рона? Немного рассеян. Но он неплохо справился с работой. Осмотрел тела. Это было для него непросто. И он нашел кое-что интересное. У всех жертв были влажные подошвы.

— Как Гальту удалось подобное?

— Не знаю.

— Как по-твоему, не слишком ли сильное потрясение пережил Рон?

— Нет, не слишком. Однако определенный шок он пережил. Он еще молодой. Такое случается.

— Молодость не может служить извинением.

— Конечно, не может. Это не извинение, а просто объяснение.

— Что для меня одно и то же, — пробормотал Райм. — Где он?

Было начало девятого вечера.

— Вернулся на квартиру к Гальту. Ему кажется, что он мог что-то пропустить.

Райм решил, что это не такая уж и плохая идея, но, с другой стороны, он был на сто процентов уверен, что Рон все самым тщательным образом осмотрел с первого раза.

— Ты за ним поглядывай, — добавил Райм. — Нельзя рисковать человеческими жизнями из-за его рассеянности.

— Само собой.

Теперь в лаборатории оставались они вдвоем и Купер. Макдэниел с Парнишкой отправились к себе, в офис ФБР, на встречу с представителями министерства национальной безопасности, а Селлитто поехал в управление полиции. Райм не знал точно, с кем предстояло встретиться детективу, но количество тех, кто желал потребовать от него

объяснений по поводу того, почему подозреваемый до сих пор не арестован, было очень велико.

Купер и Сакс раскладывали улики, которые Сакс привезла из офисного здания — места последнего теракта. После этого Купер внимательно изучил кабель и другие предметы, находившиеся у основания шахты лифта.

— Есть еще кое-что. — Сакс постаралась, чтобы ее голос прозвучал как можно равнодушнее. Но на самом деле для Райма ее интонация была исполнена важного смысла. Когда любишь кого-то — всегда в нужный момент понимаешь, что человек должен сообщить тебе что-то существенное.

Он бросил в ее сторону испытующий взгляд.

— Что?..

— У нас есть свидетельница. Женщина находилась в лифте с остальными — с теми, кто погиб.

— Она серьезно пострадала?

— Кажется, не особенно. В основном надышалась дыма.

— Тоже не очень приятно. Запах горящих волос. — Он многозначительно втянул носом воздух.

Сакс тоже поморщилась при мысли о том, что́ пришлось испытать этой женщине.

— Я сегодня очень долго принимала ванну.

— И у нее есть что рассказать нам?..

— У меня не было возможности переговорить с ней. Она приедет к нам сюда, как только ее выпустят из больницы.

— Сюда? — удивленно переспросил Райм. Дело было не только в том, что он весьма скептически относился к свидетелям, но и в том, что они из соображений безопасности старались не приглашать незнакомых людей в лабораторию. Если за преступлениями стоит какая-то террористическая организация, террористы могут попытаться заслать кого-то из своих людей в святая святых криминалистических расследований.

Сакс рассмеялась, поняв, о чем он думает.

— Я все проверила, Райм. Она абсолютно чиста. Не судима, не привлекалась, никаких проблем с полицией. В течение долгого времени работает редактором журнала по мебельному искусству. Кроме того, я подумала, что если приглашу ее сюда, то мне не придется тратить время на поездку в больницу и оттуда — то время, которое я с большей пользой смогу потратить на работу с вещественными доказательствами.

— Что-то еще?

Она явно что-то скрывала.

Сакс улыбнулась:

— Я слишком долго все объясняла?

— Угу.

— Ну ладно. Она инвалид.

— Вот как? Но все равно это не ответ.

— Она хочет встретиться с тобой, Райм. Ты же знаменитость.

Райм вздохнул.

— Ладно.

Сакс повернулась к нему и прищурилась.

— Ты не споришь?

Теперь уже рассмеялся он.

— Не в том настроении. Пусть приходит. Я сам ее допрошу. Покажу тебе, как это делается. Кратко и понятно. — Затем, повернувшись к Куперу, Райм спросил: — Что у тебя, Мел?

Не отрываясь от микроскопа, тот ответил:

— Ничего такого, что помогло бы нам его отыскать… И все-таки кое-что есть, — внезапно сообщил Купер после паузы, во время которой просматривал результаты хроматографического анализа. — Следы веществ, которые наши базы данных определяют как женьшень и заманиху.

— Китайские травы. Наверное, какой-то чай, — заключил Райм.

Несколько лет назад он расследовал преступление, связанное с ввозом нелегальных иммигрантов, и процесс расследования концентрировался вокруг Чайна-тауна. Офицер полиции из Китая, помогавший им в работе над делом, много рассказывал ему о лечении китайскими травами, полагая, что может как-то помочь Райму с его заболеванием. То, что рекомендовал китаец, Райму, естественно, не помогло, но криминалист открыл для себя еще одну область, полезную в расследовании преступлений. Он отметил для себя находку Купера, но вынужден был с ним согласиться, что вряд ли она куда-то их приведет. Было время, когда такие составы можно было отыскать только в специальных китайских магазинчиках или в местах, которые Райм именовал «вудуистскими лавками». Теперь же подобные товары продавались по всему городу в специальных аптеках.

— Возвращайся, пожалуйста, на борт, Сакс.

Пока она заполняла бланки, Райм осмотрел несколько мешочков с вещественными доказательствами. Стоявшие в ряд, все они были надписаны ею, и каждый имел обозначения, соответствовавшие направлениям стрелки компаса.

— Десять негритят, — задумчиво произнес Райм. Он был явно заинтригован. — Что это у нас тут такое?

— Я очень разозлилась, Райм. Нет, я просто была вне себя от ярости.

— Ну что ж, отлично. С моей точки зрения, гнев очищает. А что такое?

— Я злилась, потому что мы не можем его найти. Поэтому я взяла образцы с тех мест под лифтом, где он мог находиться. Мне пришлось ползать по такой грязи, Райм!

— Вот, значит, откуда пятно. — Линкольн многозначительно взглянул на ее лоб.

Амелия перехватила его взгляд.

— Я потом его смою.

Улыбка. Соблазнительная, как ему показалось.

Райм приподнял бровь.

— Ну что ж, продолжим наши поиски. Говори, что ты там нашла.

Сакс натянула перчатки и пересыпала содержимое мешочков в десять лабораторных чашек. Натянув увеличивающие очки, она начала с

помощью стерильного щупа осматривать образцы. Грязь, сигаретные окурки, обрывки бумаги, болты и гайки, что-то похожее на мышиные фекалии, волосы, клочки ткани, обертки от конфет и фастфуда, куски бетона, металла и камней. Эпидермис нью-йоркских подземелий.

Райм уже давно понял, что в ходе поиска улик на месте преступления главное — отыскать закономерность. То, что часто повторяется. Все объекты, попадающие в эту категорию, можно было в принципе не принимать во внимание. Значение имели только уникальные находки, неожиданные, неуместные. Аномалии, как называют их статистики и социологи.

Почти все из того, что нашла Сакс, повторялось в каждой чашке. И только одно попадало в категорию аномалий: крошечный металлический жгут толщиной в два карандашных грифеля, загнутый почти в круг. Хотя в чашках имелось много другого металла — винты, болты, какие-то обрезки, — ничего похожего на него больше не было.

Кроме того, жгут был практически чистый, что свидетельствовало о том, что его оставили там относительно недавно.

— Где ты его нашла, Сакс?

Амелия поднялась от стола, потянулась и взглянула на этикетку на мешочке перед чашкой.

— На расстоянии двадцати футов к юго-западу от шахты. Оттуда хорошо видны все провода и соединения, которые он сделал. Прямо под балкой.

Значит, Гальт приседал там на корточки, и металлический жгутик мог упасть у него с манжет или с одежды. Райм попросил Сакс поднять штуковину вверх, чтобы внимательнее рассмотреть. Амелия надела на Линкольна увеличительные очки, затем взяла пинцет и поднесла жгутик поближе к глазам Райма.

— А, воронение, — сразу же заключил он. — Применяется при обработке железа. Например, в оружейном деле. Металл обрабатывается едким натром и нитритом. С антикоррозийными целями. Кроме того, он становится эластичным. Вообще-то скорее всего это какая-то пружина. Мел, как обстоят дела с твоей базой данных механических деталей?

— Далеко не так хорошо, как тогда, когда ты был начальником, но кое-что есть.

Райм вошел в Интернет, тщательно впечатав пароль. Он мог бы воспользоваться устройством распознавания голоса, но знаки типа: @, %,

$, *, — которые управление полиции ввело, чтобы сделать защиту информации более надежной, было очень сложно назвать устно.

Наконец на экране появилась база данных Нью-Йоркского управления полиции, и Райм зашел в раздел «Металлические пружины».

Через десять минут просмотра различных образцов он провозгласил:

— Полагаю, что мы имеем дело с волосковой пружиной.

— И что это такое? — спросил Купер.

Райм поморщился:

— Боюсь, ничего хорошего. Если она принадлежит Гальту, то скорее всего он меняет свой подход к организации терактов.

— И каким же образом? — поинтересовалась Амелия.

— Подобные пружины используются в часовых механизмах... Держу пари, его испугало, что мы преследуем его буквально по пятам, и он собирается воспользоваться часовым механизмом вместо периферийного устройства управления, которым пользовался раньше. В момент следующего теракта он может находиться за сотни километров оттуда.

Райм передал пружину Сакс, и та положила ее в специальный мешочек.

— Гальт чрезвычайно хитер, — заметил Купер. — Но где-нибудь он обязательно поскользнется. Так всегда бывает.

Так бывает часто, но, к сожалению, не всегда, про себя поправил его Райм.

— Ого, получил очень хороший отпечаток с одного из дистанционных переключателей, — сообщил Купер.

Райм надеялся, что это будет еще чей-то отпечаток, но нет, он снова принадлежал Гальту. Теперь, когда они установили личность преступника, ему не имело смысла скрывать ее.

Зазвонил телефон. Райм прищурился, чтобы разобрать код страны, и, рассмотрев, ответил сразу же:

— Командир Луна?..

— Капитан Райм, у нас есть новости.

— Выкладывайте.

— Час назад в одном крыле того здания, на которое особое внимание обратил мистер Часовщик, имела место ложная пожарная тревога. На том этаже располагается офис компании, занимающейся выдачей займов на приобретение недвижимости в Латинской Америке. Владелец — довольно яркая личность. Несколько раз попадал в поле зрения полиции, что меня, конечно, заинтересовало. Я просмотрел информацию, имеющуюся у нас на него, и выяснилось, что ему уже несколько раз угрожали расправой.

— И кто же?

— Клиенты, сделки которых оказались гораздо менее выгодными, чем они рассчитывали. Кроме того, он занимается еще какими-то делами, о которых мне пока ничего не удалось узнать. И если я в ближайшее время о них не узнаю, это будет означать только одно — что он мошенник, а это, в свою очередь, подразумевает наличие у него большой и надежной охраны.

— Из чего можно сделать вывод: он именно та мишень, для которой нужен стрелок типа Часовщика.

— Совершенно верно.

— Однако, — сказал Райм, — вполне возможно, что реальная цель может находиться и на противоположном конце квартала от того офиса, где имела место ложная тревога.

— Думаете, тревога была отвлекающим маневром?

— Не исключено.

— Я передам Артуро. На это дело он выделил своих лучших людей.

— Вы что-нибудь еще нашли относительно содержимого посылки, которую получил Логан? Относительно буквы «I» с прочерками? Платы, буклета и чисел?

— Ничего, одни лишь предположения. А я считаю — и подозреваю: вы со мной полностью согласитесь, — что предположения всегда лишь пустая трата времени.

— Абсолютно с вами согласен, командир.

Райм поблагодарил Луну, и они распрощались. Линкольн взглянул на часы. Было десять вечера. Прошло тридцать пять часов со времени

нападения на подстанцию. Райм был в смятении: с одной стороны, он ощущал сильнейшее давление необходимости продвигаться вперед в расследовании дела, которое практически застопорилось; с другой же — чувствовал сильнейшую усталость. Раньше он никогда не испытывал подобной усталости. Ему нужно было хорошенько выспаться. Однако Линкольну не хотелось никому признаваться в этом, даже Сакс. Он задумчиво всматривался в телефонный аппарат, размышляя над тем, что сообщил ему мексиканский полицейский, как вдруг почувствовал у себя на лбу капельку пота, что его разозлило. Райму захотелось стереть ее до того, как кто-то заметит проявление слабости с его стороны, но такой роскоши он давно уже не мог себе позволить. Тогда Линкольн стал раскачивать голову из стороны в сторону и таким образом смахнул каплю со лба. Но это движение привлекло внимание Сакс. Он почувствовал, что она собирается спросить его о самочувствии. А ему очень не хотелось говорить о своем состоянии, так как пришлось бы либо признать, что состояние у него далеко не идеальное, либо солгать. Линкольн резко развернул кресло к доске со схемами и сделал вид, что внимательно их изучает, но в тот момент даже не мог разобрать слов.

Сакс уже было направилась к Райму, как вдруг раздался звонок в дверь. Мгновение спустя у входа в лабораторию послышался какой-то шум, и Том вошел в комнату вместе с гостьей. Криминалист без труда понял, кто перед ним. Посетительница въехала в лабораторию в инвалидной коляске той же фирмы, услугами которой пользовался и сам Райм.

52

У Сьюзан Стрингер было миловидное лицо сердечком и певучий голосок. Два слова мгновенно напрашивались для ее характеристики: милая и очаровательная.

Тем не менее у нее были быстрые и проницательные глаза, губы постоянно напряжены, даже когда она улыбалась, что свидетельствовало о нелегкой жизни человека, вынужденного постоянно прокладывать себе путь по улицам Нью-Йорка, пользуясь только силой своих рук.

— Таунхаус в Верхнем Вест-Сайде, в который можно попасть практически без труда. Большая редкость!

В ответ Райм только улыбнулся. Во всех ситуациях он сохранял сдержанность. Криминалист много работал, и его работа крайне редко подразумевала общение со свидетелями. Замечания Линкольна, обращенные к Сакс по поводу допроса Сьюзан Стрингер, были, конечно же, только шуткой.

Так или иначе, женщина едва не стала одной из жертв Рэя Гальта — и могла бы погибнуть самым жутким образом, — поэтому, несомненно, ей было что рассказать Райму. А если она к тому же хотела посмотреть на него как на живую знаменитость… ну что ж, он это как-нибудь вытерпит.

Она понимающе кивнула Тому, как бы демонстрируя свое осознание важности — и сложности — обязанностей человека, занимающегося уходом за инвалидом. Он спросил, нужна ли ей его помощь, женщина ответила отрицательно.

— К сожалению, я приехала к вам совсем ненадолго. Уже поздно, и я не очень хорошо себя чувствую.

У Сьюзан действительно был изможденный вид: она, вероятно, не могла забыть о случившемся в лифте. Женщина подъехала ближе к Райму. Сьюзан прекрасно владела руками, так как была лишь частично парализована — скорее всего в результате какой-то травмы в грудной области или в средней или верхней части позвоночника.

— У вас нет ожогов? — спросил Райм.

— К счастью, нет. Я даже не испытала сколько-нибудь сильного шока. Единственной проблемой был дым от… от тех мужчин, что были со мной в лифте. Один из них загорелся.

Последние слова она произнесла шепотом.

— И что же произошло? — спросила Сакс.

В ответ — взгляд человека, привыкшего терпеливо сносить все жизненные невзгоды.

— Мы были уже почти на первом этаже, когда лифт вдруг остановился. Все освещение, кроме аварийной лампы, погасло. Один из бизнесменов, стоявший у меня за спиной, протянул руку к кнопке вызова. Как только он ее коснулся, то сразу же застонал и стал приплясывать на месте.

Сьюзан откашлялась.

— Это было ужасно. Он не мог оторвать руку от панели. Его знакомый схватил его или просто коснулся. И началась цепная реакция. Их жутко затрясло. И один из них вспыхнул. Волосы… дым, запах. — Сьюзан перешла на шепот. — Ужасно. Просто ужасно. Они умирали, умирали прямо рядом со мной. Я кричала. Но сразу поняла, что случилось что-то с электричеством, и потому не касалась ни металлического обода кресла, ни металлической двери. Я просто продолжала сидеть в том кошмаре.

Женщина содрогнулась, после чего повторила:

— Я просто продолжала сидеть в том кошмаре. Затем лифт проехал еще несколько остававшихся футов, дверь открылась. Вестибюль был заполнен людьми, они вытащили меня из лифта… Я пыталась предупредить их, чтобы они ни к чему не прикасались, но электричество к тому моменту было уже выключено. — Она закашлялась и после паузы спросила: — Кто такой этот Рэй Гальт?

— Человек, который считает, что заболел раком из-за работы с электрическими сетями. И теперь мстит, — ответил Райм. — У него могут быть связи с экотеррористами. Возможно, его наняла какая-то группировка, которая пытается бороться с традиционными энергетическими компаниями. Мы пока еще ничего точно не знаем.

— И он убивает ни в чем не повинных людей, только чтобы доказать свою правоту? — воскликнула Сьюзан. — Какой лицемер!

— Он фанатик, — возразила Сакс, — поэтому не воспринимает свое поведение как лицемерное. Для него все, к чему он стремится, хорошо, а все, что мешает, плохо. Очень простая логика.

Райм бросил многозначительный взгляд на Амелию, и та его сразу поняла.

— Вы говорили, у вас есть какие-то сведения, которые могут быть нам полезны?..

— Да. Думаю, я его видела.

Несмотря на свою давнюю склонность не доверять свидетелям, Райм с нескрываемым энтузиазмом в голосе произнес:

— Рассказывайте. Это чрезвычайно интересно.

— Он зашел в лифт на моем этаже.

— Вы уверены, что это был он? Почему?

— Потому что он разлил воду. Поначалу создалось впечатление, что он пролил ее случайно, но теперь я понимаю, что это было сделано намеренно. Чтобы наверняка замкнуло.

— Ах вот в чем дело! — воскликнула Сакс. — Вода, которую Рон нашел у них на подошвах. Вот откуда она!

— Он был одет как человек из обслуживающего персонала, а в руках держал лейку. На нем был коричневый комбинезон. Довольно грязный, что показалось мне странным. Кроме того, в нашем здании в холлах нет растений, нет их и у меня в офисе.

— Наши люди еще там? — спросил Райм, обращаясь к Сакс.

— Наверное, только пожарные. Полиция, видимо, уже ушла.

— Пусть свяжутся с управляющим зданием. Если необходимо, пусть его разбудят и узнают, есть ли у них кто-то, кто занимается уходом за растениями, а также проверят записи на видеокамерах.

Через несколько минут они получили ответ: ни в здании, ни в одной из компаний, размещающихся на девятом этаже, нет никакого специального сотрудника, который занимался бы поливкой растений. И, как сообщил один из работников пожарной охраны, видеокамеры имеются только в вестибюле, но в них широкоугольные линзы, которые способны продемонстрировать вам «только группу людей, входящих в здание, и группу людей, из него выходящих; на них невозможно разобрать ни одного лица».

Райм вывел на большой экран фотографию Гальта.

— Это он?

— Возможно. Он на нас не смотрел, и я на него тоже. — Многозначительный взгляд в сторону Райма. — Его лицо было вне поля моего зрения.

— Вы что-нибудь еще о нем помните?

— По пути к лифту он постоянно поглядывал на часы.

— Сверялся со временем, указанном в ультиматуме, — предположила Сакс. — Хотя и на этот раз совершил все раньше.

— Всего на несколько минут, — заметил Райм. — Возможно, Гальта беспокоило, что кто-то в здании может его узнать. Он хотел поскорее закончить и уйти. Кроме того, преступник, вероятно, следил за передачей электроэнергии компанией «Алгонкин» и прекрасно понимал, что там не собираются идти ему на уступки.

— На нем были перчатки, — продолжала Сьюзан. — Желто-коричневого цвета. Кожаные… Я их хорошо разглядела, потому что они были на уровне глаз моих. Они еще потому мне запомнились, что я подумала: у него, должно быть, сильно потеют руки. В лифте было очень жарко.

— А на униформе было что-нибудь написано?

— Нет, ничего.

— Что-то еще вспомните?

Сьюзан пожала плечами:

— Не знаю, имеет ли это какое-то значение, но он был груб.

— Груб?

— Входя в лифт, он оттолкнул меня. И даже не извинился.

— Он на самом деле коснулся вас?

— Не меня. — Она кивнула на кресло. — Моего кресла. Даже ухватился за него.

— Мел!..

Эксперт повернулся к ним.

— Сьюзан, — начал Райм. — Вы не возражаете, если мы осмотрим ту часть вашего кресла, к которой прикасался преступник?

— Пожалуйста!

Купер с помощью увеличительного стекла внимательно осмотрел то место, которое она указала. Райм не мог разглядеть, что нашел Мел, но тот поднял вверх нечто, что обнаружил на болтах, закреплявших верхнюю часть кресла.

— Что это?

— Волокна. Одно темно-зеленое, второе — коричневое. — Купер положил их под микроскоп, а затем сверил с компьютерной базой данных таких же волокон. — Хлопок, очень прочный. Возможно, военный, из комплекта запасного обмундирования.

— Для теста достаточно?

— Вполне.

Купер вместе с Амелией пропустили часть найденных волокон через спектрометр.

Наконец, к величайшей радости Райма, который с нетерпением ждал завершения анализа, Сакс провозгласила:

— Есть результаты!

Из принтера выползла распечатка, и Купер внимательно просмотрел ее.

— На зеленом волокне снова то же авиационное топливо. Но и кое-что еще. На коричневом волокне топливо дизельное. И снова китайские травы.

— Дизельное, говоришь, — задумчиво произнес Райм. — Возможно, все-таки не аэропорт. Может быть, его следующая цель — какое-нибудь нефтеперегонное предприятие.

— Вот это будет цель так цель, Линкольн, — отозвался Купер.

Да уж…

— Сакс, позвони Гэри Нобелю и скажи, пусть усилит охрану портов. И особенно нефтеперегонных предприятий и танкеров.

Амелия взяла телефон.

— Мел, добавь полученные нами сведения в схемы.

МЕСТО ПРЕСТУПЛЕНИЯ: ОФИСНОЕ ЗДАНИЕ

54-Я ЗАПАДНАЯ УЛИЦА, 235

Жертвы (погибшие): Ларри Фишбейн, житель Нью-Йорка, бухгалтер. — Роберт Бодин, житель Нью-Йорка, поверенный. — Франклин Такер из Парамуса, Нью-Джерси, торговец. — Один отпечаток Рэймонда Гальта. — Кабель фирмы «Беннингтон», анкерные болты, такие же, как и в предыдущих случаях. — Два дистанционных релейных переключателя, сделанных вручную: один для включения тока в лифте, другой для замыкания цепи и электризации кабины лифта. — Болты и более мелкие провода, соединяющие панель с лифтом, источник неопределим. — Вода на обуви у жертв. — Следы: китайские травы, женьшень и заманиха. — Волосковая пружинка (планирует вместо дистанционного устройства в дальнейшем использовать таймер?). — Волокно от темно-зеленого хлопчатобумажного армейского обмундирования. — Содержит следы альтернативного авиационного топлива. — Планируется нападение на военную базу? — Волокно от коричневого хлопчатобумажного армейского обмундирования. — Содержит следы дизельного топлива. — Содержит следы китайских трав.

ПРОФИЛЬ ПРЕСТУПНИКА

Установлена личность: Рэймонд Гальт, 40 лет, холост, проживает на Манхэттене, 227, Саффолк-стрит. — Связь с террористами? Связан со «Справедливостью для Земли»? Возможно, экотеррористическая группировка. Ни в каких базах данных в США или международных не зарегистрирована. Новая? Подпольная? Причастен некто по имени Рахман. А также некий Джонстон. Закодированные упоминания о денежных выплатах, передвижении персонала и о чем-то «значительном». — Проникновение на подстанцию в Филадельфии, возможно, связано с преступлениями. — Находки «Сигинт»: кодовые слова, означающие оружие, «бумага и оборудование» (оружие, взрывчатка?). — Возможная причастность мужчины и женщины. — Причастность Гальта не установлена. — Болен раком; присутствие винбластина и преднизона в значительных количествах, следы этопозида. Лейкемия. — Гальт вооружен армейским «кольтом» сорок пятого калибра образца 1911 г. — Переодевается в темно-коричневую униформу работника по обслуживанию здания. Может носить и темно-зеленую одежду. — Носит желто-коричневые кожаные перчатки.

Купер раскладывал улики и отмечал их специальными карточками. Тем временем Сакс звонила по телефону в Агентство национальной безопасности по поводу усиления охраны в портах Нью-Йорка и Нью-Джерси.

На Райма и Сьюзан Стрингер никто не обращал внимания. Глядя на схему, Линкольн чувствовал, что гостья пристально его рассматривает. Это было ему неприятно. Он повернулся к ней, стараясь придумать что-нибудь, чтобы заставить ее поскорее уйти. Она пришла, помогла им с расследованием, полюбовалась на знаменитость-инвалида. Пора и честь знать.

— У вас «Си-4», не так ли? — вдруг спросила женщина.

Ее слова означали, что у него поражен четвертый шейный позвонок.

— Да, хотя я могу немного двигать руками. Но ничего не чувствую.

В техническом смысле слова у него была «полная» травма, подразумевающая, что он полностью утратил чувствительность ниже места повреждения (при «неполной» травме больные сохраняют значительную степень подвижности). Однако человеческое тело — довольно сложное и порой непредсказуемое устройство, и иногда некоторым электрическим импульсам удается пробиться сквозь

возникшие барьеры. Система электропередачи пусть плохая и ненадежная, но в небольшой мере все-таки функционирующая.

— Вы в неплохой форме, — заметила Сьюзан. — Я имею в виду мускулатуру.

Вновь переведя взгляд на доски, Райм рассеянно произнес:

— Я каждый день выполняю комплекс упражнений, а также прохожу специальную функциональную электростимуляцию для поддержания тонуса.

Линкольну нравились упомянутые им упражнения. Он пояснил, что занимается на бегущей дорожке и на стационарном велосипеде. В отличие от здоровых людей не он двигал спортивные приспособления, а они его, однако даже при этом условии они позволяли ему наращивать мышечную массу и помогали восстанавливать подвижность в правой руке, а ведь после травмы у Райма действовал только безымянный палец на левой руке.

В настоящее время в каком-то смысле он был даже в лучшей форме, чем до травмы.

Линкольн все пересказал Сьюзан и по ее лицу видел, что она его поняла. Женщина наклонилась вперед.

— Я бы могла попробовать посоревноваться с вами в армрестлинге, но...

Райм расхохотался.

И вдруг ее лицо приобрело мрачное и торжественное выражение. Сьюзан оглянулась по сторонам, чтобы убедиться, не слышит ли их кто-то еще. Удостоверившись, что все заняты своими делами, она вновь повернулась к Линкольну и почти шепотом проговорила:

— Линкольн, вы верите в судьбу?

53

В мире инвалидов существует своеобразное товарищество.

Некоторых больных связывает братское чувство по принципу «мы против них». Только попробуйте тронуть нас!.. У других преобладает более сентиментальное отношение: эй, тебе нужно поплакаться на чьем-то плече, я с удовольствием тебе его подставлю. Мы ведь должны держаться вместе.

Но у Линкольна Райма на подобное просто не имелось времени. Он был криминалистом, у которого в силу обстоятельств тело функционировало не совсем так, как ему бы хотелось. Как, к примеру, Амелия Сакс — женщина-полицейский, страдающая сильным артритом и при этом обожающая скоростные автомобили и оружие.

Райм старался как можно меньше думать о своей инвалидности. Среди инвалидов бывают приятные люди и блестящие острословы, а бывают ведь и откровенные сволочи. Линкольн судил о каждом из них индивидуально, как, впрочем, и обо всех остальных.

Сьюзан Стрингер он считал очень милой и приятной женщиной, с уважением относился к ее мужеству и решимости прийти сюда к нему — ведь она просто могла бы остаться дома залечивать свои раны, прокручивая в голове пережитое. Но между ними не было ничего общего, кроме травмы позвоночника. И мыслями Райм уже вернулся к делу Гальта. Он подозревал, что Сьюзан будет глубоко разочарована тем, что у знаменитого калеки-криминалиста не нашлось для нее времени.

И уж меньше всего от него можно было ожидать долгих разговоров о судьбе.

— Нет, — ответил он. — Скорее всего нет — в том смысле, который вы в это слово вкладываете.

— Я имею в виду то, что события, которые производят впечатление простого совпадения, на самом деле должны были случиться.

— В таком случае определенно не верю, — еще раз подтвердил свою точку зрения Райм.

Сьюзан улыбнулась.

— Я предвидела ваш ответ. Но, к счастью для таких людей, как вы, есть такие люди, как я, которые верят в судьбу. Я уверена, что между тем, что я в тот момент оказалась в лифте, и моим приездом к вам сюда есть определенная связь. — Женщина рассмеялась. — Не бойтесь. Я не какой-нибудь фанатик. — Она перешла на шепот: — Мне не нужны деньги или… ваше мужское внимание. У меня прекрасный муж, и я вижу, что вы с детективом Сакс также составляете замечательную супружескую пару. Дело совсем в другом. Дело только в вас.

Райм был уже готов… он не знал, что он готов был сделать. Линкольн просто хотел, чтобы она поскорее ушла, но не знал, как этого добиться. Поэтому он осторожно приподнял бровь, стараясь выглядеть возможно более равнодушным.

— Вы когда-нибудь слышали о Пембрукском спинномозговом центре в Лексингтоне?

— Думаю, что да, хотя не уверен.

Райм постоянно получал разную информацию о возможностях реабилитации при поражении спинного мозга, новых препаратах и способах лечения, но он уже давно прекратил обращать какое-либо внимание на этот поток информации. Из-за всепоглощающей работы над расследованием самых разных дел, в которых не было недостатка у нью-йоркской полиции, у Райма оставалось очень немного времени для знакомства с какими-либо посторонними материалами, не говоря уж о поездках по стране в поисках новых методов лечения.

— Я прошла там несколько программ лечения, — сообщила Сьюзан. — И несколько человек из моей группы поддержки людей с повреждениями спинного мозга тоже.

Группа поддержки людей с ПСМ… У Райма сжалось сердце. Он знал, что должно за этим последовать.

Но женщина снова его опередила.

— Я не прошу вас присоединиться к нам, не бойтесь. Вы не производите впечатления человека, из которого может получиться хороший член какого-либо сообщества.

В глазах у нее сверкнули ироничные искорки.

— Вы правы.

— Единственное, что мне сегодня надо от вас, — чтобы вы меня выслушали.

— Я готов.

— Пембрукский центр находится на переднем крае лечения заболеваний спинного мозга. Они уже способны на очень многое. В последнее время появилось большое количество многообещающих методов лечения людей с тяжелыми травмами. Главная проблема заключалась в деньгах. Даже при том что названные травмы были, как правило, крайне тяжелыми, а с их последствиями больной вынужден был жить весь остаток жизни, по сравнению с другими болезнями серьезные заболевания спинного мозга встречались относительно редко. А это приводило к тому, что государственное и частное финансирование направлялось на лечение других, более часто возникающих недугов. В результате большинство перспективных методов лечения, которые

могли бы оказать существенную помощь пациентам, в США рассматривались как экспериментальные и не получали одобрения со стороны официальной медицины.

Некоторые результаты были просто поразительны. В исследовательских лабораториях у крыс со сломанным позвоночником восстанавливалась способность к передвижению.

Главный способ сведения к минимуму последствий повреждения позвоночника состоит в возможно более раннем лечении пораженной области сразу же после получения травмы. Лечение заключается прежде всего в применении медикаментов, препятствующих опуханию пораженной области и дальнейшей гибели нервных волокон. Однако отрезок времени, после которого названная терапия теряет свою эффективность, весьма невелик. Обычно он длится всего несколько часов — в лучшем случае дней — после травмы.

У Райма, так же как и у Сьюзан Стрингер, со времени повреждения позвоночника прошло уже довольно много времени, поэтому они могли рассчитывать только на новые методики восстановления. Но здесь пациенты сталкивались с довольно сложной проблемой: нервные клетки, находящиеся в головном и спинном мозге, не способны восстанавливаться с той скоростью, с какой восстанавливаются клетки кожи после пореза.

И вот врачам и исследователям, работающим в подобных центрах, приходится вести буквально повседневную борьбу, и Пембрукский центр находился в авангарде этой борьбы. Сьюзан рассказала о довольно впечатляющем наборе методик, который в данный момент предлагает центр. Они работали со стволовыми клетками, производя перенос нагрузки с пораженных участков — то есть используя периферийные нервы (нервы, находящиеся за пределами позвоночника и способные к регенерации) — и обрабатывая пораженную область медикаментами и другими веществами, способствующими восстановлению клеток. Они даже нашли способ создавать неклеточные «мосты» вокруг места травмы для передачи нервных импульсов от мозга к мышцам.

В центре имелся также большой отдел протезирования.

— Я стала свидетелем поразительной вещи, — сказала Сьюзан. — На видео мне продемонстрировали женщину с параличом нижних конечностей, которой имплантировали мини-устройство с программным управлением и несколько проводков. После этого она смогла почти нормально передвигаться.

Райм смотрел на кусок кабеля, которым Гальт воспользовался в ходе своего первого теракта.

Провода…

Сьюзан продолжала описывать что-то под названием «система свободных рук», которая подразумевала имплантацию электродов в руки. С помощью пожатия плеч или движения шеи вы могли вызвать скоординированные движения рук. При наличии такой аппаратуры, по ее словам, некоторые полностью парализованные люди получали возможность самостоятельно питаться.

— И никакого идиотского шарлатанства, когда врачи наживаются на человеческой трагедии.

И Сьюзан с возмущением привела пример с китайским врачом, который брал по двадцать тысяч долларов за то, что просверливал больным отверстия в черепе и позвоночнике, а затем имплантировал им ткани, взятые от человеческих эмбрионов. Результата, конечно, при этом не было никакого за исключением опасности для жизни пациента, дополнительных травм и угрозы разорения.

В Пембрукском центре, по словам Сьюзан, работают выпускники лучших медицинских вузов всего мира. И обещания их пациентам были вполне реалистичны, ничего фантастического. Полностью парализованному человеку, подобному Райму, они не могли вернуть способность двигаться, но с их помощью он мог улучшить функцию дыхательной системы, вернуть подвижность нескольким пальцам и, что самое главное, восстановить контроль над кишечником и мочевым пузырем. Это снизит риск приступов дисрефлексии, сильных скачков артериального давления, которые в конечном итоге могли привести к инсульту, каковой, в свою очередь, способен сделать его еще более глубоким инвалидом или просто свести в могилу.

— Мне они очень помогли. Думаю, что через несколько лет смогу снова самостоятельно передвигаться.

Райм кивал. Ему нечего было сказать.

— Я не работаю на них. Я не защитник прав инвалидов. Я обычный редактор журнала с парализованными нижними конечностями.

На лице Райма появилась едва заметная улыбка, а Сьюзан продолжила:

— Но когда детектив Сакс сообщила мне, что работает с вами, я тут же поняла: это судьба. Судьба призвала меня обратить ваше внимание на Пембрукский центр. Они смогут вам помочь.

— Я… я вам очень благодарен.

— Я читала о вас. И знаю, как много вы сделали для нашего города. Может быть, настало время сделать что-то для самого себя.

— Знаете, это довольно сложно. — Райм и сам не совсем понимал, что имеет в виду и почему именно так отреагировал на ее предложение.

— Я вас понимаю: вы беспокоитесь по поводу риска, что вполне объяснимо.

Она была права: хирургическое вмешательство для него, как для человека, полностью парализованного, было гораздо опаснее, чем для нее. Для Райма риск серьезных скачков давления, респираторных и инфекционных осложнений был намного выше. Вопрос заключался в том, что́ он действительно мог получить в результате. Стоил ли возможный результат хирургических рисков? Несколько лет назад Линкольн почти уже решился на операцию, но расследование очередного срочного дела отвлекло его, и Райм отложил перспективу любого оперативного вмешательства на неопределенный срок.

И вот теперь Линкольн подумал: а живет ли он той жизнью, какой хотел бы жить? Конечно, нет. Но Райм был вполне удовлетворен ею. Он любит Сакс, и она любит его. Он живет ради своей работы. И зачем все это ставить на карту ради почти недостижимой мечты?

Обычно Райм не склонен был делиться личной информацией с посторонними людьми, но в данном случае он нарушил правило и пересказал Сьюзан Стрингер свои соображения. Она его поняла.

Затем криминалист удивил самого себя, добавив нечто такое, чего он вообще никому не говорил:

— Вообще-то я как личность свожусь к уму. Именно в своем уме я и существую. И иногда прихожу к выводу, что и стал я криминалистом такого уровня не в последнюю очередь именно по этой причине. Меня ничто не отвлекает от главного дела моей жизни. Как ни странно прозвучит, но моя сила заключена в моем бессилии. И если бы у меня была возможность измениться, стать, как говорится, нормальным человеком, как бы подобная перемена подействовала на мои способности профессионала-криминалиста? Не знаю. Но откровенно признаюсь: мне не хотелось бы рисковать.

Сьюзан задумалась.

— Интересный подход. Однако не является ли ваш довод всего лишь уловкой и самооправданием, чтобы избежать риска? Своеобразной подпоркой для ваших опасений?

Райм оценил ее логику. Ему всегда нравилась прямота в общении. Он кивнул на свое инвалидное кресло.

— Знаете, умение пользоваться подпорками в моем положении было бы уже большим прогрессом.

Сьюзан рассмеялась.

— Спасибо за то, что поделились своими соображениями, — добавил Линкольн, чувствуя, что должен что-то сказать, а женщина одарила его еще одним пристальным и проницательным взглядом. Теперь этот взгляд не вызвал у Райма раздражения, хотя ему и было немного не по себе от него.

Затем она повернулась в кресле и произнесла:

— Миссия выполнена.

Райм нахмурился.

— Я помогла вам отыскать два волокна, которые без меня вы вряд ли смогли бы найти, — заметила Сьюзан и улыбнулась. — К сожалению, всего только два. — И, вновь повернувшись к Райму, добавила: — Но иногда все меняет нечто на первый взгляд абсолютно незначительное. Мне пора.

Сакс поблагодарила Сьюзан, и Том проводил ее к выходу.

После ухода Сьюзан Райм спросил:

— Это все было подстроено?

— В определенном смысле да, — ответила Сакс. — В любом случае нам нужно было ее допросить. И когда я позвонила ей, чтобы условиться о встрече, мы разговорились. Когда Сьюзан узнала, что я работаю со знаменитым Раймом, то захотела порекламировать свой способ лечения. И я пообещала ей встречу с тобой.

Линкольн улыбнулся.

Амелия присела рядом с ним на корточки и шепотом — так, чтобы не слышал Мел Купер — произнесла:

— Я не хочу, чтобы ты менялся, Райм. Я просто хочу, чтобы ты хорошо себя чувствовал. Больше мне ничего не надо. И я приму любой твой выбор.

Какое-то мгновение Райм пытался вспомнить название книжки, которую оставил ему доктор Копески. Кажется, «Умри с достоинством».

Выбор...

Амелия наклонилась и поцеловала его. Райм ощутил, что она коснулась его головы с чуть-чуть большей нежностью, чем это было необходимо для выражения сочувствия.

— У меня что, температура? — спросил он с улыбкой.

Амелия рассмеялась.

— У нас у всех какая-то температура, Райм. А повышенная она у тебя или нет, я сказать не могу. — Она снова поцеловала его. — А теперь поспи немного. Мы с Мелом пока вдвоем поработаем. Я скоро тоже приду спать.

И Сакс вернулась к найденным ею уликам.

Несколько мгновений Райм колебался, но потом пришел к заключению, что он все-таки слишком устал, чтобы продолжать работать. Он поехал к лифту, у которого его встретил Том, и они начали подъем наверх в крошечной кабине. Лоб у Райма блестел от пота, а щеки пылали. Это были симптомы дисрефлексии. Но головной боли не было, как не было того ощущения, которое обычно предшествовало приступу. Том выполнил все необходимое для подготовки Райма ко сну. Затем измерил давление и температуру.

— Немного повышенное, — сказал он по поводу давления, температура же оказалась нормальной.

Том помог Райму перебраться в кровать, и криминалисту почему-то вдруг вспомнились слова, произнесенные Амелией несколько минут назад. «У нас у всех есть температура, Райм».

С клинической точки зрения это, несомненно, правильно. У всех есть температура. Даже у мертвых.

Он проснулся мгновенно, от какого-то сна.

Он попытался его вспомнить. И не мог понять, был ли это дурной сон или просто абсурдный. Но, бесспорно, сон был очень яркий. Скорее дурной, судя по тому, как он вспотел — так, словно только что вернулся из турбинного помещения в «Алгонкин консолидейтед».

Слабое электронное свечение часов показывало, что было без нескольких минут полночь. Он проспал совсем немного и чувствовал, что мысли у него путаются. Ему потребовалось некоторое время, чтобы прийти в себя.

Он отделался от формы, шлема и чемоданчика с инструментами сразу же после теракта в отеле, но кое-что из своего снаряжения все-таки сохранил, и теперь оно висело на соседнем стуле — куртка с идентификационным бейджиком. Он попытался разглядеть ее в слабом отраженном свете: его фотография с мрачным выражением лица, под ней имя — «Р. Гальт», над которым более живописным шрифтом выведено:

«АЛГОНКИН КОНСОЛИДЕЙТЕД» НАПОЛНИТ ЭНЕРГИЕЙ ВАШУ ЖИЗНЬ!

В свете того, чем он занимался последние несколько дней, этот лозунг приобретал зловещее звучание.

Он снова лег и уставился на ободранный потолок в номере дешевой гостиницы в Ист-Виллидж, который снял месяц назад под фальшивым именем, понимая, что полиция рано или поздно выйдет на квартиру.

Но оказалось, что она нашла ее гораздо раньше, чем он предполагал.

Весь мокрый от пота, он сбросил одеяло.

И сразу же подумал о проводимости человеческого тела. Сопротивление наших скользких внутренних органов может снижаться до 85 ом, делая их весьма уязвимыми для электрического тока. У влажной кожи оно равно 1000 или даже меньше. Однако сухая кожа обладает сопротивлением в 100 000 ом и более. Оно настолько велико, что требуется довольно высокое напряжение, чтобы прогнать ток через тело. Обычно до 2000 вольт.

Пот облегчает работу.

Кожа остывала, высыхая, и его сопротивляемость росла.

Мысли в голове скакали, сбивая одна другую. Планы на завтра, какое напряжение использовать, как подключить провода. Он думал о людях, с которыми работал. И о тех, кто его преследовал. О женщине-детективе по фамилии Сакс. О молодом парне Пуласки. И конечно, о Линкольне Райме.

Но потом его мысли перескочили на нечто совершенно иное: на двух ученых, живших в пятидесятые годы XX века, химиков Стэнли Миллера и Гарольда Юри. Они придумали очень интересный эксперимент, создав в своей лаборатории собственный вариант первобытного «бульона» и атмосферы, окружавшей Землю миллиарды лет назад. И в эту мешанину из водорода, аммиака и метана они пустили электрические разряды, имитируя молнии, которые в те времена постоянно бороздили атмосферу Земли.

И что же произошло?

Несколько дней спустя ученые обнаружили нечто потрясающее — в пробирках были следы аминокислот, «строительных кирпичей» жизни.

Они нашли подтверждение тому, что жизнь возникла на Земле благодаря электрическим разрядам.

За остававшиеся до полуночи минуты он сочинил следующее письмо с требованиями, обращенное к «Алгонкин» и городским властям Нью-Йорка. И, снова засыпая, в который раз вспомнил о токе. Жуткая ирония заключалась в том, что тот же самый электрический разряд, который много-много лет назад за тысячную долю секунды создал жизнь, завтра с такой же молниеносной скоростью уничтожит ее. В День Земли…

III

ТОК

Я не потерпел неудачу, я просто нашел десять тысяч способов, которые не работают.

Эдисон

55

— Пожалуйста, оставьте сообщение после гудка.

Было 07:30. Фред Дельрей сидел в своем бруклинском таунхаусе и не отрываясь смотрел на мобильник-раскладушку. Спустя несколько минут он с громким стуком захлопнул его. Сейчас Фред не оставил никакого

сообщения — прежде всего потому, что делал это уже двенадцать раз, а мертвый телефон Уильяма Брента продолжал молчать.

«Меня обули», — подумал он.

Однако не исключен был и другой вариант — что Брент мертв. Даже при том, что жаргон Макдэниела (симбиотический конструкт?) вызывал у Дельрея тошноту, его теория могла вполне оказаться правильной. Вполне логично предположить, что Рэй Гальт был профессионалом-электриком, которого какие-то Рахман и Джонстон вовлекли в свою группу «Справедливость для Земли», чтобы организовать нападение на «Алгонкин» и на электрические сети. И если Брент вышел на них, они могли не задумываясь расправиться с ним.

«Тупая примитивная тактика, пустые калории терроризма!» — со злобой подумал Дельрей.

Но Фред был опытным игроком в этом деле, и что-то подсказывало ему, что Уильям Брент жив. Нью-Йорк гораздо меньше, чем можно предположить, особенно его подпольная составляющая. Дельрей связался с другими своими контактами, со своими многочисленными информаторами и знакомыми агентами ФБР, однако никто ничего не слышал о Бренте. Даже Джимми Джип ничего не знал, а у него-то был серьезный мотив отыскать парня — ведь только при таком условии Дельрей помог бы ему отчалить в Джорджию. И тем не менее ни у кого не было никакой информации. И никакой удивленный мусорщик, разгружая мусорные баки, не обнаружил в них неопознанный труп в соответствующей упаковке.

Нет, решил Дельрей. Ответ может быть только один, и он больше не мог от него просто так отмахиваться: Брент его насадил.

Через свои связи в министерстве национальной безопасности Дельрей попытался выяснить, приобретал ли Брент под своим реальным или под каким-то из двенадцати вымышленных имен билет на самолет. Никаких сведений на этот счет не было, хотя любой профессиональный агент знает, где можно добыть документы, которые примет любая авиакомпания.

— Любимый?..

Дельрей даже вздрогнул от неожиданности при звуке голоса жены. Он оглянулся и увидел на пороге комнаты Серену с Престоном на руках.

— Ты какой-то сильно задумчивый сегодня, — сказала она. Дельрея поражало, до какой степени Серена была похожа на актрису и продюсера

Джаду Пинкетт Смит. — Ты все думал и думал над чем-то вчера вечером перед сном, продолжаешь думать и сегодня. Боюсь, что ты не переставал думать даже во сне.

Он хотел было попытаться что-то объяснить ей, но смог лишь выдавить:

— Боюсь, что меня вчера вышибли пинком под зад.

— Что?! — Серена была явно потрясена. — Макдэниел выгнал тебя?

— Напротив, поблагодарил.

— Но…

— Иногда благодарность всего лишь благодарность, но порой ее реальное значение: «Начинай, парень, собирать вещички…» Ну, скажем помягче, меня выживают. Что, по сути, одно и то же.

— Я думаю, ты преувеличиваешь.

— Но он постоянно забывает сообщать мне новые факты по делу.

— По делу об электричестве?

— Да. Мне звонит Линкольн, Лон Селлитто. Даже ассистент Такера звонит мне, но не он.

Дельрей скрыл от нее основную причину своего беспокойства — возможность привлечения к суду за похищенные сто тысяч долларов.

Однако еще больше его расстраивало то, что он был практически уверен: Уильям Брент обладал какими-то сведениями, которые могли бы остановить эти жуткие теракты. Сведениями, которые исчезли вместе с ним.

Серена подошла и села рядом, протянула ему Престона, который с радостью схватил своими крошечными пальчиками большой палец отца, отчего на душе у того немного полегчало.

— Я очень тебе сочувствую, любимый.

Дельрей посмотрел в окно на сложную геометрию зданий, за которыми вдали виднелись каменные опоры Бруклинского моста. Ему на память пришел отрывок из стихотворения Уолта Уитмена «Бруклинский паром»: «Лучшее из того, что я сделал, казалось мне пустым и подозрительным; Мои возвышенные мысли, а может, вы были просто недалекими?» [6]

Уитменовские слова теперь он мог применить и к себе самому. Яркий фасад Фреда Дельрея: классный, горячий, крутой мужик, с время от времени — наверное, чаще, чем время от времени — проскальзывающей мыслью: а что, если все это не более чем самообман?

Следующие строки стихотворения Уитмена били прямо в цель: «Не вы одни знаете, что такое быть злым; я тоже знаю, что такое быть злым». [7]

«Что же мне делать?» — думал Фред.

«Справедливость для Земли»...

Он с грустью вспомнил свой отказ посетить конференцию довольно высокого уровня, посвященную сбору и анализу сведений, полученных с помощью сверхсовременных технологий. Конференция называлась «Образ будущего».

Тогда, выйдя на улицу, Дельрей злобно произнес: «Ну ее к дьяволу, эту образину!» — скатал программку в комок и швырнул в урну.

— Не забывай, ты дома, — услышал он голос жены, вытиравшей рот Престону. Ребенок смеялся и хотел, чтобы с ним поиграли.

— Понимаешь, — сказал Фред, — у меня была одна очень важная нить в том деле. И она исчезла. По правде говоря, я потерял ее. Доверился человеку, которому мне не следовало доверять. В общем, я выбыл из игры.

— Информатор? Сбежал от тебя?

Он был в дюйме от того, чтобы выложить ей всю правду о ста тысячах. И все-таки промолчал.

— Сбежал и исчез, — пробормотал Дельрей.

— Сбежал и исчез? И то и другое? — Лицо Серены сделалось наигранно мрачным. — Не говори только, что он к тому же еще пропал и скрылся.

Агент невольно улыбнулся.

— Я пользуюсь услугами только очень талантливых информаторов. — Лицо жены снова сделалось серьезным. — За два года он ни разу не пропустил ни одной встречи и отвечал на все мои звонки.

«С одним небольшим исключением: за все те два года я ни разу не заплатил ему, не получив от него информацию».

— И что же ты собираешься делать? — спросила Серена.

— Не знаю, — ответил он честно.

— Тогда можешь сделать мне одолжение?

— Думаю, что да. Какое?

— Помнишь, ты как-то обещал мне разобраться со всеми теми вещами в подвале?

Первой реакцией Дельрея было сказать: «Ты шутишь, дорогая», — но затем, вспомнив, что в деле Гальта у него нет ни одной нити, он молча снял ребенка с колен, встал и последовал за женой вниз.

56

Рон Пуласки все еще слышал звук. Глухой удар, а затем треск.

О, треск… Звук, который он не выносил.

Он вспомнил те времена, когда только начинал работать с Линкольном и Амелией, как однажды из-за своей же собственной невнимательности получил удар битой или дубинкой по голове. Рон знал о происшедшем чисто теоретически, так как никаких подробностей вспомнить не мог. И все случилось из-за элементарной невнимательности. Он свернул за угол, не позаботившись проверить, где находится преступник, и в результате был оглушен.

Из-за травмы Пуласки стал пугливым, у него часто возникала спутанность мыслей, он терял ориентацию. Рон изо всех сил старался держать себя в руках, а последствия травмы снова и снова возвращались.

Но в данном случае все было значительно хуже. Одно дело отвлечься, поворачивая за угол в опасной ситуации для тебя самого, и совсем другое — когда жертвой твоей ошибки стал ни в чем не повинный прохожий.

Пуласки припарковал перед больницей служебную машину. Его собственную реквизировали в качестве вещественного доказательства. Если бы Рона спросили, зачем он сюда приехал, он бы ответил, что собирается допросить одного свидетеля, находившегося поблизости от места жительства человека, совершившего накануне ряд терактов.

«Я пытаюсь установить местонахождение преступника…» Он часто с братом, тоже полицейским, посмеивался над такими служебными хитростями. Однако сейчас было не до смеха, потому что Пуласки знал, что парень, которого он сбил и чье тело рухнуло на землю с глухим

стуком, а череп при этом хрустнул, был простым, ни в чем не повинным прохожим.

Когда Рон вошел в наполненную суетой больницу, его охватила паника.

А что, если тот парень уже умер? Рону скорее всего предъявят обвинение в непреднамеренном убийстве с применением транспортного средства. Или в преступной небрежности, повлекшей смерть человека.

На чем и закончится его карьера.

И даже если его не признают виновным, даже если прокурор не заведет дело, на него может подать в суд семейство пострадавшего. А что, если с парнем произойдет то же, что с Линкольном Раймом, и он останется на всю жизнь полностью парализованным? Существуют ли у полицейского управления соответствующие виды страхования? Своей собственной страховкой Рон, конечно же, не покроет содержание такого инвалида. Но пострадавший, наверное, может подать в суд на Пуласки и забрать у него все, что он имеет? И им с Дженни придется работать всю оставшуюся жизнь только на то, чтобы расплатиться с долгами. Дети не смогут учиться в колледже, и та крошечная сумма, которую они успели накопить, улетучится как дым.

— Мне нужно видеть Стэнли Палмера, — сказал Рон сестре, сидевшей за столом. — Его вчера сбила машина.

— Да, конечно, офицер. Он в четыреста второй.

Рону помогла его форма. Он свободно прошел через несколько дверей и наконец нашел нужную палату. У порога он остановился, чтобы собраться с духом. А вдруг там находится вся семья Палмера? Жена и дети? Рон попытался придумать какие-нибудь уместные в данной ситуации слова.

Но в голове его раздавался только глухой стук и хруст.

Пуласки глубоко вдохнул и вошел в палату. Там был только Палмер. Он находился без сознания, к его телу были подведены многочисленные провода, трубки, работало электронное оборудование, чем-то напоминавшее то, какое Рон видел в лаборатории Линкольна Райма. Все это с первого же взгляда внушало ужас.

Райм...

Как же он подвел своего начальника! Человека, который столько сделал, чтобы помочь ему не бросить службу в полиции, ведь он сам приложил такие усилия, чтобы остаться на службе после собственной травмы.

Человека, который с каждым новым делом все больше и больше ему доверял. Линкольн Райм рассчитывал на него.

«И чем я ответил на его доверие!..»

Пуласки не отрываясь смотрел на Палмера, лежавшего абсолютно неподвижно. Он был еще более неподвижен, чем Райм, — в теле несчастного вообще ничего не двигалось, кроме легких, и даже черточка на мониторе перемещалась как-то настораживающе медленно.

Мимо проходила сестра, и Пуласки окликнул ее:

— Как он?

— Не знаю, — ответила она с очень сильным иностранным акцентом, происхождение которого Рон не смог определить. — Вам нужно поговорить с врачом.

Проведя несколько минут у постели неподвижного Палмера, Пуласки повернулся и увидел мужчину средних лет неопределенной расы в голубом халате. На бейдже после его имени следовало сокращение Д.М. (доктор медицины). И вновь исключительно благодаря форме полицейского врач сообщил Рону ту информацию, которой обычно медики с посторонними не делятся. Палмеру сделали операцию по поводу серьезных внутренних травм. Он находится в коме, и на данный момент никто не решится делать никаких прогнозов.

Создавалось впечатление, что у пострадавшего в Нью-Йорке семьи не было. Он человек одинокий. Его родители и брат живут в Орегоне, и с ними уже связались.

— Брат, — прошептал Пуласки, вспомнив о своем брате-близнеце.

— Да.

Врач пристально взглянул на Рона. И после некоторого размышления он произнес:

— Вы ведь пришли сюда не для того, чтобы брать у него показания. Ваш визит не имеет никакого отношения к расследованию. Итак…

— Что? — уставился на врача перепуганный Пуласки.

На лице доктора появилась неожиданная улыбка.

— Такое случается. Не беспокойтесь.

— Случается?..

— Я работаю в больницах скорой помощи в Нью-Йорке уже много лет. И никогда не видел, чтобы полицейские со стажем приходили узнать о состоянии жертв преступлений; приходят только молодые.

— Нет-нет, в самом деле, я просто хотел узнать, могу ли взять показания.

— Ну конечно... но в таком случае вы могли бы просто позвонить и узнать, в сознании ли он. Не стройте из себя слишком крутого, офицер. У вас по-настоящему доброе сердце.

Которое у Рона с каждым мгновением колотилось все сильнее.

Врач перевел взгляд на неподвижное тело Палмера.

— Что, водитель сбил человека и скрылся с места происшествия?

— Нет. Водитель нам известен.

— Хорошо. Значит, вы схватили негодяя. Надеюсь, присяжные дадут ему по полной программе.

И, улыбнувшись на прощание, доктор удалился.

Пуласки еще раз остановился у стола, где сидела медсестра, и, вновь воспользовавшись своей формой, получил адрес Палмера и номер карточки социального страхования. Он постарается что-нибудь сделать для него, его семьи и близких. Даже несмотря на то что Палмер холост, он в свои годы вполне может иметь детей. Рон решил позвонить и выяснить, чем может им помочь. У него самого денег не много, но он сделает все от него зависящее, чтобы оказать им моральную поддержку.

Молодому полицейскому хотелось как-то искупить свою вину перед людьми за ту боль, которую он им причинил. Сестра извинилась и отвернулась от него, отвечая на телефонный звонок.

Пуласки тоже поспешно повернулся и, прежде чем выйти из больницы, надел солнечные очки, чтобы никто не заметил его слез.

57

В начале десятого утра Райм попросил Мела Купера включить в лаборатории телевизор.

Так как федералы явно не торопились делиться самой последней информацией с полицией — по крайней мере с Линкольном, — он хотел убедиться, что не упустил ничего из новостей.

И нет лучшего источника новостей, чем Си-эн-эн.

Как и следовало ожидать, их дело находилось в центре внимания. Миллион раз на экране всплывала фотография Гальта, и примерно столько же раз упоминалась загадочная экотерроистическая группировка «Справедливость для Земли». Все это перемежалось язвительными замечаниями Энди Йессен, направленными против «зеленых».

Но большая часть телевизионного времени, посвященного терактам Гальта, отводилась пустым рассуждениям и предположениям. И комментаторы, конечно, не раз задавались вопросом, а не связаны ли обсуждаемые теракты каким-то образом с Днем Земли.

Тема Дня Земли находилась в центре многих репортажей. В городе проводились различные праздничные мероприятия: парад, марши протеста, школьники выходили на высадку деревьев, открывалась выставка новых источников энергии, в Центральном парке намечался большой митинг, на котором должны были выступать два главных советника президента по вопросам экологии, два напористых сенатора с Запада. Вслед за этим планировался концерт с участием полудюжины знаменитых рок-групп. На названных мероприятиях предполагалось присутствие полумиллиона зрителей и участников. В нескольких сообщениях говорилось об усиленных мерах безопасности в связи с недавними терактами.

Гэри Ноубл и Такер Макдэниел уже сообщили Райму, что к обеспечению безопасности привлечено двести дополнительных агентов и сотрудников полиции, но, кроме того, технический персонал ФБР трудится сейчас вместе с работниками «Алгонкин», чтобы защитить электрические линии парка и окрестностей от саботажа.

Райм отвел глаза от экрана телевизора, заметив, что в лабораторию вошел Рон Пуласки.

— Где ты был, Новичок?

— Гм... — Рон протянул Райму белый конверт. — ДНК.

Конечно, он был где-то еще, и Райм почти наверняка знал, где именно. Однако криминалист не стал давить на парня, а сказал:

— Это уже не так важно. Нам известна личность преступника. Но, конечно, понадобится для суда. Только вначале его нужно поймать.

— Да, конечно.

— А ты еще что-нибудь нашел вчера на квартире у Гальта?

— Снова прочесал ее всю с потолка до пола и с пола до потолка, но больше ничего нет.

Появился Селлитто, еще более взлохмаченный, чем обычно. Правда, в повседневной своей одежде — в голубой рубашке и темно-синем пиджаке. Райм невольно задался вопросом, а не провел ли Селлитто прошлую ночь у себя в офисе. Детектив рассказал им, как продвигаются дела с расследованием в центре. Информация уже просочилась в СМИ. На карту поставлены многие политические карьеры, различные чиновники на местном и федеральном уровне из кожи вон лезут, чтобы продемонстрировать свою активность, при этом прозрачно намекая на то, что каждый из них для поимки преступника делает больше, чем все остальные.

Усевшись в скрипучее плетеное кресло, он громко отхлебнул кофе и пробормотал:

— Но суть-то в том, что никто не знает, как справиться с подонком. Мы где только можно — в аэропортах, на станциях метро и железнодорожных вокзалах — установили камеры слежения, расставили агентов ФБР и солдат Национальной гвардии. На всех нефтеочистительных предприятиях и в доках. Специальный патруль в гаванях вокруг танкеров, хотя я просто не могу себе представить, как он может на корабле устроить вольтову дугу. Ну и, конечно, все подстанции компании «Алгонкин» буквально забиты нашими людьми.

— Он больше ничего не будет устраивать на подстанциях, — возразил Райм.

— Я понимаю. Да и все остальные тоже понимают, но никто не знает, где его можно ждать в каждый следующий момент. Он ведь повсюду.

— Кто — он?

— Да этот чертов ток. Электричество. — Селлитто махнул рукой, как бы имея в виду весь город. — В каждом доме, черт его подери. — Он обвел многозначительным взглядом розетки на стене. — Правда, от Гальта пока не поступало никаких новых требований. Господи, вчера их за несколько часов было два. Думаю, мы разозлили его до предела и он

решил отыграться на тех ребятах в лифте. — Селлитто шумно выдохнул. — Клянусь, теперь буду ходить только по лестнице, никаких лифтов. По крайней мере жирок сброшу.

Окинув взглядом доски с материалами расследования, Райм согласился с оценкой дела как продвигающегося крайне туго. Гальт, несомненно, умен, но все же гениальным его не назовешь — по количеству оставленных следов. Да, следы были, но ни разу не привели их в точности на место преступления — лишь давали общее и довольно расплывчатое представление о нем.

Аэропорт?

Нефтехранилище?

При этом Линкольна постоянно преследовала мысль: возможно, ответ гораздо проще, просто почему-то ускользает от него.

И тут Райм вновь почувствовал, что у него по лбу течет струйка пота и снова начинает болеть голова. Некоторое время ему удавалось не обращать внимания на головную боль, но она вдруг резко усилилась и приобрела пульсирующий характер. Да, он действительно начал чувствовать себя хуже. А не влияет ли ухудшение состояния на его умственные способности? Для него это было самым страшным из того, что с ним вообще могло случиться, хотя он, конечно, никогда бы не признался ни в чем подобном никому, даже Сакс. Ведь вчера вечером Линкольн совершенно искренне сказал Сьюзан Стрингер, что ум — единственное, что ему осталось.

Райм почувствовал, что какая-то сила влечет его взгляд в сторону кабинета, к тому столику, где лежит брошюра доктора Арлена Копески «Умереть с достоинством».

Выбор...

Ему стоило усилий отделаться от незваной мысли.

В это мгновение Селлитто позвонили, он сразу же резко выпрямился в кресле и быстро поставил на столик недопитый кофе.

— Да? Где?..

Он быстро сделал какие-то пометки в своем помятом блокноте.

Все взгляды в лаборатории устремились на него. Первая мысль, пришедшая в голову Райму, — новое письмо с требованиями.

Селлитто захлопнул телефон и поднял глаза от своих заметок.

— Наверное, кое-что есть. Полисмен из Чайна-тауна. К нему подошла женщина и сказала, что, по ее мнению, она видела нашего парня.

— Гальта? — переспросил Пуласки.

— А какой еще парень нас может в данный момент интересовать, офицер? — мрачно ответил Селлитто.

— Извините.

— Она полагает, что узнала его по фотографии.

— Где? — рявкнул Райм.

— Около Чайна-тауна есть заброшенная школа.

Селлитто назвал адрес. Сакс записала.

— Полицейский проверил и никого не нашел.

— Но если он действительно там был, то обязательно что-то после себя оставил, — заметил Райм.

По его кивку Амелия встала.

— Хорошо. Рон, поехали.

— Вам бы лучше взять с собой группу, — посоветовал Селлитто с кривой улыбкой. — У нас, кажется, еще осталось несколько полицейских, которые не заняты охраной коробок с предохранителями и проводов по всему городу.

— Давайте направим туда группу быстрого реагирования, — предложила Амелия. — Разместим их неподалеку, но так, чтобы они не бросались в глаза. Мы с Роном поедем первыми. Если он будет там и нам понадобится производить захват, я позвоню. Но если там никого нет, зачем нам толпа людей, которая может все затоптать.

Они вдвоем вышли из лаборатории.

Селлитто позвонил Бо Хауманну и посвятил его в курс дела. Руководитель групп быстрого реагирования готов был направить своих людей в указанный район и поддерживать связь с Сакс. Закончив разговор, детектив оглядел комнату — вероятно, в поисках чего-то съедобного в дополнение к кофе. Обнаружил тарелку с печеньем,

которую принес Том, взял одно, обмакнул в чашку и съел. И почему-то нахмурился.

— Что случилось? — спросил Райм.

— Только что вспомнил, что забыл позвонить Макдэниелу и федералам и сообщить об операции в школе в Чайна-тауне. — Затем поморщился и театральным жестом поднял телефон. — А, черт! Не могу! Я же не заплатил за СИМ-карту «облачной зоны». Думаю, мне придется сообщить им обо всем с некоторым опозданием.

Райм рассмеялся, и ему удалось на мгновение забыть о резкой боли в голове. Но тут зазвонил его собственный телефон, и у него мгновенно пропало и желание смеяться, и головная боль.

Звонила Кэтрин Дэнс.

Райм не без труда отыскал пальцем нужную кнопку.

— Да, Кэтрин? Что происходит?

— Я здесь с Родольфо, — ответила Кэтрин. — Они нашли цель Часовщика.

Прекрасно, подумал Линкольн, но что-то внутри его задавалось вопросом: почему именно сейчас? Потом он все-таки решил: «Часовщик — главный приоритет. На поиски Гальта сейчас отправились Сакс, Пуласки и группа быстрого реагирования из десяти человек. В последний раз, когда мог захватить Часовщика, я отвлекся на другое дело, и в результате он убил свою жертву и сбежал».

Но на сей раз у него ничего не получится. Теперь Ричард Логан не уйдет.

— Продолжайте, — сказал он Кэтрин, усилием воли заставив себя отвернуться от досок с материалами следствия.

Послышался щелчок.

— Родольфо, — прозвучал голос Дэнс. — Линкольн на связи. Поговорите с ним.

Они оба попрощались с ней.

— Здравствуйте, капитан.

— Какие у вас новости, командир?

— Артуро Диас разместил четырех агентов в том офисном комплексе, о котором я вам говорил. Минут десять назад мистер Часовщик, одетый как бизнесмен, вошел в здание. Из вестибюля он, воспользовавшись телефоном-автоматом, позвонил в компанию на седьмом этаже, располагающуюся в противоположном от того места, где вчера была пожарная тревога, конце здания. В общем, все произошло так, как вы и думали. Он провел около десяти минут внутри комплекса, а затем ушел.

— Скрылся? — спросил Райм, не скрывая испуга.

— Нет. В данный момент он находится неподалеку, в небольшом сквере между двумя главными зданиями комплекса.

— Просто так сидит там?

— По крайней мере создается такое впечатление. Он сделал несколько звонков с мобильного. Но, как сказал мне Артуро, у них необычная частота или они закодированы. Поэтому мы не смогли их перехватить.

Райм сделал вывод, что правила относительно прослушивания телефонных переговоров в Мексике, вероятно, менее строгие, чем в США.

— А они уверены, что это Часовщик?

— Люди Артуро говорят, что они его очень хорошо разглядели. У него с собой рюкзак.

— И сейчас?

— Да. Мы не знаем, что в нем. Возможно, бомба с детонатором в виде платы. Наши люди окружают район, в котором он находится. В гражданской одежде, но у нас есть и военное подразделение неподалеку. И саперная команда.

— А где вы, командир?

Он рассмеялся.

— Ваш Часовщик оказался достаточно тактичен, чтобы выбрать именно это место. Здесь расположено консульство Ямайки. У них имеется специальное заграждение от взрывов, и мы находимся за ним. Логан нас не видит.

Райму оставалось только надеяться, что его собеседник не заблуждается.

— И когда вы будете начинать?

— Когда люди Артуро сообщат нам, что путь свободен. В сквере много народу, в том числе детей. Но ему не удастся уйти. Мы перекрыли большую часть дорог.

Струйка пота скатилась по виску Райма. Он поморщился и повернул голову, чтобы вытереть ее о край изголовья кресла.

Часовщик…

Так близко.

«Пожалуйста, ну пусть хоть это сработает. Пожалуйста…»

И вновь подавил раздражение, возникшее из-за того, что ему приходилось работать с таким важным делом на расстоянии.

— Мы скоро с вами снова свяжемся, капитан.

Они закончили разговор, и Райм заставил себя опять сосредоточиться на Рэймонде Гальте. Насколько достоверны сведения, полученные от той женщины? Ведь Гальт похож на очень многих людей, приближающихся к среднему возрасту: не толстый, но и не слишком худой. Среднего роста. И в атмосфере ужаса, виновником создания которого был он сам, многие склонны убеждать себя в том, что видели нечто такое, чего на самом деле не было. Электрические ловушки, дуги… ну и, конечно, самого убийцу.

Он вздрогнул, услышав по радиосвязи голос Амелии.

— Райм, ты слышишь меня?

— Слышу, Сакс. Что у тебя?

— Мы только что прибыли на место. Собираемся входить в здание. Я дам тебе знать.

58

На автомобиле «торино-кобра» яркого красно-коричневого цвета трудно было не обратить на себя внимание, поэтому Сакс решила оставить его за два квартала от той школы, где видели Гальта.

Школа закрылась много лет назад. Судя по надписи на табличке, ее скоро должны были снести, а на освободившемся месте построить жилые дома.

— Неплохое укрытие, — заметила Амелия, обращаясь к Пуласки, когда они подошли поближе. Ей сразу же бросился в глаза семифутовый

деревянный забор, окружавший территорию школы, покрытый граффити, плакатами альтернативного театра, объявлениями о представлениях и постерами каких-то никому не ведомых музыкальных групп: «Седьмая печать», «Правые руки», «Боло».

Пуласки, который, казалось, пытался сосредоточиться, кивнул. Амелия подумала, что ей придется за ним присматривать. Он неплохо справился с работой по сбору улик в лифте в Мидтауне, но сейчас создавалось впечатление, что трагический случай рядом с жилищем Гальта вновь начал его беспокоить.

Они на мгновение остановились рядом с забором. Снос школы еще не начался. В воротах — двух больших кусках фанеры, соединенных вместе цепью с навесным замком — имелась достаточно широкая щель, сквозь которую они могли бы легко протиснуться, что, видимо, и сделал Гальт, если он действительно находился в здании школы. Сакс остановилась рядом со щелью и заглянула внутрь. Здание в целом не имело особых повреждений, только часть крыши провалилась и во многих окнах были выбиты стекла. Несмотря на это, разглядеть что-то внутри было невозможно.

Да уж, укрытие превосходное. А если там придется производить захват, то он, вероятно, обернется настоящим кошмаром. В здании можно было подыскать минимум сотню удобных позиций для обороны.

Вызвать подкрепление? Все-таки рановато, подумала Сакс. Но каждая минута их промедления могла стать той, в которую Гальт придавал завершающие штрихи своему новому страшному оружию. С другой стороны, любое действие людей из группы быстрого реагирования могло безнадежно испортить ценнейшие улики.

— Он же мог установить там мины-ловушки, — прошептал Пуласки дрожащим голосом, взглянув на металлическую цепь. — Возможно, через нее пропущен ток...

— Нет, это был бы слишком большой риск для него. Какой-нибудь прохожий может случайно коснуться ее и получить удар током. В результате сюда сразу же приедет полиция.

С другой стороны, подумала Амелия, он мог без труда установить там что-то такое, что ему сразу же сообщит о вторжении непрошеных гостей.

Вздохнув и поморщившись, она окинула взглядом улицу.

— Ты сможешь перелезть?

— Через что?

— Через забор.

— Думаю, что смог бы. Если бы гнался за кем-то или за мной бы гнались.

— А я не смогу, если только ты меня не подтолкнешь. А сам залезешь за мной.

— Хорошо.

Они прошли к тому месту, где сквозь щель в заборе Сакс разглядела густой кустарник, который поможет смягчить их падение и одновременно послужит им укрытием. Амелия ни на минуту не забывала, что Гальт вооружен достаточно мощным оружием — пистолетом сорок пятого калибра. Она нащупала на поясе собственный «глок» и кивком дала знак Рону. Пуласки присел, сцепив пальцы.

Чтобы немного успокоить Рона, Сакс многозначительным тоном прошептала:

— И тебе необходимо помнить одну важную вещь.

— Какую? — Пуласки тревожно посмотрел ей в глаза.

— Я прибавила несколько фунтов, поэтому береги спину.

Улыбка. Мимолетная, но все-таки улыбка.

Амелия поморщилась от боли в ноге, когда опускала ее на руки Рона и поворачивалась лицом к стене.

Гальт явно не стал бы подключать электричество к цепи на воротах, но это не значило, что он не устроил какую-нибудь ловушку с противоположной стороны забора. И перед ее мысленным взором вновь предстали крошечные пробоины в теле Луиса Мартина, черный от сажи пол кабины лифта, корчащиеся тела постояльцев отеля.

— Обойдемся без подкрепления? — прошептал Рон. — Ты уверена?

— Уверена. На счет «три». Раз… Два… Три!..

И она подскочила вверх. Пуласки оказался гораздо сильнее, чем ожидала Амелия, — с его помощью она смогла ухватиться за самый верх шестифутового забора. Спустя мгновение Сакс уже была там, несколько секунд потратила на то, чтобы оглядеться по сторонам. Взгляд в сторону школы. Никаких признаков жизни. Взгляд вниз — там только кусты,

ничего такого, что смогло бы вызвать дугу в пять тысяч градусов и сжечь ее, никаких металлических проводов и панелей.

Она повернулась спиной к школе, ухватилась за верх забора и быстро опустилась вниз по другую его сторону. Почувствовав, что может больше не держаться, отпустила руки, упала на землю и покатилась. Боль пронзила ее колени и бедра. Но она знала свой артрит не хуже, чем Райм свои телесные проблемы, и поэтому сразу же поняла, что это лишь мгновенная реакция на резкие движения. К тому моменту, когда Сакс спряталась за густым кустом, вытащив пистолет и глядя по сторонам в поисках возможной цели, боль уменьшилась.

— Проход свободен, — прошептала она в щель в заборе.

Раздался глухой стук с едва слышным мычанием, и Пуласки ловко и практически бесшумно приземлился рядом с ней, словно какой-нибудь актер, играющий роль чемпиона по кунг-фу. У него в руке мгновенно появился пистолет.

Никакого способа подойти к главному входу не замеченными Гальтом, если бы он выглянул из окна, не было. Им нужно было обойти здание сзади, но прежде Сакс решила сделать кое-что еще. Она оглядела территорию школы и жестом пригласила Пуласки следовать за ней, затем пробралась за кустами и мусорными баками к правой стороне школьного здания.

Под прикрытием Рона она быстро перебежала к двум большим ржавым металлическим коробкам у кирпичной стены. На обоих стояла почти облупившаяся маркировка «Алгонкин консолидейтед» и номер телефона, по которому следовало звонить в случае аварии. Амелия вытащила из кармана детектор Соммерса, включила и провела им по коробкам. На дисплее отобразился ноль.

Неудивительно — ведь здание пустует уже много лет, — но Амелия обрадовалась, убедившись, что здание обесточено.

— Посмотри, — прошептал Пуласки, коснувшись ее руки.

Сакс глянула туда, куда он показывал, — на грязное окно. Сквозь слой пыли было трудно что-либо разобрать, но мгновение спустя у нее возникло ощущение, что она видит тусклый свет фонарика, которым кто-то водит из стороны в сторону. Возможно — хотя это было лишь впечатление, — там кто-то что-то рассматривает. Карту? Схему электрических сетей, которую он намеревался превратить в смертельную ловушку?..

— Он здесь, — взволнованно прошептал Пуласки.

Амелия натянула гарнитуру и вызвала Бо Хауманна, руководителя групп быстрого реагирования.

— Что у вас, детектив? Прием.

— Здесь кто-то есть. Я пока не могу сказать точно, Гальт или нет. Он находится в центральной части главного здания. Мы с Роном у боковой части здания. Вы готовы? Прием.

— Готовность через восемь-девять минут. Прием.

— Хорошо. Мы будем сзади. Сообщите мне, когда будете готовы к штурму. Мы зайдем сзади.

— Принято, конец связи.

После этого она позвонила Райму и сообщила о том, что, возможно, они настигли преступника. Захват начнется с прибытием групп быстрого реагирования.

— Не забывай о возможных ловушках, — напомнил Линкольн.

— Здание обесточено. Мы в полной безопасности.

Сакс закончила разговор и взглянула на Пуласки.

— Готов?

Он кивнул.

Пригнувшись, Амелия устремилась к задней части здания, крепко сжимая пистолет и думая: «Ну что ж, Гальт, здесь нет тока, чтобы защитить тебя. У тебя есть пистолет, но и у меня есть пистолет. Теперь мы будем драться на моей территории».

59

Закончив разговор с Сакс, Райм почувствовал, как у него по лбу потекла еще одна струйка пота. Ему ничего не оставалось, как позвать Тома и попросить о помощи. Это было самым мучительным для Линкольна. Необходимость полагаться на кого-то при выполнении относительно сложных физических задач не до такой степени угнетала его. Упражнения на развитие способности движения, освобождения кишечника и мочевого пузыря, перемещения из инвалидного кресла в кровать и обратно, питания…

Больше всего его раздражали, буквально выводили из себя — и, конечно же, смущали — мелкие потребности. Отмахнуться от насекомого, сбросить пушинку…

И вот, как сейчас, стереть струйку пота.

Появился помощник и без всяких затруднений устранил возникшую проблему.

— Спасибо, — сказал криминалист.

Тома удивило неожиданное и столь нехарактерное проявление благодарности.

Райм повернулся к доскам с материалами следствия, но на самом деле почти не думал о Гальте. Не исключено, что Сакс и группе быстрого реагирования удастся захватить безумца в здании школы в Чайна-тауне.

Нет, в данный момент его перегревшийся рассудок был полностью занят Часовщиком и его маневрами в Мехико. Черт! Почему ни Луне, ни Кэтрин Дэнс, ни кому-нибудь еще не приходит в голову позвонить ему и описать шаг за шагом процесс задержания преступника?

Возможно, Часовщик уже заложил бомбу в офисном здании, а его присутствие в сквере было отвлекающим маневром. А в рюкзаке могут лежать обычные кирпичи. Почему он ведет себя словно какой-то долбаный турист, отдыхающий после осмотра достопримечательностей? Может быть, его целью является совершенно другой офис?

— Мел, — сказал Райм, обращаясь к Куперу, — я хочу видеть, как происходит захват преступника. «Google Earth»… или как оно там называется. Сделай так, чтобы я увидел Мехико.

— Да, конечно.

— Авеню Боск-де-Реформа… Как часто они обновляют изображение?

— Не знаю. Возможно, раз в несколько месяцев. Но, конечно, не в реальном времени.

— Меня это устраивает.

Через несколько минут перед ними появилось спутниковое изображение района: изгибающееся шоссе Боск-де-Реформа с офисными зданиями, разделенными сквером, в котором в данный момент находился Часовщик. На противоположной стороне улицы располагалось ямайское консульство, защищенное несколькими бетонными заграждениями —

противовзрывными щитами, — и ворота. Родольфо Луна со своей командой укрылся за ними. Дальше, перед самым входом в консульство, размещалась стоянка посольских автомобилей.

У Райма перехватило дыхание, когда он увидел барьеры. Слева находился противовзрывной щит, шедший перпендикулярно к дороге. Справа — шесть других, расположенных параллельно ему.

Это было письмо «I…» из пакета, предназначенного Часовщику в аэропорту Мехико.

Маленькая брошюра синего цвета…

Золотистые буквы…

Загадочные числа…

— Мел, — позвал он Купера. Тот резко повернулся в его сторону. — Существует какой-нибудь паспорт с буквами СС на обложке? Синего цвета?

Несколько мгновений понадобилось Куперу на просмотр данных из архива Госдепартамента.

— Да, есть. Темно-синего цвета с двумя переплетающимися буквами С сверху. Это паспорт Карибского сообщества. В него входит примерно пятнадцать стран…

— Ямайка — одна из них?

— Да.

Райм вдруг подумал, что числа они воспринимали как сто семьдесят и триста семьдесят девять. Но ведь их можно было трактовать и по-иному.

— Быстрее. Найди, пожалуйста, модели «лексуса»-внедорожника. Есть ли среди них такая, которая имеет в маркировке пять семьдесят или три семьдесят девять?

На этот вопрос Купер ответил еще быстрее, чем на вопрос о паспорте.

— Посмотрим… Да, «LX» пять семьдесят. Элит-класс…

— Срочно! Вызови мне Луну!..

Райм не хотел набирать номер собственноручно, так как процедура заняла бы у него гораздо больше времени и он мог нажать не ту цифру.

Линкольн почувствовал, как на лбу снова выступил пот, но не обратил на него внимания.

— Si?

— Родольфо! Говорит Линкольн Райм.

— А, капитан…

— Послушайте! Целью являетесь вы сами. Офисные здания — лишь отвлекающий маневр! Вы помните посылку, предназначенную для Логана? Прямоугольники в ней? Это схема территории посольства Ямайки, где вы сейчас находитесь. Прямоугольники — противовзрывные заграждения. А вы ездите на машине «Лексус LX 570»?

— Да… Вы имеете в виду то число пятьсот семьдесят?

— Именно. И Часовщику передали ямайский паспорт, чтобы проникнуть на территорию посольства. Там рядом с вами есть какая-нибудь машина с номером триста семьдесят девять?

— Я не… Ах да. «Мерседес» с дипломатическими номерами.

— Немедленно уходите оттуда! Немедленно! В нем находится бомба! В «мерседесе»!..

Райм услышал какие-то крики на испанском, звук шагов, тяжелое дыхание.

И вдруг оглушительный грохот взрыва.

Райм заморгал от внезапного грохота в наушниках.

— Командир! Вы слышите меня?.. Родольфо?

Снова крики, помехи, вопли ужаса.

— Родольфо!

И после долгой паузы:

— Капитан Райм? Алло?

Луна кричал — возможно, из-за того, что взрыв его частично оглушил.

— Командир, с вами все в порядке?

— Алло!..

Какое-то шипение в наушниках, стоны, звук прерывающегося дыхания. Крики.

Сирены и вновь крики.

— Может быть, нам позвонить… — начал было Купер.

И снова голос Луны:

— Вы слышите меня, капитан?

— Да. С вами все в порядке, Родольфо?

— В порядке. Ничего серьезного. Несколько царапин. Просто слегка оглушило. — Голос оборвался и начал снова. — Мы перелезли через заграждения и спустились на другой стороне. Вижу нескольких раненых. Но, кажется, жертв нет. Если бы мы не успели перелезть, я бы погиб вместе со всей своей группой. Откуда вы узнали?

— Мы поговорим об этом позже, командир. Где Часовщик?

— Минутку… минутку… Да. Во время взрыва он сбежал. Людей Артуро отвлек взрыв, как Часовщик, конечно, и планировал. Артуро говорит, что в сквер въехал автомобиль и он заскочил внутрь. Теперь они едут в южном направлении. За ним следуют наши люди… Спасибо, капитан Райм. Я перед вами в огромном долгу. Но теперь я должен идти. Позвоню вам, как только мы что-нибудь узнаем.

Райм сделал глубокий вдох, стараясь не обращать внимания на головную боль и пот. «Хорошо, Логан, — думал он, — нам все-таки удалось тебя остановить. Твой план не сработал. Однако мы пока еще тебя не поймали. Пока…

Пожалуйста, Родольфо. Не упусти его».

Линкольн думал об этом, устремив взгляд на доски с материалами следствия по делу Гальта. Возможно, обе операции завершатся одновременно. Часовщика схватят в Мехико, а Рэя Гальта — в заброшенной школе рядом с Чайна-тауном.

И тут его взгляд привлекла та часть материалов расследования, которая имела отношение к китайским целебным травам, женьшеню и заманихе.

И еще одно вещество, которое нашли вместе с названными растениями, — дизельное топливо.

Первоначально Райм полагал, что топливо попало туда с возможного места теракта, например, с нефтеочистительного предприятия, — но теперь вдруг подумал, что на дизельном топливе работают обычные моторы.

Например электрогенератор.

И тут ему в голову пришла еще одна мысль.

— Мел, звонок...

— С тобой все в порядке?

— В порядке! — резко, почти грубо ответил Райм.

— Ты весь красный.

Не обратив внимания на слова Купера, Райм сказал:

— Найди номер телефона того полицейского, который звонил по поводу Гальта и школы.

Мел отошел, чтобы позвонить. Через несколько минут он вернулся и, не скрывая своего изумления, сообщил:

— Странно. Патрульная служба дала мне номер, но он проходит как нефункционирующий.

— Дай его мне.

Купер медленно продиктовал номер. Райм впечатал его в базу данных мобильных телефонов Нью-Йоркского управления полиции.

Он значился как заранее оплаченный.

— Полицейский с заранее оплаченным мобильным? Да еще и неработающим? Невозможно.

И школа в Чайна-тауне... Вот где Гальт собирал свои травы. Но это отнюдь не место очередного теракта и не укрытие. Это ловушка!

Гальт подключил провода к генератору, работающему на дизельном топливе, с единственной целью — уничтожить людей, которые будут его искать, а затем, назвавшись полицейским, позвонил и сообщил о своем

мнимом местонахождении. А так как здание полностью обесточено, Сакс и все остальные сочтут себя там в полной безопасности.

«Здание обесточено. Мы в полной безопасности...»

Необходимо как можно скорее предупредить их. Он начал было искать имя Сакс на панели быстрого набора компьютера, но в это самое мгновение мучившая его уже довольно долгое время головная боль вдруг разрешилась ослепительным взрывом в мозгу. Перед глазами у Райма замелькали огоньки, напоминающие электрические вспышки, тысячи электрических искр. По всему телу выступил пот — начался сильнейший приступ дисрефлексии.

— Мел, ты должен позвонить... — прошептал Райм.

И потерял сознание.

60

Они пробрались к задней части школы незамеченными. Пригнувшись, Сакс и Пуласки искали в здании входы и выходы, и тут услышали какой-то звук — будто кто-то плачет.

Пуласки тревожно взглянул на Амелию. Она подняла палец и прислушалась.

Кажется, женский голос.

Страдальческий голос. Возможно, заложница. Не исключено, что ее пытают. Женщина, которая заметила Гальта? Или какая-то другая?

Звук прекратился. Затем возобновился с новой силой. Секунд десять они слушали. Амелия Сакс жестом подозвала Рона Пуласки поближе. Они находились на заднем дворе школы, провонявшем мочой, гнилой штукатуркой, плесенью.

Всхлипывания стали громче. Что, черт побери, с ней делает Гальт? Возможно, у жертвы имелась какая-то информация, которая могла быть полезна ему для следующего теракта. «Нет, нет, нет», — казалось, повторял голос.

А вдруг он окончательно сошел с ума и вот теперь похитил сотрудницу «Алгонкин» и пытает ее, тем самым удовлетворяя свое желание мести? Возможно, она отвечает за работу ЛЭП. О нет... В голове Амелии пронеслась жуткая мысль. А не может ли это быть сама Энди Йессен? Она почувствовала, что Пуласки смотрит на нее широко открытыми глазами.

— Нет… пожалуйста, нет… — кричала женщина.

Сакс нажала на кнопку и вызвала группу быстрого реагирования.

— Бо… говорит Амелия. Прием.

— Слушаю. Прием.

— Он захватил заложника. Где вы?

— Заложника? Кого?

— Женщину. Неизвестную.

— Вас понял. Будем через пять минут. Прием.

— Он пытает ее. Я не могу ждать. Мы с Роном заходим в здание.

— Ты можешь описать ситуацию?

— Только то, что я тебе уже говорила. Гальт находится в глубине здания. На первом этаже. Вооружен. Электричество отключено.

— Ну что ж, хорошо. Принято.

Она закончила разговор и прошептала Пуласки:

— А теперь вперед! Идем к задней двери.

— Да, конечно. Хорошо, — отозвался Рон.

Опасливый взгляд на тени, скользящие внутри здания, из которого донесся очередной стон, огласивший вонючий и заваленный хламом задний двор.

Сакс оглядела путь к цели. Потрескавшийся асфальт, усыпанный разбитыми бутылками, консервными банками и бумагой. Передвигаться по нему бесшумно невозможно, но у них нет выбора.

Амелия жестом приказала Пуласки идти вперед. Они начали осторожно продвигаться по двору, стараясь как можно меньше шуметь, но стекло все равно скрипело у них под ногами.

Однако когда они подошли совсем близко к зданию, им снова повезло. Амелия свято верила в удачу, хоть Райма это и раздражало. Где-то поблизости заработал дизель, заглушив все остальные звуки.

Иногда помощь приходит неизвестно откуда, подумала Сакс. А именно сейчас она нам ох как нужна!..

61

Он сделает все, чтобы не потерять Райма.

Том Рестон поднял босса с кресла и прислонил к стене. При приступах автономной дисрефлексии пациент должен находиться в вертикальном положении. Некоторые справочники допускают положение сидячее, но Линкольн как раз сидел в своем кресле, когда у него наступил общий спазм сосудов, и Том решил, что будет лучше, если он его поднимет и таким образом заставит кровь устремиться в нижнюю часть тела.

Конечно, он был готов к подобным происшествиям, даже репетировал собственное поведение в таких ситуациях, правда, без самого Райма, так как тот, конечно бы, не позволил Тому проводить подобные «учения» с его участием. И вот теперь Рестон не глядя схватил небольшой пузырек с сосудорасширяющим средством, одним пальцем сбил колпачок, вынул таблетку и сунул ее под язык Райму.

— Мел, помогите мне, — попросил Том.

Тело Райма весило целых сто восемьдесят фунтов.

Мел Купер одним прыжком оказался рядом и подхватил Линкольна, а Рестон тем временем нажал на кнопку быстрого набора на телефоне, который всегда благодаря его заботам был заряжен и обладал лучшим сигналом из всех, которыми он располагал. Прозвучало два коротких гудка, и в течение следующих пяти долгих секунд он беседовал с врачом из частной клиники. К Райму тут же направили специальную группу для помощи пациентам с поражением спинного мозга. В клинике, услугами которой Райм регулярно пользовался и где проходил специальное лечение и систематические осмотры, имелось обширное отделение болезней позвоночника, и при нем работали две группы скорой помощи, предназначенные для тех экстренных ситуаций, когда доставка больного в клинику невозможна.

За несколько лет у Линкольна случилось с десяток подобных приступов, но нынешний был самым сильным из всех, которые наблюдал Том. Он не мог одновременно удерживать Райма и измерять ему давление, но Рестон и без измерений знал, что оно достигло опасной величины. Лицо Линкольна побагровело, пот катился градом. Том представлял, насколько мучительной может быть головная боль, когда тело, обманутое параличом, начинает гнать все больше и больше крови и при этом сжимает сосуды.

Такой приступ может закончиться смертью или — что, возможно, еще страшнее для Райма — инсультом, который усугубит его состояние, сделав полным инвалидом — не только физическим, но и психическим. А тогда Линкольн, вполне возможно, вновь обратится к оставленной им идее эвтаназии, о которой ему совсем недавно напомнил тот мерзкий тип, Арлен Копески.

— Я могу чем-то помочь? — прошептал Купер. Его обычно безмятежное лицо потемнело от волнения и на нем появились следы пота.

— Нам нужно просто держать его в вертикальном положении.

Том взглянул Райму в глаза. Пустота.

Он взял пузырек, извлек вторую таблетку клонидина и сунул ее Линкольну под язык.

Никакой реакции.

Рестон почувствовал свою беспомощность. Они с Купером стояли в полном молчании. Том вспоминал годы, проведенные с Раймом. Они часто ссорились, порой очень серьезно, но Рестон всю свою жизнь помогал больным и умел не принимать раздражение своих пациентов близко к сердцу. Умел вообще его не воспринимать.

Райм хотел выгнать его примерно столько же раз, сколько он сам собирался уйти от него.

Но он знал, что их расставание не может продлиться больше одного дня. Так всегда и было.

И вот сейчас, глядя на Райма и думая, почему же так долго не едут врачи, Том задавался вопросом: а нет ли его вины в происшедшем? Дисрефлексия часто является следствием внутреннего напряжения, вызванного переполнением мочевого пузыря или кишечника. Так как Райм не испытывал никаких соответствующих позывов, Тому приходилось жестко контролировать количество съеденной Линкольном пищи и выпитой жидкости для определения оптимальных интервалов опорожнения мочевого пузыря и кишечника. Возможно, сегодня он сделал какую-то ошибку в расчетах? Нет, скорее всего нет, но, может быть, стресс из-за двух очень сложных дел усилил внутреннее напряжение. Ему следовало бы чаще проверять.

«Мне следовало быть умнее. Следовало быть тверже…»

Потеря Райма означала потерю лучшего криминалиста в городе, если не во всем мире, и одновременно потерю огромного числа других людей — жертв тех преступников, которые без Линкольна уйдут от правосудия.

Потеря Райма означала для него потерю самого близкого друга.

Тем не менее он сохранял спокойствие. Люди его профессии очень быстро этому учатся. Быстрые и правильные решения невозможно принимать в панике.

Постепенно цвет лица Райма нормализовался, и они снова усадили его в кресло. В любом случае у них вряд ли хватило бы сил достаточно долго держать его в вертикальном положении.

— Линкольн, ты меня слышишь?

Никакого ответа.

Мгновение спустя голова Райма покачнулась, он что-то прошептал.

— Линкольн, с тобой все будет в порядке. Доктор Метц уже направил к нам группу врачей.

Вновь шепот.

— Все в порядке, Линкольн. С тобой все будет в порядке.

Слабым голосом Райм произнес:

— Вы должны ей сказать…

— Линкольн, не двигайся.

— Сакс.

— Она в школе, куда ты ее направил, — напомнил Купер. — Она еще не вернулась.

— Вы должны сообщить Сакс… — Голос сорвался.

— Я сообщу, Линкольн. Сообщу ей. Как только она позвонит, — заверил его Том.

— Ей не надо мешать сейчас, — добавил Купер. — Она преследует Гальта.

— Сообщите ей…

Райм снова потерял сознание. Том злобно выглянул в окно, как будто его демонстративное раздражение могло ускорить приезд «скорой помощи». Но на улице он увидел лишь людей, идущих на здоровых ногах, бегущих, едущих на велосипеде по парку, и все они производили впечатление какой-то удивительной беззаботности.

62

Рон Пуласки посмотрел на Сакс, которая украдкой заглядывала в одно из окон на заднем фасаде школы.

Она пыталась занять более удобное положение у окна, из которого можно было бы увидеть, где находится Гальт. Отсюда стоны были практически не слышны, так как дизель работал где-то совсем близко — скорее всего прямо за забором.

И тут раздался более громкий стон.

Сакс повернулась и, кивнув на дверь, прошептала:

— Нам нужно ее выручать. Надо прикрывать друг друга. Кто-то пойдет через верх, а кто-то отсюда. Ты пойдешь здесь или по пожарной лестнице?

Пуласки глянул направо, где ржавая металлическая лестница вела к платформе и открытому окну. Он знал, что ток в здании отключен: Амелия проверяла, но ему почему-то все равно очень не хотелось взбираться по лестнице. Потом ему вспомнилось происшествие рядом с домом Гальта. Стэнли Палмер, который по его вине сейчас, возможно, уже умирает и который, если даже и выживет, может остаться глубоким инвалидом.

И Рон решился:

— Я полезу вверх.

— Уверен?

— Да.

— Помни, нам нужно взять его живым. Если он установил еще одну ловушку, она может быть снабжена таймером, и тогда мы должны вытряхнуть из него, где она находится и когда будет приведена в действие.

Пуласки кивнул и, пригнувшись, побежал по грязному асфальту, заваленному мусором.

«Сосредоточься, — постоянно напоминал он себе. — Тебе нужно выполнить задание. Тебя ничего не должно отвлекать и пугать. Ты не имеешь права на ошибку». Он почувствовал, что сегодня испытывает гораздо меньший страх, чем прежде. И причина его сегодняшней смелости была очень проста.

Рон Пуласки был зол.

Гальт совсем свихнулся. Вот, к примеру, у Пуласки травма головы, но он же никого в ней не винит. И Линкольн Райм из-за своего паралича не хнычет день и ночь. А при нынешних новых медикаментах и методах лечения рака Гальт вполне мог бы выздороветь. Но этот трус, этот подонок вымещает собственные проблемы на других, ни в чем не повинных людях. Господи, что он там делает с женщиной?.. Наверное, у нее есть какая-то важная для Гальта информация. А может быть, она врач, неправильно поставившая ему диагноз, и теперь он ей мстит.

И Рон прибавил шагу. Он оглянулся и увидел Сакс, которая стояла у приоткрытой двери с «глоком» в руке.

Злость Пуласки росла с каждым шагом. Он приблизился к толстой кирпичной стене, откуда его нельзя было разглядеть, потом молниеносным рывком перебежал к пожарной лестнице. Лестница была старая, большая часть краски облупилась, и металл покрывала ржавчина. Рон остановился у большой лужи стоячей воды у основания лестницы. Вода... электричество. Но здесь не должно быть никакого электричества. Избежать соприкосновения с водой было невозможно. И Рон вошел в лужу.

Еще десять футов.

Он поднял голову, посмотрел вверх, пытаясь выбрать самое удобное окно для проникновения внутрь здания. Главное, чтобы лестница и платформа не гремели. Ведь до Гальта от них не больше сорока футов.

К счастью, грохот дизеля скорее всего заглушит любой скрип.

Пять футов...

Пуласки проверил пульс — кажется, в порядке. Он сделает все, чтобы Линкольн Райм им гордился. Черт, он собственноручно возьмет подонка.

Рон протянул руку к лестнице.

И в то же мгновение услышал треск, и все мышцы его тела мгновенно сократились. Ему показалось, что его озарил весь свет небес, затем застлала желтая мгла, которую сменила мгла черная.

63

Амелия Сакс и Лон Селлитто стояли на заднем дворе школы, пока группа быстрого реагирования обыскивала здание.

— Ловушка, — подвел итог лейтенант.

— Да, ловушка, — мрачно согласилась Амелия. — Гальт установил большой генератор в сарае за школой. Включил его и ушел. Он был подсоединен к металлическим дверям и к пожарной лестнице.

— Пожарная лестница. Именно по ней и полез Пуласки.

Амелия кивнула.

— Бедный парень. Он...

Их беседу прервал офицер из группы быстрого реагирования, высокий афроамериканец.

— Мы закончили осмотр, лейтенант, детектив. Все чисто. Мы ничего внутри не трогали, как вы и просили.

— Вы не нашли цифрового магнитофона? — спросила она. — Скорее всего он пользовался именно им.

— Совершенно верно, детектив. По всей видимости, с записью какого-то телешоу. Там еще фонарь, подвешенный на веревке. Поэтому возникало впечатление, что его кто-то держит.

Никаких заложников. Никакого Гальта. Вообще никого.

— Сейчас я начну осмотр, — сказала Амелия.

— Значит, никакой полицейский не звонил? — спросил офицер.

— Не звонил, — пробормотал Селлитто. — Это был Гальт. Скорее всего он пользовался мобильным с картой предоплаты. Мы проверим.

— Исключительно для того, чтобы убить кого-то из нас?

— Именно так, — мрачно подтвердила Сакс.

Офицер группы быстрого реагирования поморщился и отправился собирать своих людей. Амелия тут же набрала номер Райма, чтобы сообщить ему новости о случившемся в школе. И о Роне Пуласки.

Но, как ни странно, телефон переключился на автоответчик.

Возможно, Райм занят какой-то срочной, только что полученной информацией по делу или какими-то новостями о Часовщике из Мехико.

К ней шел врач, опустив голову, с трудом пробираясь среди куч хлама. Двор позади школы напоминал маленькую городскую свалку. Сакс пошла ему навстречу.

— Вы свободны, детектив? — спросил он.

— Свободна.

Она проследовала за ним к тому месту, где стояли машины «скорой помощи».

Там, на бетонном спуске, схватившись за голову, сидел Рон Пуласки. Амелия остановилась. Она сделала глубокий вдох и подошла к нему.

— Прости меня, Рон.

Он массировал руку, сгибая и разгибая пальцы.

— Ну что вы, мэм. — Он заморгал, испугавшись собственной официальности. Улыбнулся. — Мне следовало бы тебя поблагодарить.

— Если бы был какой-то другой способ, я бы им воспользовалась. Но я не могла кричать. Я ведь думала, что Гальт находится внутри. И вооружен.

— Да, я понял.

Пятнадцатью минутами раньше Сакс решила использовать детектор Соммерса, чтобы еще раз проверить, есть ли какое-то электричество в здании школы.

К своему ужасу, она обнаружила, что металлическая дверь, от которой она была всего в нескольких дюймах, находится под напряжением 220 вольт, а асфальт, на котором стояла, весь залит водой. Амелия сразу же поняла, что Гальт подсоединил провода к металлической инфраструктуре школьного здания. И, вероятно, провода от генератора, работавшего от дизеля. Именно он и производил весь тот шум, который они слышали.

Но если преступник подвел провода к двери, значит, он мог подвести их и к пожарной лестнице. И Амелия тут же бросилась вдогонку за Пуласки, который приближался к лестнице. Она не осмелилась его окликнуть,

даже шепотом, так как, если Гальт находился в школе, он бы услышал и открыл по ним стрельбу.

Поэтому ей пришлось оглушить Пуласки из электрошокера.

У нее была модель «Х-26», которая стреляла специальными высоковольтными и низковольтными зарядами. Дальность стрельбы у «Х-26» составляла около тридцати пяти футов. Когда Амелия поняла, что не сможет предупредить парня вовремя, она запустила в него двойной заряд. Рон упал там же, где стоял. Он сильно ушиб плечо, но, к счастью, на этот раз не ударился головой. Сакс, задыхаясь и дрожа, затащила его в укрытие, после чего отыскала и отключила генератор буквально за несколько мгновений до прибытия группы быстрого реагирования. Они разбили цепь на входных воротах и ворвались в школу.

— У тебя вид немного странноватый.

— Все произошло как-то слишком внезапно, — пояснил Пуласки, тяжело дыша.

— Ладно, расслабься, — посоветовала Амелия.

— Со мной все в порядке. Я буду помогать месту преступления… — Он заморгал как пьяный. — Я хотел сказать, что буду помогать тебе осматривать место преступления.

— А ты в состоянии приступить к работе?

— Если только не слишком быстро двигаться. Пожалуйста, держи при себе ту коробку, которую тебе дал Чарли Соммерс. Держи ее под рукой, хорошо? Я ни к чему не прикоснусь, пока ты все не проверишь своим прибором.

Они начали с осмотра генератора за школой. Пуласки собрал и сложил в пакет провода, по которым ток шел к двери и к пожарной лестнице. Сама Сакс осмотрела место вокруг генератора. Он представлял собой довольно большое устройство в несколько футов высотой и около трех футов длиной. На предупредительной надписи, наклеенной с одной стороны, значилось, что его максимальный выход составляет 5000 ватт и он способен производить ток силой 41 ампер.

Примерно в четыреста раз больше той силы, которой достаточно, чтобы убить человека.

Амелия кивнула в сторону генератора.

— Вы могли бы упаковать его и доставить Райму? — спросила она у сотрудников полицейского управления, которые присоединились к ним. Генератор весил фунтов двести.

— Спрашиваешь, Амелия! Конечно, доставим.

— Давай осмотрим помещение школы, — сказала она Пуласки.

Они шли по направлению к школе, когда зазвонил телефон Сакс. На дисплее появилось «Райм».

— Как раз вовремя, — воскликнула она радостно, отвечая на звонок. — У меня есть кое-что очень...

— Амелия, — прозвучал в трубке голос Тома — знакомый, но одновременно такой, каким она его никогда раньше не слышала. — Тебе надо поскорее приехать. Как можно скорее.

64

Тяжело дыша, Сакс взбежала по пандусу и распахнула дверь в таунхаус Райма. Громко топая ботинками, пробежала по вестибюлю и влетела в кабинет, располагавшийся справа, напротив лаборатории.

Том бросил на нее озабоченный взгляд. Он стоял рядом с инвалидным креслом Райма, в котором сидел сам Линкольн с закрытыми глазами, бледный, лицо его блестело от пота. Рядом также находился один из врачей Райма, крепко сложенный афроамериканец, в университетские годы — звезда футбола.

— Доктор Ральстон, — произнесла она срывающимся голосом.

Он кивнул.

— Амелия.

Наконец глаза Райма открылись.

— А, Сакс.

Его голос был очень слаб.

— Как ты?

— Нет-нет, как ты?

— Я в порядке.

— А Новичок?

— Опасность была, но все обошлось.

С трудом выговаривая слова, Райм произнес:

— Это ведь был генератор, верно?

— Да, а откуда ты знаешь? Тебе уже звонили из полицейского управления?

— Никто мне не звонил. Я сам все понял. Дизельное топливо и травы из Чайна-тауна. И то, что создавалось впечатление, будто в школе нет электричества. Я заподозрил, что там, должно быть, ловушка. Но… прежде чем я смог позвонить вам, у меня тут у самого возникли проблемы.

— Не страшно, Райм. Я сама все поняла.

И Сакс решила не говорить ему, насколько близко Пуласки был к гибели.

— Ну что ж, хорошо. Я… Хорошо.

Она догадалась, что Линкольн думает о том, почему он не смог до всего дойти раньше. Ведь он мог бы в каком-то смысле стать виновником их гибели или серьезной травмы. В подобной ситуации Райм раньше выходил из себя, даже начинал скандалить: требовал выпивки, оскорблял окружающих, обливая их потоками своего сарказма, но, как прекрасно знали Амелия и Том, все это, по сути, было направлено на него самого.

Однако сейчас все было по-другому. В его глазах появилось что-то такое, что ей сразу же очень не понравилось. Как ни странно, при всей тяжести своего состояния Линкольн Райм никогда раньше не производил впечатление человека уязвимого. И вот теперь он был буквально воплощением слабости и беззащитности.

Амелия почувствовала, что ей не следует смотреть на него, поэтому отвернулась и обратилась к врачу, который спокойно заговорил:

— Опасность миновала. Давление снизилось. — После этого он повернулся к Райму: больные с поражением спинного мозга более чем какие-либо другие инвалиды не любят, когда о них в их присутствии говорят в третьем лице. Что тем не менее случается довольно часто. — Старайтесь как можно меньше лежать в кровати. Лучше побольше сидите в кресле. Ну и следите за состоянием мочевого пузыря и кишечника. Одежда должна быть свободной.

Райм кивнул.

— А почему это произошло именно сейчас?

— Вероятно, из-за стресса в сочетании с каким-то давлением. Внутренним — или в обуви, одежде. Вы же знаете основную характеристику механизма дисрефлексии. Загадочность.

— Сколько времени я был без сознания?

— Примерно сорок минут, — ответил Том.

Райм покачал головой.

— Сорок минут!.. — прошептал он. Сакс поняла, что он еще раз прокручивает в голове свой провал, который чуть было не стоил жизни ей и Пуласки.

Райм перевел взгляд в сторону лаборатории:

— Где улики?

— Я приехала сюда без них. Сейчас появится Рон. Люди из управления полиции привезут генератор. Он весит две сотни фунтов.

— Рон скоро приедет?

— Да, скоро, — подтвердила Амелия, подумав, что она только что ему сказала об этом. Возможно, Райм еще не совсем пришел в себя, решила она. Или врач ввел ему болеутоляющее. Дисрефлексия, как правило, сопровождается жуткими головными болями.

— Хорошо. Он здесь скоро будет? Рон?

Амелия бросила растерянный взгляд на Тома.

— Да, с минуты на минуту.

— Линкольн, я бы посоветовал тебе остаток дня отдохнуть, — вмешался доктор Ральстон.

Райм колебался, опустив голову. Неужели на самом деле он должен уступить и подчиниться рекомендациям врача?

В конце концов он произнес очень тихим голосом:

— Извините, доктор, но я не могу. У нас расследование... очень важное расследование.

— Связанное с электрическими сетями? С террористами?

— Да. Я надеюсь, вы меня поймете. — Он боялся поднять глаза на врача. — Мне очень жаль, но у меня на самом деле нет другого выхода: я должен продолжать работу.

Сакс с Томом переглянулись. Извиняющийся тон был, мягко говоря, совершенно нехарактерен для Райма.

И вновь та же незнакомая им раньше беззащитность во взгляде.

— Я понимаю всю важность твоей работы, Линкольн. И не могу заставить тебя силой следовать моим советам. Просто не забывай того, что я сказал: сохраняй преимущественно вертикальное положение и избегай любого давления, внутреннего и внешнего. Я знаю, что тебе бессмысленно рекомендовать избегать стресса. По крайней мере пока этот маньяк гуляет на свободе.

— Спасибо. И тебе спасибо, Том.

Помощник Райма растерянно заморгал и кивнул.

И вновь Райм, опустив голову, боролся с какими-то сомнениями, а не мчался на своем кресле на всей скорости в лабораторию, как случалось в подобных ситуациях прежде. Даже когда открылась входная дверь и до них донеслись голоса Пуласки и других сотрудников отдела криминалистики, которые доставили новые улики, Райм не пошевелился, продолжая сидеть, низко опустив голову.

— Ли... — Сакс чуть было не нарушила их тайную договоренность и не произнесла его имя, но вовремя осеклась. — Райм?.. Может быть, ты хочешь перейти в лабораторию?

— Да, конечно.

Однако своей позы он не изменил и продолжал сидеть, уставившись в пол.

В ужасе Амелия подумала, что у него начинается новый приступ.

Но вот Линкольн с трудом сглотнул и нажал на кнопку управления креслом. Он явно почувствовал облегчение, и тут только до Амелии дошла суть происходящего: Райм испугался, что из-за приступа он утратил и ту незначительную подвижность правой руки и пальцев,

которой ему с таким трудом удалось добиться после длительных упражнений.

Значит, вот на что он так пристально смотрел — на свою руку. К счастью, все обошлось.

— Пошли, Сакс, — сказал он, правда, еще очень тихим голосом. — Нам предстоит большая работа.

65

Зал для игры в бильярд выглядит как наркопритон, подумал Рикки.

Надо обязательно поговорить об этом с отцом.

Тридцатилетний мужчина сжал бледными руками пивную бутылку и стал наблюдать за игрой, затянувшись сигаретой и выпустив дым в сторону вентиляционной решетки. Идиотский закон о курении... Отец говорит, что во всем виноваты социалисты в Вашингтоне. Они не моргнув глазом отправляют наших детей на верную смерть в такие уголки земного шара, названия которых, как ни старайся, все равно не выговоришь, и одновременно издают законы против курильщиков. Долбаные лицемеры!

Внимательный взгляд устремлен на бильярдные столы. Вот за тем проворным парнем за крайним столом нужен глаз да глаз — на кону серьезные деньги, — но у Стиппа за барной стойкой лежит бейсбольная бита. И он любит ею помахать.

Рикки тут же вспомнил про чертовых «Метсов» и схватился за пульт.

«Бостон» не улучшил его настроения.

Потом он переключил на новости о маньяке, калечащем людей с помощью электричества. Его брат умел работать с электричеством — и вообще он мастер на все руки, — а самого Рикки провода всегда пугали.

И вот теперь какой-то придурок свободно поджаривает людей по всему городу.

— Слышал об этом дерьме? — спросил он Стиппа.

— О каком дерьме? — У Стиппа один глаз косил — во всяком случае, никогда не глядел прямо на вас.

— Об электричестве. О придурке, который подвел провода и поубивал кучу народу в отеле. Прикасаешься к дверной ручке… з-зззззз… и ты мертвец.

— А… про это дерьмо… — Стипп не то засмеялся, не то закашлял. — Как на электрическом стуле.

— Да, как на электрическом стуле. Только им может стать лестница или металлические двери. Или лифты.

— Входишь в него — и тебе крышка?

— Думаю, что так. Да-а. Нажимаешь металлическую кнопку на переходе. И то же самое. В одно мгновение на том свете.

— А зачем ему такие дела?

— Черт его знает… Электрический стул… Напустишь в штаны, и волосы на голове загорятся. Вот что иногда убивает — огонь, в котором ты сгораешь.

— В большинстве штатов уже перешли на уколы. — Стипп нахмурился. — А ты, наверное, все еще мочишься в штаны.

Рикки смотрел на Дженни в облегающей блузке и пытался вспомнить, в котором часу должна прийти его жена за деньгами, как вдруг открылась дверь и в бильярдный салон вошли два человека. Двое ребят в форме компании по доставке — наверное, из утренней смены.

И сразу же за ними в салон протиснулся бомж.

Черт!..

Негритос в грязной одежде бросил свою тележку с объедками на тротуаре и забежал сюда к ним. И вот теперь он повернулся спиной к Рикки, смотрит в окно и почесывает ногу. Закончив с ногой, он начал скрести голову под замызганной бейсболкой.

Рикки перехватил взгляд бармена и, не говоря ни слова, отрицательно покачал головой.

— Эй, мистер, — крикнул Стипп. — Чем-то можем быть вам полезны?

— Там что-то странное, — пробормотал бродяга. Минуту он разговаривал сам с собой. А потом более громким голосом произнес: — Я что-то видел. И мне очень не понравилось. — И он резко и пронзительно расхохотался.

— Забирай-ка свои вещички, мужик, и вали отсюда.

— Видите это? — спросил бродяга, ни к кому конкретно не обращаясь.

— Ну давай-давай, иди.

Но бомж просеменил к бару и уселся за стойку. Минута у него ушла на то, чтобы выкопать из кармана несколько грязных долларовых бумажек и целую тонну мелочи. Он тщательно пересчитал монеты.

— Я уже столько времени без выпивки. Видите того парня? Парня с проводом?

С проводом?..

Рикки и Стипп переглянулись.

— Свихнувшийся придурок ходит по нашему городу. — Он перевел взгляд своих безумных глаз на Рикки. — Этот придурок был вон там снаружи. Вот у того фонаря. Он что-то там делал. Играл с проводами. Вы же слышали, что творится в нашем городе? Людям поджаривают задницы.

Рикки проследовал к окну мимо бомжа, от которого воняло так, что его чуть не вырвало. Он выглянул в окно и увидел фонарь. Что там, рядом с ним? Провод? На таком расстоянии Рикки не мог разглядеть. Неужели рядом с их заведением ходит террорист? В Нижнем Ист-Сайде?

А почему нет?

Если его цель — убивать ни в чем не повинных людей, их район подойдет ему ничуть не хуже всех остальных.

— Послушай, мужик, уходи-ка ты отсюда, — сказал Рикки, обращаясь к бродяге.

— Мне нужна выпивка.

— Ну, ты ее не получишь. — Снова взгляд на улицу. Рикки показалось, что на этот раз он заметил какие-то провода, или кабели, или что-то на них похожее. Что происходит? Неужели кто-то задумал пошутить с их баром? Рикки вдруг вспомнил, сколько здесь у них металла. Опора для ног у барной стойки, раковины, дверные ручки, кассовый аппарат. Черт, даже писсуар у них металлический. И когда ты будешь мочиться, ток побежит по струе прямо к тебе в член?!

— Вы не понимаете, ничего не понимаете! — завыл бомж, и от этого у Рикки стало еще муторнее на душе. — Там на улице опасно. Посмотрите на улицу. Очень опасно. Кретин с проводами... Я останусь у вас, пока он там.

Рикки, бармен, Дженни, игроки в бильярд, парни из компании по доставке — все, как один, смотрели в окно. Все игры за всеми столами прекратились. Интерес Рикки к Дженни рассеялся как дым.

— Очень опасно, мужики. Дайте-ка мне водки с кока-колой.

— Выметайся вон отсюда! Я не буду больше повторять.

— Ты что, думаешь, я не смогу тебе заплатить? У меня этих гребаных денег полон карман.

Вонь от бомжа наполняла бар. У Рикки перехватывало дыхание и все внутри переворачивалось.

Можно сгореть...

— Мужик с проводом, мужик с проводом...

— Я сказал, выметайся отсюда! Кто-нибудь сейчас уведет у тебя твою грязную коляску с барахлом.

— Нет, на улицу я не пойду. И ты меня не заставишь. Я не хочу сгореть заживо.

— Вон!

— Нет!.. — Вонючий бомж изо всей силы саданул кулаком по стойке. — Вы не имеете права... не имеете права не обслуживать меня. — И тут же добавил: — Потому что я черный.

На улице что-то вспыхнуло. Рикки окаменел. Но тут же вздохнул с облегчением: это просто отблеск в окне от проезжавшей мимо машины. Страх разозлил его еще больше.

— Мы не обслуживаем тебя потому, что ты воняешь, и потому, что ты придурок. Убирайся!

Бродяга собрал свои грязные банкноты и липкие монеты. В общей сложности у него было, наверное, долларов двадцать.

— Придурок не я, а ты, — пробормотал он. — Ты вышвыриваешь меня на улицу, а там меня убьет током.

— Забирай свои деньги и убирайся. — Стипп вынул из-под стойки биту и продемонстрировал ее бродяге.

Но тот не обратил на нее ни малейшего внимания.

— Если ты вышвырнешь меня отсюда, я всем расскажу про вас. Я знаю, какие у вас тут дела творятся. Вы думаете, я не знаю? Я видел, как ты смотрел на ту сисястую мисс. А у тебя на пальце обручальное кольцо. О чем только твоя жена думает, мистер Придурок?!

Рикки обеими руками ухватился за грязную куртку бомжа.

Негр завопил в панике:

— Не бей меня! Я полицейский! Я агент!

— Ты грязный подонок, вот ты кто.

И Рикки размахнулся, чтобы нанести удар.

В мгновение ока перед его физиономией появилось удостоверение сотрудника ФБР, за ним последовал «глок».

— О, будь я проклят!.. — пробормотал Рикки.

Один из двух белых парней в форме фирмы по доставке, которые вошли перед бродягой, сказал:

— Фред, мы свидетели. Он пытался причинить тебе физический вред после того, как ты представился ему как сотрудник органов правопорядка. А теперь нам пора.

— Большое спасибо, ребята. Дальше я справлюсь сам.

66

Фред Дельрей сел в углу бильярдного клуба на расшатанный стул, повернув его спинкой вперед, и пристально взглянул на Рикки. Их разделяла спинка стула, что несколько уменьшало агрессивный характер общения — агенту не хотелось, чтобы Рикки был настолько напуган, что не смог бы разумно отвечать на его вопросы.

Хотя немного он все-таки должен был его побаиваться.

— Ты знаешь, кто я такой, Рикки?

Тяжелый вздох сотряс тщедушное тело парня.

— Нет… Я хочу сказать, что теперь-то я, конечно, знаю, что вы тайный агент ФБР. Но я не понимаю, что вам от меня надо.

— Я ходячий детектор лжи, — продолжал Дельрей. — У меня такой большой опыт, что мне достаточно бросить взгляд на девушку, которая говорит мне: «Пойдем ко мне потрахаемся», — и я понимаю, что на самом деле она думает: «Пока мы дойдем до дома, он будет настолько пьян, что я смогу спокойно поспать».

— Я только защищался. Вы мне угрожали.

— Черт. Да, угрожал. И ты можешь просто закрыть рот и, не говоря ни слова, ждать прихода адвоката. Ты даже можешь позвонить в ФБР и пожаловаться на меня. Но какую из этих двух возможностей ты ни выберешь, в любом случае до твоего папочки в Синг-Синге дойдет слух, что его сынок напал на агента ФБР. После чего он вспомнит, что доверил тебе на то время, пока находится в тюрьме, единственное достояние — здешний дерьмовый бар — в надежде, что ты не облажаешься, а ты облажался.

Дельрей не без удовольствия наблюдал, как ежится его собеседник.

— Чего вы от меня хотите?

Чтобы еще раз удостовериться, что спинка стула не создает излишнего ощущения безопасности у Рикки, Дельрей положил руку парню на бедро и больно надавил.

— Ой! Что вы такое делаете?

— Тебя когда-нибудь проверяли на полиграфе, Рикки?

— Нет, никогда…

— Это ри-то-ри-чес-кий вопрос, — прервал его Дельрей. На самом деле вопрос был не столько риторическим, сколько предназначался для дальнейшего запугивания Рикки и тем самым служил чем-то вроде гранаты со слезоточивым газом.

Агент для большего впечатления надавил еще раз. А в голове у него проносились странные мысли типа: «Эй, Макдэниел, вряд ли ты можешь делать нечто подобное, когда ведешь прослушивание в „облачной зоне“, и очень жаль, ибо такие вещи способны доставлять удовольствие».

Фред Дельрей оказался здесь только благодаря Серене. То, что она попросила его сделать, на самом деле не имело никакого отношения к уборке подвала. Она хотела отвлечь его от мрачных мыслей. Жена

провела его вниз, в заваленную всяким барахлом кладовую, где он хранил свои костюмы с тех самых пор, когда работал тайным агентом. Нашла там один из них, запечатанный в такой же пластиковый пакет, какой она использовала и для своего свадебного платья. Это был костюм Бездомного Алкоголика с ароматом плесени, разнообразной человеческой грязи и небольшого количества кошачьей мочи, достаточного, чтобы выдавить признание из собеседника в течение первых мгновений разговора.

— Ты потерял своего информатора, — сказала Серена. — Перестань мучиться угрызениями совести. Иди найди его. А если не сможешь найти его самого, попытайся отыскать то, что он нашел.

Дельрей улыбнулся, обнял ее и пошел переодеваться.

Когда он уходил, Серена воскликнула:

— Ого-го, ну ты и воняешь! — и хлопнула его по заднице.

И вот в таком виде Фред появился на улице.

Уильям Брент умел заметать следы, но Дельрей умел их находить. Главное, что ему с самого начала удалось установить, — Брент действительно занимался теми поисками, на которые его направил Дельрей. Уильям Брент действительно отыскал какую-то нить, которая выводила его на Гальта, «Справедливость для Земли» или на что-то другое, связанное с терактами. Уильям работал добросовестно и копал глубоко. В конце концов Дельрею удалось выяснить, что Брент приходил сюда, в здешний темный бильярдный зал, где его информатор в конечном итоге все-таки получил очень важную информацию от парня, колено которого в данный момент так больно сжимал Дельрей.

— Итак. Мои карты. На столе. Поразвлечемся? — сказал Фред.

— Господи!.. — Гримаса отвращения и страха исказила физиономию Рикки. — Объясните, что вам от меня надо.

— Вот это разговор, сынок.

На стойку легла фотография Уильяма Брента.

Дельрей внимательно всматривался в лицо своего собеседника. На мгновение в глазах Рикки появилось выражение узнавания и тут же пропало.

Не теряя времени, агент спросил:

— Сколько он тебе заплатил?

По едва заметной паузе, предварявшей ответ парня, Фред понял, что Брент на самом деле заплатил ему, но сумма, которая сейчас будет озвучена, гораздо меньше той, которую Рикки реально получил.

— Тысячу.

Черт! Бренту можно быть щедрым на деньги Дельрея.

— Не за наркоту, мужик, клянусь! — хнычущим голосом произнес Рикки. — Я такими делами не занимаюсь.

— Так я тебе и поверил. Но меня сейчас это не интересует. Он приходил сюда за информацией. И теперь... теперь... теперь... Мне нужно знать, о чем он спрашивал и что ты ему сообщил.

Дельрей снова надавил своими длинными, но очень сильными пальцами.

— Хорошо, я скажу. Билл... он назвался Биллом. — Рикки ткнул пальцем в фотографию.

— Билл — нормальное имя, не хуже других. Продолжай, дружище.

— До него дошел слух, что в нашем районе кое-кто живет. Один парень, который недавно приехал в город на белом фургоне. С оружием. С большой пушкой сорок пятого калибра. И он кого-то там прикончил.

— Кого? И за что? — спросил Дельрей.

— Он не знал.

— Имя?

— Тоже не знал.

Детектор лжи агенту не понадобился: по лицу и голосу Рикки было ясно, что он без особых проблем пройдет тест на дхармическое качество честности.

— Ну, давай продолжай, Рикки, дружище; что ты еще о нем знаешь? Белый фургон, недавно приехал в город, большая пушка сорок пятого калибра. Пришил кого-то по неизвестной причине.

— Говорят, он их вначале похищал, а потом кончал... В общем, такой чувак, с которым лучше дел не иметь.

Короткая пауза.

— Ну и этот Билл, — продолжал Рикки, — или как там его звали, прослышал, что у меня есть кое-какие знакомства. Что я могу получить определенную информацию. Что у меня есть свои каналы связи…

— Каналы связи?

— Да, через знакомых в нашем районе.

— Ах вот оно что. И ты подключен к этим каналам, сынок? Тебе известно все, что происходит в твоем районе? Ты Этель Мерц [8]Нижнего Ист-Сайда?

— Кто-кто?

— Продолжай.

— Ну… в общем, я на самом деле кое-что слышал. Мне вообще нравится быть в курсе, чтобы не угодить в какое-нибудь дерьмо. И я слышал про того парня примерно то же, что и Билл. И я ему назвал адрес. Вот в принципе и все.

Дельрей понял, что Рикки говорит ему правду.

— Выкладывай адрес.

Рикки назвал адрес — полутрущобная улочка неподалеку.

— Квартира в подвальном этаже.

— Чудесно. Огромное спасибо, сынок.

— Вы…

— Будь спокоен, папочке я ничего не скажу. Конечно, если только ты мне тут не навешал лапши на уши.

— Нет, Фред, будьте уверены…

Когда Дельрей был уже у самой двери, Рикки крикнул ему вдогонку:

— Вы неправильно поняли.

Агент обернулся.

— Мы вас не обслуживали, потому что от вас плохо пахло, а не потому, что вы черный.

Пять минут спустя Дельрей уже подходил к тому кварталу, который ему назвал Рикки. Он раздумывал, не стоит ли ему вызвать подкрепление, но потом решил пока никого не беспокоить. Работа тайного агента требовала хитрости и тонкой стратегии, а не сирен и групп захвата. И не Такера Макдэниела с его методами. Дельрей быстро шел по улицам, избегая больших толп, и, как всегда, у него в голове всплывал вопрос. Сейчас середина дня. Что все эти люди делают на улице и чем они, черт возьми, зарабатывают себе на жизнь? Затем Фред свернул за угол, пересек улицу и оказался в переулке, из которого мог подойти к нужному ему дому сзади.

Дельрей бросил быстрый взгляд в сторону мрачного, дурно пахнущего городского каньона.

Неподалеку от него какой-то белый парень в бейсболке и широкой рубахе подметал мостовую. Дельрей еще раз проверил адрес — он находился прямо за тем домом, в который Рикки направил Уильяма Брента.

Ну что ж, в этом есть нечто чертовски странное, подумал он и пошел в глубь переулка. Дворник повернул в его сторону физиономию, почти полностью закрытую зеркальными солнцезащитными очками, затем снова вернулся к работе. Дельрей остановился рядом с ним, нахмурился и оглянулся по сторонам, как будто пытаясь что-то понять.

После несколько напряженной паузы дворник спросил:

— Эй ты, что тебя здесь так заинтересовало?

— Сейчас объясню, — ответил Дельрей. — Во-первых, меня заинтересовало то, что переодетый полицейский по какой-то непонятной причине подметает мостовую в районе, где ее в последний раз подметали сто тридцать лет назад.

И он предъявил свое удостоверение.

— Дельрей? Слышал о вас. — Немного смутившись, полицейский добавил: — Я делаю то, что мне сказали. Веду наблюдение.

— Ведешь наблюдение? За чем? Что это за место?

— А вы не знаете?

Дельрей покачал головой.

Когда полицейский все ему объяснил, он на мгновение лишился дара речи. Но только на мгновение. Несколько секунд спустя он уже снимал

свой вонючий костюм, чтобы выбросить его в мусорный бак. И, бросившись со всех ног в сторону ближайшей станции метро, не мог не заметить удивленное выражение лица полицейского, причиной которого был либо сам акт стриптиза, либо то, что под вонючим тряпьем у него был дорогой спортивный костюм, либо то и другое одновременно.

67

«Родольфо, скажи мне»

— У нас, наверное, хорошие новости, Линкольн. Люди Артуро Диаса преследуют мистера Часовщика до Густаво-Мадеро. Это район в северной части города, похожий на ваш Бронкс. Большая его часть — настоящие трущобы, и Артуро считает, что там находятся сообщники преступника.

— А вам известно, где он сам?

— Они думают, что да. Они нашли машину, в которой он бежал, но отстали от него всего минуты на три-четыре и не смогли нагнать из-за очень большого движения на улицах. Его видели в большом жилом доме неподалеку от центра района. В настоящее время дом окружают. Мы проведем полный обыск всех помещений. Я скоро перезвоню.

Райм закончил разговор, изо всех сил пытаясь избавиться от нетерпения и беспокойства. Он поверит в арест Часовщика только тогда, когда того доставят в здание суда в Нью-Йорке.

Оптимизма не прибавил и звонок Кэтрин Дэнс. Он сообщил ей последние новости, и она ответила:

— Густаво-Мадеро? Это отвратительный район, Линкольн. Я ездила в Мехико по вопросам экстрадиции. Мы проезжали через него. И я была счастлива, что нам не пришлось там выходить из машины, даже при том что с нами были два вооруженных офицера федеральных сил. Густаво-Мадеро — настоящий муравейник. Там практически невозможно никого найти. Правда, есть один плюс: тамошние жители не хотят видеть в своем районе полицию, и если Луна привезет туда автобус вооруженных полицейских, местные жители очень быстро выдадут им любого американца.

Райм пообещал держать ее в курсе и отсоединился. Он вновь ощутил сильнейшую усталость и головокружение как следствие недавней дисрефлексии и опустил голову на мягкое подголовье своего кресла.

«Ну давай, давай, возвращайся к работе!» — скомандовал он себе. Райм всегда требовал от себя не менее чем сто десять процентов работоспособности. Собственно, того же он требовал и от других. Но в данный момент его реальная работоспособность была намного ниже этого уровня.

Линкольн поднял голову и увидел Рона Пуласки у стола с материалами следствия. Мысли о Часовщике сразу же улетучились. Молодой человек двигался очень медленно. Райм с беспокойством посмотрел на него. Удар электрошокером явно оказался слишком сильным.

Но за беспокойством последовало другое чувство, которое он слишком часто испытывал за последний час. Чувство вины. Не по чьей-нибудь, а по его вине Пуласки и Сакс чуть было не погибли в ловушке, устроенной Гальтом в пустующем здании школы. Амелия, конечно же, попыталась замять инцидент. Пуласки тоже. «Она пощекотала меня своим электрошокером, ребята», — сказал он со смехом. Мел Купер улыбнулся, но Райму было не до шуток. Он пребывал в каком-то замешательстве, мысли у него путались, и причиной тому был не только недавний приступ. Линкольн никак не мог избавиться от чувства собственной неадекватности, вызванного тем, что произошло с Сакс и Новичком.

Он заставил себя сосредоточиться на уликах, собранных в здании школы. Их было несколько мешков. Но самая важная, конечно же, генератор. Линкольн Райм любил большое громоздкое оборудование. Чтобы его передвинуть, требовалось как следует упереться, в результате чего на оборудовании оставалось много отпечатков, волокон, волос, пота, клеток кожного покрова и множество других следов. Генератор стоял на специальной тележке на колесах, однако, чтобы его установить, преступнику пришлось явно повозиться.

Рону Пуласки позвонили. Он украдкой взглянул на Райма, а затем прошел в дальний угол лаборатории, чтобы там побеседовать по телефону. Несмотря на то что он все еще был немного не в себе, его лицо внезапно озарилось радостью. Рон закончил разговор, подошел к окну и несколько минут молча смотрел на улицу. Хотя Райм не знал сути разговора, он не удивился, когда молодой человек подошел к нему с явным желанием в чем-то признаться в глазах.

— Я должен тебе кое-что сказать, Линкольн.

Он перевел взгляд на Лона Селлитто.

— Вот как? — рассеянно произнес Райм.

— Я был не совсем правдив с вами.

— Не совсем?

— Да, я вас обманул.

— В чем?

Окинув взглядом доски с материалами следствия и профиль Рэя Гальта, Пуласки признался:

— Результаты анализа ДНК… Я знал, что они больше не нужны, и воспользовался ими как предлогом. Пошел навестить Стэна Палмера.

— Кого?

— Человека, которого я сбил в переулке и который сейчас находится в больнице.

Райм начал раздражаться: ему хотелось как можно скорее заняться анализом новых материалов, — но что-то подсказывало ему, что он может узнать нечто важное. Он кивнул и спросил:

— С ним все в порядке?

— Врачи пока не могут точно сказать. Однако я сейчас о другом. Во-первых, хочу извиниться за то, что солгал вам. Я хотел раньше сознаться вам, но потом подумал, что вы будете сердиться.

— И не ошибся.

— Есть и кое-что еще. Когда я был в больнице, то спросил у сестры номер его карточки социального страхования. И кое-что из личной информации о нем. И знаете что? Он был мошенником. Три года провел в «Аттике». [9]И за ним многое числится.

— В самом деле? — воскликнула Сакс.

— Да… И в данный момент на него заведено дело.

— Значит, он в розыске, — задумчиво произнес Райм.

— А в чем его обвиняют? — спросил Селлитто.

— В применении физического насилия, в укрывательстве краденого, в ограблениях.

Селлитто рассмеялся.

— Ну, сынок, ты въехал прямо в дерьмо, в самом буквальном смысле.

Он снова рассмеялся и взглянул на Райма. Тот не разделил его веселья.

— Значит, вот почему ты так приободрился, — сказал криминалист.

— Нет, я не радуюсь тому, что сбил его. Конечно, в той ситуации вина полностью на мне...

— Ну понятно: если кого-то нужно задавить на машине, то пусть уж лучше это будет такой подонок, чем отец семейства.

— Ну, в общем, да... — простодушно ответил Пуласки.

Райм мог бы прочитать ему целую лекцию на данную тему, но понимал, что сейчас для нее не время и не место.

— Самое главное для нас сейчас то, что тебя больше ничего не отвлекает. Я прав?

— Да.

— Отлично. Если очередная мыльная опера наконец-то закончена, может быть, мы все-таки приступим к работе?

Он взглянул на электронные часы: 15:00. Время пульсировало, как ток в высоковольтном проводе. Им была известна личность преступника, известен его адрес. Но они совершенно ничего не знали о том, где он может сейчас находиться.

В то же мгновение в дверь позвонили.

Еще секунду спустя на пороге лаборатории появился Том с Такером Макдэниелом, но без его неизменного спутника. Взглянув на фэбээровца, Райм сразу же понял, с какой новостью тот пришел. Вероятно, поняли это и все остальные, кто находился в комнате.

— Очередное требование? — спросил Райм.

— Да. И на этот раз он значительно повысил ставки.

68

— Какой срок? — спросил Селлитто.

— Шесть тридцать сегодня вечером.

— Значит, у нас немногим более трех часов. Чего же он хочет?

— Нынешнее его требование еще более безумно, чем первые два. Мне можно воспользоваться компьютером?

Райм кивнул в сторону компьютера.

Такер что-то набрал на клавиатуре, и на экране появилось послание Гальта. Райм после приступа плохо видел. Он заморгал и наклонился к монитору.

«Алгонкин консолидейтед» и исполнительному директору Энди Йессен

Вчера, примерно в шесть часов вечера, с помощью периферийного устройства переключения ток напряжением 13 800 вольт из местной распределительной системы в офисном здании д. 235 по 54-й Западной улице был направлен к полу лифтовой кабины. Обратный провод соединялся с панелью управления в лифте. Когда лифт остановился, не доехав до первого этажа, один из находившихся в нем прикоснулся к панели, чтобы нажать на кнопку экстренного вызова, в результате чего цепь замкнулась и люди, ехавшие в лифте, погибли.

Дважды я обращался к вам с просьбой проявить добрую волю и снизить подачу электроэнергии. И дважды вы отказывались пойти навстречу. Если бы вы приняли мои вполне разумные требования, то удалось бы избежать многих страданий, которые по вашей вине пережили те люди, которых вы привыкли именовать потребителями. Вы легкомысленно пренебрегли моими требованиями, и ни в чем не повинным людям пришлось заплатить очень высокую цену за вашу безответственность.

В 1931 году, когда скончался Томас А. Эдисон, его коллеги обратились к городскому руководству с просьбой на шестьдесят секунд отключить электричество в городе, дабы почтить память человека, который создал систему электроснабжения и принес свет миллионам людей. Руководство города отказало им в этой просьбе.

Я выступаю с тем же требованием, и не из уважения к человеку, создавшему систему электроснабжения, а ради тех людей, которые постоянно гибнут из-за нее, тех, у кого возникают неизлечимые болезни из-за высоковольтных линий, из-за загрязнения окружающей среды в результате сжигания угля, из-за радиации; ради тех, кто теряет свои жилища из-за землетрясений, вызываемых геотермальным бурением и строительством плотин на реках; ради тех, кого обманывают такие компании, как «Энрон», и список этот может быть бесконечен.

Но в отличие от 1931 года я требую, чтобы вы отключили электроэнергию по всему северо-востоку на целый день начиная с 18:30 сегодняшнего вечера.

Если вы выполните мои требования, люди поймут, что им не нужно такое количество электроэнергии, которое они ныне потребляют. Они поймут, что ими руководит их жадность и алчность, на которых вы столь умело и преступно играете. Ради чего? Конечно же, исключительно ради БАСНОСЛОВНЫХ ПРИБЫЛЕЙ.

Если вы проигнорируете мои требования и на этот раз, последствия будут гораздо, гораздо более страшными, чем те незначительные инциденты, что имели место вчера и позавчера, и человеческих жертв будет во много раз больше.

Р. Гальт.

— Абсурдное требование, — заметил Макдэниел. — Если его выполнить, возникнет хаос, мародерство, разгул преступности. Губернатор и президент настроены очень решительно. Ни о каких уступках не может быть и речи.

— А где само письмо? — спросил Райм.

— Вот оно. Он прислал его по электронной почте.

— И на чье имя?

— Энди Йессен лично. Ну и компании. На почтовый ящик их отдела безопасности.

— Есть ли какая-то возможность выйти на источник отсылки?

— Нет. Он воспользовался европейским прокси-сервером... Создается впечатление, что он планирует какую-то масштабную акцию. — Макдэниел обвел присутствующих взглядом. — В дело самым активным образом включился Вашингтон. К нам приезжают те сенаторы, которые работают с президентом над проектами по возобновляемым источникам энергии. Они намерены встретиться с мэром. Замдиректора ФБР тоже приезжает. Координацией всего занимается Гэри Ноубл. Число агентов, военных и полиции на улицах увеличено. Количество полицейских — на целую тысячу. — Он протер глаза. — Линкольн, люди и оружие у нас есть, но нам необходимо иметь хоть какое-то представление о том, где он намеревается нанести свой следующий удар. Что у вас есть? Нужно что-то конкретное.

Макдэниел как будто напоминал Райму, что он доверил криминалисту это дело только потому, что полагал, что его состояние никак не скажется на ведении расследования.

Райм получил то, что хотел, — расследование интересного дела. Но ему до сих пор не удалось найти преступника. Более того, его физическое состояние, которое, как он заверял Макдэниела, не может вызвать никаких проблем, чуть было не стало причиной гибели Сакс и Пуласки, а также десятка членов группы быстрого реагирования.

Линкольн пристально посмотрел прямо в глаза агенту — глаза хищника на гладкой физиономии — и спокойно ответил:

— У меня есть новые материалы следствия, которые я еще должен проанализировать.

После некоторых колебаний Макдэниел взмахнул рукой в несколько двусмысленном жесте.

— Хорошо. Работайте.

Райм уже повернулся к Куперу и кивнул на цифровой магнитофон, на котором были записаны вопли «жертвы».

— Аудиоанализ.

Надев перчатки, Купер подсоединил устройство к компьютеру и нажал несколько клавиш. Мгновение спустя, глядя на кривые, появившиеся на экране, он сказал:

— По звуку и качеству сигнала можно заключить, что запись сделана с телевизора. Кабельного.

— Марка записывающего устройства?

— «Санойя». Китайское. — Он ввел еще несколько команд и стал оценивать новые данные на экране. — Продается примерно в десяти тысячах магазинах по стране. Серийного номера нет.

— Что-нибудь еще?

— Никаких отпечатков и каких-либо других следов, кроме хорошо нам известной тарамасалаты.

— А генератор?

Купер и Сакс начали его осматривать, а Такер Макдэниел тем временем в дальнем углу разговаривал по телефону. Выяснилось, что генератор представляет собой модель «Пауэр-плюс», производимую компанией «Уильямс-Джонас» в Нью-Джерси.

— Где приобретен? — спросил Райм.

— Попробуем установить, — ответила Сакс.

В результате двух телефонных звонков: в местный офис продаж компании и генподрядчику, к которому их направили в офисе, — выяснилось, что генератор был похищен со строительной площадки на Манхэттене. По словам сотрудников тамошнего полицейского участка, никаких улик по той краже найти не удалось. На стройке камер наблюдения не было.

— Какие странные следы, — объявил вдруг Купер.

Он проверил их на спектрографе.

— Кое-что есть. — Купер наклонился вперед к экрану. — Гм-мм.

Обычно подобные междометия заставляли Райма устремлять на Купера нетерпеливый взгляд, говорящий: «Что сие значит?» Но сейчас он все еще чувствовал сильнейшее утомление и слабость после приступа. И потому просто терпеливо ждал объяснений Мела.

Но вот Купер заговорил:

— Не думаю, что я когда-нибудь раньше встречался с чем-то подобным. Большое количество кварца и немного нашатыря. Соотношение примерно десять к одному.

Райм уже знал ответ.

— Чистящее средство для медных изделий.

— Для медных проводов? — предположил Пуласки. — Гальт их чистит?

— Хорошая мысль, Новичок, но я не уверен, что это действительно так. — Вряд ли электрики чистят провода, подумал Райм. — В основном такое средство используется для чистки меди в зданиях, — добавил он. — Что-нибудь еще, Мел?

— Некоторое количество каменной пыли, редко встречающейся на Манхэттене. Архитектурная терракота. — Купер уже смотрел в микроскоп. — И несколько гранул, похожих на белый мрамор.

— Полицейские выступления пятьдесят седьмого, — вырвалось у Райма. — Тысяча восемьсот пятьдесят седьмого.

— Что? — переспросил Макдэниел.

— Несколько лет назад. Дело Дельгадо.

— Ах да, конечно, — отозвалась Сакс.

— Мы с ним работали? — спросил Селлитто.

Гримаса на лице Райма означала: не имеет значения, кто с ним работал. Или когда. Криминалист — черт, да любой полицейский — должен знать обо всех важнейших делах в городе, настоящих и прошлых. Чем больше информации содержится у тебя в мозгах, тем больше связей там может возникнуть, которые в конечном итоге помогут тебе раскрыть очередное преступление.

Домашнее задание…

Он пояснил. Несколько лет назад Стивен Дельгадо, параноидный шизофреник, планировал ряд убийств, имитирующих преступления, совершенные во время печальной памяти выступлений нью-йоркских полицейских в 1857 году. Сумасшедший выбрал ту же местность, в которой произошла бойня за сто пятьдесят лет до того, — парк у здания городского муниципалитета. Дельгадо арестовали после первого же совершенного им убийства, так как Райму удалось отыскать его жилище в Верхнем Вест-Сайде по следам, включавшим чистящее средство для меди, терракоту из здания компании «Уолворт» и белую мраморную пыль из здания городского суда, в котором в то время, так же как и сейчас, проходил ремонт.

— Вы полагаете, он собирается атаковать здание муниципалитета? — испуганно спросил Макдэниел, и его рука с телефоном бессильно опустилась.

— Думаю, какая-то связь есть. Это пока все, что я могу сказать. Поместите полученную информацию на доску, и мы над ней поразмыслим. Что еще нам может сообщить генератор?

— Еще волосы, — провозгласил Купер, поднимая пинцет. — Светлые, примерно девять дюймов длиной. — Он положил их под стекло и навел трубу микроскопа. — Не крашеные. Естественного цвета. Никаких признаков обесцвечивания и высушивания. Можно с уверенностью заключить, что они принадлежат человеку моложе пятидесяти лет.

Также колебания рефракции на одном конце. Можно провести его через хромотограф, но я на девяносто процентов уверен, что это...

— Лак для волос.

— Совершенно верно.

— Вероятно, женщина. Что-нибудь еще?

— Еще волосы. Русые. Короче. Стрижка под «ежик». Также человека моложе пятидесяти лет.

— Значит, — заключил Райм, — не Гальт. Может быть, мы наконец вышли на пресловутую «Справедливость для Земли». Или на каких-то других участников. Продолжайте.

Дальнейшие новости были не столь обнадеживающими.

— Фонарь мог быть куплен в тысяче самых разных мест. Никаких следов и отпечатков. Происхождение веревки также невозможно определить. Кабель, который он подвел к дверям школы, — тот же самый «беннингтон». Болты тоже такие же, как и все остальные.

Глядя на генератор, Райм внезапно почувствовал, что мысли беспорядочно роятся у него в голове. Отчасти это объяснялось недавним приступом, но во многом причиной было расследуемое дело. Что-то тут было не так... Не хватало каких-то важных частей головоломки.

Ответ должен скрываться где-то в материалах следствия. И в не меньшей степени в том, что в названных материалах отсутствовало. Чтобы немного успокоиться, Райм стал внимательно читать записи на досках. И вовсе не для того, чтобы предупредить очередной приступ дисрефлексии в соответствии с рекомендацией врача, а потому, что прекрасно знал: ничто не ослепляет так быстро, как отчаяние.

ПРОФИЛЬ ПРЕСТУПНИКА

Установлена личность: Рэймонд Гальт, 40 лет, холост, проживает на Манхэттене, 227, Саффолк-стрит. — Связь с террористами? Связан со «Справедливостью для Земли»? Возможно, экотеррористическая группировка. Ни в каких базах данных в США или международных не зарегистрирована. Новая? Подпольная? Причастен некто по имени Рахман. А также некий Джонстон. Закодированные упоминания о денежных выплатах, передвижении персонала и о чем-то «значительном». — Проникновение на подстанцию в Филадельфии, возможно, связано с преступлениями. — Находки «Сигинт»: кодовые слова, означающие оружие, «бумага и оборудование» (оружие,

взрывчатка?). — Возможная причастность мужчины и женщины. — Причастность Гальта не установлена. — Болен раком; присутствие винбластина и преднизона в значительных количествах, следы этопозида. Лейкемия. — Гальт вооружен армейским «кольтом» сорок пятого калибра образца 1911 г. — Переодевается в темно-коричневую униформу работника по обслуживанию здания. Может носить и темно-зеленую одежду. — Носит желто-коричневые кожаные перчатки.

МЕСТО ПРЕСТУПЛЕНИЯ: ПОДСТАНЦИЯ КОМПАНИИ «АЛГОНКИН»

МАНХЭТТЕН-10, ЗАПАДНАЯ 57-Я УЛИЦА

Жертва (погибший): Луис Мартин, помощник менеджера в музыкальном магазине. — Отпечатки на всех поверхностях отсутствуют. — Шрапнель из расплавленного металла в результате вольтовой дуги. — Кабель нулевого калибра из алюминиевых нитей с изоляцией. — Производство «Беннингтон электрикал мэньюфэкчюринг», AM-MB-60 на 60 000 в. — Отрезан вручную с помощью ножовки с новым полотном и одним сломанным зубцом. — Два анкерных болта с отверстиями в ¾ дюйма. — Источник неопределим. — Отчетливые следы инструментов на болтах. — Медная электрическая шина, прикрепленная к кабелю двумя болтами в ¼ дюйма. — Источник неопределим. — Следы обуви. — Модель E-20 «Альбертсон-фенвик» для электромонтажных работ, размер 11. — Металлическая решетка, прорезанная преступником для получения доступа на подстанцию, отчетливые следы болтореза. — Дверца с рамой из подвала. — Получена ДНК. Отправлена на анализ. — Греческое блюдо, тарамасалата. — Светлые волосы длиной в дюйм, цвет естественный, от человека не старше 50 лет, обнаружены в кафе на улице напротив подстанции. — Направлены на токсико-химическую экспертизу. — Неорганические следы: вулканический пепел. Для района Нью-Йорка не характерен. — Выставки, музеи, геологические учебные заведения? — Доступ к программному обеспечению управляющего центра компании «Алгонкин» получен с помощью внутренних кодов, а не от внешних хакеров.

ПИСЬМО С ТРЕБОВАНИЯМИ

Доставлено Энди Йессен на дом. — Без свидетелей. — Написано от руки. — Отослано Паркеру Кинкейду для анализа. — Бумага и чернила обычные. — Источник неопределим. — Отпечатки только Э. Йессен,

швейцара и посыльного. — На бумаге не обнаружено никаких других следов.

МЕСТО ПРЕСТУПЛЕНИЯ: ОТЕЛЬ «БЭТТЕРИ-ПАРК» И ПРИЛЕГАЮЩАЯ ТЕРРИТОРИЯ

Жертвы (погибшие): — Линда Кеплер, Оклахома-Сити, туристка. — Моррис Кеплер, Оклахома-Сити, турист. — Сэмюэль Веттер, Скоттсдейл, бизнесмен. — Али Мамруд, Нью-Йорк, официант. — Герхарт Шиллер, Франкфурт, Германия, сотрудник рекламного агентства. — Периферийное устройство управления с переключателем для включения тока. — Происхождение деталей установить невозможно. — Кабель компании «Беннингтон» и анкерные болты, такие же как и в первом теракте. — Форма Гальта компании «Алгонкин», шлем и сумка для инструментов с его отпечатками пальцев, других отпечатков нет. — Гаечный ключ со следами, схожими с теми, что были на болтах на месте первого преступления. — Тонкий напильник со стеклянной пылью. Вероятно, от стекла бутылки, обнаруженной на подстанции в Гарлеме. — Скорее всего действует в одиночку. — Следы с сотрудника «Алгонкин» Джоя Барзана, жертвы нападения Гальта. — Альтернативное авиатопливо. — Планируется нападение на авиабазу?

МЕСТО ПРЕСТУПЛЕНИЯ: КВАРТИРА ГАЛЬТА, 227, САФФОЛК-СТРИТ, НИЖНИЙ ИСТ-САЙД

Шариковые ручки «Бик» с синими чернилами — вероятно, теми, которыми написано письмо с требованиями. — Обычная белая бумага для принтера — вероятно, та, на которой было написано письмо с требованиями. — Обычный конверт десятого размера — вероятно, куплен вместе с тем, в который было вложено письмо с требованиями. — Болторез, ножовка с отметинами, совпадающими с теми, что были обнаружены на месте первого преступления. — Компьютерные распечатки: статьи о медицинских исследованиях в онкологии, связывающие рак с высоковольтными линиями. — Распечатки блогов Гальта, тема та же. — Ботинки фирмы «Альбертсон-фенвик», модель E-20, для электротехнических работ, размер 11, подошва совпадает с отпечатками на месте первого преступления. — Дополнительные следы альтернативного авиатоплива. — Возможное нападение на военную базу? — Никаких явных указаний на место его нынешнего пребывания или место следующего преступления.

МЕСТО ПРЕСТУПЛЕНИЯ: ПОДСТАНЦИЯ МХ-7 КОМПАНИИ «АЛГОНКИН»

ВОСТОЧНАЯ 119-Я УЛИЦА, ГАРЛЕМ

«Коктейль Молотова»: 750-миллилтровая бутылка из-под вина, происхождение не установлено. — Бензин «ВР», используемый в качестве зажигательного вещества. — Куски хлопчатобумажной ткани — возможно, майки белого цвета, использованные в качестве запала, источник неизвестен.

ВТОРОЕ ПИСЬМО С ТРЕБОВАНИЯМИ

Передано Бернарду Валю, руководителю отдела безопасности «Алгонкин». — Стал объектом нападения Гальта, но без физического контакта, поэтому никаких следов. — Никаких указаний на местонахождение Гальта или цель его следующего теракта. — Бумага и паста такие же, как те, что найдены на квартире у Гальта. — На бумаге дополнительные следы альтернативного авиационного топлива. — Возможно, предполагается нападение на военную базу?

МЕСТО ПРЕСТУПЛЕНИЯ: ОФИСНОЕ ЗДАНИЕ

54-Я ЗАПАДНАЯ УЛИЦА, 235

Жертвы (погибшие): Ларри Фишбейн, житель Нью-Йорка, бухгалтер. — Роберт Бодин, житель Нью-Йорка, поверенный. — Франклин Такер из Парамуса, Нью-Джерси, торговец. — Один отпечаток Рэймонда Гальта. — Кабель фирмы «Беннингтон», анкерные болты, такие же как и в предыдущих случаях. — Два дистанционных релейных переключателя, сделанных вручную: один для включения тока в лифте; один для замыкания цепи и электризации кабины лифта. — Болты и более мелкие провода, соединяющие панель с лифтом, источник неопределим. — Вода на обуви у жертв. — Следы: китайские травы, женьшень и заманиха. — Волосковая пружинка (планирует вместо дистанционного устройства в дальнейшем использовать таймер?). — Волокно от темно-зеленого хлопчатобумажного армейского обмундирования. — Содержит следы альтернативного авиационного топлива. — Волокно от коричневого хлопчатобумажного армейского обмундирования. — Содержит следы дизельного топлива. — Содержит следы китайских трав.

МЕСТО ПРЕСТУПЛЕНИЯ: ЗАБРОШЕННОЕ ШКОЛЬНОЕ ЗДАНИЕ В ЧАЙНА-ТАУНЕ

Кабель компании «Беннингтон», такой же, как и в предыдущих случаях. — Генератор «Пауэр-плюс» компании «Уильямс-Джонас», похищен со строительной площадки на Манхэттене. — Цифровое записывающее устройство марки «Санойя», на котором был записан отрывок из телешоу или фильма с кабельного телевидения. — Дополнительные следы тарамасалаты. — Фонарь марки «Брайт-бим». — Установить источник не представляется возможным. — Веревка длиной шесть футов, на которой был подвешен фонарь. — Установить источник не представляется возможным. — Следы, указывающие на местность вокруг здания городского муниципалитета: кварц и нашатырь, применяющийся для чистки меди. — Терракотовая пыль, сходная с материалами, используемыми для строительства зданий в названном районе. — Пыль от белого мрамора. — Волосы длиной 9 дюймов, светлые, покрыты лаком, принадлежат человеку моложе 50 лет, вероятно, женские. — Волосы длиной ⅜ дюйма, русые, принадлежат человеку моложе 50 лет.

ТРЕТЬЕ ПИСЬМО С ТРЕБОВАНИЯМИ

Прислано по электронной почте. — Источник неопределим; использован прокси-сервер в Европе.

Оказалось, что Райм ошибался.

Он был прав в том, что материалы следствия — как и многое другое в этом деле — почему-то не согласуются между собой. Однако Линкольн заблуждался, полагая, что ключ к разгадке невозможно найти на досках, окружавших его. И тут неожиданно для всех названный «ключ» шумно ввалился в лабораторию в сопровождении Тома и в образе худого долговязого потного чернокожего мужчины в ярко-зеленом спортивном костюме.

Немного отдышавшись, Фред Дельрей поспешно кивнул всем находившимся в лаборатории, а затем, ни на что не обращая внимания, сразу же бросился к Райму.

— Я должен кое-чем с тобой поделиться, Линкольн. А ты мне скажешь, имеет это какой-то смысл или нет.

— Фред, — начал было Макдэниел, — что, черт возьми…

— Линкольн? — произнес Дельрей, не обратив ни малейшего внимания на Такера.

— Да, конечно, Фред. Говори.

— Как ты смотришь на такую гипотезу: Рэй Гальт — всего лишь козел отпущения. Более того, он мертв, и мертв, по моему мнению, уже не менее двух дней. И вся эпопея, которой мы занимаемся, — дело рук совершенно другого человека. С самого начала.

Мгновение Райм молчал: после приступа он все воспринимал немного медленнее, чем обычно, что сказалось и на восприятии им идеи Дельрея, — но прошло несколько мгновений, он слабо улыбнулся и ответил:

— Что я думаю? Я думаю, что мысль замечательная. Вот что я думаю.

69

Реакция Такера Макдэниела была совершенно противоположной:

— Какая нелепость! Все расследование базируется на поисках Гальта.

Селлитто, не обратив на него ни малейшего внимания, спросил Дельрея:

— Ну и какова твоя версия, Фред? Хотелось бы услышать.

— У меня есть агент, парень по имени Уильям Брент. Он нащупал некую нить. Вышел на кого-то, связанного — а возможно, и организовывавшего — все теракты, которые мы расследуем. Но Брент пропал. Мне удалось установить, что Брента заинтересовал некий обладатель белого фургона, намедни приехавший в город и вооруженный пистолетом сорок пятого калибра. Как стало известно, он недавно кого-то похитил и убил. Последние два дня он проживал по адресу в Нижнем Ист-Сайде. Я нашел, где конкретно. Это место оказалось местом преступления.

— Местом преступления? — переспросил Райм.

— Именно! Квартирой Рэя Гальта.

— Но Гальт совсем не приезжий, — возразила Сакс. — Он прожил там почти всю свою сознательную жизнь.

— Аб-со-лют-но точно!

— И что же сообщил тебе твой Брент? — с нескрываемым скепсисом в голосе спросил Макдэниел.

— О, он никому ничего сообщить не может. Потому что вчера, когда он находился в переулке за домом Гальта, его сбила полицейская патрульная машина. И в настоящее время он в больнице и до сих пор не пришел в сознание.

— Господи!.. — пробормотал Рон Пуласки. — В больнице Сен-Винсент?

— Да.

— Это я его сбил, — тихо произнес Пуласки.

— Ты? — удивленно переспросил Дельрей.

— Но того парня звали совсем по-другому. Его звали Стэнли Палмер.

— Да-да… Все правильно. Палмер — один из псевдонимов Брента.

— Ты хочешь сказать, что за ним не числится никаких преступлений? И что он не сидел в тюрьме за попытку убийства и нападение?

Дельрей покачал головой.

— Весь список преступлений специально сфабрикован, Рон. Мы ввели его в систему, чтобы любой, кто пожелал бы его проверить, вышел на названные преступления. Самое худшее, в чем его обвиняли, — участие в подпольной организации, но, собственно, тогда я его и взял. Брент — надежный парень. Он работал информатором исключительно ради денег. И был одним из лучших в своем деле.

— Но зачем ему понадобилось ходить там за покупками? В том переулке?

— Один из приемов тайного агента, мы все ими пользуемся. С покупками и хозяйственными сумками выглядишь гораздо менее подозрительным. Самое лучшее — детская коляска. С куклой внутри, конечно.

— О, — пробормотал Пуласки. — Я… О…

Райма не интересовали душевные муки одного из его подчиненных. Дельрей представил ему вполне правдоподобную версию, объяснявшую множество несоответствий в расследуемом деле.

Он охотился на волка, в то время как ему следовало бы искать лису.

Но возможно ли такое? Неужели за страшными преступлениями, которые он расследует, стоит кто-то другой, а Гальт — всего лишь подставное лицо?

Макдэниел не скрывал, что он не принимает всерьез слова Дельрея.

— Мы имеем массу свидетелей… — начал он.

Устремив на начальника пристальный взгляд своих карих глаз, Дельрей спросил:

— А они надежные?

— На что ты намекаешь, Фред? — Теперь в обычно таком нарочито спокойном голосе Макдэниела послышалось раздражение и даже злость.

— Возможно, под свидетелями ты имеешь в виду людей, которые считали, что видели Гальта, потому что СМИ сообщили им, что этим человеком должен быть Гальт? А ведь СМИ растрезвонили всему миру…

— На вас защитные очки, шлем и униформа компании… — вмешался в разговор Райм. — И если вы человек того же цвета кожи, примерно такого же телосложения, а на груди у вас бейдж с именем Гальта, но с вашей фотографией… конечно, ваш план сработает.

Сакс тоже размышляла над услышанным.

— Линейный обходчик Джой Барзан говорил, что понял, что имеет дело с Гальтом, только по бейджу у того на груди. Сам он с Гальтом никогда раньше не встречался. Кроме того, в туннеле было так темно…

— И начальник отдела безопасности Берни Валь, — добавил Райм, — тоже не видел его, когда получал от него второе письмо с требованиями. Преступник напал на него сзади… Значит, — продолжил он после короткой паузы, — Гальт был тем, кого он похитил и убил, как выяснил твой информатор.

— Именно так, — подтвердил Дельрей.

— А доказательства, доказательства? — настаивал Макдэниел.

Райм внимательно всматривался в написанное на досках. И вдруг виновато покачал головой.

— Дьявол! Как я мог такое пропустить!

— Что, Райм?

— Ботинки на квартире у Гальта. Пара «Альбертсон-фенвик».

— Но они же совпали со следами, — заметил Пуласки.

— Конечно, совпали. Не в этом дело, Новичок. Ботинки нашли в квартире Гальта. Если бы они принадлежали ему, их бы там не оказалось, они были бы на нем! У рабочих, как правило, не бывает двух пар новых ботинок. Они довольно дороги, и обычно приходится покупать их на собственные деньги… Нет, настоящий преступник выяснил, какой размер обуви носил Гальт, и приобрел еще одну пару. То же самое относится и к болторезу с ножовкой. Преступник оставил их в квартире Гальта, чтобы их там и нашли. Собственно, то же самое относится и к остальным уликам, указывавшим на Гальта. Например, волосы в кафе на Пятьдесят седьмой улице. Их он тоже подбросил.

А взгляните на пост в блоге, — продолжал Райм, кивнув на бумаги, которые Пуласки вытащил из принтера.

…Моя история типична для многих. В течение долгих лет я был обходчиком сетей, затем электромонтером (позднее — старшим электромонтером в бригаде), работал в нескольких различных энергетических компаниях, и моя работа подразумевала постоянный контакт с электрическими проводами напряжением более ста тысяч вольт. Я совершенно убежден, что причиной моей лейкемии стали электромагнитные поля, создаваемые линиями электропередачи с проводами без изоляции. Кроме того, уже давно стало очевидным фактом, что электрические провода притягивают аэрозольные частицы, которые среди прочего могут привести и к раку легких, однако никакой информации по этому поводу вы в СМИ не найдете. Нам необходимо заставить энергетические компании (и что еще более важно — общественность) осознать упомянутую опасность. Компании не станут ничего делать по собственной воле (с какой стати?). Если бы люди сократили вдвое потребление электроэнергии, мы смогли бы спасти тысячи жизней в год и заставить их (компании) сделаться более ответственными. В результате они обязательно со временем создали бы более безопасные способы передачи электроэнергии. И уменьшили бы вред, наносимый ими окружающей среде. Люди, вам нужно взять свою судьбу в собственные руки!

Рэймонд Гальт.

— А теперь посмотрите на начало текста в первом письме с требованиями.

Вчера утром, примерно в 11:30, у подстанции MX-10 на Западной Пятьдесят седьмой улице на Манхэттене имел место инцидент с вольтовой дугой, каковой явился результатом соединения электрической шины и кабеля марки «Беннингтон» с линией электропередачи с помощью двух анкерных болтов. В результате перекрытия четырех подстанций и подъема предела нагрузки автоматического прерывателя

на подстанции MX-10 перегрузка примерно в двести тысяч вольт вызвала дугу.

В упомянутом инциденте виноваты только вы сами, ваша жадность и эгоизм. Что, будучи крайне предосудительным, тем не менее весьма типично для вашей отрасли. «Энрон» подорвал финансовое благополучие большого числа людей, деятельность вашей компании угрожает физическому существованию миллионов и всей жизни на Земле в целом. Эксплуатируя возможности электричества, не обращая внимания на последствия, вы разрушаете наш мир подобно вирусу, вероломно проникая в жизнь каждого человека, живущего на планете, и делая каждого из нас зависимым от того, что нас убивает.

— На что вы обратили внимание? — спросил Райм.

Сакс пожала плечами.

— В блоге нет ошибок, — заметил Пуласки.

— Верно, Новичок, но не в этом дело. Компьютерная программа исправила все ошибки в тексте блога. Я имел в виду выбор слов.

Сакс энергично закивала.

— Да, конечно. Язык в блоге проще.

— Верно. Пост в блоге был написан самим Гальтом. И письма тоже писались им — так как в них его почерк, — но под диктовку настоящего преступника — человека, похитившего Гальта и заставившего его написать эти письма. Преступник, естественно, пользовался собственным языком, с которым Гальт был не знаком, поэтому он сделал ошибки в книжных словах, которые употреблял его похититель. В своем блоге он никогда не использовал слова типа «предосудительный»... А вот в письмах тоже есть такие орфографические ошибки. Только в последнем письме ошибок нет, так как преступник сам написал его и послал по электронной почте.

Селлитто мерил шагами комнату, и половицы скрипели под его грузным телом.

— Помните, что сказал Паркер Кинкейд, тот парень, который занимается анализом почерка? Человек, писавший письмо, переживал сильнейший стресс. Он писал под угрозой смерти. Любой в такой ситуации придет в состояние чудовищного эмоционального напряжения. Кроме того, он явно заставил Гальта взяться за переключатели и за шлем, чтобы на них остались его отпечатки.

Райм кивнул.

— Держу пари, что посты в блоге действительно принадлежали Гальту. Более того, именно благодаря им преступник и вышел на Гальта. Из них он узнал, как Гальт ненавидит электроэнергетику и тех, кто ею управляет.

Мгновение спустя Линкольн перевел взгляд на материальные улики: кабели, гайки, болты.

И на генератор. Некоторое время он молча смотрел на него.

Затем Райм вошел в программу обработки текста на компьютере и начал печатать. Кровь в шее и виске учащенно пульсировала, на сей раз не как прелюдия к новому приступу, а как свидетельство чрезвычайного волнения.

В нем пробудился инстинкт охотника.

На лис, а не на волков...

— Ну что ж, — пробормотал Макдэниел, не обратив внимания на телефонный звонок. — Если все, что вы говорите, правда, во что я до сих пор не могу поверить, кто же в таком случае стоит за всем этим?

Продолжая печатать, Райм сказал:

— Давайте задумаемся о фактах. Отбросим все те улики, которые якобы свидетельствуют о вине Гальта. Давайте хотя бы на время предположим, что его подставили. Значит, мы должны исключить из рассмотрения короткие светлые волосы, инструменты, ботинки, униформу, чемоданчик, шлем, отпечатки пальцев. Хорошо, но что у нас есть, кроме всего перечисленного? У нас есть связь с Куинсом — тарамасалата. Преступник пытался уничтожить дверцу в туннеле, на которой мы нашли ее следы, значит, данная улика вполне реальна. У нас есть оружие. Значит, настоящий преступник имеет доступ к оружию. Есть и связь с местностью вокруг здания городского муниципалитета — следы, обнаруженные на генераторе. У нас есть волосы: один — длинный светлый, другой — короткий русый. Значит, вероятно, преступников двое. Один определенно мужчина. Он и готовит все теракты. Второй может быть женщиной. Что еще нам известно?

— Он не из Нью-Йорка, — заметил Дельрей.

— Умеет устраивать вольтовы дуги и ловушки, — добавил Пуласки.

— Хорошо, — похвалил Райм.

— У одного из них есть доступ в компанию «Алгонкин», — сказал Селлитто.

— Не исключено, но, возможно, они использовали с этой целью Гальта.

В лаборатории слышалось гудение и пощелкивание криминалистического оборудования, в чьем-то кармане зазвенели монеты.

— Мужчина и женщина, — задумчиво произнес Макдэниел. — Именно такую информацию мы получили из наших источников. «Справедливость для Земли».

Райм тяжело вздохнул.

— Такер, я приму ваши соображения только в том случае, если у нас будут реальные доказательства существования подпольной группы. Но у нас их нет. Ни одного следа, ни одного отпечатка или клочка чего-либо.

— Все в «облачной зоне».

— Однако, — резко возразил криминалист, — если они действительно существуют, то должны обладать физическим телом. Где-то… Тем не менее на сегодняшний день у меня нет никаких оснований так полагать.

— Хорошо. Что же тогда, по-вашему, все это значит?

Линкольн улыбнулся.

Амелия, взглянув на него, покачала головой.

— Райм, неужели ты на самом деле так думаешь?..

— Ты же знаешь мое основное правило: когда вы исключили все остальные возможности, единственная оставшаяся, какой бы безумной она вам ни казалась, и будет решением.

— Ничего не понял, Линкольн, — раздался голос Пуласки. На лице Макдэниела было написано точно такое же изумление. — О чем ты?

— Ну что ж, Новичок, тебе следует задать себе несколько вопросов. Во-первых, совпадают ли волосы Энди Йессен с теми, что ты нашел? Во-вторых, есть ли у нее брат, бывший солдат, который живет не в Нью-Йорке и который вполне может располагать оружием типа армейского «кольта» сорок пятого калибра 1911 года? И в-третьих, не была ли Энди Йессен в течение последних двух дней в здании городского муниципалитета, скажем, с целью проведения там пресс-конференции?

70

Энди Йессен?

Продолжая печатать, Райм ответил Макдэниелу:

— А ее брат занимается практической частью проекта. Рэнделл. Именно он и подготовил все теракты. Но координировали они их совместно. Вот откуда появились и некоторые улики. Она помогала ему переносить генератор из белого фургона на задний двор школы в Чайна-тауне.

Сакс задумчиво скрестила руки на груди.

— Помните, Чарли Соммерс говорил, что в армии солдат может многое узнать об электричестве, в том числе и о вольтовой дуге. Рэнделл мог всю нужную информацию получить именно там.

— А волокна, которые мы нашли в инвалидном кресле Сьюзан? — напомнил Купер. — Они, как мы выяснили, могли попасть туда с военной формы.

Райм кивнул в сторону доски с материалами следствия.

— Помните о сообщениях по поводу проникновения на подстанцию компании в Филадельфии. А по телевидению говорили, что Рэнделл Йессен живет в Пенсильвании.

— Да, помню, — подтвердила Сакс.

— У него темные волосы? — спросил Пуласки.

— Да, темные. По крайней мере были такими в детстве. Я видела его детскую фотографию на столе у Энди Йессен. И Энди очень настойчиво подчеркивала, что он не живет в Нью-Йорке. Есть и кое-что еще. Она говорила мне, что не занималась и не занимается технической стороной бизнеса. По ее словам, она унаследовала талант своего отца к руководству энергетической индустрией. Но помните ее биографию, которую передавали по телевизору? Перед пресс-конференцией.

Купер кивнул.

— До того как стать управленцем и унаследовать пост отца, она какое-то время работала линейным обходчиком. — Он указал на профиль преступника на доске. — Она лгала.

— Следы от греческого блюда могли быть оставлены самой Энди, — заметила Сакс. — Возможно, она встречалась с братом в ресторане неподалеку от места своей работы.

Не отрываясь от печатаемого текста, Райм вдруг нахмурился, явно вспомнив о чем-то.

— А почему Берни Валь все еще жив?

— Руководитель отдела безопасности «Алгонкин»? — задумчиво переспросил Селлитто. — Черт! Я о нем даже и не вспомнил. Конечно же, Гальт — тьфу, настоящий преступник — должен был по идее его убить.

— Рэнделл мог передать второе письмо десятком разных способов. Цель состояла в том, чтобы заставить Валя поверить, что на него напал Гальт. Хотя тот и не видел лица нападавшего.

— Неудивительно, что никто не видел настоящего Гальта, даже после демонстрации его фотографий по телевизору и в Интернете, — вмешался Дельрей. — Потому что преступником был совсем другой человек.

Скептическая мина стала постепенно сходить с лица Макдэниела.

— Ну и где же Рэнделл Йессен сейчас?

— Нам известно только, что он планирует нечто очень значительное на шесть тридцать сегодня вечером.

Взглянув на материалы следствия, Райм на несколько мгновений задумался, затем продолжил печатать.

А на физиономии Макдэниела вновь появилось скептическое выражение.

— Извините, но мне нужен небольшой тайм-аут. Я выслушал все ваши аргументы, но как насчет ее мотива? Она подрывает авторитет собственной компании. Совершает убийства. Это же абсолютно лишено всякого смысла.

Райм что-то поправил в тексте и продолжил печатать.

Щелк, щелк…

Затем поднял голову и тихо сказал:

— Жертвы.

— Что?

— Если бы преступнику нужно было бы заявить о себе, как поначалу создавалось впечатление, он мог бы просто установить устройство с часовым механизмом и не рисковать собой, присутствуя неподалеку от места теракта. И нам прекрасно известно, что у него была возможность именно так и поступить. Мы нашли пружину от часового механизма на одном из мест преступления. Но он по какой-то причине вел себя совершенно иначе — пользовался периферийным устройством управления и находился неподалеку всякий раз, когда погибали люди. Зачем?

Селлитто издал громкий смешок.

— Черт, Линк! Энди с братом охотились за кем-то конкретным. Им нужно было только создать впечатление случайных смертей. Вот почему все теракты совершались раньше назначенного срока.

— Ты совершенно прав!.. Новичок, принеси сюда доски. Скорее!

Рон выполнил приказ.

— Жертвы. Давайте перечислим жертвы.

Луис Мартин, помощник менеджера в магазине.

Линда Кеплер, туристка из Оклахома-Сити.

Моррис Кеплер, турист из Оклахома-Сити.

Сэмюэль Веттер, бизнесмен из Скоттсдейла.

Али Мамуд, официант из Нью-Йорка.

Герхарт Шиллер, чиновник рекламной фирмы из Франкфурта, Германия.

Ларри Фишбейн, бухгалтер из Нью-Йорка.

Роберт Бодин, юрист из Нью-Йорка.

Франклин Такер, торговец из Парамуса, штат Нью-Джерси.

— Нам что-нибудь известно о других пострадавших?

Сакс отрицательно покачала головой.

— Один из них также мог быть планируемой жертвой. Нам следует выяснить. Но что мы по крайней мере знаем о погибших? — спросил Райм, пристально глядя на список имен. — Есть ли какая-то причина, по которой Энди могла желать смерти кого-то из них?

— Кеплеры были в Нью-Йорке по туристической путевке, — сказала Сакс. — Они оба вышли на пенсию десять лет назад. Веттер был свидетелем. Может быть, по этой причине они решили его убить.

— Нет, преступление планировалось за месяц до того. А в какой должности он работал?

Сакс пролистала свой блокнот.

— Президент «Саутвест конкрит».

— Мел, проверь их по базе данных.

Через минуту Купер уже был наготове с информацией:

— Послушайте-ка. Компания находится в Скоттсдейле. Занимается строительными работами общего характера, особое внимание обращает на инфраструктурные проекты. На веб-сайте говорится, что Веттер прибыл в Нью-Йорк на семинар по альтернативным источникам энергии в отеле «Бэттери-Парк». — Купер поднял голову от компьютера. — В последнее время они занимались созданием основ для фотоэлектрических батарей.

— Солнечная энергия... — Райм продолжал внимательно всматриваться в материалы следствия. — А жертвы в офисном здании? Сакс, позвони Сьюзан Стрингер и узнай, известно ли ей что-нибудь о них.

Сакс вытащила телефон и позвонила их недавней знакомой. Закончив разговор, она сообщила:

— Ей ничего не известно об адвокате и человеке, зашедшем на седьмом этаже. Но бухгалтера Ларри Фишбейна она немного знала. Она случайно услышала, как он жаловался, что в бумагах компании, в которой он проводил аудит, была полная неразбериха. Деньги куда-то уходили. И эта компания находится в каком-то очень жарком месте. Слишком жарком для игры в гольф.

— Возможно, Аризона. Позвони и выясни.

Селлитто взял номер жертвы у Сакс и позвонил. Несколько минут он беседовал, потом сказал:

— В самое яблочко. Фишбейн был в Скоттсдейле. И вернулся во вторник.

— Ах, в Скоттсдейле… Где находилась компания Веттера…

— И все-таки, Линкольн, я до сих пор не вижу мотива, — вмешался Макдэниел.

Выдержав короткую паузу, Райм произнес:

— Энди Йессен — противница использования возобновляемых источников энергии, верно?

— «Противница», пожалуй, сильновато, но она явно не энтузиастка, — заметила Сакс.

— А что, если она пыталась подкупить компании, занимавшиеся производством альтернативных видов энергии, заставить их снизить объем производства или как-то саботировать исследования?

— Чтобы сохранять спрос на энергию, поставляемую «Алгонкин», на достаточно высоком уровне? — спросил Макдэниел. Заполучив мотив, он почувствовал себя более уверенно.

— Именно. Веттер с Фишбейном могли располагать опасной для нее информацией. Если бы и тот и другой погибли в результате разных несчастных случаев, у следователей могли бы возникнуть подозрения относительно связи между ними. Но Энди удалось организовать все таким образом, что погибшие производят впечатление совершенно случайных жертв, никакого отношения друг к другу не имеющих. Вот почему невозможно было удовлетворить требования, предъявлявшиеся в письмах. Ей нельзя было их удовлетворять. Энди нужно было, чтобы все преступления были совершены. — Райм повернулся к Сакс. — Узнай имена пострадавших и проверь их данные.

— Хорошо, Райм.

— Но, — внезапно вмешался Селлитто, и в его голосе звучало непривычное напряжение, — есть же и третье письмо с требованиями, электронное. А это значит, что список жертв еще не закончен. Ей нужно убить кого-то еще. И кто может стать следующей жертвой?

Райм продолжал печатать на предельно доступной ему скорости. На мгновение он перевел взгляд на электронные часы на стене напротив.

— Не знаю. И у нас остается меньше двух часов на то, чтобы найти ответ на вопрос.

71

Чарли Соммерс не мог отрицать, что последние несколько часов испытывал редкий восторг, несмотря на все ужасы преступлений, совершенных Рэем Гальтом.

Он сделал себе перерыв на кофе, который провел, делая чертежи (конечно же, на салфетках) для своего нового изобретения — способа передачи газообразного водорода для тепловых элементов в жилые дома. И вот после перерыва он возвращался в выставочный зал новых энергетических технологий в Манхэттенский конференц-центр в Вест-Сайде, что неподалеку от Гудзона. Центр был заполнен тысячами творческих личностей, съехавшихся туда со всех концов света: изобретателей, ученых, преподавателей и, конечно, инвесторов. Всех их объединяло одно — преданность идее поиска альтернативных источников энергии, ее производства, доставки, хранения, использования. Это была самая крупная конференция такого рода в мире, приуроченная ко Дню Земли. Она собрала здесь тех, кто знал, насколько важна энергетика для существования человечества, но одновременно понимал, что настало время производить и использовать ее новыми способами, принципиально отличными от тех, к которым мы привыкли.

Когда Соммерс шел по залам конференц-центра, построенного в модернистском стиле и завершенного примерно месяц назад, его сердце учащенно билось, как у школьника, готовящегося к своему первому выступлению перед публикой. У него кружилась голова от обилия впечатлений со всех сторон. Здесь свои достижения представляли компании, работающие с ветряными электростанциями; тут — некоммерческие организации, ищущие способы создания микроэнергосистем в отдаленных уголках стран «третьего мира», а вот компании, занятые разработкой проблем использования солнечной энергии; компании, исследующие геотермальные источники энергии, и совсем небольшие предприятия, производящие или устанавливающие фотоэлектрические батареи, маховиковые накопители энергии, системы хранения жидкого натрия, батареи, сверхпроводниковые системы передачи, «умные электросети»... перечислять можно было до бесконечности.

И до бесконечности восторгаться увиденным.

Наконец Соммерс дошел до десятифутового сектора, отведенного для его компании и расположенного в самом конце выставочного помещения.

«АЛГОНКИН КОНСОЛИДЕЙТЕД»

ОТДЕЛ СПЕЦИАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ

АЛЬТЕРНАТИВНОЕ «УМНОЕ» УСТРОЙСТВО КОНТРОЛЯ ТЕМПЕРАТУР

Хотя «Алгонкин», возможно, была больше пяти крупнейших компаний, представленных на выставке, вместе взятых, демонстрация ее достижений проводилась в самом крошечном секторе из возможных, и знакомить посетителей с новшествами послали одного Соммерса. Что было недвусмысленным свидетельством совершенно определенного отношения исполнительного директора компании Энди Йессен к любым новациям.

Соммерсу было на это наплевать. Конечно, он присутствовал здесь как представитель компании, но в первую очередь сегодняшняя выставка была важна для него как способ знакомства и завязывания контактов с интересными лично для себя людьми. Когда-нибудь — и Чарли надеялся, что уже очень скоро — он уйдет из «Алгонкин» и создаст свою собственную компанию. Он никогда не скрывал от начальства своих занятий изобретательством. И никто в «Алгонкин» никогда не упрекал его за то, чем он занимается в свободное время. Да их и не заинтересовали бы его изобретения типа водосберегающего устройства для кухонь или «вольт-коллектора» — переносной коробки, с помощью которой можно было вырабатывать ток от движения автомобилей, сохранять его в батареях, а затем использовать полученную энергию дома, таким образом снижая потребление электричества от местной компании.

Король негаватт…

Собственно, его компания была уже зарегистрирована, называлась «Соммерс иллюминейтинг инновейшенз» и состояла из него самого, его жены и ее брата. Название было напоминанием о корпорации Томаса Эдисона, создателя первой электрической сети, «Эдисон иллюминейтинг компани».

Хотя Соммерс, возможно, и обладал частичкой гения Эдисона, но в отличие от него был начисто лишен любых способностей к бизнесу. Если речь заходила о деньгах, Чарли превращался в настоящего ребенка. Когда он как-то высказал идею создания региональных электрических сетей, чтобы более мелкие производители смогли продавать избыточную электроэнергию «Алгонкин» и другим крупным компаниям, один его коллега поднял его на смех:

— С какой стати «Алгонкин» будет покупать электроэнергию, если сама ее продает?

Поразившись наивности своего коллеги, Соммерс удивленно заморгал и ответил:

— Потому что это более эффективно. Так она обойдется дешевле потребителям, и уменьшится риск аварийных отключений.

Для него подобные вещи были очевидны.

Хохот, который он услышал в ответ, окончательно поверг его в замешательство.

Устроившись на своей выставочной площадке, он пощелкал переключателями и выключил световую вывеску «Скоро вернусь», после чего взял пакет с леденцами. (Компания «Алгонкин» наложила вето на использование моделей в платьях с глубоким вырезом для рекламы продукции, как это делали некоторые другие фирмы.)

Но Соммерс умел быть гостеприимным и, приглашая посетителей в уголок своей компании, чтобы побеседовать о новшествах в сфере энергетики, радостно и добродушно им улыбался.

Иногда, оставаясь в одиночестве, когда поток желающих познакомиться с новыми открытиями спадал, он сидел, оглядываясь по сторонам и размышляя о том, что подумал бы Томас Эдисон, оказавшись сейчас здесь. Соммерс почему-то полагал, что великий изобретатель был бы восхищен и обрадован, но ничуть не удивлен. Ведь, в конце-то концов, способы производства электроэнергии и сами электросети мало изменились за прошедшие 125 лет. Масштаб, конечно, стал больше, эффективность — выше, но практически все крупные системы, используемые ныне, использовались и тогда.

Эдисон, вероятно, с завистью взглянул бы на галогенные лампочки, вспомнив, как трудно в его время было отыскать рабочий материал для нитей накаливания. И рассмеялся бы при виде ядерных микрореакторов, которые на специальных баржах можно отвозить туда, где в них возникает потребность (Эдисон уже в XIX веке предсказал, что когда-нибудь человек будет использовать ядерную энергию для получения электроэнергии). Ну и, конечно, его бы восхитило само здание конференц-центра. Архитектор не сделал ни малейших усилий, чтобы спрятать его коммуникации. Потолочные балки, стены, трубы, даже частично пол отливали медью и нержавеющей сталью.

Создается впечатление, подумал Соммерс, как будто ты находишься внутри громадной распределительной аппаратуры.

Руководитель отдела специальных проектов, однако, был начеку. В любом изобретении есть оборотная сторона. Результатом изобретения лампочки стала страшная борьба, и не только техническая, но и юридическая. Десятки людей столкнулись в схватках не на жизнь, а на смерть, за обладание честью — и выгодой — считаться изобретателем электрической лампочки. Победителями из упомянутого сражения вышли Томас Эдисон и англичанин Джозеф Уилсон Суон, но позади оставались бесчисленные судебные иски, ненависть, случаи шпионажа и саботажа. И сломанные человеческие судьбы.

Соммерс вспомнил об этом, потому что неподалеку от выставочной площадки «Алгонкин» заметил человека в бейсболке и очках. Он сразу же возбудил подозрения у Чарли, так как почему-то очень долго слонялся рядом с территорией двух других компаний. Одна из фирм производила оборудование для геотермальных исследований — устройства для отыскания горячих участков в земных глубинах, — а вторая выпускала гибридные моторы для небольших автомобилей. Соммерс прекрасно понимал, что человек, которого интересуют геотермальные исследования, вряд ли может проявить какой-либо интерес к гибридным моторам.

Правда, подозрительный тип на первый взгляд не обращал никакого внимания на Соммерса и выставочную площадку «Алгонкин», но он ведь очень легко мог сделать снимки изобретений и выставленных там макетов. Современная фототехника, как известно, достигла фантастических высот.

Чарли отвернулся, чтобы ответить на вопрос какой-то женщины. Когда он вновь взглянул в ту сторону, где только что находился подозрительный человек — шпион, бизнесмен или просто любопытный, — его там уже не было.

Прошло десять минут, и вновь поток посетителей резко уменьшился. Соммерс решил воспользоваться этим, чтобы сходить в туалет. Он попросил коллегу с соседней выставочной площадки присмотреть за территорией «Алгонкин», а сам отправился по почти пустому коридору к мужскому туалету. Одно из важнейших преимуществ пребывания в более дешевой части конференц-центра: тамошние туалеты почти всегда пусты. Соммерс вошел в коридор, элегантный стальной пол которого был украшен рельефными выступами, — вероятно, для того чтобы это было похоже на нечто космическое.

Когда он прошел примерно футов двадцать, у него внезапно зазвонил телефон.

Номер был незнакомый. Мгновение Чарли размышлял, затем нажал на кнопку «Пропустить».

Соммерс проследовал ко входу в туалет, попутно обратив внимание на блестящую медную ручку на двери и подумав: «Да уж, денег они не пожалели. Неудивительно, что наше крошечное выставочное помещение стоило компании так дорого».

72

— Пожалуйста! — Сакс произнесла это вслух, склонившись над микрофоном. — Чарли, возьми трубку, ну пожалуйста!

Мгновение назад она набрала номер Соммерса, но раздался всего один гудок и затем телефон переключился на автоответчик.

Она попыталась еще раз.

— Давай, давай! — послышался голос Райма у нее за спиной.

Два гудка... три...

Наконец щелчок и голос в трубке:

— Алло?

— Чарли, это Амелия Сакс.

— О, это вы звонили минуту назад? Я как раз шел...

— Чарли, — оборвала его она, — вы в серьезной опасности.

— Что?..

— Где вы находитесь?

— В конференц-центре, и собираюсь... Что вы имеете в виду под «опасностью»?

— Нет ли рядом с вами чего-то металлического, чего-то такого, что может стать источником дуги или может быть подключено к линии под напряжением?

Чарли рассмеялся.

— Я стою на металлическом полу. И я только что собирался открыть дверь туалета с металлической ручкой. — Внезапно ирония исчезла из его голоса. — Неужели вы хотите сказать, что здесь может быть ловушка?

— Вполне возможно. Уходите с металлического пола.

— Я вас не понимаю.

— Преступник прислал еще одно письмо с требованиями, там назван срок. Шесть тридцать. Однако мы пришли к выводу, что нападения — в отеле, в лифте — не имеют никакого отношения к угрозам и к требованиям. Они служат прикрытием реальной цели — устранения совершенно конкретных людей. И вы можете быть одним из них.

— Я? Но почему?

— Вначале перейдите в какое-нибудь безопасное место.

— Сейчас я пройду в зал. Там пол бетонный. Подождите. — Мгновение спустя он продолжил: — Знаете, я тут заметил одного человека, который наблюдал за мной. Но скорее всего это был не Гальт.

— Чарли, с вами говорит Линкольн, — вступил в беседу Райм. — Теперь мы считаем, что Рэй Гальт был только подставной фигурой. По всей вероятности, он мертв.

— Значит, за всеми нападениями стоит кто-то другой?

— Да.

— И кто же?

— Энди Йессен. Человек, которого вы видели, вполне мог быть ее братом, Рэнделлом. У нас есть основания полагать, что они действуют совместно.

— Что?! Это же сущее безумие. И почему опасность должна угрожать именно мне?

— Некоторые из людей, погибших в ходе предыдущих акций, работали в сфере альтернативной энергетики, — сказала Сакс. — Как и вы. Мы полагаем, что Энди, возможно, занималась подкупом компаний, производящих электроэнергию из возобновляемых источников, пытаясь заставить их снизить ее производство и тем самым сохранить высокий спрос на продукцию «Алгонкин».

Наступила пауза.

— Да-а... знаете, один из моих проектов был направлен на консолидацию работы региональных сетей, чтобы добиться их самодостаточности и чтобы со временем они смогли поставлять электроэнергию крупным компаниям — таким, как «Алгонкин». Теперь я думаю, что это могло вызвать ее недовольство.

— Вы, случайно, в последнее время не бывали в Скоттсдейле?

— Я там участвую в разработке проектов по строительству солнечных электростанций. В Калифорнии я занимаюсь ветровыми электростанциями и геотермальными. А в Аризоне в основном солнечными.

— Я тут вот о чем подумала. Помните ту нашу встречу в «Алгонкин»? — спросила Амелия. — Почему она попросила именно вас помочь мне с расследованием?

Соммерс задумался.

— Вы правы. Она ведь могла попросить десяток других людей.

— Думаю, она вас подставляла.

На мгновение он замолчал, потом выдохнул:

— Господи!..

— Что такое? — переспросил Райм.

— Возможно, в опасности не только я. Давайте будем рассуждать логически: все находящиеся здесь, в конференц-центре, представляют угрозу для «Алгонкин». Ведь все здесь проводится ради одной цели — пропаганды альтернативных видов энергии, микросетей, децентрализации... Энди может рассматривать любого участника этой выставки как угрозу для себя и своего бизнеса, если она так одержима идеей сделать «Алгонкин» главным поставщиком электроэнергии в Северной Америке.

— Есть ли кто-то в «Алгонкин», кому мы могли бы доверять? Кто мог бы отключить ток в конференц-центре и не сообщить Энди?

— Конференц-центр обслуживает не «Алгонкин». Подобно некоторым линиям метро у него имеются свои источники энергоснабжения. Оборудование находится прямо рядом со зданием. Думаете, уже нужно начать эвакуацию?

— К выходу людям придется идти по металлическому полу?

— Да, в большинстве случаев — да. Пол в главном вестибюле металлический. Некрашеный. Чистая сталь. А вы знаете, какой объем энергии направляется сюда? Нагрузка в день типа нынешнего приближается к двадцати миллионам ватт. Послушайте, давайте я спущусь вниз, найду источник электропитания и, возможно, смогу отключить расцепители. Я мог бы…

— Нет, нам необходимо в точности выяснить их намерения. И методы. Мы перезвоним вам, как только получим дополнительную информацию. Оставайтесь на связи!

73

Растерянный, с путающимися мыслями, потеющий от волнения, Соммерс огляделся по сторонам. Его окружали десятки тысяч посетителей «Нового энергетического Экспоцентра». Некоторые пришли сюда в надежде отыскать какую-нибудь идею, которая принесет им богатство, другие — рассчитывая спасти нашу планету от экологической катастрофы, третьи — просто чтобы провести время.

Многие были совсем молоды, совсем еще подростки, которые, как когда-то он сам много лет назад, благодаря сегодняшней выставке выберут специализацию для продолжения учебы. И будут больше заниматься естественными науками и меньше — языками и историей. И со временем станут Эдисонами своего поколения.

И все они теперь находятся в страшной опасности.

Полиция сказала ему оставаться на месте.

Толпы посетителей бурным потоком двигались мимо него с яркими пакетами в руках, на которых блестели логотипы компаний, отпечатанные большими буквами.

Оставаться здесь…

Но мысли Соммерса уже переместились в то место, которое его жена называла «Чарлидум». Они уже вращались сами собой, словно динамо-машина, словно электромаховик с десятью тысячами оборотов в минуту. Соммерс думал о потреблении электричества в конференц-центре. Двадцать мегаватт.

Двадцать миллионов ватт.

Если всю эту мощь направить через идеально проводящую инфраструктуру здания, погибнут тысячи. Дуга или просто замыкания,

ток громадной силы, проходящий через человеческие тела, горящие трупы на полу, тлеющая одежда, волосы…

Оставаться на месте…

Он не мог подчиниться приказу.

И как любой изобретатель, Соммерс в первую очередь попытался проанализировать практические детали происходящего. Рэнделл Йессен и Энди каким-то образом сумели проникнуть на мини-электростанцию. Нет, они не могли рассчитывать на то, что в полиции не догадаются позвонить обслуживающему персоналу и отключить подачу электроэнергии. В здание проходит основная линия. Как трансмиссионная линия, она передает 138 тысяч вольт. Они скорее всего подключились к ней, чтобы подвести ток к полам, лестницам и дверным ручкам. Ну и, возможно, к лифтам.

Соммерс задумался.

Здешним посетителям негде укрыться от вездесущего электричества.

Они не могут от него ничем защититься.

Поэтому Чарли необходимо отсечь ему голову.

Нельзя оставаться на месте.

Если он сможет отыскать входящую линию до того, как Рэнделл Йессен включит ток, то сможет закоротить ее. Чарли отведет кабель от действующей линии к обратному проводу. В результате возникнет замыкание, которое будет сопровождать дуга примерно такой же мощности, как на автобусной остановке вчера утром, и которое выбьет предохранители на энергоустановке конференц-центра. Таким образом, опасность будет ликвидирована. Конечно, затем включится аварийная система освещения, но с низким напряжением, работающая, вероятно, от двенадцативольтовых свинцово-кальциевых батарей. При таком небольшом напряжении риска серьезного поражения током уже не будет. Несколько человек, наверное, застрянут в лифтах; возможно, возникнет небольшая паника, но причиненный ущерб окажется минимальным.

Но тут до Соммерса дошло самое страшное. Чтобы закоротить систему, ему пришлось бы осуществить самую опасную процедуру в энергетике — голыми руками подсоединить кабель к действующей линии с напряжением 138 тысяч вольт. Только очень опытные электрики осмеливаются на подобное. В случае необходимости работы

непосредственно на высоковольтных проводах они, как правило, осуществляют все манипуляции с изолированных подъемников или вертолетов, чтобы исключить возможность соприкосновения с землей, при этом на них надеты «костюмы Фарадея» из настоящего металла. По сути, они становятся частью системы, и сотни тысяч вольт проходят через их тела.

Чарли Соммерс никогда не пытался работать голыми руками с высоковольтными проводами, но чисто теоретически он, конечно, знал, как нужно проводить подобные действия.

Словно птичка на проводе…

Теперь ему ничего не оставалось, как взять с собой очень небольшой набор инструментов, имевшийся у него на выставочной площадке, и занять моток высоковольтного провода у соседей по мероприятию. Затем он пробежал в темный коридор и отыскал там служебную дверь. Чарли настороженно посмотрел на медную ручку, но, поколебавшись мгновение, распахнул ее и нырнул в темноту нескольких подвальных этажей конференц-центра.

Оставаться на месте?

Ну уж нет…

74

Он сидел на переднем сиденье своего белого фургона, ему было жарко — кондиционер не работал. Он не мог включить мотор и тем самым привлечь к себе ненужное внимание. Одно дело — просто припаркованная машина, и совсем другое — припаркованная машина с включенным двигателем.

По его щеке скатилась струйка пота. Он даже ее не заметил и только еще сильнее прижал наушники к голове. Ничего. Он увеличил громкость. Только помехи. Звук удара, потом еще один. Щелчок.

Он вспомнил свое сегодняшнее письмо: *«Если вы проигнорируете мои требования и на этот раз, последствия будут гораздо, гораздо более страшными, чем те незначительные инциденты, что имели место вчера и позавчера, и человеческих жертв будет во много раз больше…»*

И да и нет.

Он наклонил голову, вслушиваясь в слова, которые звучали из микрофона, установленного им в генераторе рядом со школой в Чайна-тауне. Троянский конь, который сотрудники отдела

криминалистики так любезно прикатили прямо в дом к Линкольну Райму. Он уже собрал всю нужную ему информацию на всех персонажей, помогавших Райму, включая и их адреса. Лон Селлитто, детектив из нью-йоркской полиции, и Такер Макдэниел, агент ФБР, ушли. Они отправились в здание городской администрации, откуда собирались координировать защиту конференц-центра.

Амелия Сакс и Рон Пуласки сейчас направляются в сам центр, чтобы попытаться отключить электроэнергию.

Какая пустая трата времени, подумал он.

И тут же напрягся, услышав голос Линкольна Райма:

— Отлично, Мел, мне нужно, чтоб ты отвез этот кабель в лабораторию в Куинсе.

— Что?

— Кабель!

— Какой кабель?

— Сколько здесь кабелей, черт возьми?!

— Вроде четыре.

— Тот, который Сакс с Пуласки нашли в школе в Чайна-тауне. Я хочу, чтобы они проверили его на наличие следов между изоляцией и самим проводом.

Затем раздалось шуршание пластика и бумаги, а мгновение спустя послышались шаги.

— Я вернусь минут через сорок, в крайнем случае через час.

— Меня не интересует, когда ты вернешься, меня интересует, когда ты позвонишь мне по поводу результатов.

Удаляющиеся шаги.

Чрезвычайно чувствительный микрофон.

Хлопнула дверь. Тишина. Стук компьютерных клавиш, и больше ничего.

И вдруг вопль Райма:

— Черт, Том!.. Том!

— Что такое, Линкольн? Ты…

— Мел ушел?

— Минутку.

Через минуту голос Тома:

— Да, его машина только что отъехала. Мне ему позвонить?

— Нет, не надо. Мне нужен кусок провода. Хочу посмотреть, смогу ли я повторить то, что сделал Рэнделл… Длинный кусок провода. У нас здесь есть что-нибудь такое?

— Удлинитель?

— Нет, длиннее. Двадцать-тридцать футов.

— Зачем нам здесь такой длинный провод?

— Я подумал, что, может быть, завалялся где-нибудь. Ну пойди найди что-нибудь такое. И побыстрее.

— И где же я могу его найти?

— Ну не знаю, в каком-нибудь чертовом магазине, где продаются кабели и провода. Такой магазин есть на Бродвее. По крайней мере раньше был.

— Он и сейчас там есть. Значит, тебе нужно тридцать футов?

— Да, думаю, сойдет… Чего ты стоишь?

— Просто подумал, что ты не очень хорошо выглядишь. Я совсем не уверен, что могу оставить тебя в таком состоянии.

— Можешь. Ты обязан выполнять мои требования. Чем быстрее ты пойдешь, тем быстрее вернешься и сможешь нянчить меня сколько твоей душе будет угодно. А теперь иди!

Мгновение ничего не было слышно.

— Ладно. Но вначале я измерю тебе давление.

Еще пауза.

— Давай.

Приглушенные звуки, тихое шипение, шуршание манжеты.

— Вроде нормальное. Однако я хочу быть уверен, что оно не подскочит... Как ты себя чувствуешь?

— Я просто устал.

— Вернусь через полчаса.

Послышался звук шагов. Открылась и затем закрылась дверь.

Еще мгновение он прислушивался, затем надел спецодежду специалиста по ремонту кабельного телевидения, опустил «кольт» 1911 года в сумку с инструментами и перекинул ремень через плечо.

Он глянул в лобовое стекло, в зеркала фургона, потом, убедившись, что переулок пуст, вылез из машины. Проверив, не установлены ли здесь камеры слежения, он проследовал к задней двери в дом Линкольна Райма. В течение трех минут удостоверился, что сигнализация не работает, взломал замок и прошел в подвал.

Там он нашел электрический щит и молча приступил к работе, подключив еще один из своих периферийных переключателей к входящей обслуживающей линии в четыреста ампер, что было в два раза больше, чем в других жилых домах в этом районе.

Сам факт представлял определенный интерес, но не имел особого значения, поскольку, чтобы вызвать практически мгновенную смерть, ему нужно было намного меньше.

Всего лишь одна десятая ампера...

75

Райм смотрел на доски с материалами следствия, когда внезапно во всем его доме погасло электричество.

Экран компьютера почернел, жужжание механизмов прекратилось. Красное, зеленое и желтое свечения на приборах, окружавших его, пропало.

Райм беспомощно крутил головой из стороны в сторону.

Из подвала послышался скрип открывающейся двери. Затем он услышал звук шагов. Собственно, даже не сами шаги, а едва различимое поскрипывание старых сухих досок под тяжестью человеческого тела.

— Эй? — крикнул Райм. — Том? Это ты? Электричество... Что-то случилось с электричеством.

Поскрипывание приближалось. И внезапно прекратилось. Линкольн развернул кресло. Он оглядел комнату; взгляд его метался из стороны в сторону — так, это как бывало при прибытии на место преступления: Райм пытался увидеть главное, получить основное впечатление от места происшествия. И не упустить притом источники опасности: возможное укрытие преступника, место, где тот мог прятаться, раненный, испуганный или просто хладнокровно выжидающий удобного момента, чтобы нанести удар.

И снова скрип.

Райм опять повернул свое кресло и опять ничего не увидел. И тут на одном из лабораторных столов в дальнем конце комнаты он заметил сотовый телефон. Хотя во всем доме электричество отключено, мобильный будет работать.

Он же на батарейках...

Линкольн коснулся сенсорного устройства, и кресло рванулось вперед. Оно подъехало к столу и остановилось спинкой к двери. Райм смотрел на телефон — тот находился на расстоянии примерно восемнадцати дюймов от его лица.

Индикатор в телефоне светился зеленым цветом. В нем достаточно энергии, чтобы отослать и принять сообщение.

— Том?.. — позвал он снова.

Никакого ответа.

Райм висками чувствовал эхо учащенного биения сердца и пульсацию вен в шее.

Он был один в комнате, практически не способный двигаться. Менее чем в двух футах от телефона. Он немного повернул кресло в сторону, затем снова назад и ударился им о стол. Телефон закачался, но остался на том же месте, что и прежде.

Но тут Райм почувствовал какое-то изменение в акустике комнаты и понял, что кто-то вошел. Он снова ударился креслом о стол. Но прежде чем телефон скользнул ближе к нему, Райм услышал у себя за спиной шаги. Над его плечом появилась чья-то рука и схватила мобильник.

— Это вы, Рэнделл? — спросил Райм у человека, находившегося у него за спиной. — Рэнделл Йессен?

Никакого ответа.

Лишь едва слышные звуки, какие-то щелчки. Потом толчки, которые он ощутил плечами. Световой индикатор батареи кресла погас. Неизвестный вручную отключил тормоз и подкатил кресло к тому месту, где полоска света, падавшего из окна, была ярче.

После чего развернул кресло.

Райм открыл было рот, чтобы что-то сказать, но потом, когда получше разглядел лицо стоявшего перед ним человека, глаза его сузились. Мгновение он молчал. Затем прошептал:

— Этого не может быть…

Пластическая операция была выполнена превосходно. Однако Линкольн не мог не заметить знакомых черт в лице стоявшего перед ним человека. Да и разве мог Райм с кем-то спутать Ричарда Логана, Часовщика, который в данный момент, по всеобщему убеждению, прятался в одном из сомнительных районов Мехико?..

76

Логан отключил телефон, которым Линкольн Райм безуспешно пытался воспользоваться.

— Я ничего не понимаю, — сказал криминалист.

Логан сбросил с плеча и поставил на пол сумку с инструментами, затем присел на корточки и открыл ее. Его быстрые ловкие пальцы извлекли оттуда ноутбук и две видеокамеры. Одну из них он перенес на кухню и направил в переулок. Вторую установил на центральном окне. Часовщик включил компьютер и установил его на столе рядом. Ввел несколько команд. И сразу же на экране появились изображения переулка и всех подходов к дому Райма. Это была та же самая система, которую он использовал в отеле «Бэттери-Парк», чтобы проследить за Веттером и определить точный момент для нажатия кнопки, когда рука предпринимателя коснется металлической поверхности.

Затем Логан поднял голову и негромко рассмеялся. Он прошел к каминной полке из темного дуба, где на небольшой подставке лежали карманные часы.

— У вас все еще хранится мой подарок, — прошептал Логан. — Вы… вы… выставляете его здесь…

Он был потрясен. Логан полагал, что старинный брегет разобрали по деталькам и каждую из них изучили под микроскопом, чтобы установить, где он скрывается.

Хотя они были смертельными врагами и Логан пришел к Райму, чтобы наконец-то расправиться с ним, преступник не мог не восхищаться криминалистом, и ему неожиданно польстило то, что тот сохранил его часы в целости.

Но потом он решил, что Райм, конечно же, вначале разобрал их по частям до самой последней пружинки и камешка, а затем приказал собрать снова в первозданном виде. Ну что ж, в каком-то смысле он тоже «часовщик».

Рядом с карманными часами лежала записка, которая когда-то сопровождала подарок. В ней содержался комплимент Райму и зловещее предупреждение об их скорой следующей встрече.

Обещание, которое он сейчас выполнил.

Криминалист понемногу приходил в себя после первоначального шока.

— Сейчас сюда придут люди, — сказал он.

— Нет, Линкольн, не придут.

И Логан подробно охарактеризовал местонахождение всех тех, кто был в этой комнате пятнадцать минут назад.

Райм нахмурился.

— Откуда вы?.. Ах да, конечно же, генератор. В нем подслушивающее устройство.

Линкольн закрыл глаза, его охватила неожиданная слабость.

— Именно. И мне прекрасно известно, каким временем я располагаю.

Что бы ни происходило в его жизни, он всегда прекрасно знал, каким временем располагает, подумал Ричард Логан.

Испуг на лице у Райма уступил место растерянности.

— Значит, — сказал он, — за Рэя Гальта выдавал себя не Рэнделл Йессен, а вы.

Логан с обожанием в глазах рассматривал брегет. Сравнил время с тем, что показывали его наручные часы.

— Я вижу, вы их регулярно заводите. — Он поставил часы обратно на каминную полку. — Да, вы правы. Я был Рэймондом Гальтом, профессиональным электриком и электромонтером, на протяжении всей последней недели.

— Но вас же засняли камеры слежения аэропорта… Вас наняли для убийства Родольфо Луны в Мехико.

— Здесь вы несколько заблуждаетесь. Его коллегу Артуро Диаса оплачивает один из крупнейших наркокартелей в Пуэрто-Валларта. Луна — один из немногих честных полицейских, оставшихся в Мексике. Диас хотел нанять меня, чтобы устранить его, однако я был в тот момент очень занят. Однако за определенную плату я согласился сделать вид, что участвую в этом деле, чтобы снять с него подозрения. Мне такой расклад тоже был очень выгоден. Мне было необходимо, чтобы все — и в первую очередь вы — думали, что меня нет в Нью-Йорке.

— Но в аэропорту… — Голос Райма срывался, он был в полном замешательстве. — Вы же летели на самолете. Вас засняли видеокамеры. И мы видели, как вы залезли в грузовик, спрятались под брезентом… И вас видели и в Мехико, и по дороге туда из аэропорта. А час назад вас видели в Густаво-Мадеро. Отпечатки пальцев и… — Криминалист осекся, покачал головой и печально улыбнулся. — Боже мой! Вы ведь так и не выехали из аэропорта.

— Нет, не выехал.

— Вы забрали тот пакет специально, сели в грузовик прямо под камерами слежения, но он просто куда-то отъехал. Вы передали пакет кому-то еще, а сами на самолете вылетели на Восточное побережье. Люди Диаса продолжали сообщать о вашем пребывании в Мехико, чтобы ввести всех в заблуждение. Сколько людей Диаса было вовлечено в ваш проект?

— Около двух десятков.

— Значит, не было никакого автомобиля, ехавшего в сторону Густаво-Мадеро?

— Не было.

Жалость принадлежала к числу эмоций, которые Логан считал нерациональными, а следовательно, и ненужными. Тем не менее, не испытывая никакого сострадания, умом он понимал, что положение Райма в данный момент должно было вызывать именно это чувство. Кроме того, сейчас криминалист показался ему меньше ростом, чем в тот раз, когда они с ним встретились впервые. И каким-то хрупким. Наверное, он болен. Что, собственно, к лучшему, подумал Логан. Электрический ток, войдя в его тело, быстрее выполнит свою работу. Ему не хотелось, чтобы Райм испытывал страдания.

— Вы сумели предугадать нападение на Луну, — заметил Логан, словно пытаясь немного успокоить Райма. — Вы помешали Диасу убить его. Я не думал, что вам удастся сделать это вовремя. Но хотя бы в том случае вы победили.

— Однако я не сумел остановить вас.

За многие годы своей деятельности в качестве профессионального киллера Логан убил немало людей. Большинство из них, осознав неизбежность надвигающейся смерти, внезапно успокаивались. С Раймом же произошло нечто большее — он не просто успокоился, а, казалось, испытал настоящее облегчение. Возможно, Логан увидел на лице криминалиста симптомы смертельной болезни. Или, может быть, он просто утратил желание жить, что было вполне естественно в его нынешнем положении. Быстрая смерть станет для него избавлением.

— А где тело Гальта?

— В печи... в «Котле» в «Алгонкин». От него ничего не осталось.

Логан бросил взгляд на ноутбук. Пока поблизости никого нет. Он взял кусок кабеля среднего напряжения компании «Беннингтон» и подсоединил один конец к ближайшей розетке в 220 вольт. Логан несколько месяцев потратил на изучение всех тонкостей работы с электричеством. И теперь чувствовал себя с ним не менее уверенно, чем с колесиками и пружинами часов.

Логан нащупал у себя в кармане периферийное устройство управления, с помощью которого он включит ток и направит достаточный его объем, чтобы мгновенно убить криминалиста.

Он обмотал кабель вокруг руки Райма, и тот сказал:

— Но если вы установили микрофон в генератор, то должны были слышать, о чем мы говорили немного раньше. Мы знаем, что Рэймонд Гальт не настоящий преступник, что его подставили. И мы знаем, что

Энди Йессен хотела убить Сэма Веттера и Ларри Фишбейна. И не важно, кто устанавливал ловушки: ее брат или вы, — ее все равно арестуют и...

Логан только взглянул в глаза Райму, на лице которого появилось выражение одновременно понимания и смиренного приятия неизбежного.

— Но все это сделано совсем с другими целями. Совсем с другими.

— Да, Линкольн, да.

77

Птичка не *на,*а *над*проводом.

В самой глубине подвала конференц-центра Чарли Соммерс висел в воздухе на импровизированном канате на расстоянии ровно двух футов от линии с напряжением в 138 тысяч вольт, покрытой красной изоляцией.

Если бы электричество можно было превратить в воду, то давление в кабеле было бы примерно таким же, как на дне моря: миллионы фунтов на квадратный дюйм, — давление, способное превратить подводную лодку в плоский окровавленный кусок металла.

Основная линия, подвешенная на изолированных стеклянных держателях, находилась на расстоянии десяти футов от земли и шла от стены по подвалу по направлению к собственной подстанции конференц-центра, располагавшейся в дальнем конце полутемного помещения.

Так как нельзя было одновременно касаться оголенного провода и чего бы то ни было соединенного с землей, Чарли сделал себе что-то вроде каната из пожарного шланга, который он привязал к узкому мостку, расположенному над высоковольтным кабелем. Используя всю свою силу, он двигался по шлангу, уповая только на то, что пожарные рукава делают исключительно из резины и брезента. Если бы кому-то по какой-то причине пришло в голову укрепить шланг металлическими жилами, то через несколько минут Чарли Соммерс стал бы главным виновником непредусмотренного контакта с землей, в результате которого сам превратился бы в пар.

Вокруг шеи он обмотал кусок провода, позаимствованного у соседа по выставке. И теперь с помощью швейцарского армейского ножа медленно срезал с него темно-красную изоляцию. Закончив с ней, он собирался сделать то же самое с защитным покрытием на высоковольтной линии и

обнажить алюминиевые жилы, а затем голыми руками соединить оба провода.

После чего должно было произойти одно из двух.

Либо ничего.

Либо контакт и… пар.

В случае первого исхода он осторожно протянет оголенный конец провода и коснется им ближайшего источника заземления — каких-нибудь железных перекладин, выходящих из фундамента конференц-центра. В результате возникнет потрясающее замыкание, из-за которого в конференц-центре вылетят все пробки.

Что же касается его самого, то он в этом случае не заземлится, но из-за очень высокого напряжения может возникнуть дуга, в которой он вполне может сгореть.

Понимая, что все сроки, устанавливаемые в письмах, не имеют никакого смысла и что Рэнделл и Энди могут включить ток в любой момент, Чарли торопился срезать с кабеля кроваво-красную изоляцию. Завитки диэлектрика падали на пол, и Соммерс подумал, что они похожи на лепестки увядающих роз на кладбище, после того как оттуда разошлись все родственники и друзья покойного.

78

Ричард Логан заметил, что Линкольн Райм смотрит в одно из больших окон в сторону Ист-Ривер. Где-то там, над темной поверхностью воды, возвышались серые и красные башни «Алгонкин». Дымовые трубы отсюда было не разглядеть, но Логан был почти уверен, что в морозный день Райму хорошо видны клубы пара, вырывающиеся из них в небо.

Покачав головой, криминалист сказал:

— Энди Йессен вас не нанимала.

— Не нанимала.

— Цель на самом деле она, правда? Вы ее подставляете?

— Совершенно верно.

Райм кивнул на сумку с инструментами у Логана под ногами.

— Там улики против нее и ее брата. И вы собираетесь оставить их здесь, чтобы инсценировать мое убийство Энди и Рэнделлом. Точно так же как вы оставляли улики против них во всех других местах. Следы из здания городской администрации, светлые волосы, греческое блюдо. Вас нанял кто-то, чтобы навлечь на Энди подозрение в том, что она использовала Рэя Гальта, стремясь убить Сэма Веттера и Ларри Фишбейна… Но почему именно их?

— Нет, конкретно их никто убивать не собирался. Жертвами должны были стать участники конференции по альтернативным источникам энергии в отеле «Бэттери-Парк» или кто-то из бухгалтерской фирмы Фишбейна. Любой, кто мог бы обладать информацией о какой-то там афере.

— Даже в том случае, если бы у них не было никакой информации.

— Да. В любом случае к «Алгонкин» и Энди все это не имеет никакого отношения.

— Но кто же за этим стоит? — Лоб Райма избороздили морщины, взгляд бешено метался по доскам с материалами следствия, так словно он хотел во что бы то ни стало перед смертью разрешить загадку. — Я не могу понять.

Логан взглянул на изможденное лицо своей жертвы.

Жаль…

Он извлек второй провод и привязал, чтобы через тело Райма соединить его с ближайшим заземлением — батареей.

Ричарда Логана практически никогда по-настоящему не интересовало, зачем его клиентам нужна смерть тех или иных людей. Однако он всегда выяснял мотив, так как это помогало ему спланировать операцию. Поэтому он с большим интересом выслушал, почему Энди Йессен следует дискредитировать и отправить в тюрьму на очень долгий срок.

— Энди — страшная угроза для нового порядка. Ее точка зрения — которую она постоянно и повсеместно высказывает — состоит в том, что нефть, газ, уголь и ядерная энергия — единственные надежные источники энергии и останутся таковыми по крайней мере еще на ближайшие сто лет. Возобновляемые виды энергии по сравнению с ними — детские игрушки.

— То есть она говорит всем, что король — голый.

— Именно.

— Значит, за преступлениями стоит какая-то экотеррористическая группа?

Логан поморщился.

— Экотеррористы? Да бросьте вы! Бородатые немытые идиоты, которые не способны даже спалить строящийся лыжный курорт, притом самим в нем не сгореть! — Логан расхохотался. — Нет, Линкольн. Здесь замешаны большие деньги.

До Линкольна начинала понемногу доходить истина.

— Ну да, конечно... Не важно, что более чистые и возобновляемые источники энергии в настоящее время не могут удовлетворить энергетические потребности населения, зато можно получить приличный доход на строительстве ветряных и солнечных энергоустановок, а также региональных сетей и передающего оборудования.

— Вы совершенно правы. Сюда нужно добавить также правительственные субсидии и налоговые послабления. Не говоря уже о потребителях, которые будут готовы заплатить за экологически чистую энергию любые деньги, так как, по их мнению, они таким манером спасают Землю.

— Когда мы нашли квартиру Гальта и электронные письма о его заболевании, то сразу решили, что месть — крайне неубедительный мотив, — заметил Райм.

— Совершенно верно. А вот жадность — мотив вечный и необычайно сильный.

Криминалист не смог сдержать смеха.

— Значит, за всем этим стоит какой-то «зеленый» картель. Замечательная мысль! — Он вновь перевел взгляд на доски с материалами следствия. — Мне кажется, я угадал одного из игроков... Боб Кавано?

— Отлично! Да. Он, кстати, и есть самый главный. А как вы узнали?

— Он подбросил нам кое-какую информацию против Рэнделла Йессена. — Райм прищурился. — И он помогал нам в отеле. Мы могли бы спасти Веттера... Но конечно же, не имело принципиального значения, убили вы его, или Фишбейна, или кого-то еще.

— Конечно, нет. Главное, чтобы Энди Йессен арестовали за организацию преступлений. Дискредитировали и отправили в тюрьму. Имелся и еще одни мотив: Кавано был ближайшим сотрудником отца Энди, и он не мог простить ей, что при назначении на пост президента и исполнительного директора компании его обошли в пользу любимой дочурки бывшего руководителя.

— Но он не может один стоять за всем этим.

— Конечно. То, что вы назвали картелем, в качестве своих президентов имеет несколько крупных поставщиков оборудования для альтернативной энергетики со всех концов света — в основном из США, Китая и Швейцарии.

— «Зеленый» картель… — Райм покачал головой.

— Времена меняются, — прокомментировал Логан.

— А почему бы просто не убить Энди?

— Тот же вопрос задал и я, — ответил Логан. — Здесь свою роль, как всегда, сыграли экономические соображения. Кавано и другим необходимо было не только избавиться от Энди, но и добиться падения акций «Алгонкин». Картель стремится к уничтожению компании.

— А нападение на автобус?

— Нужно было привлечь всеобщее внимание. — Логан ощущал некоторое сожаление по поводу того своего преступления и был рад возможности исповедаться Райму. — Я не хотел, чтобы кто-то погиб в ходе того инцидента. С тем парнем ничего бы не случилось, если бы он спокойно вошел в автобус, а не раздумывал. Я просто больше не мог ждать.

— Я понимаю, почему вы выбрали в качестве жертв именно Веттера и Фишбейна: чтобы все указывало на Энди. Они были задействованы в проектах, связанных с альтернативной энергетикой в Аризоне. Их смерть очень логична. Но зачем картелю убивать Чарли Соммерса? Ведь он же как раз и занимался развитием альтернативных видов энергетики.

— Соммерс? — Кивок в сторону генератора. — Я слышал, как вы о нем упомянули. И Берни Валь подставил его, когда я прислал второе письмо. Валь, кстати, и вас подставил…

— Потому что вы угрожали ему? Чем? Убийством его семьи?

— Да.

— Я бы не стал его слишком винить за это.

— Но кем бы ни был ваш Соммерс, он не входит в наш план.

— Однако вы направили «Алгонкин» третье письмо с требованиями, что означало, что вы намеревались убить кого-то еще. Вы не устраивали ловушки в конференц-центре?

На лице Райма вновь появились признаки замешательства.

— Нет.

Мгновение спустя Линкольн кивнул; внезапно ему все стало ясно.

— Конечно... я. Следующая жертва — я.

Логан выдержал паузу с натянутым проводом в руках, потом сказал:

— Да, вы.

— И вы взялись за это дело только из-за меня.

— Ко мне многие обращаются. Но я ждал какого-то поручения, которое привело бы меня в Нью-Йорк. — Логан опустил голову. — Вам почти удалось поймать меня, когда я был здесь несколько лет назад, и из-за вас я не смог выполнить тогдашнее задание. В тот раз вы были первым, кто когда-либо сумел мне помешать полностью реализовать условия контракта. Мне пришлось вернуть гонорар... Но дело было, конечно, не в деньгах, а в том унижении, которое я испытал. В позоре. А потом вам почти удалось поймать меня в Англии. В третий раз вам могло повезти. Именно поэтому я и взялся за работу, которую мне предложил Кавано. Хотел быть рядом с вами.

Логан сразу же понял, как двусмысленно прозвучала его последняя фраза, однако сразу же отогнал все посторонние мысли, закончил присоединение заземляющего провода и встал со словами:

— Извините, но я должен это сделать. — Он облил водой грудь Райму, так чтобы промокла его рубашка, что выглядело не очень достойно, но у Логана не было другого выхода. — Для лучшей проводимости.

— А «Справедливость для Земли»? Она тоже не имеет к вам отношения?

— Конечно, нет. Я никогда ни о чем подобном не слышал.

Райм внимательно наблюдал за ним.

— Тот ваш периферийный переключатель… он подключен к моему электрическому щиту в подвале? — неожиданно спросил он.

— Да.

Райм задумался.

— Электричество… Как много я узнал о нем за последние несколько дней.

— А я изучал его несколько месяцев.

— Гальт передал вам компьютерные пароли «Алгонкин»?

— Нет, Кавано. Он передал мне коды доступа к системе.

— А, ну конечно.

— Но кроме того, я прошел специальный курс по КИСД и системе «Алгонкин», — добавил Логан.

— Понятно.

— И сам удивился тому, насколько все это меня увлекло. Я всегда недооценивал электричество.

— Из-за пристрастия к часам?

— Именно. Батарея и чип массового производства могут по своим возможностям соперничать с самыми сложными часами ручной работы.

Райм понимающе кивнул.

— Электрические часы казались вам дешевкой. Использование батарейки уменьшало ценность часов. Из произведения искусства превращало их в простую поделку.

Логан чувствовал, как его охватывает волнение. Он испытывал восторг от подобных бесед. На свете было очень немного людей, равных ему. Райм тоже понимал, какие чувства испытывает преступник.

— Да-да, вы совершенно правы. Но, работая над этим заданием, я изменил свою точку зрения. Почему часы, в которых используется осциллятор, регулируемый кристаллом кварца, должны восприниматься как меньшее чудо по сравнению с часами, работающими на шестеренках, рычагах и пружинах? В конце концов, в основе всего лежат законы

физики. Как ученый вы должны понимать... О, ну и усложнения... вы знаете, что такое «усложнения»?

— Всякие звонки и свистки, которые вставляют в часы. Дата, фазы Луны и прочее.

Логана удивили подобные познания.

— О, я ведь тоже изучал часовое дело, — пояснил Райм.

«Рядом с вами...»

— Электронные часы удваивают все подобные функции и сотню других. «Таймекс дейта линк». Вы знаете про них?

— Нет, — ответил Райм.

— Они уже стали классикой — наручные часы, которые подсоединяются к компьютеру. Сообщать точное время — это лишь одна из сотни функций, на которые они способны. Космонавты возили их на Луну.

Очередной взгляд на экран компьютера. Поблизости от дома никого.

— И все перемены, модернизация вас больше не раздражают? — спросил Райм.

— Нет, они просто демонстрируют, насколько интегрирована в нашу жизнь категория времени. Мы ведь уже успели забыть, что в свое время именно часовщики были новаторами уровня современных разработчиков из Силиконовой долины. Вдумайтесь в мой нынешний проект. Какое потрясающе мощное оружие — электричество! Благодаря электричеству я могу на несколько дней остановить жизнь в целом городе. Оно уже стало частью нашего существа, нашей природы. Мы не можем жить без него... Времена меняются, и мы должны меняться вместе с ними. Как бы велики ни были риски. От чего бы нам ни пришлось отказываться.

— У меня есть к вам просьба, — произнес Райм.

— Я настроил соответствующим образом автоматические выключатели у вас на щите, — отозвался Логан. — Они пропустят тройную нагрузку по сравнению с обычной. Все произойдет очень быстро. Вы ничего не почувствуете.

— У меня есть преимущество, — отозвался Райм. — Я вообще теперь мало что чувствую.

— О, простите, — пробормотал Логан, чувствуя, что совершил оплошность. — Я не подумал.

Райм кивнул.

— Моя просьба относится к Амелии.

— Сакс?

— Я просил бы вас не преследовать ее.

Логан на мгновение задумался, потом ответил:

— Нет, у меня нет подобного намерения. Конечно, она будет продолжать искать меня. У нее есть соответствующее упорство и настойчивость. Но ей со мной не справиться. С ней все будет в порядке.

На лице Райма появилось какое-то подобие улыбки.

— Спасибо… Я хотел спросить, Ричард… Вас ведь зовут Ричард Логан, так? Или это тоже псевдоним?

— Это мое настоящее имя. — Логан снова бросил взгляд на экран. Переулок был пуст: ни полиции, ни возвращающихся сотрудников Райма. Пора… — Вы удивительно спокойны.

— А с какой стати мне волноваться? — ответил Райм. — Я уже несколько лет живу взаймы. Каждый день, просыпаясь, я удивляюсь тому, что еще жив.

Логан порылся в сумке с инструментами и вытащил еще один моток провода, на котором были отпечатки пальцев Рэнделла Йессена, затем открыл маленький мешочек и вывернул его — из него на пол выпали несколько волос Рэнделла. Логан воспользовался одной из туфель брата Энди, чтобы оставить отпечаток в разлитой воде, после чего подбросил еще несколько светлых волос самой Энди Йессен вместе с волокном от одного из ее костюмов, которые он взял в шкафу у нее в кабинете.

Он поднял голову и снова проверил электрические соединения. Почему он медлит? Возможно, потому, что смерть Райма знаменует для него конец целой эпохи. Гибель великого криминалиста должна принести ему огромное облегчение. Однако она же станет для него громадной потерей, последствия которой он будет ощущать всю оставшуюся жизнь. Логан подумал, что то, что он испытывает сейчас, сравнимо с принятием решения об отключении аппаратов жизнеобеспечения у ближайшего родственника.

«Рядом с вами...»

Он извлек периферийный включатель из кармана и отошел от инвалидного кресла.

Линкольн Райм, не сводя взгляда с Логана, вздохнул и сказал:

— Ну что ж, наверное, все. Больше нам ничего не нужно.

Логан колебался, глядя на Линкольна. В тоне криминалиста, с которым он произнес свои слова, прозвучало что-то такое, что заставило преступника насторожиться. И в выражении лица тоже. Особенно в глазах... глаза Райма вдруг сделались как у хищника.

Ричард Логан содрогнулся, когда внезапно понял, что слова обращены вовсе не к нему.

Это было послание. Послание, обращенное к кому-то еще.

— Что вы сделали?.. — прошептал Логан. Сердце его бешено колотилось. Он не отрывал глаз от компьютерного монитора. Не было ни малейших признаков того, что кто-то возвращался в дом Райма.

Но... а что, если они вообще никуда не выходили?..

О нет... такого не может быть...

Логан пристально взглянул на Райма и, выждав секунду, нажал две кнопки на периферийном включателе.

Ничего не произошло.

— Как только вы поднялись наверх, один из наших сотрудников отсоединил его.

— Нет!.. — выдохнул Логан.

Он услышал какой-то скрип у себя за спиной и резко обернулся.

— Ричард Логан, не двигаться! — прозвучал голос того самого человека, о безопасности которого несколько минут назад так беспокоился Райм, — Амелии Сакс. — Держите руки на виду. Любое движение может стоить вам жизни!

У нее за спиной стояли еще двое. Логан понял, что это тоже полицейские. На одном из них, довольно грузном, был мятый синий

костюм. На другом, постройнее, была рубашка с короткими рукавами и черные очки.

Все трое направили на него пистолеты.

Однако Логан заметил, что Амелия Сакс с трудом сдерживается, чтобы не нажать на спусковой крючок. Теперь он понял, что Райм задал свой вопрос об Амелии Сакс, чтобы сообщить им о готовности произнести магические слова и захлопнуть мышеловку.

«Ну что ж, наверное, все. Больше нам ничего не нужно…»

Но в результате она услышала слова Логана, в которых он ее весьма нелестно охарактеризовал.

Амелия надела наручники на Логана, затем опустила на пол, не причинив ему практически никакого неудобства.

Грузный полицейский приблизился к Райму и собрался снять с него провода.

— Не забудь надеть перчатки, — спокойно произнес криминалист.

Полицейский застыл. Затем натянул латексные перчатки и снял провода, после чего произнес в рацию:

— Здесь все в порядке. Можете включать электричество.

Через мгновение в комнате загорелся свет. И под щелчки включающегося оборудования, под мерцание разноцветных диодов Ричарду Логану, Часовщику, зачитали его права.

79

Наступал момент для проявления настоящего героизма.

Не такой уж частый в жизни изобретателей.

Чарли Соммерс решил, что снял уже достаточно изоляции с кабеля и пора попытаться устроить короткое замыкание.

Теоретически это должно сработать. Основной риск заключался в том, что в своем отчаянном стремлении уйти в землю в тот момент, когда подойдет к обратному проводу, ток огромного напряжения в питающей линии вызовет дугу, которая сожжет тело Соммерса в плазменной вспышке. Чарли находился в каких-нибудь десяти футах над бетонным

покрытием. А ему как-то довелось видеть фотографии дуг по пятьдесят футов длиной.

Он ждал достаточно долго.

Первый шаг. Соединить кабель с основной линией.

Чарли думал о своей жене, о своих детях и о других детях — изобретениях, отцом для которых был на протяжении многих лет. Он наклонился к основному кабелю и, сделав глубокий вдох, голыми руками поднес к нему свой провод.

Ничего не произошло. Ну что ж, хорошо. Его тело и провода теперь имели одинаковый потенциал. Чарли Соммерс стал частью высоковольтной линии с напряжением 138 тысяч вольт.

Он обмотал неизолированную часть провода вокруг дальней части линии и сделал все, чтобы контакт был как можно плотнее.

Ухватившись за изолированную часть кабеля, Чарли откинулся назад на своем не очень надежном рабочем месте, сымпровизированном из пожарного шланга, и взглянул на ту точку, где решил устроить замыкание, — перекладину, поднимавшуюся к потолку и, что было еще важнее для его цели, уходившую глубоко в землю.

В которую и стремился вернуться, повинуясь своему основному инстинкту, ток.

Перекладина располагалась на расстоянии шести футов.

Чарли Соммерс едва слышно рассмеялся.

Чертовски нелепо все это выглядит. В то мгновение, когда оголенный конец провода приблизится к металлической перекладине, ток, словно предчувствуя контакт, ринется вперед и произведет сильнейший взрыв в виде электрической дуги. Плазма, огонь, кусочки расплавленного металла, летящие со скоростью тысячи футов в секунду…

Но другого выхода у него не было.

Давай!

Отрежь ему голову…

Он начал приближать кабель к металлической перекладине.

Шесть футов, пять, четыре…

— Эй! Чарли? Чарли Соммерс?

У него перехватило дыхание. Конец провода закачался из стороны в сторону; но ему удалось быстро его остановить.

— Кто там? — крикнул Соммерс и только потом подумал, что это может быть брат Энди Йессен, который пришел убить его.

— Меня зовут Рон Пуласки, я работаю вместе с детективом Сакс.

— Да, и что? — проговорил Соммерс. — Что вы здесь делаете?

— Мы в течение получаса пытались до вас дозвониться.

— Уходите отсюда, офицер. Здесь опасно находиться!

— Повторяю: мы до вас не могли дозвониться. Вам позвонили сразу же после того, как вы закончили разговор с Амелией и Линкольном.

Голос Соммерса стал ровнее.

— У меня с собой нет моего чертова телефона. Послушайте, я занимаюсь тем, что отключаю электроэнергию здесь и во всем районе. Это единственный способ остановить его. Существует вероятность сильнейшей...

— Его уже остановили.

— Что?

— Да, сэр. Меня послали сюда, чтобы отыскать вас и сообщить, что все, что вам говорили по телефону, было намеренной ложью. Линкольну Райму и Амелии Сакс было известно, что преступник их подслушивает, и они не могли раскрыть вам свои истинные планы. Нам нужно было заставить его поверить, что мы действительно убеждены — следующее его преступление произойдет здесь. Я попытался дозвониться до вас сразу же после того, как вышел от Линкольна, но не смог. Потом кто-то сказал, что видел, как вы спускались сюда.

Силы небесные!..

Соммерс уставился на висящий перед ним кабель. Ток в питающем кабеле может в любой момент решить, что ему надо избрать самый короткий путь, и в этом случае Соммерс просто исчезнет.

— А кстати, чем конкретно вы тут занимаетесь? — спросил Пуласки.

«Самоубийством», — хотел ответить ему Чарли.

Соммерс осторожно отвел кабель и начал медленно отсоединять провод от основной линии, ожидая услышать на короткое мгновение гудение и затем перед неизбежной гибелью увидеть ослепительную дугу.

Казалось, это не закончится никогда.

— Я могу вам чем-нибудь помочь, сэр?

«Да, если заткнешься», — подумал Чарли.

— Гм... отойдите в сторонку, офицер. И позвольте мне закончить.

— Да, конечно.

Наконец провод отсоединился от главной линии, и Соммерс бросил его на пол. Затем он высвободился из кольца пожарного шланга, повисел на нем еще мгновение и спрыгнул на пол, на провода. Приземлившись, он почувствовал резкую боль, но встал и ощупал себя на предмет переломов. Кажется, все в порядке.

— Что вы говорили, сэр? — спросил Пуласки.

Соммерс повторял безумную мантру: «Оставайтесь на месте, оставайтесь на месте, оставайтесь на месте...»

Но на вопрос полицейского ответил:

— Ничего.

Затем отряхнул брюки и огляделся по сторонам.

— Эй, офицер?..

— Да, сэр?

— Спускаясь сюда, вы, случайно, не видели, где там туалет?

80

— С Чарли Соммерсом все в порядке, — сказала Амелия, положив мобильный. — Звонил Рон.

Райм нахмурился.

— А что с ним могло быть не в порядке?

— Создается впечатление, что он пытался поиграть в героизм. Хотел отключить электричество в конференц-центре. Рон нашел его в подвале с проводами и инструментами. Он висел под самым потолком.

— И что же он там делал?

— Не знаю.

— Почему он не последовал нашему совету оставаться на месте?

Сакс пожала плечами.

— И что, нельзя было просто сообщить ему по телефону, что все кончилось?

— Он не взял с собой телефон. Ведь он работал с напряжением больше ста тысяч вольт.

С братом Энди Йессен тоже все было в порядке. Он был грязный, голодный и злой. Его только что извлекли из кузова белого фургона Логана, припаркованного в переулке за домом Райма. Логан ничего ему не говорил и держал в полной темноте — как в прямом, так и в переносном смысле. Рэнделл Йессен думал, что его похитили с целью вымогательства денег у его высокопоставленной сестры. Ему ничего не было известно о преступлениях Логана, а тот намеревался убить его током в подвале Райма, представив все так, словно Йессен сам случайно коснулся оголенного провода, разбирая установку, предназначенную для убийства Райма. Он сразу же отправился к сестре, которую Гэри Ноубл уже обо всем поставил в известность.

Райм задавался вопросом, как она отреагирует на возможное предположение, что причиной всего происшедшего были ее многочисленные критические выступления в прессе, направленные против сторонников альтернативной энергетики.

— А Боб Кавано? Из отдела эксплуатации?

— Ребята Макдэниела арестовали его. Он был у себя в офисе. Не оказал никакого сопротивления. Тонны документов, предназначенных для заключения контрактов с недавно созданными компаниями альтернативной энергетики, с которыми заговорщики собирались вести дела после захвата власти в «Алгонкин». В случае если он добровольно не пойдет на сотрудничество, ФБР вытащит имена сообщников из его компьютера и телефона.

«Зеленый» картель...

Тут только до Райма дошло, что Ричард Логан, в наручниках и кандалах сидевший между двумя полицейскими, что-то ему говорит. Совершенно неэмоциональным, до жути напоминающим машину голосом преступник повторял:

— Ловушка. Все подстроено. Вы давно знали.

— Знал.

Райм внимательно посмотрел на него. Хотя преступник настаивал на том, что Ричард Логан — его настоящее имя, оно с ним в представлении Райма никак не вязалось: для него он навсегда останется Часовщиком. Лицо было совершенно другим после пластической операции, но глаза оставались теми же — глазами человека, который по силе аналитического ума практически не уступал самому Райму. А порой даже превосходил его, поскольку не был скован ограничениями совести и послушанием закону.

Кандалы были прочны, а наручники плотно сжимали руки убийцы, тем не менее Лон Селлитто сидел поблизости, не сводя с него глаз, словно в некой наивной уверенности, что гениальный преступник может, воспользовавшись своими недюжинными умственными способностями, сбросить с себя оковы и бежать.

Но Райм прекрасно понимал, что подобное невозможно. Взгляд Логана, метавшийся по комнате, превосходно оценил ситуацию, и преступник не хуже его знал, что сопротивлением он ничего не добьется.

— Итак, — ровным и спокойным голосом произнес Логан. — Как вам удался ваш трюк?

Казалось, любопытство в нем оттеснило в сторону все другие эмоции.

И пока Сакс и Купер собирали и складывали в пакеты новые улики, Райм, которого нельзя было заподозрить в недостатке гордыни, решил удовлетворить любопытство своего соперника.

— Когда стало ясно, что за всем происходящим стоит вовсе не Гальт, меня вдруг осенило. Вы сами прекрасно знаете, как опасны излишне убедительные предположения... Я почти с самого начала исходил из предположения, что преступник — Гальт, и все расследование строил исключительно на этом. Но как только данное предположение рассыпалось, я стал думать обо всей этой... — он улыбнулся метафоре, неожиданно пришедшей ему в голову, — всей этой дуге преступлений. Возьмите, к примеру, ловушку в школе: какой смысл убивать двух или трех полицейских? Или историю с тем шумным генератором? Мне сразу

же пришло в голову, что с его помощью ко мне в лабораторию можно подбросить какую-нибудь улику и что он достаточно велик, чтобы в нем можно было спрятать микрофон для подслушивания. И я решил исходить из предположения, что в генераторе находится микрофон и что вы нас подслушиваете. Поэтому я и завел ту болтовню о своей новой версии по поводу Энди Йессен и ее брата, то есть о том, на что намекали многие полученные нами улики. И в то же самое время я печатал указания всем находившимся в лаборатории, которые появлялись на экране, и все могли их легко прочесть. Я попросил Мела, своего помощника, осмотреть генератор на предмет подслушивающего устройства... и он его там нашел. Если кто-то хотел, чтобы нашли генератор, значит, все обнаруженные в нем улики будут явно ложными; значит, те люди, которых они будут уличать, наверняка невиновны. В данном случае речь идет об Энди Йессен и ее брате.

Логан нахмурился.

— Значит, вы ее вообще не подозревали?

— Нет, почему же, подозревал. Мы считали, что Энди нам лжет. Вы, должно быть, слышали это через подслушивающее устройство.

— Да, хотя я не совсем понял, что вы имеете в виду.

— Она сказала Сакс, что получила свои навыки от отца. Так, словно пыталась скрыть тот факт, что когда-то сама работала электромонтером и вполне могла устроить дугу. Но если внимательно проанализировать ее слова, то можно понять, что она вовсе не отрицала того, что работала электриком, а просто хотела подчеркнуть, что ее главные таланты лежат в административной сфере... Но если не Энди и не ее брат, то кто? И я снова и снова возвращался к имеющимся у нас уликам. — Райм бросил взгляд на доски. — Оставалось несколько совершенно необъясненных моментов. И один из них особенно засел у меня в памяти. Пружина.

— Пружина? Да, вы о ней упоминали.

— На одном из мест преступления мы обнаружили крошечную волосковую пружину. Почти невидимую. Мы решили, что она, вероятно, из какого-то часового механизма в выключателе. Но если ее можно использовать в часовом механизме, подумал я, значит, ее можно использовать и в часах. И эти размышления в конце концов навели меня на вас.

— Волосковая пружина? — Лицо Логана мгновенно помрачнело. — Перед тем как выходить на дело, я всегда пользуюсь специальными щетками, — он кивнул в сторону набора щеток, рядом с лабораторным

столом, — чтобы надежно защитить себя от переноса каких-либо улик. Должно быть, она попала за манжету. Настоящий анекдот, Линкольн! Она скорее всего попала туда потому, что я решил выбросить массу моих старых инструментов и вещей. Я же вам говорил… мною овладела идея электронного измерения времени. Именно этим я и собирался заняться. Хотел создать самые совершенные часы в мире. Даже более совершенные, чем правительственные атомные часы. Но электронные.

— И тогда мне сразу же все стало понятно, — продолжал Райм. — Мой вывод относительно писем — что они были написаны Гальтом под давлением извне — приобретал особый смысл, если исходить из того, что диктовали их вы. Альтернативное авиационное топливо? Оно проходило испытание в основном на военных самолетах, и не исключено, что его испытывали и в ходе частных и коммерческих полетов. Я пришел к выводу, что планирование нападения на аэропорт или военную базу не имело бы смысла ни для кого. Охрана электрических систем в подобных местах отличается особой надежностью. Но откуда в таком случае к нам попали эти следы? Единственный эпизод из недавних, в котором присутствовала ситуация с авиацией, не имел к нашему делу никакого отношения. Он имел отношение к… вам, в Мехико. На одном из мест преступления мы обнаружили волокно зеленого цвета… в точности соответствовавшего цвету формы мексиканской полиции. И на волокне также были следы авиационного топлива.

— Я оставил волокно?.. — Логан был по-настоящему зол. Просто пришел в ярость.

— Полагаю, что вы подцепили его на встрече с Артуро Диасом в аэропорту, перед тем как вылететь обратно в Филадельфию для похищения Рэнделла Йессена и возвращения в Нью-Йорк.

Логан только тяжело вздохнул, согласившись с предположением Райма.

— Ну что ж, такова была моя гипотеза — что за всем этим делом маячит ваша фигура. Однако мое предположение оставалось только предположением до тех пор, пока я не понял, что ответ находится прямо передо мной. Совершенно недвусмысленный ответ.

— Что вы имеете в виду?

— ДНК. У нас были результаты анализа крови, которую мы обнаружили на дверце рядом с подстанцией, где было совершено первое нападение. Но я так и не проверил их по «КОДИС» — базе данных ДНК. Не было необходимости. Ведь нам была известна личность преступника.

Так был нанесен последний штрих. Совсем недавно Райм напечатал просьбу Куперу — он не мог произнести ее вслух из-за подслушивающего устройства в генераторе — проверить имеющийся образец ДНК по «КОДИС».

— У нас уже был образец вашей ДНК после одного из ваших дел в Нью-Йорке. И когда вы появились, я как раз читал подтверждение их полного совпадения, поэтому постарался побыстрее выключить монитор.

Физиономию Логана перекосило от гнева.

— Да-да, вы правы… На подстанции, на дверце… Я порезался о металлическую зазубрину. Я все протер как мог, но боялся, что вы найдете следы. Именно поэтому я и хотел устроить там взрыв, чтобы уничтожить следы ДНК.

— Принцип Локара, — вспомнил Райм криминалиста начала двадцатого столетия и начал цитировать: — «В ходе каждого преступления имеет место связь…»

— «…между преступником и жертвой или преступником и местом преступления, — продолжил за него Логан. — Ее бывает иногда трудно отыскать, но связь обязательно существует. И обязанностью каждого профессионального криминалиста является отыскание этой связи, которая в конечном итоге должна привести его к установлению личности злоумышленника, если вообще не на порог жилища преступника».

Райм не мог сдержать смеха. Слова, процитированные Логаном, принадлежали Линкольну и являлись развитием мысли Локара. Они впервые появились в одной статье по криминалистике, которую он опубликовал два или три месяца назад. Ричард Логан, по всей видимости, тоже неплохо выполнял свои домашние задания.

Но, возможно, это было чем-то большим, чем просто выполнение домашнего задания?

«Именно поэтому я и взялся за работу… Я хотел быть рядом с вами…»

— Вы ведь не только хороший криминалист, но и хороший актер, — сказал Логан. — Как ловко обвели меня вокруг пальца.

— На этот раз вы мне помогли.

Их взгляды встретились, и несколько мгновений они пристально смотрели друг на друга.

Зазвонил телефон Селлитто, он ответил, недолго говорил с кем-то и отключился.

— Транспорт прибыл.

В дверях появились трое — двое полицейских в форме и детектив шатен в голубых джинсах, голубой рубашке и светло-коричневой спортивной куртке. На лице у него была добродушная улыбка, впечатление от которой немного портили два больших пистолета на каждом бедре.

— Привет, Роланд, — с улыбкой поздоровалась с ним Амелия Сакс.

— Давненько не виделись, — сказал Райм.

— Привет. Кажется, вы тут кого-то поймали.

Роланда Белла перевели из Северной Каролины из офиса шерифа. Он уже несколько лет работал детективом в Нью-Йорке, но никак не мог избавиться от заметного среднеатлантического акцента. Занимался Белл охраной свидетелей и арестованных подозреваемых. Никто лучше его не справлялся с этой работой. И Райма порадовало, что именно Беллу поручили препроводить Часовщика в тюрьму.

— Он будет в хороших руках.

По кивку Белла полицейские подняли Логана со стула. Белл проверил кандалы и наручники, после чего обыскал преступника. Затем снова кивнул, и все четверо направились к двери. Часовщик обернулся и вкрадчиво произнес:

— Мы с вами еще увидимся, Линкольн.

— Я знаю. Буду ждать с нетерпением.

Улыбку на лице преступника сменило выражение внезапной задумчивости.

— Я буду профессиональным свидетелем-криминалистом на вашем процессе, — добавил Райм.

— Может быть, и там. А может быть, и где-то еще. — Он взглянул на брегет. — Не забывайте заводить.

И с этими словами ушел.

— Мне очень жаль, но это правда, Родольфо.

Былая энергия куда-то ушла из голоса собеседника Райма.

— Артуро? Нет. Нет, я не могу поверить.

Линкольн продолжал подробно описывать сложно спланированный Диасом заговор, в котором гибель его босса должна была стать частью миссии Часовщика в Мехико.

Наступила тяжелая пауза. Выдержав ее, Райм спросил:

— Он был вашим другом?

— Ах, дружба... По-моему, если речь заходит о предательстве, то жена, которая изменяет тебе с другим мужчиной, а возвращается домой только для того, чтобы позаботиться о детях и приготовить тебе горячий обед, совершает меньший грех, чем друг, который предает тебя из-за денег. Что вы на это скажете, капитан Райм?

— Предательство — симптом истины.

— Капитан Райм, вы что, буддист? Или индуист?

Райм рассмеялся.

— Нет.

— Однако вы становитесь философом... А я думаю, что сложных объяснений искать не надо. Ответ простой: Артуро Диас — сотрудник мексиканских правоохранительных органов, этим и объясняется его поступок. Здесь нам очень трудно жить, капитан.

— Тем не менее вы же продолжаете бороться, несмотря ни на что.

— Продолжаю. Но я ж не такой, как все. Как и вы, дружище. Вы бы не согласились зарабатывать миллионы написанием информационных отчетов о безопасности для корпораций?

— Какое в этом удовольствие?

И оба вполне искренне и от души посмеялись.

— И что же с ним теперь будет? — спросил мексиканец.

— С Логаном? Его осудят за убийства по всем совершенным преступлениям. За многие годы.

— Его приговорят к смертной казни?

— Не исключено, но не казнят.

— Почему? Из-за тех американских либералов, о которых сейчас так много говорят?

— На самом деле все гораздо сложнее. Дело главным образом в политической конъюнктуре. В настоящее время здешний губернатор не хочет давать разрешение на казнь приговоренных к смерти, так как считает это крайне неудобным.

— Особенно для преступников.

— Их мнение особенно никто не спрашивает.

— Наверное, да. И все-таки, несмотря на такое попустительство, капитан, думаю, что предпочел бы Штаты Мексике. Может быть, мне как-нибудь тайком перейти границу и стать нелегальным иммигрантом? Я мог бы работать в «Макдоналдсе», а по ночам заниматься расследованием преступлений.

— А я буду вашим спонсором, Родольфо.

— Ха! Мой приезд к вам столь же маловероятен, как и ваш визит в Мехико на стаканчик текилы.

— Не буду спорить. Хотя от текилы я бы не отказался.

— Ну что ж, по крайней мере один урок я для себя усвоил: мне, боюсь, надо поскорее выбираться из того крысиного гнезда, в которое превратился мой департамент. Может статься, что у меня…

Голос Луны вдруг сорвался.

— Что случилось, командир?

— Может статься, что у меня возникнут вопросы относительно улик. Я понимаю, что с моей стороны это, возможно, наглость, но вы понимаете всю серьезность обвинений.

— Да, конечно, я с радостью вам помогу.

— Отлично. — Смешок. — Может быть, через несколько лет, если мне посчастливится, я также смогу добавить к своему имени волшебные буквы.

— Волшебные буквы?

— В.О.

— Вы? Вы хотите уйти в отставку, командир?

— Шучу, капитан. Отставка не для таких людей, как мы. Мы умираем на посту. Будем же молиться, чтобы Господь продлил наши годы. А теперь — до свидания, дружище.

После завершения разговора с Луной Райм набрал номер телефона Кэтрин Дэнс в Калифорнии и сообщил о поимке Ричарда Логана. Беседа была очень короткой. И не потому, что Линкольн не был склонен к общению. Напротив, он пребывал в приподнятом настроении, радуясь своей победе.

Но начали проявляться последствия приступа дисрефлексии — он покрылся по́том словно холодной росой. Райм передал трубку Сакс, и Амелия завела с Кэтрин чисто женский разговор, а Линкольн тем временем попросил Тома принести ему виски «Гленморанж».

— Будь так добр. Пожалуйста. И спасибо.

Том налил в бокал приличную порцию и закрепил его в специальном держателе рядом со ртом своего босса. Райм пил через соломинку. Он несколько мгновений смаковал привкус дыма в виски и только потом делал глоток. Линкольн чувствовал тепло, удовольствие, хотя из-за них усиливалось и то проклятое ощущение страшной усталости, которое он испытывал на протяжении последней недели. Но Райм заставлял себя не думать об этом.

Когда Амелия закончила разговор, он спросил:

— Ты ко мне присоединишься, Сакс?

— Спрашиваешь!

— Мне хочется музыки.

— Джаза?

— Конечно.

Она взяла запись Дейва Брубека, сделанную на концерте в шестидесятые. Зазвучала «Тейк файф», волнующая и заразительная.

Сакс налила себе виски и села рядом с Линкольном. Ее взгляд продолжали притягивать доски с материалами следствия.

— Мы забыли кое о чем, Райм.

— О чем?

— О террористической группе. «Справедливость для Земли».

— Теперь это дело Макдэниела. Если бы мы нашли хоть какие-то улики, меня бы она заботила. Но… у нас ведь ничего нет. — Райм сделал еще один глоток виски и почувствовал, как нестерпимая усталость еще больше сковывает его тело и мысли. Однако еще на одну остроту он оказался способен. — Лично я думаю, что в своей «облачной зоне» они попали не на то облако.

82

Торжества по поводу Дня Земли в Центральном парке были в полном разгаре.

Приятным прохладным, хотя и немного пасмурным, вечером, в 18:20, агент ФБР стоял на самом краю Овечьей лужайки, оглядывая толпу, большую часть которой составляли протестующие по разным поводам, меньшую — отдыхающие и туристы. Толпа примерно из шестидесяти тысяч человек была одержима той или иной из нескольких модных проблем современности: глобальным потеплением, нефтью, крупным бизнесом, углекислым газом, парниковым эффектом.

И метаном…

У особого агента Тимоти Конрада глаза на лоб полезли, когда он увидел группу протестующих против выделения парнокопытными слишком большого количества кишечных газов. Метан от крупного рогатого скота, по их мнению, также пробивал дыры в озоновом слое.

До чего же дошел этот безумный мир!

На Конраде были джинсы и широкая рубашка, под которой он успешно прятал рацию и оружие. Завершали образ приклеенные усы. Жена Конрада вчера вечером решительно воспротивилась его идее провести ночь в верхней одежде, чтобы выглядеть более естественно на сходке протестующих. Она просто сделала ему искусственные складки на одежде с помощью утюга.

Тимоти не любил психически неуравновешенных либералов и людей, готовых родину продать во имя… одному Богу известно чего: спокойствия, Европы, глобализма, социализма, трусости.

И только одно объединяло его с этими людьми — озабоченность состоянием окружающей среды. Конрад обожал охоту, рыбную ловлю, пешие путешествия.

Он внимательно всматривался в толпу, поскольку, несмотря на то что преступника по кличке Часовщик задержали, Такер Макдэниел был убежден, что тайная группировка «Справедливость для Земли» продолжает замышлять что-то страшное. Совпадения по «Сигинт» были слишком убедительны, чего не мог не признать даже почти не разбиравшийся в технике Конрад. «СДЗ».

Группы агентов ФБР и полицейских были расставлены по всему городу, особенно в местах большого скопления народа: в конференц-центре на Гудзоне, в Бэттери-Парк, и здесь, в Центральном парке.

Гипотеза Макдэниела состояла в том, что предположение о связи между Ричардом Логаном, «Алгонкин» и «Справедливостью для Земли» было неправильным, но это на самом деле вовсе не исключало того, что данная группировка могла быть связана с какой-нибудь исламской фундаменталистской организацией.

Симбиотический конструкт.

Словосочетание, над которой агенты еще несколько следующих месяцев будут посмеиваться в барах.

Личная точка зрения Конрада сводилась к тому, что «СДЗ», возможно, и существовала, но являлась не более чем обычным сборищем придурков, не представлявших ни для кого реальной опасности. Он прогуливался по лужайке, стараясь не привлекать к себе лишнего внимания, но при этом постоянно присматривался к толпе в поиске людей, отвечавших характеристикам возможных участников подпольной группы. Кроме того, он следил за всеми необычными движениями рук присутствующих, высматривал рюкзаки особого образца, обращал внимание на своеобразную походку, которая могла быть следствием наличия оружия или самодельного взрывного устройства. Он выискивал бледные подбородки, свидетельствовавшие о недавно сбритой бороде, или необычное прикосновение женщины к волосам, возможно, указывавшее на то, что она впервые с детских лет сняла хиджаб.

И всякий раз он вглядывался в глаза людей в толпе.

До сих пор Конрад замечал во взглядах только благоговение, рассеянность и любопытство.

Но ничего такого, что свидетельствовало бы о намерении того или иного мужчины или женщины уничтожить большое количество людей во имя поклонения какому-то божеству. Или во имя китов, деревьев или пятнистых сов. Некоторое время он прохаживался там и сям, потом наконец остановился рядом с одной своей коллегой, мрачноватой тридцатипятилетней женщиной в длинной крестьянской юбке и широкой блузе, под которой, так же как и под рубашкой Конрада, можно было очень многое спрятать.

— Есть что-нибудь?

Вопрос совершенно бессмысленный, так как если бы она что-то заметила, то тут же позвала бы его или кого-то другого из множества дежуривших здесь представителей органов правопорядка.

Женщина отрицательно покачала головой.

Бессмысленные вопросы не заслуживали того, чтобы ответами на них сотрясать воздух, полагала Барб.

Бар-ба-ра, поправил себя Конрад. Как однажды поправила его она сама, когда они только начинали работать вместе.

— Они уже здесь? — Конрад кивнул в сторону сцены, сооруженной на южном конце Овечьей лужайки.

Он имел в виду выступления двух сенаторов, прилетевших из Вашингтона, намеченные на 18:30. Сенаторы вместе с президентом работали над проблемами охраны окружающей среды, проталкивали законопроекты, поддерживаемые «зеленым» лобби и довольно многочисленными бизнесменами, которые были готовы ввязаться в авантюры с возобновляемыми источниками энергии.

Затем должен был состояться концерт. И Конрад не мог понять, ради чего собралась здесь большая часть народа — ради речей или ради музыки. Возможно, что почитателей того или другого было примерно поровну.

— Только что прибыли, — сказала Барбара.

Они еще несколько мгновений оглядывали толпу.

— Все-таки какой-то странный акроним, — заметил Конрад. — «СДЗ».

— «СДЗ» не акроним.

— Почему?

— В акрониме все буквы должны складываться в слово, — объяснила она.

— По-английски?

Она издала снисходительный вздох.

— Если мы находимся в англоговорящей стране, то, очевидно, по-английски.

Несколько минут еще они болтали об акронимах, перечисляя известные им сокращения и пытаясь выяснить, подходят ли они под определение акронима.

И вдруг у того и у другой одновременно ожили рации, и они оба насторожились.

— Внимание, гости на сцене. Повторяю, гости на сцене.

«Гости» — эвфемизм слова «сенаторы».

Старший отдал приказ Барбаре и Конраду занять позицию у западного края сценической площадки. И они сразу же направились туда.

— А ты знаешь, ведь здесь когда-то на самом деле было пастбище для овец, — заметил Конрад. — Городские власти разрешали им тут щипать травку до тридцатых годов двадцатого века. А потом они перебрались в парк Проспект. В Бруклине. Я имею в виду овец, конечно.

Барбара посмотрела на него скучающим взглядом, словно хотела сказать: «А какое все это имеет значение?»

Конрад пропустил ее вперед на узкой тропинке.

Послышался взрыв аплодисментов, затем какие-то выкрики.

И вот оба сенатора появились на возвышении. Первый из них наклонился к микрофону и начал свою речь низким звучным голосом, разносившимся по всей Овечьей лужайке. Толпа вскоре охрипла от криков через каждые две минуты в ответ на глупые банальности, изрекаемые сенаторами.

Их речи напоминали проповеди перед сонмом верующих.

И именно тогда Конрад увидел нечто медленно продвигающееся к центру сцены, к тому месту, где стояли сенаторы. Он напрягся и рванулся вперед.

— Что такое? — успела спросить Барбара, протягивая руку к пистолету.

— «СДЗ», — прошептал в ответ Конрад и схватился за рацию.

83

В семь часов вечера Фред Дельрей вернулся в здание ФБР на Манхэттене — после того как посетил в больнице Уильяма Брента (он же Стэнли Палмер, он же множество других имен и прозвищ). Травма была очень серьезной, но Уильям наконец-то пришел в сознание. Через три-четыре дня его собирались выписать.

С Брентом уже связались городские адвокаты по поводу определения условий, на которых нужно было вести переговоры с виновником инцидента. Предлагавшаяся сумма взыскания достигала пятидесяти тысяч долларов плюс оплата счетов на лечение.

Поэтому можно сказать, что Бренту предстояли приятные моменты, по крайней мере в финансовом смысле слова. Ведь он стал получателем одновременно не облагаемой налогом компенсации по причинению вреда здоровью и той сотни тысяч, которую заплатил ему Дельрей, также не облагаемой налогом, естественно, только потому, что Нью-Йоркский департамент государственных сборов и Служба по внутреннему налогообложению никогда ничего не должны были узнать об этой сделке.

Дельрей сидел у себя в кабинете, смакуя известие об аресте Ричарда Логана, Часовщика, когда его ассистентка, крайне проницательная афроамериканка лет двадцати с небольшим, спросила у него:

— Вы слышали о происшествии на Дне Земли?

— И что там случилось?

— Подробностей не знаю. Но группа «СДЗ»…

— Что?

— «СДЗ». «Справедливость для Земли». Или как она там называется. Экотеррористическая группа.

Дельрей поставил чашку с кофе на стол. Сердце у него учащенно забилось.

— Неужели она существует?

— Да.

— Так что же все-таки случилось? — повторил он свой вопрос, но уже с явной личной заинтересованностью в голосе.

— Я слышала только то, что они проникли в Центральный парк и пробрались к тем двум сенаторам, которые приехали от президента, чтобы выступить на митинге. Босс приглашает тебя к себе. Немедленно.

— Кто-нибудь пострадал? Есть жертвы? — спросил Дельрей, опасаясь самого худшего.

— Не знаю.

С помрачневшим лицом долговязый агент поднялся с кресла и быстро двинулся по коридору. Он шел специфическим, присущим ему размашистым шагом — следствие долгой работы на улицах Нью-Йорка.

Работы, с которой теперь он собирался окончательно распрощаться. Да, ему удалось найти важную нить, которая в конечном итоге привела к поимке Часовщика. Но он не справился со своей основной задачей — поиском террористической группы.

И вот теперь Макдэниел с удовольствием воспользуется этим предлогом, чтобы втоптать его в грязь в характерной для агента манере — мрачной, энергичной и одновременно изысканной.

«Брось грызть себя попусту, — подумал Дельрей, — ты же неплохой работник…»

Проходя по коридору, он заглядывал в кабинеты, пытаясь найти кого-то, кто просветил бы его насчет инцидента, но они были пусты. Рабочий день закончился, но скорее всего большинство сотрудников находились в Центральном парке и занимались поимкой членов «Справедливости для Земли». Наверное, это главное свидетельство того, что карьера Фреда закончилась, — никто не озаботился привлечь его к проведению операции.

Однако могла быть и другая причина, в том числе и его срочного вызова к боссу: похищенные сто тысяч.

О чем он, черт возьми, думает? Он сделал это только ради любимого города и горожан, которых поклялся защищать. Но верил ли Фред в то, что его поступок сойдет ему с рук? Особенно при том, что Макдэниел

стремится поскорее от него избавиться и просматривает его отчеты с усердием страстного любителя кроссвордов.

Мог ли он надеяться, что ему удастся избежать тюрьмы?

Нет, он был совсем не уверен. С провалом операции против «Справедливости для Земли» его акции упали ниже некуда.

Вот он миновал один коридор невзрачного офисного здания, за ним другой...

Наконец Фред приблизился к кабинету начальника. Секретарша сообщила о приходе Дельрея, и он проследовал в обширное угловое помещение.

— Фред.

— Джон.

Босс, Джонатан Фелпс, которому давно перевалило за пятьдесят, пригладил свои седые волосы, зачесанные назад, и жестом предложил агенту сесть в кресло рядом с его громадным заваленным бумагами столом.

Нет, подумал Дельрей, «заваленный бумагами» — неверное определение. Бумаги на нем были разложены с предельной аккуратностью, просто их было очень много. В конце концов, они в Нью-Йорке. А в Нью-Йорке очень много проблем, которые нуждаются во внимании такого человека, как Джонатан Фелпс.

Взглянув на босса, Дельрей попытался угадать, что у того на уме, но не смог. Тот тоже на заре своей карьеры работал тайным агентом. Но Дельрей, конечно, не мог рассчитывать, что из-за общего прошлого Фелпс станет делать ему скидки. Деятельность Бюро отличало одно непререкаемое правило: федеральное законодательство и вытекающие из него нормативно-правовые акты перевешивали все остальные соображения. Кроме Фелпса, в комнате никого не было, что не удивило Дельрея. Такер Макдэниел, по всей вероятности, в настоящий момент излагает схваченным террористам их права.

— Итак, Фред, сразу перейду к делу.

— Да, конечно.

— К этой пресловутой «СДЗ».

— «Справедливости для Земли».

— Именно.

Босс вновь провел рукой по густым седым волосам, но, как ни странно, от его поглаживания они ничуть не взъерошились.

— Я просто хочу понять. Ты ведь, кажется, ничего не нашел по упомянутой группе?

— Нет, Джон. Откровенно признаться, я запорол операцию. Но я поднял на ноги все свои старые источники, отыскал полдюжины новых, всех, с кем я работаю сейчас, и десяток тех, с кем уже успел расстаться. В общем, десятка два агентов. И ничего… Ни грана информации. Прости.

— И тем не менее группой Такера Макдэниела была получена совершенно определенная информация.

«Облачная зона…»

Дельрей не собирался ни в чем уличать Макдэниела, даже иронизировать по его поводу не хотел.

— Насколько мне известно, его люди накопали массу интересных подробностей. О составе группы: этот Рахман, Джонстон. И кодовые слова об оружии. — Он тяжело вздохнул. — Я слышал, в парке произошел инцидент. Что случилось?

— О да, «СДЗ» себя проявила.

— Есть жертвы?

— У меня есть видео. Хочешь посмотреть?

«Нет, сэр, лучше бы не надо, — подумал Дельрей. — Меньше всего мне сейчас хочется смотреть на страдания людей: ведь я сам отчасти виноват в них». Еще меньше ему хотелось видеть Такера Макдэниела в роли торжествующего победителя.

Однако он сказал:

— Да, конечно, включайте.

Фелпс наклонился над своим ноутбуком, нажал несколько клавиш, затем повернул компьютер экраном к Дельрею. Тот ожидал увидеть один из типичных видеоматериалов, отснятых сотрудниками Бюро с помощью широкоугольных линз, с низкой контрастностью, чтобы выделить все подробности, и с важнейшей информацией в самом низу кадра: место съемки и точное время.

Вместо этого ему предложили просмотр новостной программы Си-эн-эн.

«Си-эн-эн?..»

Улыбающаяся женщина-репортер с прической, специально предназначенной для привлечения всеобщего внимания, с листками бумаги в руке беседовала с мужчиной лет тридцати в брюках и пиджаке, до абсурда не соответствовавших друг другу. Мужчина был коротко подстрижен и довольно смугл. Он смущенно улыбался и постоянно переводил взгляд с репортера на камеру и обратно. Рядом с ним стоял маленький рыжеволосый мальчик лет восьми.

— Насколько я понимаю, ваши ученики готовились к Дню Земли в течение нескольких последних месяцев, — сказала репортер, обращаясь к мужчине.

— Совершенно верно, — ответил тот с неуклюжей гордостью.

— Сегодня в Центральном парке собралось множество различных групп, представляющих те или иные экологические движения. Какое направление представляют ваши учащиеся?

— У них очень разнообразные интересы: возобновляемые источники энергии, опасность уничтожения джунглей, связь глобального потепления с выбросами углекислого газа, защита озонового слоя, переработка отходов.

— И кто ваш юный помощник здесь?

— Мой ученик Тони Джонстон.

Джонстон?..

— Привет, Тони. Ты можешь рассказать нашим зрителям о своем школьном клубе, в котором вы занимаетесь защитой окружающей среды?

— Гм… да… Он называется «Справедливость для Земли».

— А это ваши плакаты? Вы сделали их сами?

— Гм… да… Но, знаете, наш учитель, мистер Рахман… — он перевел взгляд на мужчину, стоящего рядом с ним, — немного нам помогал.

— Какие вы замечательные ребята, Тони! И мы должны сказать огромное спасибо тебе и всем твоим товарищам, которые учатся в третьем классе начальной школы имени Ральфа Уолдо Эмерсона в

Куинсе, и вашему классному руководителю Питеру Рахману за то, что вы еще раз убедительно продемонстрировали нам, что в вопросах защиты окружающей среды дети могут сделать не меньше взрослых… С вами была Кэйти Бригэм из…

Фелпс нажал на кнопку, и очаровательная Кэйти Бригэм вместе с группой детей из начальной школы в Куинсе исчезла. Он откинулся на спинку кресла. Дельрей не мог понять, собирается ли его шеф расхохотаться или, напротив, сказать какую-то непристойность.

— Вот откуда она взялась, ваша «Справедливость для Земли», — почти процедил Фелпс сквозь зубы и тяжело вздохнул. — Можешь себе представить, Фред, в каком дерьме мы все оказались.

Дельрей повел своими густыми бровями.

— Мы просили Вашингтон о дополнительном ассигновании нам пяти миллионов долларов помимо расходов на мобилизацию четырехсот агентов. По Нью-Йорку, Уэстчестеру, Филли, Балтимору и Бостону судьями выписано два десятка ордеров. Мы были абсолютно уверены — на основании совершенно неоспоримых данных «Сигинт», — что группа экотеррористов похуже Тимоти Маквея и бен Ладена вот-вот поставит Америку на колени в ходе теракта астрономических масштабов. А выяснилось, что самые страшные террористы всех времен и народов — это всего лишь группа восьми- и девятилетних детишек. Кодовые слова для оружия «бумага и оборудование»? Они означали только бумагу и школьное оборудование. И обмен информацией происходил вовсе не в «облачной зоне», а в ходе самого обычного детского общения после обеда в начальной школе. Женщина, работающая с Рахманом? Скорее всего за женщину приняли маленького Тони, так как у него пока очень высокий голос… Слава Богу, мы не получили сообщений по «Сигинт» о ком-то, кто, например, «выпускает голубей» в Центральном парке, так как в подобном случае нам, вероятно, пришло бы в голову нанести предупредительный ракетный удар.

Наступила тяжелая пауза.

— Не вижу злорадства, Фред.

Дельрей пожал своими худыми плечами.

— Ты хочешь занять пост Такера?

— А его куда?..

— Куда угодно. В Вашингтон. Какое это имеет значение?.. Ну? Место моего заместителя? Если согласен, можешь приступить к исполнению обязанностей уже сегодня.

Дельрей не колебался.

— Нет, Джон. Спасибо, но нет.

— Ты один из наших самых уважаемых агентов. Многие стараются брать с тебя пример. Я прошу тебя серьезно обдумать мое предложение.

— Я хочу продолжать заниматься тем, чем занимался раньше. Это для меня очень важно.

— Ты настоящий ковбой, — усмехнулся Фелпс. — Ну что ж, а теперь тебе, вероятно, лучше вернуться к себе в кабинет, так как сюда уже идет Макдэниел для нелегкого разговора со мной. И у меня есть основания полагать, что тебе не хочется с ним встречаться.

— Наверное, вы правы.

Когда Дельрей подошел к двери, босс внезапно его окликнул:

— Фред, есть кое-что еще.

Дельрей резко остановился.

— Ты ведь работал с делом Гонсалеса?

Дельрею частенько приходилось не моргнув глазом залезать в самые отвратительные и опасные дыры города. И вот теперь он почувствовал, как застучала кровь у него в висках.

— Имеется в виду облава на торговцев наркотиками на Стейтон-Айленде? Да.

— Создается впечатление, что возникла некоторая путаница.

— Путаница?

— Да, с материалами дела.

— Вот как?

Фелпс протер глаза.

— В ходе ареста ваши группы насчитали тридцать килограммов наркотиков, пару десятков разных видов оружия и довольно крупную сумму денег.

— Совершенно верно.

— В пресс-релизе говорилось, что общая конфискованная сумма составила миллион сто тысяч. И вот сейчас мы готовим дело для представления Большому жюри присяжных, а в сейфе для хранения конфискованных денег всего один миллион.

— Мы ошиблись на сто тысяч долларов?

Фелпс наклонил голову.

— Нет, думаю, что вы не ошиблись. Здесь что-то еще.

— Угу. — Дельрей глубоко вздохнул: «Ну вот... начинается».

— Я просматривал отчеты, и, как ни странно, второй ноль в карточке по охране вещественных доказательств, ноль после первого миллиона, довольно слабо просматривается. Если на него взглянуть не очень внимательно, можно принять его за единицу. Кто-то, видимо, именно так и сделал и дал в пресс-релизе неверную информацию. И они написали «миллион сто».

— Понимаю.

— Просто на всякий случай нужно было поставить тебя в известность. Всего лишь опечатка. Общая сумма, конфискованная сотрудниками Бюро в ходе дела Гонсалеса, составляла ровно один миллион. Такова официальная точка зрения.

— Да, конечно. Спасибо, Джон.

Фелпс нахмурился:

— За что?

— За то, что вы все разъяснили.

Кивок. Кивок со значением, и значение его было верно истолковано Дельреем.

— Кстати, ты очень хорошо сработал в деле поимки Ричарда Логана. Несколько лет назад у него был план уничтожить полсотни военных и

сотрудников Пентагона. Ну и кое-кого из наших. Я рад, что теперь он навеки останется за решеткой.

Дельрей повернулся и вышел из кабинета. Вернувшись к себе, он ограничился коротким нервным хохотом.

Третьеклассники?..

Затем вынул мобильник — послать эсэмэску Серене, что скоро будет дома.

84

Линкольн Райм поднял голову и увидел на пороге Рона Пуласки.

— Новичок, что ты здесь делаешь? Я думал, ты проводишь опись вещественных доказательств в Куинсе.

— Да, я был там. Но только… — Его голос сорвался, словно заглохший мотор автомобиля.

— Только — что?

Время приближалось к девяти часам вечера, и они были одни в гостиной у Райма. С кухни доносились приятные домашние звуки — Амелия с Томом готовили ужин. Райм вспомнил, что уже давно миновало время его повседневного коктейля, и сейчас Линкольна немного раздражало, что никто не позаботился налить виски в его пластиковый бокал.

Оплошность, которую по его указанию исправил Рон.

— Это не двойной, — буркнул Райм.

Пуласки его не услышал. Он подошел к окну и уставился на улицу.

Сцена как будто из старого английского фильма, подумал Райм, и начал потягивать любимый напиток через соломинку.

— В общем, я принял решение. И хотел сообщить о нем вам первому.

— В общем? — переспросил Райм.

— Я хотел сказать, что принял решение.

Райм поднял бровь. Он не собирался подталкивать Пуласки к исповеди. Интересно, что же последует за таким вступлением, подумал он, хотя, вероятно, уже знал что. С одной стороны, вся жизнь Райма была

посвящена науке, но с другой — ему приходилось руководить сотнями подчиненных и полицейских. И, несмотря на его раздражительность, грубоватость, приступы дурного настроения, он всегда был рассудительным и справедливым боссом.

По крайней мере пока вы честно выполняли свою работу.

— Продолжай, Новичок.

— Я ухожу.

— Откуда?

— Из полиции.

— А...

Райм стал обращать внимание на язык тела с тех самых пор, как познакомился с Кэтрин Дэнс, и понял, что сейчас Пуласки излагает перед ним давно и много раз отрепетированный текст.

Рон провел рукой по своим коротко остриженным светлым волосам.

— Уильям Брент.

— Агент Дельрея?

— Да, сэр.

Райм хотел было напомнить молодому человеку о том, что он не любит, когда к нему обращаются с такой официальной почтительностью, но вместо этого только сказал:

— Продолжай, Пуласки.

С мрачным лицом и потемневшим от бесконечных раздумий взглядом Рон уселся в скрипучее плетеное кресло рядом с Раймом.

— Дома у Гальта я был очень напуган. У меня началась паника. Я утратил здравый смысл. И забыл о своих обязанностях. — И, как бы подводя итог, добавил: — Я не смог оценить ситуацию должным образом и повести себя так, как требовали обстоятельства.

Он напоминал школьника, который не знает толком ответов на тест и потому быстро их проговаривает в надежде на то, что какой-нибудь из них попадет в цель.

— Он же вышел из комы.

— Но он мог умереть.

— И по этой причине ты собираешься уйти?

— Я совершил ошибку, которая едва не стоила человеку жизни… Я не могу ручаться, что сумею выполнять свои обязанности с необходимой эффективностью.

Господи, где он только таких слов набрался?

— Речь идет о несчастном случае, Новичок.

— Который мог бы и не произойти.

— То же самое можно сказать обо всех несчастных случаях.

— Вы прекрасно понимаете, что я имею в виду, Линкольн. Я все обдумал.

— А я все-таки считаю, что ты должен остаться. Уход из полиции будет для тебя ошибкой.

— Сейчас вы, наверное, будете говорить о том, как я талантлив и что могу принести большую пользу?

На лице полицейского появилось скептическое выражение. Парень был все еще очень молод, но сейчас выглядел намного старше того Рона Пуласки, с которым несколько лет назад познакомился Линкольн. Работа в полиции быстро старит людей. «Так же как и работа со мной», — подумал Райм.

— Знаешь, почему ты не можешь уйти? Потому что если ты уйдешь, то будешь самым настоящим лицемером.

Пуласки непонимающе заморгал глазами.

— Ты упустил свой шанс, — продолжал Райм, и в его голосе зазвучали жесткие нотки.

— Что это значит?

— Я объясню. Так случилось, что ты облажался и по твоей вине серьезную травму получил какой-то человек. Но когда выяснилось, что Брент — преступник с большим стажем, ты решил, что получил помилование. Так?

— Ну… думаю, что… наверное…

— И тебя внезапно перестало волновать твое собственное преступление. И по какой же причине? По той, что пострадавший не совсем человек, а тот, кто не заслуживает такого высокого звания, — уголовный преступник. Ведь так?

— Нет, я просто…

— Позволь мне закончить. В то мгновение, когда ты сбил этого парня, тебе нужно было сделать выбор. Либо ты решал, что совершил нечто несовместимое с твоим пребыванием в полиции и в таком случае должен был либо сразу же подать в отставку, либо принять случившееся и научиться с ним жить. И не имеет никакого значения, кто был человек, пострадавший по твоей вине: серийный убийца или проповедник в его приходе. Теперь же, по прошествии времени, хныкать по поводу случившегося — значит, проявлять элементарную интеллектуальную нечестность.

Глаза парня сузились от гнева, он собирался что-то возразить, но Райм продолжал:

— Ты совершил ошибку, а вовсе не преступление… В нашем деле случаются ошибки. Но проблема в том, что нашу ошибку нельзя сравнивать с промахом бухгалтера или сапожника. Наша оплошность часто может стать причиной гибели человека. Но если мы из-за нее остановимся и будем стоять сложа руки, оплакивая собственную несостоятельность, то так никогда не сможем ее исправить. Мы будем постоянно оглядываться на нее, а вокруг нас станут погибать люди только потому, что из-за своей прошлой вины мы не сможем добросовестно выполнять свою нынешнюю работу.

— Легко вам говорить, — злобно огрызнулся Пуласки.

Правильная реакция, подумал Райм, но сохранил мрачное и серьезное выражение лица.

— Вы же сами в такую ситуацию никогда не попадали, — пробормотал молодой человек.

Конечно, попадал. И совершал ошибки. Десятки, если не сотни ошибок. Много лет назад Райм совершил ошибку, из-за которой погибли ни в чем не повинные люди и в результате которой он, расследуя обстоятельства происшедшего, познакомился с Амелией Сакс. Но Линкольну не хотелось в данный момент прибегать к аргументации «братьев по несчастью».

— Не в этом же суть, Пуласки. Суть в том, что ты уже принял решение. Вернувшись сюда с уликами из квартиры Гальта, после того как сбил Брента, ты потерял право на отставку. Поэтому здесь говорить уже больше не о чем.

— Воспоминания меня просто изводят.

— Значит, пора сказать им, какими бы они ни были: прекратите меня изводить. Важной частью умения быть хорошим полицейским является способность построить прочную стену между сегодняшним днем и днем вчерашним.

— Линкольн, вы меня не слушаете.

— Я тебя выслушал, обдумал все твои аргументы и отверг их. Они неосновательны.

— Для меня они вполне основательны.

— Нет, ты ошибаешься, и я объясню тебе почему. — Мгновение Райм колебался. — Потому что они неосновательны для меня… а мы с тобой очень похожи, Пуласки. Мне чертовски не хочется это признавать, но от правды не уйдешь.

Молодой человек изумленно взглянул на Райма.

— А теперь забудь все то дерьмо, которым ты тут забивал мне уши. Я рад, что ты пришел, так как ты мне нужен для одной работы. В…

Пуласки холодно рассмеялся.

— Я ничего не собираюсь делать. Я подаю заявление об уходе. И я не буду вас слушать.

— Как бы то ни было, ты же не уходишь прямо сейчас. Ты можешь сделать это через несколько дней. Ты мне нужен. Дело — твое дело не в меньшей степени, чем мое — еще не закончено. Мы должны быть уверены, что Логану не удастся уйти от ответственности. Ты согласен со мной?

Тяжелый вздох.

— Согласен.

— До того как Макдэниела сняли с должности и отправили в «облачную зону» или куда-то еще, он успел поручить своим людям провести обыск кабинета Боба Кавано. Нас они туда не пригласили. Сотрудники отдела

по сбору и работе с вещественными доказательствами ФБР — вполне профессиональные ребята, я к ним претензий не имею. Но мне хотелось бы, чтобы и наши люди поучаствовали в криминалистической экспертизе. И я хочу, чтобы этим занялся именно ты. Логан говорил, что существует целый картель, и нам нужно сделать все, чтобы никому из его членов не удалось выйти сухим из воды.

Недовольная гримаса на лице у Рона, выражающая смирение с неизбежным.

— Хорошо, я сделаю. Но ваше поручение будет моим последним в полиции.

Покачав головой, молодой человек буквально вылетел из комнаты.

Линкольн Райм с трудом подавил улыбку, пытаясь губами найти соломинку, торчащую из бокала с виски.

85

Линкольн Райм снова остался один.

Рон Пуласки отправился выполнять его поручение в «Алгонкин консолидейтед». Мел Купер и Лон Селлитто разъехались по домам. Роланд Белл сообщил, что Ричарда Логана поместили в надежное особое отделение тюрьмы в центре Нью-Йорка.

Амелия Сакс тоже находилась в центре города, занималась кое-какими бумагами, а теперь должна была отправиться в Бруклин. Райм надеялся, что она немного отдохнет после напряженного расследования и покатается на своей любимой «кобре-торино». Иногда Амелия брала с собой в такие поездки Пэмми, и девочка потом вспоминала о них как о «потрясных», что для нее было высшим выражением восторга.

И Райм прекрасно знал, что девочке не грозит никакая опасность. Каким бы лихим ездоком ни была Амелия, но, когда сидела в машине не одна, с пассажиром — а в особенности с ребенком, — всегда чувствовала ответственность и умела нажать на тормоз, ограничив, когда нужно, свою любовь к скорости.

Том тоже отсутствовал. Он был у своего друга, репортера из «Нью-Йорк таймс». Рестон не хотел уходить, боясь каких-либо неожиданных последствий приступа дисрефлексии или даже его повторения. Но криминалист настоял, чтобы Том отправился по своим делам.

— У тебя есть комендантский час, — бросил ему Райм. — Полночь.

— Линкольн, я вернусь раньше...

— Нет. Возвращайся после полуночи. Комендантский час отменяется.

— Это какое-то безумие. Я не пойду...

— Уволю без лишних слов, если вернешься раньше.

Помощник внимательно посмотрел на него и сказал:

— Ладно. Спасибо.

Райма раздражали любые проявления благодарности. Отвернувшись от Тома, он продолжил сортировать на компьютере списки материалов следствия, которые в скором времени будут переданы прокурору для ведения процесса, каковой должен был завершиться безусловным признанием Часовщика виновным по огромному количеству обвинений, включая и те, что ранее, как правило, завершались смертным приговором. И, конечно, он получит такой приговор, но в Нью-Йорке, в отличие от Калифорнии и Техаса, рассматривали закон о высшей мере наказания как некое уродливое родимое пятно, которое следует прятать. И Райм совершенно искренне признался Родольфо Луне, что не верит, что смертный приговор Логану будет когда-либо приведен в исполнение.

Другие судебные округа также будут претендовать на Логана. Но задержали его в Нью-Йорке, поэтому им придется дожидаться своей очереди.

В глубине души Райм уже смирился с тем, что Логана приговорят к пожизненному заключению. Если бы его убили здесь в ходе перестрелки, такой конец стал бы для него самым достойным и честным. Однако и то, что он благодаря Райму проведет остаток жизни за решеткой, казалось криминалисту вполне удовлетворительной развязкой. Смертельная инъекция в его понимании была чем-то унизительным. Оскорбительным. И Райму не хотелось быть причастным к этому унижению.

Наслаждаясь одиночеством, Райм надиктовал на магнитофон несколько страниц отчетов. Некоторые криминалисты пишут лирические, драматические или даже поэтические отчеты. У Райма был совсем другой стиль. Его язык был скуп и напоминал жесткий и хорошо закаленный металл, а не резное дерево. Он еще раз прослушал надиктованное и остался доволен, хотя его немного раздражали некоторые пропуски. Еще не прибыли результаты некоторых анализов. Как бы то ни было, Райм напомнил себе, что нетерпение тоже грех, хотя

и не столь серьезный, как небрежность, и что никакой катастрофы не произойдет, если он задержит отчет еще дня на два.

Ладно, все хорошо, решил Райм.

Линкольн окинул взглядом лабораторию, которую Мел Купер оставил в идеальном порядке. Сейчас он, по-видимому, поехал к матери в Куинс, где и жил, или же, забежав к ней на несколько минут, отправился к своей скандинавской подружке, и теперь они вовсю отплясывают на каком-нибудь танцполе в Мидтауне.

Почувствовав небольшую головную боль, похожую на ту, что он испытывал раньше, Райм бросил взгляд на полку с лекарствами и заметил пузырек с клофелином, сосудорасширяющим средством, которое, по всей вероятности, спасло ему жизнь несколько часов назад. Ему пришла в голову странная мысль: если сейчас с ним случится приступ, то он скорее всего умрет, хотя пузырек находится всего в нескольких дюймах от его руки. Но для него дюймы теперь были сравнимы с милями.

Затем Райм перевел взгляд на знакомые доски с материалами следствия, заполненные записями Сакс и Мела Купера. Что-то на них было не очень аккуратно стерто, что-то перечеркнуто, что-то начато и не дописано, масса орфографических и других ошибок. Как же это похоже на процесс ведения следствия!

Потом он окинул взглядом свое оборудование: устройство измерения градиента плотности, пинцеты и пузырьки, флаконы, суперсовременный сканирующий электронный микроскоп, спектрометр, неуклюжий и суровый в своем молчании. Райм вспомнил о бесчисленных часах, проведенных за этими устройствами и их предшественниками, вспомнил звук, который издавало каждое из них, запах, возникавший в тот момент, когда он приносил в жертву с таким трудом полученную улику пылающему сердцу спектрометра, чтобы узнать, с каким веществом они имеют дело. И часто подобное решение давалось ему очень тяжело: ведь, уничтожая единственную улику ради того, чтобы установить личность и место пребывания преступника, вы тем самым из-за отсутствия вещественного доказательства ставили под угрозу вынесение обвинительного приговора на суде.

Линкольн Райм почти всегда делал выбор в пользу принесения улики в жертву ради отыскания истины.

Он вспомнил грохот механизма у себя под рукой, когда его рука еще была способна ощущать грохот.

Криминалист перевел взгляд на извивающиеся провода, которые переплелись на паркетном полу, вспомнил ощущения толчков — конечно, только в челюсти и голове, — когда его кресло переезжало их по дороге от лабораторного стола к компьютерному монитору.

Провода...

Затем он проехал в кабинет и там стал рассматривать семейные фотографии. Вспомнил кузена Артура. Дядю Генри. И своих родителей.

Ну и, конечно, Амелию Сакс. Он никогда не забывал об Амелии.

Приятные воспоминания вдруг сменились мыслью о том, что его сегодняшняя ошибка чуть не стоила ей жизни из-за того, что его непокорное тело предало их всех: самого Райма, и Сакс, и Рона Пуласки. И кто знает, скольких полицейских из отряда быстрого реагирования, которые погибли бы от удара током, начав штурм школы в Чайна-тауне.

Дальше его мысли продолжали развиваться по спирали, и Линкольн подумал, что инцидент в школе был как бы символом их отношений. Конечно, они любили друг друга, но он не мог отрицать того, что приковал Амелию к себе, что с ним она могла лишь частично реализовать себя и что с другим человеком или даже одна она была бы более свободной.

Его размышления вовсе не были разновидностью жалости к себе. Более того, благодаря им Райм ощутил какое-то странное воодушевление. Он представил, что было бы, останься она одна. Без всякого сострадания к себе Линкольн начал развивать этот сценарий. И пришел к выводу, что жизнь Амелии Сакс сложилась бы превосходно. Представил, как через несколько лет Рон Пуласки и Амелия Сакс будут вместе вести криминалистическое расследование.

И вот в тихом кабинете, расположенном через коридор от лаборатории, в окружении семейных фотографий, Райм бросил случайный взгляд на предмет, лежащий на столике рядом с ним — яркую брошюру в глянцевой обложке, которую оставил пропагандист эвтаназии Арлен Копески.

«Ваш выбор...»

Райма удивило, что брошюра была очень умно выполнена. Создатели книжки предназначали ее для тяжелых инвалидов. Ее не нужно было перелистывать, чтобы найти необходимую информацию. Телефонный номер организации, занимающейся эвтаназией, был напечатан на

первой странице очень крупным шрифтом — на тот случай если состояние больного было связано в том числе и с ухудшением зрения.

Райм смотрел на брошюру, и мысли у него в голове мелькали в бешеном темпе. План, который приобретал все более определенные очертания, требовал некоторой подготовки.

И конечно же, секретности.

Тайных переговоров и даже подкупа.

Но такова жизнь полностью парализованных людей — жизнь, в которой мысли текут свободно и легко, а вот телесные передвижения связаны с чрезвычайными сложностями.

Реализация этого плана потребует определенного времени. В нашей жизни все, что имеет хоть какое-то значение, происходит медленно. И Райм был переполнен восторгом, который сопровождает принятие важного решения.

Главное, что заботило его сейчас — необходимость обеспечить возможность представления его свидетельских показаний на суде против Часовщика в отсутствие самого Райма. Для подобных случаев существует специальная процедура — письменное показание под присягой. Кроме того, Сакс и Мел Купер — свидетели обвинения с огромным опытом. И Райм был уверен, что и Рон его не подведет.

Завтра по телефону он побеседует с прокурором и попросит, чтобы к нему домой зашел судебный стенографист и взял у него показания. Том не обратит на это внимания.

Улыбающийся Линкольн Райм вернулся в пустую лабораторию со всей ее хитроумной электроникой и оборудованием и — да, конечно, — проводами, благодаря которым он завтра будет вести ту важную для него телефонную беседу, о которой Райм думал — не постоянно, нет, а только время от времени — практически с того самого момента, как был арестован Часовщик.

Десять дней после Дня Земли.

IV

ПОСЛЕДНЕЕ ДЕЛО

Моя главная разминка в течение дня — переход от одного лабораторного стола к другому. Я получаю от этого гораздо больше пользы и удовольствия, чем некоторые мои друзья и конкуренты от игры в гольф.

Томас Эдисон

86

Амелия Сакс и Том Рестон влетели в двери больницы. Оба молчали.

В вестибюле и коридорах царила тишина, совершенно необычная для субботнего вечера в Нью-Йорке. Как правило, в медицинских учреждениях в такое время властвует хаос: они полны жертв дорожных происшествий, отравления алкоголем, передозировки наркотиков и, конечно, поножовщины и перестрелок.

Здесь, однако, атмосфера была до жути спокойной.

Сакс остановилась и окинула мрачным взглядом указатели, развешанные по стенам. Затем махнула рукой, и они проследовали по плохо освещенному коридору в подвальное помещение больницы.

Там они снова остановились.

— Сюда? — прошептала Сакс.

— Указатели какие-то дурацкие. Ничего не разберешь.

В голосе Тома звучало раздражение, но Сакс понимала, что оно вызвано главным образом волнением.

— Туда.

Они пошли дальше по коридору мимо уголка, где за высокой стойкой сидели медсестры, спокойно болтая о чем-то. Стол был завален бумагами, папками и журналами с головоломками, заставлен кофейными чашками и косметикой. Взглянув на журналы, Сакс заметила, что там много судоку, и в который уже раз задалась вопросом, почему эта игра приобрела такую популярность. У Амелии на нее никогда не хватало терпения.

Она решила, что, по-видимому, в здешнем отделении сотрудникам не приходилось так часто бросаться на спасение пациентов, как в телесериалах о больницах.

Они подошли к следующей стойке, за которой сидела одинокая сестра средних лет, и Сакс произнесла только одно слово:

— Райм.

— А, да, — отозвалась сестра, подняв глаза от каких-то бумаг. Ей не нужно было искать его по журналам и историям болезней. — А кто вы?

— Его компаньон, — ответила Амелия.

Она несколько раз пользовалась этим словом в самых разных ситуациях, профессионального и личного свойства, но до сегодняшнего дня не чувствовала его абсолютную неадекватность. И сейчас возненавидела это слово.

Том представился как специалист по уходу за тяжелобольными. Что тоже отдавало фальшью.

— Боюсь, что мне неизвестны подробности, — сказала сестра, словно отвечая на незаданный вопрос Амелии. — Пойдемте со мной.

Суровая женщина провела их по коридору, еще более мрачному, чем предыдущий. Безукоризненно чистому, хорошо распланированному и… отвратительному.

Наверное, это самое точное и объективное слово для описания больниц.

Когда они подошли к комнате с открытой дверью, сестра с сочувствием в голосе произнесла:

— Пожалуйста, подождите здесь. Сейчас кто-нибудь подойдет.

И в то же мгновение она исчезла, словно боясь, что кто-то из них схватит ее и начнет допрашивать. Впрочем, Сакс была почти готова это сделать.

Они с Томом вошли в комнату ожидания. Она была пуста. Лон Селлитто и двоюродный брат Райма, Артур, со своей женой Джуди должны были вот-вот приехать. Мать Сакс, Роуз, тоже. Пожилая женщина собиралась приехать на метро, но Амелия настояла, чтобы она взяла такси.

Они сидели в полном молчании. Амелия взяла журнальчик с судоку и стала его перелистывать. Том взглянул на Сакс, сжал ее руку и откинулся на спинку стула. Было странно видеть его, постоянно подтянутого, в таком состоянии.

— Он ничего не сказал, — пробормотал Том. — Ни слова.

— Это тебя удивляет?

Он хотел было ответить утвердительно, потом, запрокинув голову, тихо произнес:

— Нет.

В комнату вошел человек в деловом костюме и сбившемся набок галстуке, взглянул на лица Амелии и Тома и решил подождать в другом месте. Сакс его поняла.

В такие минуты не хочется, чтобы рядом с тобой было много чужих людей.

Амелия опустила голову на плечо Тому, он обнял ее. Она успела забыть, какой он сильный.

Этот вечер стал кульминацией самого странного и, наверное, самого тяжелого дня за всю ее жизнь с Раймом. Утром, когда Амелия приехала из Бруклина, где провела ночь, она сразу же обратила внимание на то, как напряженно Том смотрит на входную дверь. Он глядел куда-то мимо нее и мрачно хмурился.

— Что такое? — спросила Сакс и оглянулась.

— Он не с тобой?

— Кто?

— Линкольн.

— Нет.

— Черт! Он исчез.

Благодаря весьма мобильному и надежному креслу «Сторм-эрроу» передвижениям Райма мог позавидовать любой парализованный: порой он выезжал на нем из дома в Центральный парк без всякого сопровождения. Хотя, с другой стороны, прогулки мало интересовали Райма, он предпочитал проводить время в лаборатории, в окружении своего оборудования, в интеллектуальных сражениях с загадками, которые ему предлагало очередное расследование.

Сегодня по просьбе Райма Том разбудил его довольно рано, одел и перенес в кресло, после чего криминалист сказал:

— Я собираюсь на одну встречу за завтраком.

— И куда мы направляемся? — спросил Том.

— Я — местоимение первого лица единственного числа, Том. Мы — местоимение множественного числа. Также первого лица, но, кроме

этого, у них нет ничего общего. Тебя на встречу не пригласили ради твоего же блага. Тебе там будет скучно.

— Мне никогда не скучно рядом с тобой, Линкольн.

— Ха! Я скоро вернусь.

Криминалист был в таком хорошем расположении духа, что Том согласился.

И вот Райм не вернулся.

Прошел час после приезда Сакс, и удивление переросло в тревогу. И в ту же самую минуту они оба получили электронное письмо, которое звоном огласило компьютеры и айфоны. Оно было лаконичным и деловым, как все послания Линкольна Райма.

Том, Сакс…

После долгих раздумий я пришел к выводу, что не хочу больше жить в моем нынешнем состоянии…

— Нет… — выдохнул Том.

— Читай дальше.

Последние события однозначно продемонстрировали, что определенные проявления моего заболевания более неприемлемы для меня. Я принял свое решение под влиянием двух соображений. После визита Копески я понял, что, с каким бы отвращением ты ни относился к самой идее самоубийства, существуют ситуации, когда риск смерти не должен удерживать тебя от принятия решения.

Вторая причина — встреча со Сьюзан Стрингер. Она сказала, что случайных совпадений не бывает, что судьба привела ее ко мне специально с информацией о Пембрукском спинномозговом центре.

Я несколько раз связывался с центром и договорился о четырех процедурах на протяжении ближайших восьми месяцев. Первая из них вот-вот начнется.

Конечно, не исключена возможность того, что мне придется отменить три другие процедуры, однако следует подождать и посмотреть. Если все пойдет так, как я надеюсь, то через день или два я сообщу вам все кровавые подробности операции. Если нет… тогда, Том, ты знаешь, где находятся мои бумаги. Да, кстати, я кое-что забыл упомянуть в своем

завещании: передай все мое виски моему двоюродному брату Артуру. Он должен оценить подарок.

Сакс, я оставил еще одно письмо для тебя. Том тебе его передаст.

Простите меня за то, что организовал все таким образом, но думаю, что в такой хороший день у вас найдутся более приятные занятия, чем провожать в больницу инвалида и впустую тратить время. Кроме того, вы меня хорошо знаете. Я многое предпочитаю делать самостоятельно — удовольствие, которого был практически лишен последние несколько лет.

Всю необходимую информацию вам передадут сегодня после обеда или ближе к вечеру.

Что касается нашего последнего дела, Сакс, то мне, конечно, хотелось бы давать показания против Часовщика лично, но если все пойдет не так, как я рассчитываю, то имейте в виду, что я оставил свои заверенные письменные показания у прокурора штата. Со всем остальным ты, Мел и Рон сможете справиться без меня. Сделайте все, что от вас зависит, чтобы мистер Логан провел остаток жизни в тюрьме.

Свое письмо я хотел бы закончить словами человека, которого вы очень хорошо знаете и которые очень точно характеризует мое нынешнее состояние: «Времена меняются, и мы должны меняться вместе с ними. Как бы велики ни были риски. От чего бы нам ни пришлось отказываться».

Линкольн Райм.

И вот теперь они сидели и ждали в этой отвратительной больнице.

Наконец появился официальный представитель ее руководства. В комнату вошел высокий мужчина с седеющими волосами, стройный, в зеленом халате.

— Вы Амелия Сакс?

— Да.

— А вы Том?

Кивок.

Мужчина оказался главным хирургом Пембрукского спинномозгового центра.

— Операция завершилась успешно, но он пока еще без сознания.

Врач сообщил им еще несколько чисто технических деталей. Сакс кивала, внимательно слушая информацию. Часть ее производила впечатление вполне благоприятной, другая часть настораживала. Но главное, что отметила для себя Амелия, было то, что он не ответил на основной вопрос. Не об успешности проведения операции с технической точки зрения, а о том, очнется ли Линкольн Райм и когда это произойдет.

Когда она напрямую спросила об этом, хирург ответил кратко:

— Мы не знаем. Нужно ждать.

87

Бороздки на подушечках наших пальцев возникли вовсе не для того, чтобы помочь криминалистам находить преступников и приводить их на скамью подсудимых, а чтобы все необходимое и ценное, что удается людям взять в свои хрупкие руки, не выскальзывало из них.

Мы ведь лишены цепких когтей, и наш мышечный тонус — приношу свои извинения всем поклонникам атлетической гимнастики — производит поистине жалкое впечатление по сравнению с силой мускулатуры любого дикого животного, сравнимого с человеком по весу.

Официальное название узоров на подушечках наших пальцев (на руках и ногах) — узоры гребешковой кожи — от слова «грести», что раскрывает их исходное предназначение.

Линкольн Райм бросил взгляд в сторону Амелии Сакс, которая находилась на расстоянии десяти футов от него. Она спала в кресле, свернувшись калачиком, и казалась удивительно спокойной и умиротворенной. Густые рыжие волосы закрывали половину ее лица.

Была почти полночь.

Он вернулся к размышлению о завитках гребешковой кожи. Они покрывают фаланги пальцев рук и ног, а также ладони и ступни. Человека можно уличить в совершении преступления на основании отпечатка ступни с тем же успехом, как и на основании отпечатка пальца, хотя обстоятельства такого преступления, по-видимому, будут несколько необычными.

Людям уже очень давно было известно об индивидуальном характере завитков гребешковой кожи — эта их особенность использовалась восемьсот лет назад, когда вместо подписи под документом неграмотные

ставили отпечаток пальца, — но лишь в девяностые годы XIX века их стали использовать в криминалистике для установления причастности подозреваемого к данному преступлению. Первый отдел сличения отпечатков пальцев в правоохранительном учреждении возник в Калькутте, в Индии, под руководством сэра Эдварда Ричарда Генри; его имя и было присвоено системе классификации отпечатков пальцев, которая используется в полиции по сей день.

Причина этих странных размышлений Райма над значением отпечатков пальцев была очень проста — в данный момент он смотрел на собственные пальцы. В первый раз за много лет.

Впервые с несчастного случая в подземке.

Он поднял правую руку, согнул в локте, запястье и ладонь повернул таким образом, чтобы видеть ее поверхность, и теперь внимательно рассматривал узор на ней. Райм был преисполнен восторга, того же чувства, которое посещало его, когда ему удавалось отыскать крошечное волокно, микроскопический след, едва различимый отпечаток в грязи, которые позволяли ему однозначно связать подозреваемого с данным преступлением.

Операция удалась: имплантация проводов, компьютера, управляемого движениями его головы и плеч выше места травмы. Он начал осторожно напрягать мышцы шеи и плеч, чтобы поднять руку и повернуть запястье. Его давней мечтой было увидеть собственные отпечатки пальцев, и Райм дал себе зарок: если он когда-нибудь вновь обретет способность двигать руками, то первым делом внимательно рассмотрит все линии на ладонях и пальцах.

Конечно, ему еще предстояло длительное лечение. И еще несколько операций по переносу нагрузки на периферийные нервы, что вряд ли повысит его мобильность, но улучшит отправление некоторых телесных функций. Затем начнется терапия стволовыми клетками. Ну и физическая реабилитация: бегущая дорожка, велосипед и множество других упражнений.

Конечно, нужно отдавать себе отчет в том, что в полном объеме он уже никогда не восстановится, поэтому работе Тома опасность не грозила. Даже если руки и ноги Райма вновь обретут способность двигаться, даже если его легкие будут работать лучше, чем когда-либо раньше, и даже если функции кишечника и мочевого пузыря приблизятся к относительной норме, в любом случае тактильную чувствительность восстановить не удастся, он будет по-прежнему подвержен опасности сепсиса и, по всей вероятности, еще много лет — а возможно, и никогда — не сможет ходить. Но в данный момент это не заботило Линкольна

Райма. По опыту работы в криминалистике он знал, что очень редко твоя деятельность, какой бы она ни была, имеет стопроцентный КПД. Тем не менее — при наличии упорства, с одной стороны, и благоприятных обстоятельств — с другой (Райм не признавал понятия «удача») он мог многого достичь. Да уже достигнутого на данный момент было вполне достаточно для продолжения работы по поиску преступников и привлечению их к ответственности. Кроме того, Линкольн Райм принадлежал к людям, которые не могут жить без цели. Он жил — как хорошо было известно Сакс, — чтобы заполнять пробелы. Его жизнь была бессмысленна без направления — направления движения.

И теперь, осторожно двигая мышцами шеи, он повернул ладонь и опустил ее на кровать. В это мгновение своими движениями Райм очень напоминал новорожденного жеребенка.

Его охватила внезапная усталость, сказывались также и последствия применения лекарств. Линкольн готов был в то же мгновение отключиться, но попытался на несколько минут отсрочить неминуемый переход в зону сна. Некоторое время Райм любовался лицом Амелии Сакс, бледным, почти невидимым из-за густых волос и чем-то напоминающим луну в момент затмения.

Примечания

1

Пригородная нью-йоркская электричка. — *Здесь и далее примеч. пер.*

2

Кинесика — наука о языке жестов.

3

Самодельное взрывное устройство.

4

Мом (Mom) — по-английски «мама».

5

Форма склероза.

6

Перевод А. Пустогарова.

7

Перевод А. Пустогарова.

8

Персонаж американского комедийного телесериала «Я люблю Люси» (1951–1957).

9

Тюрьма под Нью-Йорком.